

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ
ЗЛОВЕЩИЕ
МЕРТВЕЦЫ

Зловещие мертвецы

серия

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ

книга первая

“ДЕКОМ” Нижний Новгород

“ИМА — пресс” Москва

1992

ББК 84.4 Англ.
84.7 США

Страшные истории разных стран и народов в сборнике "Зловещие мертвецы" от типично американских стремительных рассказов мэтра фильмов ужасов Альфреда Хичкока до мрачных подземных легенд Герберта Лавкрафта; от коллекции старого корнуэльского фольклора, собранной мистером Четвиндом-Хэйес до африканского вуду из страшных случаев, рассказанных мистером Ван Талом; от привидений всемирно признанного Джона Б. Пристли до страшных историй островов Карибского моря, собранных малоизвестным американским пастором Вэйтхэдом.

З $\frac{470301010}{Д\ 05\ (03)} - \frac{6}{92}$

© Составление.
"ИМА—пресс, 1992
© Оформление.
"ДЕКОМ", 1992

ISBN 5—80050—006—1

Криминальный магазин
Альфреда Хичкока

ПОТОМКИ НОЯ

Было немногим больше трех ночи, когда мистер Кетчум миновал дорожный указатель с надписью: «Захария: население 67». Из его горла вырвался приглушенный стон. Еще один в бесконечной цепочке прибрежных городков штата Мэн. На секунду прикрыв глаза, мистер Кетчум тотчас же открыл их и нажал на педаль акселератора. «Форд» мягко рванулся вперед. Может быть, впереди его ждет мотель? Разумеется, нечего и думать искать его в «Захарии: нас. 67».

Мистер Кетчум сдвинул свое грузное тело на сиденье, разминая уставшие ноги. Отпуск получался унылым. Автомобильный тур по историческим местам Новой Англии, общение с природой и легкая ностальгия по славному прошлому остались в мечтах. Вместо них он нашел одну скуку, усталость и чрезмерные дорожные расходы.

Мистер Кетчум был недоволен.

Главная улица городка казалась погруженной в глубокий сон. Единственным звуком был шум работающего двигателя; единственной достопримечательностью, выхваченной светом фар, — очередной дорожный щит с предупреждающей надписью: «Ограничение скорости. 15 миль/час».

— Ну, ну. Конечно, — пробормотал он с отвращением, вдавливая педаль акселератора. Три часа утра, и отцы города ожидают, что он ползком будет тащиться через их вшивую деревеньку. С легким сердцем мистер Кетчум наблюдал, как за ветровым стеклом стремительно проносятся темные силуэты домов. «До свидания, Захария, — подумал он. — Прощай, население 67».

Неожиданно в зеркальце заднего обзора возник силуэт другого автомобиля, примерно в половине квартала позади: седан с мигающими огнями на крыше. Не требовалось большой сообразительности, чтобы определить, что это за

автомобиль. Нога мистера Кетчума испуганно сползла с педали акселератора; учащенно забилося сердце. Неужели они заметили, что он превысил скорость?

Ответ стал очевиден, когда темный автомобиль поравнялся с «фордом». Из бокового окна высунулся какой-то человек в широкополой шляпе. «Остановитесь!» — гаркнул он и махнул рукой.

Сглотнув сухой комок в горле, мистер Кетчум затормозил около тротуара. Заскрипели покрышки; он повернул ключ зажигания, и мотор затих. Полицейский автомобиль тоже свернул к тротуару и остановился. Открылась правая передняя дверца.

Свет фар очертил приближающуюся темную фигуру. Спohватившись, мистер Кетчум поспешно нашарил ногой кнопку и нажал, приглушая фары. В горле снова появился сухой комок. Чертовское невезение! В три часа утра неизвестно где, и деревенский коп, останавливающий за превышение скорости. Стиснув зубы, мистер Кетчум ждал.

Человек в темной униформе и широкополой шляпе наклонился к окну:

— Водительское удостоверение.

Дрожащей рукой мистер Кетчум извлек из внутреннего кармана бумажник, достал удостоверение. Подавая его, заметил, как бесстрастно лицо полицейского. Подсвечивая себе фонариком, полицейский принялся читать.

— Из Нью-Джерси?

— Да, вот... так, — проямлил мистер Кетчум.

Полицейский продолжал рассматривать удостоверение. Мистер Кетчум беспокойно поерзал на сиденье и плотно поджал губы.

— Дата не просрочена, — наконец отважился он.

Темное лицо полицейского медленно поднялось; мистер Кетчум испуганно выдохнул и отшатнулся, когда яркий свет фонарика ослепил его.

Свет исчез. Мистер Кетчум заморгал, протирая глаза.

— У вас в Нью-Джерси дорожных знаков не читают? — спросил полицейский.

— Нет, мне и... Это щит, где написано, что население шестьдесят семь человек?

— Нет, — сухо отрезал полицейский.

— Хм-м, — мистер Кетчум прочистил горло. — Пожалуй, это единственный знак, который я видел.

— Значит, вы плохой водитель.

— Наверное, я...

— На этом знаке указан предел скорости: пятнадцать миль в час. Вы ехали со скоростью пятьдесят миль.

— Ну... боюсь, что я проглядел этот знак.

— Предел скорости все равно пятнадцать миль в час, независимо от того, видели вы знак или нет.

— Хм, такие строгости... и в такое время?

— На знаке было указано время? — спросил полицейский.

— Нет. Э-э... я хотел сказать, что вообще не видел никакого знака.

— В самом деле?

Мистер Кетчум почувствовал, как на затылке у него приподнимаются волосы.

— Э-э... послушайте... — вяло отважился он, но тут же замолк и уставился на полицейского. — Можно обратно мое удостоверение? — наконец произнес он, видя, что полицейский молчит.

Полицейский неподвижно замер, ничего не отвечая.

— Можно?... — начал мистер Кетчум.

— Следуйте за нашей машиной, — резко проговорил коп и двинулся прочь.

Озадаченный, мистер Кетчум уставился ему вслед. «Эй, подожди!» — едва не вырвалось у него. Ему не вернули водительское удостоверение. Неожиданно мистер Кетчум ощутил холодок в желудке.

— Что происходит? — пробормотал он, наблюдая, как полицейский садится обратно в машину. Патрульные медленно отъехали от тротуара; фонарь на крыше снова завертелся.

Мистер Кетчум тронулся следом.

— Смешно, — вслух произнес он. — Они не имеют права так поступать. Разве сейчас средневековье? — Его толстые губы сложились в иззубренную усмешку.

Через два блока полицейский автомобиль повернул. Свет фар скользнул вдоль стеклянной витрины; размытые дождями буквы складывались в тусклую надпись: «Бакалея Хэндса».

На улице не горело ни одного фонаря; темнота создавала впечатление бесконечного подземного туннеля. Впереди светились только огни патрульной машины; позади нависала непроглядная тьма.

«Достойное завершение дня, — подумал мистер Кет-

чум. — Быть оштрафованным за превышение скорости в деревеньке Захария». Он помотал головой, тихо постанывая. Почему он не остался в Ньюарке? Весь отпуск спал бы допоздна, ходил бы в кинотеатры, ел до отвала и смотрел телевизор.

У следующего перекрестка патрульная машина свернула направо, затем — через квартал — налево и остановилась. Мистер Кетчум затормозил, когда полицейские погасили задние огни. Ситуация была нелепой, словно дешевая мелодрама. Они вполне могли оштрафовать его на главной улице. Мешал деревенский склад ума: для этих полицейских унижение чужаков было чем-то вроде самоутверждения.

Мистер Кетчум подождал. Не в его характере было торопить события. Он без пререканий заплатит штраф и уберется отсюда, а пока стоит поставить машину на ручной тормоз. Внезапно его лицо нахмурилось при мысли, что штраф может составить любую сумму, какая заблагорассудится полицейским. Если они захотят, придется выкладывать и пятьсот долларов! Мистер Кетчум слышал много историй о полицейских из маленьких городков: об их абсолютной власти и произволе. Он кашлянул, пытаясь избавиться от липкого кома в горле. «Нет, это абсурд, — подумал он. — Просто болезненное воображение».

Полицейский открыл дверцу.

— Выходите, — его темный силуэт навис над машиной.

Огней не было видно ни в домах, ни на улице. Мистер Кетчум тяжело сглотнул.

— Это... участок? — спросил он.

— Выключите фары и поднимайтесь, — проговорил полицейский.

Мистер Кетчум толкнул хромированную ручку и выбрался наружу. Полицейский захлопнул дверцу; от домов отразилось гулкое эхо, как будто они находились в огромном пустом ангаре, а не на улице. Мистер Кетчум посмотрел вверх. Иллюзия была полной: на небе не светило ни звездочки. Вместо земли зияла бездна.

Жесткие пальцы полицейского сжали его локоть. На долю секунды мистер Кетчум потерял равновесие, однако тут же выпрямился и засеменил, принаравливаясь к быстрым шагам высокого полисмена.

— Темно тут у вас. — Он с трудом узнал собственный голос.

Полицейский ничего не ответил. Из темноты появился его напарник и молча взял мистера Кетчума под свободный локоть. «Проклятье! — промелькнуло в голове у мистера Кетчума. — Эти деревенские нацисты делают все, чтобы унижить меня. Посмотрим, как им это удастся».

Мистер Кетчум вдохнул полную грудь свежего морского бриза, отдающего водорослями, и поежился. Крохотный городишко с шестью десятками жителей и двое полицейских, патрулирующих улицы в три часа ночи. Смешно!

Он чуть не споткнулся о неожиданно возникшие из темноты ступеньки. Страж слева поддержал его за локоть.

— Спасибо, — машинально пробормотал мистер Кетчум. Полицейский ничего не ответил. Мистер Кетчум нервно облизал губы. «Чистый чурбан, — подумал он и попытался ухмыльнуться. — Вот так будет лучше. Нельзя уступать этим придуркам».

Когда дверь распахнулась, он на мгновение зажмурился и помимо собственной воли выдохнул с облегчением. Это действительно был полицейский участок: деревянная перегородка; доска объявлений; покрытая хлопьями сажки пузатая печка; обшарпанная скамейка у стены и еще одна дверь. Пол покрывал потрескавшийся от грязи линолеум, когда-то бывший зеленым.

— Сядьте и подождите, — скомандовал первый полицейский.

В тусклом свете мистер Кетчум разглядел худое, костистое лицо, смуглую кожу полицейского. В глазах отсутствовала граница между зрачком и радужной оболочкой; вместо них расплывалось сплошное темное пятно. Темно-синяя униформа мешком висела на угловатой фигуре.

Второго полицейского не удалось рассмотреть, потому что оба, не задерживаясь, прошли в соседнюю комнату. Несколько секунд мистер Кетчум не отрывал взгляда от закрытой двери. Может быть, попытаться убежать? Нет, у них останутся его удостоверение и адрес. С другой стороны, может быть, они только и дожидаются, чтобы он попытался. Нельзя угадать наверняка, что творится за толстыми лбами деревенских копов. Если придется, эти парни, не раздумывая, станут стрелять, как в ковбойском фильме.

Мистер Кетчум грузно опустился на скамью. Нет, так далеко не стоит заходить даже в воображении. Это всего

лишь маленький городок на побережье, а полицейские просто хотят оштрафовать его за...

Хорошо, тогда почему они до сих пор не оштрафовали его? К чему весь этот спектакль? Толстый ньюаркец поджал губы. Что ж, пусть делают что хотят: небольшой отдых ему не помешает. Он прикрыл веки: всего на минутку — вяло мелькнуло в мозгу.

Когда через несколько секунд он снова открыл глаза, в участке было подозрительно тихо. Тускло освещенная комната не задерживала внимания. На голых, заляпанных грязью стенах не было ничего, кроме допотопных ходиков и картины, нависавшей над самым столом. Картина — нет, скорее это была репродукция — изображала портрет какого-то бородатого мужчины. Лоб незнакомца закрывала старинная морская треуголка. Возможно, один из основателей Захарии. А может быть, и нет. Вполне вероятно, что это просто плохая копия «Бородатого морехода» Сирса Рубека.

Мистер Кетчум мысленно ухмыльнулся. Одному Богу известно, что эта картина делает в полицейском участке. Правда, если учесть тот факт, что Захария расположена на Атлантическом побережье... Вероятно, основная статья дохода — рыбная ловля. В любом случае, какое это имеет значение? Мистер Кетчум опустил глаза.

Из соседней комнаты доносились приглушенные голоса полицейских. Он попытался прислушаться, однако не разобрал ни слова и свирепо уставился на закрытую дверь. «Ну, что теперь?» — пронеслось в голове. Он бросил взгляд на стенные ходики. Три двадцать две. Сверил с наручными часами. Почти правильно. Открылась дверь, и в комнату вошли полицейские.

Один сразу же уехал. Оставшийся — который забрал водительское удостоверение мистера Кетчума — подошел к конторке, включил настольную лампу и, выложив на столешницу громадный гроссбух, начал что-то записывать в нем. «Наконец-то», — подумал мистер Кетчум.

Прошла минута.

— Э-э... — мистер Кетчум прочистил горло. — Я хотел бы...

Его голос предательски дрогнул, когда холодный взгляд полицейского оторвался от гроссбуха и уперся ему в лицо.

— Вы не собираетесь... э-э...

Полицейский снова уткнулся в книгу.

— Подождите, — коротко бросил он.

— Скоро четыре утра... — мистер Кетчум осекся и попытался придать своему лицу грозное выражение. — Хорошо, — проговорил он, выпрямляясь на скамейке. — Не будете ли вы так любезны сказать, когда меня оштрафуют?

Полицейский продолжал писать в гроссбухе. Мистер Кетчум замер, не сводя с него глаз. «Это невыносимо», — билось в голове. Ноги его больше не будет в этой распроткнутой Новой Англии. И внукам закажет подъезжать ближе чем на сто миль.

Полицейский оторвался от записей.

— Женаты?

Мистер Кетчум непонимающе уставился на него.

— Вы женаты? — повторил полицейский.

— Нет, я... разве водительских прав недостаточно? — вырвалось у него, и он приятно поразился своей находчивости, несколько омраченной холодным взглядом человека за столом.

— Семья в Джерси? — спросил полицейский.

— Да. Вернее, нет. Сестра в Висконси... — мистер Кетчум не договорил, видя, что полицейский уже записывает. Странное чувство тревоги не проходило.

— Работаете? — спросил полицейский.

Мистер Кетчум тяжело сглотнул.

— Э-э... — начал он, — так, ничего особенного...

— Безработный, — констатировал полицейский.

— Нет, вы не поняли. — Мистер Кетчум воинственно выпрямился. — Я заказываю товары и получаю комиссионные с продажи... Свободный коммивояжер...

Его голос ощутимо слабел под взглядом полицейского. Мистер Кетчум трижды сглотнул, пытаясь растворить комок в гортле, и неожиданно обнаружил, что сидит на самом краю скамьи, напрягшись, как перед броском. Усилиям воли он заставил себя отклониться назад. Глубоко вздохнул и прикрыл глаза. «Расслабься, — последовал мысленный приказ. — Вот так. Несколько секунд, — подбодрил себя мистер Кетчум, — и мы выкарабкаемся из этой помойки».

В комнате стояла тишина, нарушаемая глухим металлическим тиканьем ходиков. Мистер Кетчум почувствовал, как медленно, в такт часам, бьется его сердце. Не-

ловко вытянулся, распрямляя грузное тело. «Какая нелепость!» — пронеслось в голове.

Через несколько секунд он открыл глаза и нахмурился. Проклятый портрет! Полная иллюзия, что бородач внимательно наблюдает за ним.

Почти как...

• • •

— Уф!

Сдвигая размякшие от сна челюсти и бессмысленно выкатывая глаза, мистер Кетчум подпрыгнул, почувствовав неожиданное прикосновение, но тут же снова привалился к стене.

Положив руку на плечо мистера Кетчума, над ним склонился смуглолицый незнакомец.

— Вы кто? — с замиранием сердца спросил мистер Кетчум.

Незнакомец улыбнулся.

— Начальник полиции Шипли, — представился он. — Не хотите пройти в мой кабинет?

— Ох, — пробормотал мистер Кетчум, — да-да, конечно

Гримасничая и потирая затекшую спину, он поднялся на ноги. Начальник полиции посторонился, и мистер Кетчум с ворчанием направился к двери, машинально взглянув по дороге на стенные часы. Пять минут пятого.

— Послушайте. — Мистер Кетчум еще недостаточно проснулся, чтобы просто послушно исполнять приказания. — Почему я не могу уплатить штраф и уехать?

От улыбки Шипли повеяло холодом.

— В Захарии несколько другие порядки, — проговорил он.

Они вошли в маленький, пропитанный сыростью кабинет.

— Садитесь, — пригласил шеф полиции, обходя письменный стол, пока мистер Кетчум устраивался в скрипучем кресле с прямой спинкой.

— Не понимаю, почему вы не оштрафуете и не выпустите меня?

— Всеу свое время. — Шипли разбирал какие-то бумаги на столе.

— Но... — мистер Кетчум не закончил фразы. Улыбка Шипли напоминала скорее дипломатически завуа-

лированное предупреждение. Стиснув зубы, толстяк прочистил горло и ждал, пока начальник разберется со своими бумагами. В глаза бросалась плохо подогнанная форма Шипли. «Деревенщина,— подумал толстый ньюаркец.— Даже одеться прилично не умеет».

— Вижу, вы не женаты,— произнес Шипли, довольно прищелкивая языком.

Мистер Кетчум ничего не ответил. Пусть отведают и моего молчания, решил он.

— Друзья в нашем штате? — продолжал Шипли.

— Зачем это?

— Обычная процедура,— пояснил шеф полиции.— Из ваших ближайших родственников только сестра в Висконсине?

Мистер Кетчум не отрываясь смотрел на него. Какая здесь связь с правилами уличного движения?

— Ну? — потребовал Шипли.

— Я уже разговаривал с вашими полисменами. Не вижу...

— В нашем штате по делам?

У мистера Кетчума отвисла челюсть.

— Почему вы задаете мне эти вопросы? — спросил он.

«Перестань трястись!» — зло приказал он самому себе.

— Обычные формальности. Вы у нас по делам?

— В отпуске, пропади он пропадом вместе с вашим штатом! К черту законопослушность! Я требую, чтобы меня оштрафовали и выпустили отсюда!

— Боюсь, это невозможно,— задумчиво протянул шеф полиции.

Мистер Кетчум в изумлении разинул рот. Ощущение было в точности таким, какое испытывает человек, проснувшийся после страшного сна и обнаруживший, что кошмар продолжается.

— Н-не понимаю...

— Вы должны предстать перед судом.

— Но это беззаконие!

— Вот как?

— Да, так. Я подданный Соединенных Штатов и требую соблюдать мои конституционные права!

Улыбка исчезла с лица шефа полиции.

— Вы ограничили свои права, когда нарушили наши

законы,— жестко произнес он.— И степень вашей вины определит суд.

Мистер Кетчум непонимающе уставился на смуглолицего шефа полиции. Внезапно он понял, что полностью в их руках. Они могут оштрафовать его на какую угодно сумму или засадить в тюрьму. Все эти вопросы, которые ему задавали... Мистер Кетчум не знал, зачем его спрашивают, но из ответов явственно сплетался туманный образ перекасти-поля — человека без корней и привязанностей, о котором никто не станет беспокоиться, жив ли он или...

Комната, казалось, вздрогнула. По спине пробежали ледяные струйки пота.

— Вы не можете этого сделать,— пробормотал он, но без излишней убежденности в голосе.

— Эту ночь вы проведете в участке,— сказал Шипли.— Утром я отвезу вас к судье.

— Но это же смешно! — взорвался мистер Кетчум.— Смешно! — Он оборвал себя.— Я должен позвонить,— быстро проговорил он.— Это мое законное право.

— Согласен, но...— Шипли с сожалением развел руками,— в Захарии нет телефонной связи.

По дороге в камеру мистер Кетчум обнаружил еще один портрет. На стене тюремного коридора висел двойник мрачного бородача из участка. Однако на этот раз мистер Кетчум не обратил внимания, куда направлен его взгляд.

• • •

Мистер Кетчум заворочался. На онемевшем от сна лице появилось недоуменное выражение. За спиной послышался металлический скрежет; он приподнялся на локте.

В камеру вошел полицейский и поставил на стол накрытый салфеткой поднос.

— Завтрак,— сообщил он.

По виду он был значительно старше, чем остальные полицейские, даже старше, чем Шипли. В его волосах поблескивала седина; чисто выбритое лицо собралось складками вокруг рта и под глазами. Форменная куртка и брюки сидели на нем отвратительно.

Когда полицейский запирает дверь, мистер Кетчум спросил:

— Когда меня отвезут к судье?

Какое-то время полицейский молча разглядывал его. Потом пробурчал:

— Не знаю,— и отвернулся.

— Подождите,— закричал мистер Кетчум.

Удаляющиеся шаги полицейского гулко отражались от бетонного пола. Мистер Кетчум тупо смотрел туда, где только что находился полицейский. Остатки сна быстро улетучивались из его головы.

Он сел, одеревеневшими пальцами протер глаза и посмотрел на наручные часы. Семь минут десятого. Толстый ньюаркец мстительно усмехнулся: «Клянусь Богом, они еще пожалеют об этом!» Его ноздри подрагивали. Втянув в себя воздух, он потянулся к подносу, но тут же отдернул руку.

— Нет,— пробормотал он.— Пусть провалятся со своей паршивой едой.

Уперев локти в колени, он сел и свирепо уставился на собственные ноги в несвежих носках.

Желудок недружелюбно заурчал.

— Ладно,— пробормотал мистер Кетчум после минутного размышления. Сглатывая слюну, он наклонился и снял салфетку, покрывавшую поднос. Губы непроизвольно сложились в изумленное: «О!»

В растопленной лужице масла плавали три жареных яйца: три ярких глаза, устремленные в потолок; по краям сковороды съезжились мясистые полоски сочного бекона. Рядом стояла тарелка с четырьмя — толщиной в добрую книгу — тостами, намазанными сливочным маслом. К ним привалилась плошка с фруктовым желе. Высокий бокал, доверху наполненный пенистым апельсиновым соком, угрожающе наклонился над блюдом с ягодами земляники, словно кровавые капли поблескивавшей в алебастровых волнах взбитой сметаны. В углу подноса примостился пузатый котелок, из-под крышки которого веяло бодрящим и безошибочно угадываемым ароматом свежеприготовленного кофе.

Выбрав бокал апельсинового сока, мистер Кетчум осторожно отпил несколько капель и испытующе перекатил их на языке. Цитрусовая кислота восхитительно пощипывала пересохшее небо. Он проглотил сок. Если завтрак отравлен, то, без сомнения, мастерски. Рот наполнился голодной слюной. Мистер Кетчум внезапно вспомнил, что до встречи с патрульными собирался остановиться в каком-нибудь придорожном кафе и перекусить.

Поедая принесенные яства — с опаской, но без нерешительности,— мистер Кетчум пытался определить, что стоит за всей этой роскошью.

Без сомнения, снова деревенский склад мышления. Жители Захарии сожалеют о допущенной ошибке и желают загладить ее. Неубедительно, но что поделать, если дела обстоят именно так. Еда оказалась выше всяких похвал. Следует отдать должное этим новоангличанам — уж что-что, а готовить они умеют. В Ньюарке обычный завтрак мистера Кетчума составляли горячая булочка и чашка кофе; подобных сегодняшнему он не ел с тех пор, как вырос из детских штанишек.

Он заканчивал третью чашку кофе, когда в коридоре послышались чьи-то шаги. На губах мистера Кетчума заиграла улыбка: расписание выдержано с точностью до минуты. Он встал.

На пороге камеры появился шеф Шипли.

— Уже позавтракали?

Мистер Кетчум кивнул. Если шеф полиции рассчитывал услышать слова благодарности, его ожидал неприятный сюрприз. Мистер Кетчум надел пиджак.

Шипли не двигался.

— Ну?...— после минутной паузы произнес мистер Кетчум.

Холодность, которую он попытался придать голосу, прозвучала как-то неубедительно.

Шеф Шипли бесстрастно наблюдал за ним. У мистера Кетчума сжало горло.

— Могу я узнать?...— попытался было он.

— Судьи еще нет,— проговорил Шипли.

— Но...— мистер Кетчум не знал, что сказать.

— Зашел сообщить вам.— Шипли повернулся и вышел из камеры.

В груди мистера Кетчума бушевала ярость. Бросив убийственный взгляд на остатки завтрака, он с силой ударил кулаком по собственной ляжке. Невыносимо! Чего они добиваются? Хотят унижить его? Если так, то они преуспели.

Мистер Кетчум подошел к прутьям камеры, осмотрел пустой коридор. Недоброе предчувствие закрадывалось в душу. Проглоченная еда, казалось, свинцовой змеей свернулась в желудке.

В отчаянии он заколотил ладонями по холодным прутьям решетки. Господи! О, Господи!

Было два часа дня, когда шеф Шипли и пожилой полицейский снова появились перед камерой. Полицейский без слов отпер дверь. Оказавшись в коридоре, мистер Кетчум подождал, надевая пиджак, пока дверь запрут снова.

Нетвердыми шажками он засеменял рядом со своими стражами, даже не взглянув на портрет на стене.

— Куда мы идем? — поинтересовался он.

— Судья болен, — сказал Шипли. — Мы отвезем вас к нему домой, чтобы вы заплатили штраф.

Мистер Кетчум задохнулся от негодования, но спорить не стал. На такой подвиг у него не оставалось сил.

— Хорошо, — послушно согласился он. — Если вы так настаиваете.

— Мы исполняем закон, — проговорил Шипли, глядя прямо перед собой, с лицом бесстрастным, как маска.

Мистер Кетчум поспешил разгладить уголки мстительной ухмылки, появившейся у него на губах. Лучше подождать. Приключение почти закончилось; он заплатит штраф и уберется из этого проклятого города.

Снаружи клубился туман. Морские испарения катились вдоль улицы, словно дым из печной трубы. Мистер Кетчум нахлобучил шляпу и поежился. Сырой воздух, казалось, просачивался сквозь кожу и солью оседал на костях. «Скверный денек», — подумал мистер Кетчум и начал спускаться по лестнице, отыскивая глазами свой «форд».

Пожилой полицейский молча открыл заднюю дверцу патрульной машины, и Шипли жестом пригласил мистера Кетчума вовнутрь.

— А моя машина? — заволновался он.

— Мы вернемся после того, как вас примет судья, — сказал Шипли.

— Я ничего...

Потоптавшись в нерешительности, мистер Кетчум согнулся и протиснулся в патрульную машину, тяжело опускаясь на заднее сиденье. Упругая обивка неприятно холодила ноги. Он подвинулся, когда рядом устроился Шипли.

Пожилой полицейский захлопнул дверцу. По улице снова прокатилось гулкое эхо, напоминающее стук крышки гроба. Толстого ньюаркца передернуло от такого сходства.

Полицейский уселся за руль и повернул ключ зажига-

ния. Закашлявшись, машина пробудилась к жизни. Пока прогревался двигатель, мистер Кетчум шумно, всей грудью вдыхал свежий воздух, наслаждаясь обретенной свободой.

В левое окошко мягкими клубами вползал туман. Если бы не промозглая сырость, создавалось ощущение, что машина стоит в гараже, объятom пожаром. Мистер Кетчум прочистил горло. Рядом на сиденье завозился шеф полиции.

— Холодно,— машинально проговорил мистер Кетчум. Шеф полиции ничего не ответил.

Машина тронулась с места, вдавив мистера Кетчума в спинку сиденья, круто развернулась и осторожно поползла вдоль затянутой туманом улицы. Сухое шуршание шин по мостовой, ритмичное покачивание дворников, очищающих влажные полукружья на ветровом стекле, успокаивали, наводили на размышления.

Мистер Кетчум посмотрел на часы. Почти три часа дня. Двенадцать часов в этой паршивой Захарии! Он покопился в окно на проносящиеся мимо громады зданий. Из-за тумана было трудно определить, из чего сложены стены. Он перевел взгляд на свои пухлые ладони, застывшие на коленях, потом уголком глаза глянул на Шипли. Шеф полиции, выпрямившись, замер на сиденье, глядя прямо перед собой. Мистер Кетчум тяжело вздохнул.

На главной улице туман, казалось, начал редеть. Возможно, морской бриз, подумал мистер Кетчум и принялся рассматривать мелькавшие за стеклом здания. Все магазины и офисы были закрыты. С той стороны, где сидел Шипли, глазам открывалась схожая картина.

— Где все жители? — наконец решился он.

— Что?

— Я говорю, где все жители?

— Сидят дома.— Шеф полиции улыбнулся, не разжимая губ.

— Но еще только среда,— удивился мистер Кетчум.— Когда же они работают?

— Сегодня плохой день,— ответил Шипли,— не стоит и работать.

Мистер Кетчум покосился на изжелта-бледное лицо шефа полиции и поспешно отвернулся. Холодное предчувствие мохнатым пауком зашевелилось в желудке. Что же, черт побери, все это значит? В сидении за решеткой прият-

ного мало, однако здесь — в клубах сырого тумана — он чувствовал себя еще хуже.

— Понятно.— Мистер Кетчум не узнал своего срывающегося голоса.— У вас ведь всего шестьдесят семь жителей?

Шипли не отвечал.

— Ск... сколько лет вашему городу?

В тишине он услышал, как хрустнули пальцы шефа полиции.

— Сто пятьдесят,— проговорил Шипли.

— Это много.— Мистер Кетчум с усилием сглотнул. Горло немного саднило. «Ну же,— пронеслось в голове,— успокойся, возьми себя в руки».

— А почему Захария? — слова беспорядочно слетали с языка, отказываясь подчиняться его воле.

— Захария Ной основал наш город,— ответил Шипли.

— Ах, да, да. Картина в участке, наверное...

— Да,— сказал Шипли.

Мистер Кетчум заморгал. Значит, это был Захария Ной. Основатель города, по которому они ехали... квартал за кварталом. Тяжелое сомнение заползло в сердце мистера Кетчума. Свинцовый ком с новой силой оттянул полный желудок.

Почему в таком большом городе всего шестьдесят семь жителей?

Он уже открыл было рот, чтобы спросить, но передумал. Ответ ничего не решал.

— Почему в городе всего...— слова вылетели прежде, чем он успел остановить их. Мистер Кетчум содрогнулся, услышав собственный вопрос.

— Что?

— Ничего, ничего.— Мистер Кетчум испуганно втянул воздух, но больше не мог сдерживаться. Вопрос не давал ему покоя.

— Почему в городе всего шестьдесят семь жителей?

— Остальные уехали,— сказал Шипли.

Мистер Кетчум растерянно заморгал. Ответ оказался неожиданно простым. Продольные складки прорезали его лоб. «Ну, что еще?» — мысленно уколол он свои подозрения. Затерявшаяся на побережье, старинная Захария оказалась малопривлекательной для молодого поколения. Массовая миграция в крупные города была неизбежна.

Толстый ньюаркец откинулся на спинку сиденья. Ко-

нечно же. Разве он сам не мечтает убраться из этого промозглого климата? А ведь он всего лишь приезжий.

Его взгляд скользнул вдоль ветрового стекла, задержавшись на необычном предмете; поперек улицы протянулось разноцветное полотнище с жирно выведенной надписью: «СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ЖАРКОЕ». Праздник, вяло подумал мистер Кетчум. Вероятно, за неделю местные аборигены так одуревают от скуки, что к уик-энду превращаются в берсерков* и несколько дней посвящают обжорству и оргиям.

— А кем был этот Захария? — снова обратился он к Шипли.

— Морским капитаном.

— О?!

— Охотился на китов в южных морях, — шеф полиции снизошел до пояснений.

Неожиданно главная улица кончилась. Машина повернула влево, оказавшись на разбитой проселочной дороге. В окне замелькали ветки густого кустарника. К гудению двигателя, работающего на второй передаче, прибавилось шуршание гравия, брызгами разлетающегося из-под колес. Где же живет их судья, на вершине горы? Ньюаркец насмешливо хмыкнул, вытягивая ноги.

Туман начал разреживаться. Мистер Кетчум уже различал отдельные деревья, укрытые сероватой дымкой. Машина развернулась; теперь ее нос упирался в океан, сливающийся с бледным ковром тумана внизу. Дорога продолжала петлять, и в ветровом стекле снова возникла вершина холма.

Мистер Кетчум тихо кашлянул.

— Э-э... дом судьи на вершине? — вежливо поинтересовался он.

— Да. — Шеф полиции даже не взглянул на него.

— Высоковато, — пробормотал мистер Кетчум.

Машина продолжала карабкаться по узкой разбитой колее, поворачиваясь то к океану, то к городу, то к блеклому зданию, примостившемуся на вершине холма. Серая кирпичная кладка, три этажа и невысокие башенки по бокам от главного входа довершали унылую картину. Дом выглядел таким же старым, как и сам город. Машина раз-

* Берсерки — воины древнескандинавских саг, не ведающие страха в сражениях; считая себя неуязвимыми, теряли чувство самосохранения. (Здесь и далее — прим. пер.)

вернулась. Перед радиатором снова возник затянутый туманом океан.

Мистер Кетчум посмотрел на свои руки. Что это, недостаток освещения или они в самом деле трясутся? Он попытался проглотить ком в горле, но вместо этого закашлялся, не в силах остановиться. «Глупости,— подбодрил он самого себя.— Чего мне бояться?» Он с силой сжал ладони и почему-то вспомнил о транспаранте на главной улице.

Патрульная машина преодолевала последний подъем перед домом. Мистер Кетчум почувствовал, как участилось его дыхание. «Я не хочу никуда идти»,— отчетливо произнес чей-то голос в его мозгу. Им овладело внезапное желание выбить дверь и убежать. Мускулы напряглись, готовые к действию.

Он закрыл глаза.

«Ради бога, перестань паниковать! — прикрикнул он на себя.— Ничего плохого еще не произошло, и не надо поддаваться воображению. Это современный мир. Все имеет свое объяснение, и каждый имеет свои причины поступать так, а не иначе. Жителей Захарии можно понять: глухой городок, никто не любит приезжих. Своего рода реванш за удаленность от очагов культуры. Все предельно просто...»

Машина остановилась. Шеф полиции открыл дверцу со своей стороны и выбрался наружу. Полицейский за рулем отклонился назад и отпер другую дверцу для мистера Кетчума. Вылезая, тот обнаружил, что отсидел левую ногу: пришлось опереться руками о бок машины.

— Отсидел.— Он с виноватым видом притопнул ногой.

Никто не ответил. Мистер Кетчум посмотрел на дом, прищурился. Кажется, темно-зеленая портьера в окне слегка колыхнулась? Он испуганно дернулся, почувствовав, что его берут под руку. Шеф полиции молча указал на дом, и все трое двинулись вверх по тропинке.

— Боюсь, э-э... у меня при себе не очень много наличных,— сказал мистер Кетчум.— Туристические чеки вас устроят?

— Да,— шеф полиции кивнул.

Ступени вели к широкой застекленной двери. Пожирой полицейский потянул шнурок с медной ручкой, и мистер Кетчум услышал, как внутри тонко отозвался колокольчик. Занавески на двери оставались неподвижными.

Немного сбоку внутри угадывались угловатые очертания вешалки для шляп. Мистер Кетчум переступил с ноги на ногу: заскрипели доски. Полицейский снова потянул шнурок.

— Может быть... судья очень болен? — вяло предположил мистер Кетчум.

Полицейские даже не посмотрели в его сторону. Снова неприятно напряглись мышцы ног и спины. Он оглянулся украдкой: если побегать, смогут ли они поймать его? Он с отвращением отбросил эту мысль.

«Заплатишь штраф и уедешь, — терпеливо повторил он себе. — Только и беспокойства: заплатишь штраф и убеешься».

Внутри дома послышался шорох. Непроизвольно вздрогнув, мистер Кетчум поднял голову. К двери приближалась высокая женщина.

Щелкнул замок. Стройную фигуру хозяйки дома облегалo черное, до щиколоток, платье с белой овальной брошью у горла. Ее смуглое лицо бороздили похожие на нити морщины. Мистер Кетчум машинально сдернул с головы шляпу.

— Входите, — пригласила женщина.

Мистер Кетчум шагнул в прихожую.

— Можете оставить шляпу здесь, — женщина указала на вешалку, напоминавшую обугленное костром дерево. Мистер Кетчум осторожно водрузил шляпу на один из почерневших сучьев и замер, глядя на огромный портрет у подножия лестницы. Он раскрыл рот, чтобы спросить, но женщина снова скомандовала:

— Сюда.

Они миновали прихожую. Мистер Кетчум не отрывал взгляда от портрета на стене.

— Кто эта женщина, — спросил он, — рядом с Захарией?

— Его жена, — ответил шеф полиции.

— Но ведь она...

Его голос неожиданно дрогнул, едва не оборвавшись вскриком. Потрясенный, он постарался скрыть свое замешательство, принявшись нарочито громко прокашливаться. Вот это поворот! Он чувствовал себя несколько пристыженным. Неужели... жена Захарии до сих пор жива?

Женщина распахнула очередную дверь.

— Подождите здесь, — проговорила она.

Толстяк ньюаркец шагнул вовнутрь и резко обернулся, услышав, как за спиной защелкнулся замок.

— Эй... — Он подошел к двери и ухватился за ручку. Она не поддавалась.

Мистер Кетчум нахмурился, стараясь не обращать внимания на частые, беспорядочные удары сердца.

— Эй, в чем дело? — Голос отразился от стен пугающе веселым эхом. Обернувшись назад, мистер Кетчум огляделся. Комната была пуста. Квадратная пустая комната...

Он снова повернулся к двери, шевеля губами, словно в поисках подходящих слов.

— Хорошо, — отрывисто прохрипел он, — это очень... — Он с силой налег на ручку. — Хорошо, это очень удачная шутка... — Гнев душил его. — Если только я...

Оскалив зубы, он вихрем обернулся на незнакомый звук.

Ничего не произошло. Комната по-прежнему была пуста. Он недоумевающе огляделся. Откуда доносится звук? Глухой, похожий на журчание льющейся воды.

— Эй, — машинально повторил он и снова налег на дверь. — Эй! — крик не вмещался в легких. — Перестаньте! Что вы там делаете?

Он переступил на ослабевших ногах. Звук усилился. Тыльной стороной ладони мистер Кетчум вытер лоб и обнаружил, что истекает потом. В комнате становилось жарко.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал он. — Удачная шутка, но...

Вместо слов его голос прервали глухие, безнадёжные всхлипы. Пошатываясь, он обошел комнату и снова налег на дверь. Пальцы вытянутой руки коснулись стены; мистер Кетчум отдернул руку.

Стена полыхала жаром.

— У-у! — Он недоверчиво посмотрел на обожженные пальцы.

Невероятно! Это просто глупая шутка. Нелепая деревенская шалость. Игра великовозрастных идиотов.

— О'кей, — закричал он. — Это забавно, очень забавно! А теперь выпустите меня отсюда, иначе у вас будут крупные неприятности!

С поднятыми кулаками он бросился на дверь. Пнул ее.

Тем временем комната постепенно накалялась. Воздух обжигал не хуже раскаленной...

Мистер Кетчум застыл на месте. Нижняя челюсть бес-
сильно отвисла...

Все эти вопросы, которые ему задавали. Плохо подог-
нанная униформа на полицейских и роскошный завтрак в
тюрьме. Пустынные улицы и индейская смуглость обита-
телей города. Выражение их глаз, когда они смотрели на
него. И эта женщина на картине, жена Захарии Ноя — ин-
дианка со сточенными до десен зубами. В памяти снова
всплыло красочное полотнище, натянутое поперек пустой
улицы:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ЖАРКОЕ.

Мистер Кетчум взвизгнул и с новой силой обрушился
на дверь. Его грузное тело сотрясали рыдания, слезы сжи-
мали горло.

— Выпустите! Выпустите меня! ВЫПУСТИТЕ...
МЕНЯ!

В час положения заключался в том, что он просто не
мог ! берить в реальность происходящего.

ЛЮДИ БЕЗ КОСТЕЙ

Мы стояли в порту Пуэрто-Побре и грузили в трюм нашего «Святого Доджа» партию бананов, когда на палубе появился маленький, трясущийся как в лихорадке человек. Никто не пытался его остановить — даже босые солдаты, охранявшие порт, и те отворачивались и невозмутимо уходили в сторону. По-видимому, они искренне верили, что этот вполне безобидный, Богом оставленный сумасшедший может навести на них порчу.

Погрузка шла ночью. Беспреестанно шипели лигроиновые лампы, время от времени с треском вспыхивавшие и обдававшие нас снопом огня и горячих брызг. Из трюма гулко, как из порожней бочки, доносился рев бригадира: «Фрута! Фрута! ФРУТА!» Огромный бритоголовый негр отвечал ему таким же звериным рыком и бросал вниз гроздь за гроздь изумрудные связки бананов.

Стоя у борта и вдыхая свежий, бодрящий запах морской воды, я любовался прелестью южной ночи, нефритовой зеленью изысканных плодов и хваткими, пружинистыми движениями красно-коричневого тела. Внезапно хорошо налаженная работа застопорилась. Все пришли в замешательство. Из-под связки бананов выбежал мохнатый серый паук, сильно напугавший грузчиков, и, пока все в нерешительности стояли, не зная, что предпринять, какой-то никарагуанский мальчишка со смехом, ловко подпрыгнув, раздавил его голой пяткой. «Совсем не ядовитый», — сказал он, разглядывая свою жертву.

В это время ко мне подошел сумасшедший, до сих пор молчаливо слонявшийся по палубе. Бледное, изможденное лицо его было покрыто капельками пота. Он доверчиво посмотрел на меня и спросил, в какую сторону мы отплываем.

Он говорил тихо, отчетливо выговаривая каждое слово, однако во взгляде его настораживала какая-то потеря-

ность и опустошенность, и я, как можно незаметнее, постарался отодвинуться от его худых пляшущих рук, которые мне показались странно похожими на мохнатые лапы раздавленного паука.

— В Соединенные Штаты, Алабама,— ответил я.

— Возьмите меня с собой,— попросил он.

— К сожалению, ничем не могу помочь. Я всего лишь пассажир,— сказал я.— Поговорите со шкипером. Сейчас он на берегу, и вам лучше всего найти его там.

Он пододвинулся ко мне и шепотом, извиняясь, попросил выпить. Я снял с пояса флягу и налил ему немного рома.

— Как вас пропустили на корабль?

— Нет, вы не думайте, я не сумасшедший,— усмешка изогнула его губы.— Они обознались и пропустили меня... я немного болен: тропическая лихорадка, малярия... Эти джунгли... они подорвали мое здоровье. Позвольте представиться: Гудбоди, доктор естествознания из Освальдовского университета. Я был ассистентом профессора Леоварда. Вы, должно быть, слышали о нем.

— Леовард, профессор Леовард? — Имя профессора показалось знакомым.— О да! — вспомнил я.— Он пропал без вести. Где-то в джунглях реки Амазонки.

— Да, да, совершенно верно! — вскричал человек, называвший себя Гудбоди.— Я был с ним там.

— Фрута! Фрута! ФРУТА! — доносился из трюма рев бригадира. Огромный бритый негр, вожак портовых грузчиков, не отставал от него. Беспрерывно шипели и потрескивали лигроиновые лампы. Связки бананов одна за другой исчезали в глубине трюма. В тусклом неровном свете, как призраки, затверженно двигались полуголые, влажные от пота тела; лихорадочный блеск воспаленных от бессонницы глаз; хрип, вырывавшийся из натруженных легких... и перед моими глазами поплыли удушливые джунгли, грязная, загнивающая река — ни ветерка, ни освежающего глотка воздуха — одни гнилостные испарения; изнуренная лихорадкой земля.

Он с трудом донес до своих губ предложенный мною стакан рома: его била лихорадка и дрожали от нетерпения руки. К моей досаде, он расплескал большую часть жидкости, прежде чем утолил жажду.

— Ради бога, помогите мне выбраться отсюда... возьмите с собой, спрячьте где-нибудь, ради бога! — умолял он.

— Да как же я вас спрячу? Вы —американский подданный. Обратитесь к консулу с просьбой, и я уверен, он немедленно отправит вас домой.

— Нет, это невозможно... слишком долго... я не могу ждать... И консул... ему кажется, что я свихнулся. Если сейчас не уеду, то действительно помешаюсь. Помогите, умоляю вас. Мне страшно.

В широко раскрытых глазах стоял ужас; лицо перекосилось, он чуть не плакал. Мне стало жаль его.

— Пойдемте в мою каюту,— сказал я.— Там вы будете в безопасности. Но скажите, что напугало вас?

— Люди без костей,— прошептал он, и было что-то такое в его голосе и глазах, отчего волосы на моей голове зашевелились.

Я закутал его в одеяло, дал немного хинина, чтобы он пропотел и успокоился, и как можно более шутливо спросил:

— Что это за люди без костей?

И он ответил мне. Казалось, рассудок его охватила горячка, губы прыгали и не слушались его:

— Вы хотите знать о них?... Кто они?... Их можно перешибить палкой, пинком ноги... они не опасны... они сами боятся нас... Нет, они не страшны, они отвратительны до тошноты, до рвоты... Я видел ягуара... крупного, сильного ягуара... беспомощного, как кролик... Они парализовали его, обволокли студенистыми телами и пожрали живьем! Поверьте мне, я видел это!.. Какой отвратительный запах!.. Наружное пищеварение... они переваривают кожей... выделяют маслянистую слизь и обволакивают жертву...

Он заплакал:

— Какой ужас, какая бездна падения, и все от голода! О, как может деградировать человек!

— Вы обнаружили новую форму жизни? —предположил я.— Неизвестный науке вид человекообразных обезьян?

— Нет, нет и нет. ЛЮДЕЙ! Вы знаете, чем завершилась этнографическая экспедиция профессора Леоварда?

— Она погибла,— сказал я.

— Все, кроме меня... С самого начала нас преследовали несчастья. При переправе через Ананд мы потеряли большую часть провизии, два каноэ и почти все инструменты... Джон Ламберт и доктор Терри погибли и с ними восемь носильщиков...

Наконец счастье улыбнулось нам. В племени Ату мы нашли друзей. Наш путь лежал на запад через джунгли. Индейцы согласились провести нас через свою территорию и перенести вещи... Этнография начинается с изучения поверий и небылиц: мы собирали их и систематизировали. Профессора Леоварда особенно интересовали легенды о спустившемся некогда на землю божественном народе...

Пересечением прямых линий и концентрических окружностей Леовард локализовал на карте Южной Америки район, из которого, как ему казалось, проистекали все подобные легенды. Место, никем не исследованное, не имеющее названия, потому что индейцы никогда не селились там. Для них оно было «жилищем злого духа».

Его возбуждение улеглось, прошла лихорадочная дрожь; теперь доктор Гудбоди говорил спокойно и уверенно.

— Не знаю почему, но всякий раз, когда я заболеваю лихорадкой. — проговорил он со слабой улыбкой, — на меня обрушиваются кошмары, эти ужасные люди без костей.

Итак, нашей главной целью было разыскать место, куда боги в сиянии яркого пламени спустились на землю. Индейцы довели нас до границы своей территории, сбросили поклажу и потребовали расчета. Никакие уговоры не могли заставить их идти дальше. Они твердили одно: там «плохая земля». Один из них, в молодости бывший вождем племени, рассказал нам, что когда-то он блуждал в этих местах, и прутом начертил овальное тело с четырьмя отростками, которое, расплевавшись во все стороны, тут же стер ногой.

— Паук? Краб? — спрашивали мы, но он молчал.

Мы вынуждены были оставить старому вождю почти все вещи и вдвоем двинулись в глубь самых отвратительных в мире джунглей. Нам предстояло пройти тридцать миль, мы же делали в день не больше четверти... Жуткие места! Нечем было дышать: тяжелое зловоние душило нас. Так я узнал, как пахнет смерть.

Наконец гниющая низина осталась позади. Наш путь пошел по склону вверх, и через несколько дней мы вышли на плато. Перед нами расстилалась небольшая равнина, со всех сторон окруженная джунглями, в самом центре которой на дне огромного кратера лежал обломок скалы.

Когда мы подошли ближе, наши души затрепетали от восторга: вместо скалы мы увидели машину гигантских размеров. По форме она напоминала грушу, в основании диаметром шестьсот футов и в тысячу футов длиной. Я не мог определить, из какого металла она была сделана, так как ее покрывала твердая корка слежавшейся пыли. После долгого, внимательного изучения нам удалось отыскать следы некогда существовавших сложнейших механизмов. По величине кратера мы определили, с какой силой машина столкнулась с землей, но откуда она взялась — осталось для нас загадкой.

— Это открытие века! Неопровержимое доказательство того факта, что нашу планету посещали инопланетяне, о чем я всегда говорил и в чем всегда был убежден! — воскликнул Леоوارد.

На третий день профессор нашел металлическую пластину. Целые сутки мы очищали ее от пыли, без сна и отдыха, почти все двадцать четыре часа. Наконец на ее поверхности начала проступать таинственная паутина линий, испещренная загадочными рисунками и знаками. Леоوارد не мог оторвать от нее взгляда, он постоянно держал ее в руках, что-то вымеряя и высчитывая. На пятые сутки, перед рассветом, с криками восторга он разбудил меня и объявил:

— Это карта, звездная карта! Они прилетели с Марса! — И он показал мне, каким путем древнейшие исследователи космоса проследовали от Марса, через Луну до Земли.

— Катастрофа на базальтовом плато, среди зеленого ада джунглей? — изумился я.

— Да, но были ли тогда джунгли? Это могло случиться пять миллионов лет назад.

— Чтобы похоронить Рим, потребовалось несколько столетий, а вы говорите — миллионы лет, — возразил я.

— Гудбоди, как вы не понимаете, она могла и не быть на поверхности! Мы находимся в регионе активной вулканической деятельности; одно небольшое движение пластов земной коры — и под землей может оказаться целый город, а через миллионы лет останки этого города, при удачном стечении обстоятельств, будут выброшены на свет божий.

— Кем же они были? — спросил я.

— Не знаю. Очевидно, их природа значительно отли-

чалась от нашей; не приспособленные к жизни в земных условиях, они вымерли. Впрочем, они могли погибнуть и в катастрофе. Все в этом мире бrenно, мой дорогой Гудбоди.

Надо было готовиться к наступлению ночи. Мы развели огонь, и Леовард лег спать. Я же сидел у костра. Мы всегда спали поочередно, охраняя друг друга. От кого?.. От ягуаров, кабанов, змей?.. За время, что мы были на плато, никто из этих животных не забирался сюда. Ничего привлекательного для них тут не было. И все же во мне безотчетно сидел страх.

Тяжесть прошедших тысячелетий давила на меня. Преклонение перед древностью, скажете вы, священный трепет червяка перед обрушивающейся на него беспечной ножкой ребенка?.. Нет, во мне был страх, ужас быть раздавленным... Я задремал. Огонь становился все слабее; голловешки перемигивались на ветру красными огоньками. И вдруг я почувствовал на себе взгляд.

Вскочив, я увидел в семи шагах от себя люминесцирующие глаза. «Ягуар», — пронеслось в голове. Я схватился за ружье и взвел курок. Но это был не ягуар. На меня смотрели в упор множество светящихся зеленых глаз. Они окружили меня мерцающей цепочкой движущихся огней... похожей на опаловое ожерелье; и еще я ощутил невыносимую вонь.

Страх имеет свой запах. И болезнь имеет свой запах, спросите любую сиделку. Эти запахи вынуждают здоровых животных драться насмерть или бежать прочь. Я вскинул ружье и выстрелил. Гулким эхом прокатилась по джунглям щебечущая, щелкающая волна разбуженных птиц и обезьян.

И потом, благодаря Богу, наступило утро. Со смешанным чувством страха и отвращения я подошел к трупу существа, которому я попал между глаз. Под утренними лучами солнца оно было серым и одновременно твердым и студенистым. Внешне оно совсем не походило на человека. У него были большие, навывкате, глаза, полуприкрытые тонкой пленкой век, ослизлая, сочащаяся влагой кожа и непропорционально раздутая голова.

Леовард убеждал меня в том, что я должен преодолеть, как он выражался, «ребяческое отвращение» и изучить вместе с ним природу этих странных животных. Он, конечно, был совершенно далек от биологии и не имел

профессиональных знаний для такого рода деятельности. В экспедиции я занимал штатную должность зоолога и обязан был сам заниматься подобными исследованиями. Микроскопы и другие точные приборы были потеряны, и мне пришлось орудовать ножом и хирургическими щипцами. Что же я обнаружил? Что у этого существа четыре фута роста, что оно имело рудименты некогда сложной нервной системы и головной мозг — величиной с грецкий орех. Как видите, достижения мои были невелики.

В лаборатории с ассистентом я бы намного тщательнее провел исследование и, возможно, нашел бы нечто поразительное, но, повторяюсь, вооружен я был лишь охотничьим ножом и хирургическими щипцами: ни микроскопа, ни химических реактивов и в помине не было. Несколько часов возился я с ним и никогда не забуду, чего это мне стоило. Поминутно, зажав нос, я отбегал в сторону отдышаться, настолько невыносимый был запах. Мое мучение было прервано неожиданным образом. Стоило солнцу подняться повыше, как предмет моих научных интересов прямо на глазах стал таять. В девять часов утра мне уже не с чем было работать: осталась серая клейкая лужа и два зеленых глаза, плавающих в ней наподобие поплавков. Вы помните, с каким звуком выскакивает пробка из бутылки шампанского? Вот с таким звуком они внезапно друг за другом лопнули, обдав меня зловонием и подняв на луже рябь, маслянисто поблескивающую на солнце. Наблюдать дальнейшее я был не в состоянии.

Когда через несколько часов я вернулся, там ничего не оказалось! Лужа испарилась. Наукой описаны подобные случаи, вспомните хотя бы медузу. В жаркий день на берегу она исчезает буквально за считанные минуты; на песке остается только липкое пятно.

У Леоварда побелело лицо, когда он узнал об этом.

— Не дьявол ли это? — спросил он.

Что я мог ответить ему? Происходящее было выше моего понимания. Как ученый, я обязан был продолжать исследование, но силы мои истощились.

— Прекратите истерику. Гудбоди! — набросился на меня Леовард. — Возьмите себя в руки. Нельзя заниматься наукой и не быть готовым ко всему, даже к самому худшему. Наука требует жертв!

— Профессор, в своей жизни я достаточно повозился со всякой дрянью, но это что-то ужасное и непереносимое.

У меня, в конце концов, тоже есть нервы.

— Может быть, нам вызвать сюда психиатра?

Я отважился заметить ему, что он в последнее время избегает близко подходить ко мне, и пообещал убить еще одно животное, если у него появится желание продолжить мою работу.

— Только из уважения к вашей благородной страсти, дорогой профессор, — сказал я, — а меня увольте!

Леовард отказался: у него было мало времени.

— Мне необходимо еще многое понять, — сказал он, — но у меня теперь уже нет никаких сомнений, что машина с Марса.

После этого случая между нами словно пробежала кошка: мы перестали разговаривать. Леовард по-прежнему копался в марсианском хламе, а я принялся за составление гербария. Растения в том месте росли удивительные, и мне было интересно находить все новые и новые экземпляры. Тем более что занятие это успокаивает нервы.

Однажды утром, уж не помню какого дня, я отправился в джунгли. У меня было отвратительное настроение. Всю ночь мучили кошмары; хотелось все бросить и бежать отсюда. Нервы не на шутку расшатались, и я дошел до того, что даже боялся обернуться.

Вы можете знать или не знать этого, но из всех животных, населяющих джунгли, самый неуязвимый и наиболее спокойно себя чувствующий — ленивец. Он почти всю жизнь проводит на деревьях благодаря своим цепким и сильным лапам. Он настолько цепок, что даже с простреленным сердцем остается висеть на дереве, и охотникам нередко приходится рубить ветку, за которую он уцепился. У него густой мех и толстая кожа, и никакая пантера ему не страшна. Он выбирает для себя подходящее дерево и не покидает его до тех пор, пока не съест все листья, только тогда он может спуститься на землю в поисках нового жилища.

В этих ужасных джунглях, тем утром, в одну из моих кратких вылазок — кратких, потому что я был один и боялся, — я остановился наблюдать гигантского ленивца, сонного, глухого и равнодушного, неподвижно свисающего с огромного сука полуобъеденного им дерева. И тут, совершенно для меня неожиданно, из зловонных сумерек выползла толпа этих желеобразных тварей. Они облепили ствол дерева и, корчась, сплошной массой стали полз-

ти вдоль сука. Ленивец, который совершенно не знает страха, испугался. Он попытался убежать от них, зацепившись за верхнюю, более тонкую ветку. Но она не выдержала и под его тяжестью обломилась. Падение было ужасным. Он никак не мог подняться на лапы. Они набросились на него, облепили дрожащим студнем и стали жадно, с бульканьем сосать его. И когда они ели, их тела из серых становились розовыми, а потом коричневыми.

К счастью, они боялись нас. Генетическая память срабатывала безотказно. Когда они чувствовали мое присутствие, они удирали от меня, ускользали, растворяясь в тенях, которыми полны джунгли, и плясали, плясали там свой дикий танец. Беспокойные липкие твари! Ужас охватил меня, когда я увидел, как они, насытившись мясом ленивца, принялись кружиться под деревьями, и я бежал, бежал со всех ног.

В крайнем возбуждении, с исхлестанным в кровь лицом, я примчался в лагерь. Леовард сидел на земле, рядом с ним лежала мертвая змея. Он размозжил ей голову ребром пластины, с которой никогда не расставался, но она успела укусить его. Ремнем он перетянул себе ногу под коленом и ждал меня.

— Вы можете сказать, что это за змея? — спросил он. — Боюсь, что она ядовита. Щеки немеют и грудь... Вот здесь, видите, руки совсем не слушаются.

— Господи! Это речная мамба. — Я едва не заплакал.

— Как жаль, что мы потеряли все медицинские препараты, — спокойно проговорил профессор. — У нас еще столько дел... О Боже! Что бы ни случилось, возьмите уцелевшие образцы и возвращайтесь назад, мой бедный Гудбоди.

Он осторожно, как священную реликвию, вручил мне свою пластину. Через два часа он скончался. Той ночью круг светящихся глаз стал сужаться. Время от времени я разряжал ружье по этим глазам. На рассвете бескостные твари исчезли.

Тело профессора Леоварда я завалил базальтовыми глыбами, с таким расчетом, чтобы люди без костей не смогли до него добраться. Потом забросил на плечо свои пожитки и ружье, прицепил к поясу мачете и пошел прочь, вниз по следам, которые мы предусмотрительно оставили. Но вскоре я их потерял и заблудился.

За несколько дней я совершенно выбился из сил. Сна-

чала мне пришлось избавиться от ружья, затем я бросил свое мачете. Спустя некоторое время мне стала тяжела пластина Леоварда. Я подвесил ее к дереву с помощью лианы и пошел дальше. Каким-то чудом я добрался до племени Ату. Индейцы выхаживали меня, словно младенца. Женщины разжевывали для меня пищу, потому что я был очень плох.

Из всех вещей, что мы оставили у индейцев, я взял столько, сколько мне было нужно, самое необходимое, остальное отдал как плату проводнику. Индейцы спустили меня вниз по реке на каноэ, и после многих месяцев скитаний по Южной Америке я сейчас перед вами. Осталось последнее: доплыть до родины, — закончил он.

— Дайте мне еще немного рома, — попросил Гудбоди.

Сейчас его руки крепко держали стакан. От рома взгляд прояснился, и он весело посмотрел на меня.

Я сказал ему:

— Допустим, что ваш рассказ правдив. Неужели эти люди без костей и есть марсиане? Даже звучит странно: марсиане — и на Земле. Выходит, они беспозвоночные и как-то чуют металл, если...

— О чем вы говорите?! — вскричал Гудбоди. — Нет, нет, марсиане адаптировались к новым условиям жизни. Они неузнаваемо изменились, деградировали, прошли долгий эволюционный путь... Вы не понимаете, что я хочу сказать? Глупец, как же вы не можете этого понять? Жалкий идиот! Леовард не открывал марсиан. Эти бескостные твари и есть люди. Мы — марсиане!

ЗАПАДНЯ

Прошло десять месяцев, как исчез за горизонтом последний бомбардировщик, и у Рольфа Смита не осталось никаких сомнений в том, что на этой планете выжили только два человека: он и Луиза Оливер. Они сидели за столиком в кафе универсального магазина в Солт-Лейк-Сити и завтракали венскими консервированными сосисками с кофе.

Солнечный свет пробивался сквозь разбитые оконные стекла. В кафе и на улице стояла оглушающая тишина: ни проезжающего мимо автомобиля, ни шума льющейся воды на кухне. Только солнечный свет и тишина — и эти вытаращенные глаза Луизы Оливер.

Он перегнулся через столик, стараясь хотя бы на мгновение завладеть вниманием ее водянистых глаз.

— Дорогая, — мягко произнес он, — я не могу не уважать ваши убеждения, но смею заметить, что они непрактичны.

Она с удивлением посмотрела на него и тут же отвела глаза. «НЕТ, НЕТ, РОЛЬФ, Я НЕ ПОСМЕЮ ЖИТЬ С ВАМИ В ГРЕХЕ».

• • •

Последнее время Рольф постоянно думал о женщинах, любых: русских, француженках, мексиканках и шоколадных девочках с африканского побережья. Он провел три месяца в полуразрушенном здании Рочестерской радиостанции, жадно вслушиваясь в живые человеческие голоса, пока они еще были. Он узнавал новости по сообщениям из Швеции, где в уцелевшей колонии нашли прибежище несколько министров правительства Великобритании. Они сообщали, что Европы больше нет. Просто нет. Не осталось ни одного акра земли, не отравленного радиоактив-

ной пылью. У них было два самолета и достаточное количество топлива, чтобы переправиться на какой-либо континент. Но где не подстерегала их смерть? Трое из них затем умерли от чумы, потом еще одиннадцать, потом... все было кончено.

Тогда же Рольф услышал позывные пилота бомбардировщика, упавшего недалеко от правительственной радиостанции в Палестине. В аварии он сильно пострадал и умер на следующие сутки. Он говорил, что видел одни только волны там, где должны были находиться Тихоокеанские острова. По его мнению, ледовые поля Арктики тоже подверглись ядерной бомбардировке.

Не было никаких известий из Вашингтона и Москвы. Молчали Париж, Лондон, Нью-Йорк, Шанхай, Сидней. И ничего нельзя было сказать о судьбе этих городов: какие из них погибли от чумы, какие от бомбовых ударов, какие занесло радиоактивной пылью.

До катастрофы Смит работал лаборантом в научной группе, пытавшейся синтезировать противочумный препарат. Отчасти это им удалось, но они опоздали. Когда все началось и нужно было спешно убираться, Смит обнаружил в сейфе только сорок ампул — все, что они успели сделать, — этого должно было хватить на несколько лет.

Прежде Луиза работала сиделкой в частной клинике под Денвером. По ее словам, произошло нечто невероятное ранним утром сентябрьского дня, когда она торопилась на дежурство в клинику и уже подошла к дверям главного корпуса. В то утро на Денвер упала первая атомная бомба. Луиза бесстрастно рассказывала о случившемся, но Смит замечал, как иногда отсутствующе останавливались ее глаза и тень беспокойства пробегала по лицу. Он не настаивал на объяснении.

Как и Смит, она проникла на действующую радиостанцию. В эфире они нашли друг друга и познакомились. К удивлению Смита, она была совершенно невосприимчива к чуме. Возможно, были и другие, такие же как и она, не так много, конечно, но бомбы и пыль вряд ли пощадили их.

Луизу приводила в замешательство мысль, что ни один протестантский епископ не избежал смерти. В том-то и заключался весь ужас, что она воспринимала этот факт со всею серьезностью, свойственной глубоко религиозным пожилым женщинам. Смит долгое время не мог поверить, но, к сожалению, это действительно было так: она не мо-

гла даже представить себе, что может спать с ним в одной постели. Она ожидала от него только приличия и подобающего порядочному мужчине благородства. Смит прилежно играл свою роль. Он поддерживал ее под руку, когда перед ними оказывалось препятствие в виде развороченной снарядами мостовой или мелкой лужи; он открывал перед нею двери, если таковые еще остались; он предлагал ей стул; он воздерживался от ругательств, — одним словом, он ухаживал за ней.

Луизе было сорок или около того, по крайней мере, она выглядела старше его лет на пять. Он часто думал, понимает ли она, как стара. Потрясение от увиденного в клинике в то роковое утро, постоянные издевательства свихнувшихся пациентов могли кого угодно свести с ума, тем более одинокую сорокалетнюю женщину. Она молчаливо признавала и соглашалась с ним, что на свете никого не осталось, все умерли, и тем не менее вела себя так, как будто ничего не произошло и мир по-прежнему здоров и благополучен.

Сотни раз за последние три недели Смит испытывал неодолимое желание наброситься на нее и свернуть ее куρινую шею. Но это вряд ли помогло бы ему. Она была единственной женщиной в мире, и он нуждался в ней. Если она, не дай бог, уйдет от него или умрет, он не выдержит и дня. Старая сука! Он поминутно давился ругательствами, сделавшими бы честь любому матросу.

— Луиза, милая, — с выражением участия обратился к ней Смит. — Я готов с радостью разделить ваши чувства, насколько это будет в моих силах. Вы знаете это.

— Да, Рольф, — рассеянно отозвалась она.

Смит усилием воли заставил себя продолжать.

— Луиза, умоляю вас, посмотрите без предубеждения на факты, какими бы пугающими они ни были. Мы с вами одни, и никого, кроме нас, в целом мире, увы, не осталось. Мы с вами как Адам и Ева в Эдемском саду.

На лице Луизы появилось едва заметное выражение отвращения. Несомненно, она вообразила фиговые листочки.

— Подумайте о будущих, еще нерожденных поколениях, — с дрожью в голосе сказал ей Смит.

«Подумайте, наконец, обо мне, — продолжал он про себя. — Если вы десять лет были добры к людям, почему же сейчас вы не можете помочь одному?» С содроганием

он вспомнил о второй стадии мучившей его болезни — беспомощной неподвижности, внезапно охватывающей все тело. Когда он впервые испытал подобный приступ, Луиза помогла ему. Без нее он торчал бы как кол, пока не издох. Она сделала подкожную инъекцию в его сведенную судорогой руку. В отчаянии он прошептал:

— Господи, помоги мне заставить эту суку родить мальчика и девочку, хотя бы только мальчика и девочку, а потом... какое дело, что будет с ней потом, — я выполню свой долг и буду спокоен.

Он снова и снова убеждал ее:

— Бог не положил конец человеческому роду, он замыслил нечто другое, и мы призваны воплотить его замысел. Он сохранил нас, чтобы...

Смит неожиданно смолк. Как бы не оскорбить ее... «родить» не подойдет, слишком откровенно.

— ...нести факел жизни, — закончил он.

Луиза бесстрастно смотрела мимо него. Белесые веки ее подергивались, и как-то по-кроличьи она пожевывала губами. С досадою Смит опустил глаза на свои ослабевшие ноги. «Я, пожалуй, не слишком желаю ее. Господи! Дай мне силы!»

Его захлестнула волна беспомощной ярости, но он не поддался ей. Голова должна быть ясной, он не простит себе, если снова упустит свой шанс. Сегодня она долго и путано рассказывала Смиту о желании подняться в горы и там молить Бога о спасении и милосердии. Она не сказала «одна», но Смит понимал, что она уже нарисовала в своем воображении весь путь, который она совершит. Он не обсуждал с нею подробности и не разуверял ее, давая возможность укрепиться в своем намерении. У него оставалась надежда, и он, собрав в кулак всю свою ярость, бросился на штурм, быть может в последний раз.

• • •

Его речь глухо шумела где-то далеко от нее. Изредка Луизе удавалось расслышать какую-нибудь фразу, и тогда ее охватывали воспоминания, навеянные этой фразой; она забывалась и мечтала. «Наш долг перед человечеством...» Мама часто говорила ей, когда они жили в стареньком домике на Ватерберри-стрит, конечно, перед тем, как мама заболела... Она говорила:

— Девочка, не забывай, что долг женщины быть добродетельной и богобоязненной. Красота не так важна в жизни, как думают. Достоинство простой женщины в том, чтобы любить мужа и хранить семью.

Муж... иметь и владеть... алые розы и радостные, нарядные люди... органная музыка. Ее глаза затуманились. Сквозь пелену она видела лицо Рольфа, тонкое и волчье. Конечно, он тот единственный, кому она отдаст свою руку. Она не сомневалась в этом. Боже мой, когда девочке за двадцать пять, она берет то, что ей дают.

Но иногда она сомневалась и спрашивала себя, действительно ли Рольф порядочный человек.

«...перед взором Господа нашего...» Она вспомнила прекрасный витраж в старой Первой Епископальной церкви. Ей всегда казалось, что Бог наблюдает за ней через сверкающее яркими красками витражное оконце. Возможно, Он все еще смотрит на нее, хотя ей иногда кажется, что Он забыл о ней. Да, она хорошо понимает, что сейчас невозможно обвенчаться так, как предписано церковью, а если нельзя получить благословение священника, тогда и думать нечего о свадьбе... Вот уж действительно будет стыд, неприличие какое-то, грех... Если она согласится выйти за него замуж, тогда она не сможет иметь все эти приятные вещи... даже мало-мальски дешевые подарки... Конечно, Рольф даст ей все, что она захочет. Она снова вглядывалась в его лицо, в его узкие влажные глаза, пристально ее рассматривающие, и замечала, как нервно подергивается тонкий рот и мясистые мочки выглядывают из-под нечесаной шевелюры.

Он не должен позволять своим волосам становиться такими длинными. Это совершенно неприлично. Да, она постарается привести его в божеский вид... Если она выйдет за него замуж, то обязательно заставит его следить за собой. Это всего лишь ее долг.

Он рассказывал ей о ферме, которую видел за городом,— хороший добротный дом с просторным коровником. Неважно, что там нет скота, они заведут его позже. Посадят сад, огород, будут выращивать овощи, не ходить же всю жизнь по ресторанам.

Она почувствовала, как Смит дотронулся до ее руки. У него были волосатые пальцы. Он на мгновение замолчал, потом заговорил настойчивее и громче. Она убрала руку со стола и положила ее себе на колени.

Он говорил:

— ...Ты выберешь свадебное платье какое пожелаешь и непременно с букетом роз. Все что ты захочешь, Луиза, я все ..

Свадебное платье! И цветы... Господи! Почему он не говорил этого раньше?

• • •

Рольф вдруг замер на полуслове: ему показалось, что Луиза что-то сказала. Он не сразу понял ее тихие и отчетливые слова:

— Да, Рольф, если вы хотите, я выйду за вас замуж.

Ошеломленный, он не осмелился переспросить ее, не ослышался ли он. Ему не хватало воздуха, он повернулся к ней всем телом и спросил:

— Сегодня, Луиза?

Она ответила:

— Если ты хочешь . то СЕГОДНЯ .. Я только не знаю. . Конечно, если ты думаешь, что ты успеешь сделать вовремя все приготовления.

Смит ликовал. Теплая волна радости ударила ему в голову.

— Повтори еще раз, дорогая,— настаивал он, не скрывая своего торжества.— Скажи «да» и сделай меня счастливейшим из смертных.

Язык его с трудом поворачивался во рту, однако он не придал этому значения. Луиза покорно опустила голову:

— Как хочешь, Рольф.

Он поднялся. Она позволила ему поцеловать свою бледную, увядшую щеку.

— Мы скоро уйдем отсюда,— сказал он.— Ты разрешишь мне на минутку выйти, дорогая?

Он дождался ее «Конечно, Рольф» и поспешил в дальний конец залы, оставляя следы на густом слое пыли.

В ее глазах он прочел покорность, теперь он сделает с ней все, что захочет. Если ему доставит удовольствие ударить ее, оскорбить, он сделает это, но не сейчас, потом — когда-нибудь. Конечно, он не будет с нею слишком грубым, все-таки последний человек на Земле. В конце концов, она может родить ему дочь.

Он открыл дверь в уборную, ступил на кафельный пол и застыл, балансируя на дрожащих ногах, вытянутый и бес-

помощный. Паника стянула гортань, когда он попытался повернуть голову и не смог. Новый приступ! Он хотел кричать и не мог разжать челюсти. За спиной медленно закрывалась дверь. На ней не было ни защелки, ни замка, но он знал, что она закрывается НАВСЕГДА — снаружи на двери висела предупреждающая табличка:

КОМНАТА ДЛЯ МУЖЧИН

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОХОТУ

Повинуясь первому импульсу, он едва удержался, чтобы не швырнуть в камин полученное приглашение. Они принадлежали к разным классам, и с их стороны было самонадеянностью на основании пары незначущих фраз в супермаркете и нескольких случайных встреч на поле для гольфа включить его в список гостей на уик-энд. Конечно, Фред Перкинс часто видел их, гуляющих за высокой чугунной оградой, окружавшей их поместье: женщины в длинных вечерних платьях разливали мартини под полосатыми тентами; им помогали мужчины, облаченные в белоснежные смокинги или клубные пиджаки,— однако все это было так же недостижимо, как торжественный обед в Белом доме у президента.

— Самое правдоподобное объяснение,— сказал он Эмили,— что меня с кем-то спутали.

— Это невозможно,— возразила жена, поворачивая конверт, изящно держа его тонкими розовыми пальцами.— В Марин-Гарденс всего один Фред Перкинс. К тому же номер дома указан правильно.

— Не понимаю. Почему из всех они пригласили именно меня?

— Глупышка, ты должен радоваться,— подавая плащ, Эмили заботливо сунула ему в карман пару сэндвичей, завернутых в фольгу.— Это настоящее признание. Ты постоянно ворчишь, что мы почти не общаемся с соседями, с тех пор как переехали сюда.

— Невероятно,— пробормотал Перкинс,— хотя я все равно никуда не пойду.— И он торопливо выбежал из своего одноэтажного коттеджа на автобусную остановку.

Всю дорогу, пока он ехал на работу, он, как собака с мозговой костью, терзался и размышлял над казавшейся неразрешимой проблемой: каким образом он привлек их внимание? Что в его внешности или манерах выделило его

из остальной массы? Наверное, это произошло в тот день, когда в бухту влетел гоночный скутер с веселой компанией молодежи из поместья. По чистой случайности (как это казалось теперь) он оказался единственным человеком на пирсе и принял швартовы. Фред с удовольствием вспомнил этот момент — загорелая блондинка перегнулась через бушприт с мотком троса в руке. «Лови!» — крикнула она и сразу же швырнула ему моток. Он ловко поймал его и крепко обмотал вокруг бетонной тумбы, помогая скутеру мягко пришвартоваться. «Спасибо!» — поблагодарила блондинка, подтягивая свой конец троса, однако в ее глазах не было даже намека, что она замечает его; минуту спустя, когда лодка причалила, она не только не пригласила его подняться на борт, но вела себя так, как будто вместо него было пустое место. «Нет, едва ли это произошло тогда», — подумал Фред.

На рабочем месте в агентстве он напрасно пытался забыть о неразрешимой проблеме; внутренние голоса целый день продолжали шептаться в его голове. Наконец, когда мысли о работе окончательно покинули его утомленный мозг, Фред поднялся из-за стола и спустился в вестибюль к телефону-автомату (несколько лет назад письменный разговор Хендерсона навсегда отучил его от привычки использовать телефон агентства для частных переговоров), откуда за десять центов позвонил своему партнеру по гольфу, Бианчи.

Они встретились во время обеденного перерыва в скромном ресторанчике на Мэйдэн-Лэйн. Бианчи был молодым человеком, недавно окончившим юридический колледж и до сих пор ослепленным невероятным блеском высшего света.

«Это встряхнет его», — подумал Перкинс, — ведь он принадлежит ко второму поколению итальянских иммигрантов: едва ли кто из его предков получал подобные приглашения».

— Проблема в том, — сказал он вслух, — что я не знаю, зачем меня пригласили. Мы едва знакомы. Хотя мне не хотелось бы, чтобы мои действия рассматривались как... ну...

— Неуважение? — подсказал Бианчи.

— Наверное. Или назовем это просто бестактностью. Нельзя недооценивать их влияние.

— Сначала нужно взглянуть на приглашение, — сказал Бианчи, допивая свой вермут. — Оно с тобой?

- Разумеется.
— Тогда показывай.

Бедняга Бианчи! За такое приглашение он отдал бы полжизни. Это было так же очевидно, как и то, что со своим неправильным английским и прыщами на лице он еще в жизни не получал ни одного. Перкинс вытащил из папки продолговатый конверт и извлек из него твердую картонную открытку с серебряным обрезом, которую положил перед собой на стол.

— Буквы выгравированы, — заметил он.

— Так и должно быть. — Прежде чем приступить к чтению, Бианчи надел очки в тяжелой роговой оправе. — Но это ничего не доказывает, если нет водяных знаков.

Он поднес конверт к настольному светильнику, надеясь — как показалось Перкинсу, — что вся история окажется сплошным надувательством.

— Все на месте, — признал он. — Боже мой!

Перкинс уловил нотку ворчливого уважения в его голосе, когда Бианчи указал пальцем на двух львов, вставших на задние лапы и опирающихся на поделенный на четыре квадрата щит.

— Это настоящий герб рода Мак-Коев, никакой ошибки.

— Мне-то какая разница? — с оттенком раздражения поинтересовался Перкинс.

— Сначала выясним некоторые подробности.

Бианчи внимательно изучал староанглийскую вязь на открытке:

Удовольствие лицезреть вас на охоте

КРАЙНЕ ЖЕЛАТЕЛЬНО

шестнадцатого августа сего года.

P. S. Соответствующая экипировка об.

— «Об.» означает — обязательно, — объяснил Бианчи.

— Я знаю.

— И что?

— Дело в том, — чересчур бодрым голосом сказал Перкинс, — что я не собираюсь никуда идти.

Он чувствовал, с каким недоверием смотрит на него Бианчи, но это только подстегивало его упрямство.

— Досадное недоразумение. Мы всего лишь соседи, и

так получилось, что у меня несколько другие планы на шестнадцатое.

— Хорошо, хорошо,— успокаивающе отозвался Бианчи,— незачем так кричать, я прекрасно слышу.

Вспыхнув от смущения, Перкинс огляделся по сторонам и наткнулся на укоризненный взгляд официанта. Очевидно, переживая затруднительное положение, он потерял контроль над своими чувствами; он поспешно вложил приглашение обратно в конверт и закрыл папку. Бианчи уже встал и складывал салфетку.

— Поступай как знаешь,— сказал он,— но помни: в городе есть по меньшей мере дюжина людей, которые готовы отдать правую руку за такое приглашение.

— Но я не охочусь!

— Никогда не поздно научиться,— холодно ответил Бианчи и подозвал официанта; расплатился и вышел.

Тем временем новость о приглашении достигла агентства. Вернувшись в офис, Перкинс отметил повышенный интерес к своей персоне. Мисс Незерсоул, младший библиотекарь, остановила его возле автомата с газированной водой.

— Я так рада за вас, мистер Перкинс! Во всем агентстве не найти более достойного человека.— Ее голос громыал, как кузнечный молот.

— Спасибо,— пытаюсь скрыть смущение, Фред отвернулся к автомату,— но если честно, я никуда не иду.

— Не идете? — резкий, поставленный голос (результат долгой работы с диктофоном) взорвался каскадом лающего смеха.— И вы заявляете это с невозмутимым лицом? Вы видели список приглашенных?

— Нет,— коротко сказал Перкинс.

— Там все указано. Списки гостей, прислуга, даже карта маршрута. Я отдала бы все на свете за такое приглашение!

«Без сомнения,— подумал Перкинс, оглядывая ее угловатую, мужеподобную фигуру, практически без груди.— Это единственное развлечение из оставшихся доступными тебе». Однако вслух он сказал:

— У меня другие планы на шестнадцатое,— и вернулся обратно за свой стол.

Прижатый пресс-папье, на столе лежал отпечатанный список приглашенных. Прекрасно понимая, что глаза всех сидящих в офисе незаметно наблюдают за ним, Фред не ре-

шился раскрыть его; вместо этого он сунул список в карман пиджака и как ни в чем не бывало уселся в кресло. Часом позже он небрежно поднялся и, миновав длинный ряд столов, спустился в мужской туалет, где в плотно запертой кабинке опустился на унитаз и дрожащими руками расправил на коленях полученный список. Мисс Незерсоул оказалась права: собрание гостей действительно впечатляло. Три внушительные колонки заполняли имена; напротив имен, как алмазы, сверкали титулы и звания; тут были генералы, конгрессмены, промышленники и президенты университетских ассоциаций; затем шли издатели солидных журналов, известные киноактрисы и полярные исследователи; еще ниже располагались ведущие телепрограмм, регенты, выдающиеся романисты, — Перкинс был просто не в состоянии переварить весь список. Его глаза заскользили по сверкающим буквам и наконец уперлись в предмет бессознательных поисков — тисненую надпись: «Мистер Фред Перкинс». Скромное имя, без титулов и званий — даже без указания профессии. Перечитав четыре раза собственное имя, он аккуратно сложил список и сунул обратно в карман пиджака.

— Ну что ж, — он улыбнулся, плотно поджав губы, — все равно не пойду...

Однако Эмили, очевидно, тоже видела список.

— Телефон звонил целый день, — сообщила она, как только Фред вошел в дом и поставил свой «дипломат» на плетеное кресло рядом с телевизором. — Само собой, все сгорают от зависти, хотя никто не признается, так что мы не получили ничего, кроме поздравлений.

Она помогла ему снять плащ.

— Идем в гостиную, — загадочно прошептала она. — У меня приготовлен небольшой сюрприз для тебя.

Зазвонил телефон.

— Нет, подожди. Без меня не входи.

Он постоял, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, пока она не вернулась.

— Это Карриганы, — объявила она. — Бетти приглашает нас на вечер семнадцатого. Дата, естественно, не случайна, — добавила она. — Они надеются выкачать из тебя все подробности до того, как их услышат другие. А сейчас идем... — И, как ребенок в рождественское утро, она взяла его руку и увлекла в гостиную.

Слабо сопротивляясь, Перкинс вяло последовал за ней.

— Это не очень дорого?

На низком столике красного дерева (еще не полностью выкупленном из кредита) раскинулись золотисто-коричневые габардиновые брюки, пятнистая рубашка и ярко-розовый пиджак с крупными медными пуговицами. В центре стола, где обычно стояла ваза с цветами, расположилась пара сверкающих ботинок.

— Твой костюм.— Эмили взмахнула перед его глазами ярким лоскутом желтого шелка.— Для галстука подойдет моя нефритовая заколка с инкрустацией из оникса. На завтра я заказала хлыст для верховой езды с серебряной рукоятью. Его должны доставить утром.

— Ты поднимаешь много шума из ничего.— Перкинс взял в руки ботинок, потрогал мягкую блестящую кожу.— Они, должно быть, стоят уйму денег. Сколько ты заплатила за них?

— Я взяла их в кредит, глупый,— Эмили счастливо рассмеялась,— на двенадцать месяцев.

— У меня будет дурацкий вид в этом пальто.

— Не говори глупостей. Такой представительной внешности, как у тебя, позавидует любой мужчина.

— Ладно,— неуверенно пробормотал Перкинс,— мы всегда можем отправить их обратно, если я передумаю.

После ужина заехал Бианчи, на своем старом «студебеккере», слегка навеселе после вечерних коктейлей. Эмили встретила его у дверей.

— Фред в спальне, примеряет свой новый охотничий костюм,— проворковала она.— Сейчас он выйдет.

— Кто там? — крикнул Перкинс, получив ответ, он поспешно сбросил розовый пиджак (который все равно немного жал под мышками) и набросил домашний халат. После разговора в ресторанчике он стыдился показать Бианчи, что его решимость поколеблена.

— Ну, Фред,— произнес Бианчи, когда они уселись в гостиную,— надеюсь, ты передумал насчет... э-э... — он покосился на Эмили, пытаясь понять, известно ли ей о приглашении.

— Продолжай. Я уже рассказал ей,— сказал Перкинс.

— Конечно, ты можешь отказаться, если ты твердо решил, — аккуратно подбирая слова, проговорил Бианчи,— но я бы не советовал этого делагь. Стоит им подумать, что ты задираешь нос, и твои дела обернутся хуже некуда, будь уверен.

— Это смешно! — вмешалась Эмили. — Он не собирается отказываться. Правда, милый?

— Ну... — пробормотал Перкинс.

Уловив нерешительные нотки в его голосе, жена горячо продолжала:

— Это твоё признание, Фред. Не смей и думать о том, чтобы отказаться. Подумай о детях! Через несколько лет им поступать в колледж, а тебе прекрасно известно, что для этого требуется. Ты серьёзно намерен оставаться всю жизнь в этом доме?

— Не вижу в этом ничего плохого, — попытался защититься Перкинс, вспомнив, что ссуда за дом ещё не выплачена.

— Предположим, что приглашение прислали по ошибке, — продолжала Эмили. — Я не говорю, что это так, но предположим на минуту. Какие ещё причины могут заставить тебя отказаться от него?

— Я не охотник, — вяло вставил Перкинс. — И буду смешно смотреться на коне.

— Не смешнее, чем девяносто девять процентов остальных приглашённых. Не станешь же ты утверждать, что сенатор Горман скачет как кентавр? Или твой босс, мистер Хендерсон? Его трудно спутать с жокеем.

— Он тоже приглашён? — с удивлением спросил Перкинс.

— Естественно. Если бы ты взял за труд повнимательнее посмотреть список, ты бы сам заметил.

— Хорошо, хорошо, — сдался Перкинс, — тогда я иду.

— Думаю, это будет самым разумным решением, — адвокатским тоном одобрил Бианчи.

Этим же вечером Перкинс написал подтверждение — чернильной ручкой на чистой картонной открытке без серебряного обреза.

— Серебряные обрезы оставим соседям, — заметила Эмили, — иначе они могут подумать, что ты зазнался.

По телефону она вызвала рассыльного, объяснив мужу:

— Это не тот случай, когда пользуются почтой.

И на следующее утро рассыльный в униформе опустил его подтверждение в почтовый ящик рядом с будкой смотрителя.

Остаток недели пролетел незаметно. Эмили пометила мелом розовый пиджак и коричневые брюки и отослала их

на переделку. Желтый галстук, решила она, не подойдет — «немного ярковат», — и заменила строгим кремовым. Изменения не обошли и галстучной заколки с запонками: их заменил тяжелый серебряный набор, который Эмили присмотрела в ювелирном магазине в городе. Траты были разрушительны, однако Эмили пресекала любые возражения.

— Тебе необходимо произвести хорошее впечатление; если все пройдет гладко, тебя снова пригласят и можно будет снова надеть этот костюм. К тому же запонки неплохо подойдут к твоему вечернему смокингу, — добавила она в некотором раздумье.

В агентстве Фреда Перкинса ожидала новая волна уважения. В понедельник мистер Пресби, управляющий, поинтересовался: не будет ли Перкинсу удобнее, если передвинуть его стол ближе к окну?

— С кондиционерами разница, разумеется, небольшая, но вид снаружи помогает расслабиться и отвлечься.

Фред поблагодарил его за заботу.

— Не стоит благодарностей, — сказал Пресби. — Это лишь незначительный знак внимания, показывающий, как мы ценим вашу работу, мистер Перкинс..

И как финальный свисток, в пятницу после обеда сам Хендерсон, шеф агентства и распорядительный директор фонда «Интерконтинент и гарантии», задержался перед столом Фреда по пути домой. После десяти лет рассеянных кивков при случайных встречах такое внимание заметно подстлило Фреду.

— Полагаю, завтра утром увидимся, — сказал Хендерсон, на секунду опершись о край стола одной из своих огромных ляжек.

— Полагаю, да, — бесцветным эхом отозвался Перкинс.

— Будем надеяться, что у них найдется бокал виски, — отдуваясь, продолжал Хендерсон. — Разумеется, горячий пунш ближе к старым охотничьим традициям, но меня от него пучит.

— Я прихвачу с собой фляжку, — сказал Перкинс, как будто это было его давнишней охотничьей привычкой.

— Отличная идея, — подбодрил Хендерсон и, уже выходя из офиса, бросил через плечо: — Оставь глоточек и мне, Фредди!

После ужина Эмили уложила детей в постель, и они вдвоем неторопливо прогулялись к окраине Марин-Гарденс, где долго смотрели через поля на большие здания за чугунной оградой. Даже издалека от глаз не могли укрыться признаки оживления и активности. Парковочные площадки под вязами казались переполненными черными лимузинами; на просторных лужайках для гольфа официанты устанавливали зеленые столы для утреннего завтрака. Пока они наслаждались открывшимся видом, вдоль внешней стороны ограды на гладкой кобыле протрусил жокей, ведя в поводу около сорока стройных, упитанных, черных и коричневых коней из загородных конюшен.

— Погода будет замечательной,— прошептала Эмили, когда они повернули обратно.— Совсем не чувствуется, что уже осень.

Перкинс не ответил, погруженный в собственные мысли. На завтрашнюю охоту идти почему-то не хотелось; крохотная частица его «я» упорно продолжала сопротивляться. Неожиданно он почувствовал, что дрожит от какого-то нервного предчувствия; естественно, этого следовало ожидать: новое окружение, боязнь неудачи, какого-нибудь досадного промаха, опасение не оправдать ожиданий — этого было достаточно, чтобы объяснить дрожание рук и неровные удары сердца.

— Сегодня ляжем пораньше,— сказала Эмили,— тебе необходимо хорошо отдохнуть.

Перкинс кивнул, и они направились к дому. Однако, несмотря на очевидную необходимость, ему так и не удалось сомкнуть глаз: образы всевозможных промахов и неудач заставляли его ворочаться, метаться в постели. Наконец Эмили не выдержала:

— Перестань лягаться, ты не даешь мне заснуть,— после чего забрала подушку и ушла в детскую.

Чтобы не проспать сбор, Перкинс поставил будильник на шесть утра, однако проснуться ему пришлось гораздо раньше.

— Перкинс? Фред Перкинс?

Он вскочил на постели.

— Да?

Было светло, хотя солнце еще не всходило. В спальне стояли двое мужчин. Высокий, который только что тряс плечо Фреда, был одет в черный кожаный плащ; его фуражку украшал геральдический щит, в шахматном порядке разделенный на желтые и красные квадраты.

— Поднимайся! — пророкотал незнакомец.

— Пошевеливайся! — добавил второй, пониже и старше, тоже затянутый в кожу.

— В чем дело? — с трудом выдавил из себя Перкинс. Бешеные удары сердца, захлебывающегося адреналином. окончательно пробудили его.

— Вылезай из кровати, — приказал высокий и, схватив одеяло рукой, рывком сдернул его на пол. Когда он наклонился, Перкинс увидел двух львов, поддерживающих передними лапами щит, вытисненный на рукаве плаща. Дрожа от холода, в одних трусах, Перкинс поднялся с постели.

— Что происходит? — тупо повторил он.

— Готовься к охоте, — сказал незнакомец постарше.

— Мне надо одеться, — спотыкаясь, Перкинс направился к столику, где в сером утреннем свете сверкали роскошный розовый пиджак и габардиновые брюки. Однако, повернувшись, он получил чувствительный удар короткой дубинкой, которую высокий незнакомец держал в руке.

— Обойдешься без одежды, — рассмеялся высокий. Краем глаза Перкинс успел заметить, как коротышка поднял розовый пиджак за фалды и разорвал по шву.

— Послушайте!.. — начал Перкинс, но, прежде чем он успел закончить, незнакомец в кожаном плаще вывернул ему руку и вытолкнул через застекленную дверь наружу в холодный, кристально чистый воздух. За его спиной в дверях неожиданно возникла Эмили в ночной сорочке; Перкинс услышал ее испуганный крик и звон разбитого стекла, когда коротышка с силой захлопнул дверь. Вырвавшись, Перкинс в ярости бросился через лужайку, но двое загонщиков скоро настигли его. Крепко держа под руки, они проволокли его по улице до окраины Марин-Гарденс, где начинались поля. Швырнув его на колкую от жнивья землю, они остановились, и коротышка вытащил хлыст.

— А теперь, сукин сын, беги! — заревел высокий.

Резкая боль от удара хлыстом обожгла спину Перкинса. Оступаясь, он поднялся на ноги и вприпрыжку бросился по полю. Трава резала голые ступни, пот катился по обнаженной груди, а рот переполняли гневные ругательства и ярость, однако он бежал, бежал... Уже пересекая второе поле, он различил отдаленный лай и чистый, высокий звук охотничьего рога.

КЛЕТКА

— В замке говорят, — молодая графиня с безразличным видом ласкала красивую брошь на ленточке, обвивавшей ее нежную шейку, — что он воплощенный дьявол.

Ее муж презрительно усмехнулся:

— Кто это говорит? Глупцы и сплетницы. Он прекрасный управляющий и хорошо справляется с делами. Быть может, он немного суров? Холоден? Однако этого мало для воплощения Саганы.

— Суров? — задумчиво проговорила графиня, глядя на удаляющуюся фигуру в черном. — Наверное, да. Но холоден? Говорят, он пользуется успехом у женщин.

— Опять «говорят»! Сплетни. Но если и так, разве может демон Люцифер спать с земной женщиной? — Довольный своей логикой, граф снова презрительно усмехнулся.

— Наверное, может, — ответила жена. — Чтобы явиться на Землю, он должен принять человеческий облик. Разве не примет он и желания человека вместе с его оболочкой?

— Уверен, что этого не знает никто. Столь тонкие вопросы теологии, я думаю, вам лучше обсуждать со святыми отцами, моя дорогая.

Графиня улыбнулась:

— О чем он говорил с вами?

— Ни о чем серьезном. Так, некоторые дела. Мы идем обедать?

— Конечно.

Граф подал жене руку, и они медленно двинулись вдоль украшенных гобеленами покоев замка.

— Мне показалось, что он на чем-то настаивал, — после недолгой паузы проговорила графиня.

— О ком вы?

— О вашем управляющем.

— Он требовал более сурово наказывать крестьян.

Снисходительность развращает их. Он напомнил мне о мере пыток во времена моего отца. Одна мысль о ней удерживала людей в повиновении.

— Во времена вашего отца? Он знал его?

— Жестокость моих предков, дорогая, навеки останется позорным пятном на нашем фамильном гербе. Из-за нее у нас так много врагов. Я стараюсь воздерживаться от наказаний, потому что мне не хотелось бы, чтобы история назвала наш род тираническим.

— Все равно он дьявол.

— Вы упрямы, как молодая гусыня.— граф рассмеялся.— Прекрасная, но капризная молодая гусыня.

— В таком случае вы гусак, мой лорд.

— Старый гусак...

Супруги сели за стол.

— Мой лорд,— начала графиня.

— Я слушаю вас, мой друг.

— Эта старая камера пыток... Странно, что я не видела ее до сих пор.

— За три месяца вы были просто не в состоянии осмотреть весь замок,— сказал граф.— К тому же в эту камеру ведет потайная лестница. Дверь тоже с секретом. Если вам угодно, мы можем спуститься туда после обеда, хотя там нет ничего, что могло бы заинтересовать прелестную молодую гусыню.

— Три месяца...— едва слышно произнесла графиня, снова касаясь броши на шее.

— Они кажутся вам долгими с тех пор, как мы поженились? — спросил граф.

— Долгими? — Графиня ослепительно улыбнулась.— Мой лорд, все было как будто вчера.

• • •

— Слуги считают, что вы воплощенный дьявол.— Стоя перед зеркалом, графиня расчесывала волосы.

— Вас это пугает?

— С какой стати? Ведь вы пришли сюда не затем, чтобы унести меня в преисподнюю?

— Кто знает?

— Вы говорите загадками.

— Как и полагается дьяволу.

— И, как он, вы дурно себя ведете.

— Почему? Разве мои манеры стали хуже оттого, что я здесь, в вашей спальне?

— Пожалуй, нет. Но вы советовали моему мужу уподобиться тирану, стать таким же, как и его отец.

— Он вам сказал об этом?

— Да. И сегодня он показывал мне камеру пыток, которую вы советовали открыть снова. Какая жестокость! Там так мрачно и сыро. А глубина? Несчастный узник разорвет легкие от крика, но его все равно никто не услышит.

— Ваши глаза блестят. Мне кажется, эта камера очаровала вас.

— Очаровала? Нет же! Она отвратительна. Эта жуткая дыба... О! Только представьте себе вывернутые суставы, рвущиеся сухожилия!..

— Ваш голос дрожит от возбуждения. Все это в вас.

— Какое страшное колесо там, внизу. И железные сапоги... У меня красивые ноги, не правда ли?

— Они безукоризненны.

— Высокий подъем и носок небольшой и ровный. Ненавижу большие ступни. У вас ведь они не большие?

— Вы забываете: у меня нет ступней. Только копыта.

— Однако вы забывчивы. Может быть, я и поверю вам. Но где же ваши рога?

— Они невидимы. Как и те, что очень скоро украсят голову вашего супруга.

— Ну, полно. Вы слишком высоко оцениваете свои чары.

— Как и вы свои...

— Знаете, что мне показалось самым страшным?

— Страшным? Где?

— В камере пыток, разумеется.

— О! И что же вам показалось самым страшным?

— Там была клетка. Маленькая клетка. В ней с трудом уместилась бы собака, так она была мала. И знаете, кого в ней держали?

— Кого же?

— Людей!

— Не может быть!

— В ней держали людей,— повторила графиня.— Несчастные не могли ни выпрямиться, ни лечь. Они даже сесть не могли в этой клетке, потому что вместо дна там были шипы! Их держали взаперти по нескольку дней. Ино-

гда недель. Пока они не сходили с ума от мучений. Я предпочла бы дыбу такой смерти...

— Или «испанские сапоги» для ваших прелестных ножек?

— Нет. Перестаньте, сейчас же. Это щекотно.

— У вас нежная кожа...

— Немедленно уходите. Граф может войти в любую минуту.

— Мы расстаемся до завтра, моя госпожа...

В одиночестве, улыбаясь собственным мыслям, графиня задумчиво поглаживала свои маленькие ступни там, где он целовал их. Она и раньше слышала о поцелуях, которые обжигают — их часто воспевают плохие трубадуры, — однако до сегодняшнего вечера она думала, что это всего лишь поэтическое преувеличение. Он желал ее, о, как он желал! И он добьется ее в конце концов, но не сейчас. Пусть возгорится. Пусть насладится ею издали и ее прелести покорят его. Она позволит ему целовать себя такими же жгучими поцелуями. О нет. Это будут не губы. Пока еще нет... может быть, ноги, кончики пальцев, лоб. Пусть он умоляет и стонет. Пусть страдает.

Она счастливо вздохнула, подходя к постели. Восхитительное чувство — быть женщиной, и к тому же прекрасной; рассыпать, словно крохи, благоволение и смотреть, как мужчины сражаются за них; слушать, как они тяжело дышат и просят еще, но только смеяться и оставлять их умирать в муках голода. Этот уже тяжело дышит — скоро он будет умолять ее. И будет страдать от голода — долго-долго. Потом, в одну из ночей, она решит, что он страдал достаточно, и позволит ему утолить голод. Какой же будет его жадность! Он поспешит вернуть утраченное за недели голода; он будет пировать и насыщаться, но скоро все кончится, и она снова заставит его ощутить голод — столь сильный, что он поглотит самого себя. Это будет восхитительно...

• • •

— Если вы действительно верите, что я дьявол, тогда почему я не покорю вас с помощью inferнальных чар? Почему я пресмыкаюсь у ваших ног, больной от любви к вам?

— Вероятно, вам нравится эта игра, мой Черный Принц. Можете поцеловать меня сюда.

— Нет, нет. Мне нужны ваши губы.

— О, вы становитесь несносны! Пожалуй, вам лучше уйти.

— Нет... нет...

— Так лучше. Я даже могу обещать вам мое расположение.

— Ах! Моя любовь!

— Нет, сядьте. Это совсем не то, что вы называете благосклонностью. Всего лишь немного расположения. Хотя я не знаю, заслуживаете ли вы его. Вы желаете получить все, но взамен не обещаете ничего.

— Все, что угодно госпоже. Все...

— Какие громкие слова! Но, может быть, вы и в самом деле подарите мне что-нибудь...

— Все.

— Говорят, что вы требуете взамен страшные вещи. Я буду страдать в невообразимых муках целую вечность... Ах, я вижу, вы этого не отрицаете. Мой Принц, я действительно верю, что вы воплощенный дьявол.

— Клянусь, я отдам вам все, чего бы вы ни пожелали. Только скажите слово!

— Я молода. Мужчины восхищаются мной, моим телом. У меня красивые руки, стройные ноги... Вы хотите обладать ими?

— Да! Да!

— Тогда сделайте так, чтобы моя красота никогда не угасла. Сделайте так, чтобы отныне ни время, ни грубая сила не могли изменить меня. Я хочу, чтобы моя молодость длилась вечно.

— Вечно...

— Ха-ха-ха! Я обманула вас? Если я не умру, то где же вечные муки? Ну, вы оказываете мне это снисхождение, господин Дьявол?

— О, я не властен это сделать.

— Чудесно! О, что за актер! Я начинаю восхищаться вами. Другие мужчины, надев личину Врага, обязательно ответили бы «да». Но вы... вы так честны.

— Я не властен исполнить ваше желание.

— Ну полно, или я умру от смеха! Эта игра так забавна. Сколько огня в этом куске льда! Прекрасно, я сыграю свою роль до конца. Ответь мне, Сатана, исполнишь ли ты

мое желание, если... если взамен я отдам тебе всю себя?

— Мучительница!

— Всю! С головы и до кончиков пальцев, мой демон! За одно лишь желание.

— Силы Тьмы будут kloкoтaть и кипеть, но... да! Да! Все, что угодно!

— Ага! Наконец-то ты разоблачил себя, мой плутишка. Иди же, бери эти губы, я принимаю твоё обещание.

• • •

— Вы называли его воплощением дьявола, и теперь я склонен поверить вам!— вскричал граф.— Вероломная тварь! Обесчестить мою жену в моём собственном доме!

— Мой лорд, как вы можете думать...

— Молчите! Глупая гусыня, вы все ещё надеетесь утаить измену? Он ушёл без единого слова; бежал под покровом ночи. Почему? А ваша брошь — брошь моей матери! — её нашли в его спальне. В вашем будуаре лежала одна из его перчаток. Изменница!

— Но я лишь слабая женщина.

— Слезы вам не помогут. Отныне вам следует смириться со своей судьбой. Благодарите Бога, что перед вами не мой отец. Он заключил бы вас голой в эту клетку и держал бы в ней до тех пор, пока вам не отказал бы рассудок, а ваше тело не истлело бы. Но я не тиран. Вы проведёте внизу только ночь, дрожа от страха и холода, в раскаянии, и только утром я освобожу вас. Надеюсь, этот урок вы запомните на всю жизнь. Я ухожу. Вероятно, вы станете кричать. Бессмысленно, поберегите себя. Никто не услышит вас. Думайте о своих прегрешениях! Кайтесь!

• • •

— Не знаю, что привело этого человека ко мне.— Герцог Альба в сопровождении адъютанта обходил поле сражения.— В замке все убеждены, что он дьявол. Странное суеверие. Он был управляющим у старого графа, и надо сказать, его сведения пришлись очень кстати. С его помощью я узнал все, что было необходимо для штурма; он показал мне тайные ходы и слабые участки стен, начертил расположение помещений замка, даже назвал точное число охраны и расписание её страж... Все, что мне требо-

валось для штурма. Мои войска уже несколько месяцев стояли в ожидании наступления. Я поднял их через час, и благодаря моему информанту сражение закончилось задолго до рассвета.

— Вас можно поздравить, мой герцог. Но где этот странный человек сейчас?

— Скрылся. Я щедро заплатил ему, и, только между нами, барон, я думал убить его, как он исчез. Подобные люди слишком опасны, чтобы оставлять им жизнь. Однако подлец оказался ловок: он скрылся сразу после моей победы.

— Зато у вас в руках старый граф. На крепостной стене тесно от отрубленных голов; не его ли бороду треплет ветер?

— Да, и такая участь ожидает всех недругов моего рода.

— Виват, мой герцог! А где же жена этого старого болвана?

— Графиня? Увы .. Это единственное, что омрачает мою победу. Я с удовольствием полонил бы ее прекрасное тело, прежде чем отсечь его от прелестной головы. Должно быть, кто-то предупредил ее. Мои солдаты перевернули весь замок, но безуспешно. Графиня сбежала. Все же... где бы она ни была, надеюсь, до нее долетят вести о том, что я намерен сделать с ее замком.

— Вы решили уничтожить его?

— До основания! Останется лишь место, где он стоял. На руинах вознесутся новые стены из прочного камня: мой замок будет памятником падению графа и моей победе. Навеки!

— Виват... Но где же скрывается молодая графиня?

— Об этом ведает лишь дьявол. Желаю ей выплакать глаза в муках вечности.

СТРАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИСТЕРА БОНДА

По лесистому склону долины мистер Бонд выбрался на лунную поляну. Плащ-инвернесс, заметно выделявший его дородную фигуру на фоне деревьев, на спине был изрядно исцарапан и облеплен множеством веточек, колючек и листьев, и мистер Бонд рукой аккуратно стряхнул с себя древесную шелуху. Отряхнувшись, он поправил поудобнее на плечах свой рюкзак и стал осматривать местность, раскинувшуюся перед ним.

Вдали, у самого леса, стоял дом; из его трубы вилась светлая и спокойная струйка дыма.

Дом! Постоялый двор! Снова вернулось чувство голода, однако на этот раз оно превратилось в источник предвкушаемого удовольствия. Пробираясь вперед и придерживая шляпу рукой, мистер Бонд наблюдал, как рубиновое мерцание далекого огонька становится все сильнее и ярче; наконец он остановился под самой вывеской и чуть не заплакал от радости, не веря в собственное везение.

«Покой путешественника», — прочитал он. Рядом было написано имя хозяина: «Криспин Сассерах».

Спокойствие ночи смущало его, он не решался постучать в затворенное окошко. В первый раз за все время усталость всей тяжестью навалилась на путешественника. Он уже представлял себе мягкую, уютную кровать, представлял себя лежащим на ней в безмятежном сне. Он прикрыл на минуту глаза и слегка расслабился под своим инвернессом; когда снова взглянул на крыльцо, там стоял человек с большим и гладким лицом овальной формы, с губами, растянутыми в улыбке.

— Входите, входите, — почему-то шепотом сказал он. — Входите же. Сегодня она готовит славный бульон!

Он повернулся и засмеялся, держа фонарь над головой.

Мистер Бонд проследовал через входную дверь. Коридор стал шире, его сменила прихожая. Здесь, среди теней, резво выскальзывавших из потаенных местечек, стоило только приблизить к ним горящий фонарь, хозяин остановился и взмахнул свободной рукой, словно призывая гостя прислушаться. Немедленно тишину дома нарушили вздохи и сопение мистера Бонда. Он услышал, точнее, он почувствовал запах «славного бульона» — уже в прихожей он уловил его сложный и неуловимый аромат: перечный, тяжелый, как мед, и легкий, как паутина, плывущая в воздухе.

Мистер Бонд поглядел на Криспина Сассераха, на тени за его спиной, снова на Криспина Сассераха. Тот стоял, задрав свое огромное, безбородое лицо к свету фонаря, который все еще держал в вытянутой руке. Потом порывисто, как будто сожалея, что приходится прерывать столь сладостное предвкушение, он дернул мистера Бонда за плащ и провел его в освещенную гостиную. Широким взмахом руки он представил гостя своей жене, которая стояла возле круглого стола прямо под массивной люстрой. Ее черные волосы блестели в свете множества свечей, а полные руки бесшумно помешивали темное варево, кипящее в котле.

Миртла Сассерах была молодой, небольшого роста женщиной. Длинные ресницы ее, на миг приподнявшись, снова уткнулись в огромный котел. Оглядев женщину, мистер Бонд чопорно втянул в воротник свой подбородок и перевел взгляд на Криспина Сассераха, потом на черпак, перемешивающий варево. Быстрым, нервным жестом хозяин усадил гостя за стол, выхватил у жены черпак, погрузил его в котел и сунул наполненную до краев миску в руки Миртле, которая тотчас же двинулась с ней к мистеру Бонду. Облака пара окутывали ее лицо и застилали строго глядевшие черные глаза.

Невнятно пробормотав полагающуюся перед трапезой молитву, мистер Бонд откинулся на спинку стула и причмокнул губами, как бы выговаривая: «Ложку».

— Замечательный бульон! — прошептал он, вытирая носовым платком брызги.

Криспин Сассерах засмеялся, не в силах удержать восторга.

— Я всем говорю, что лучше этого бульона нет ничего на свете! — После этого он разразился взрывом дребезжащего смеха и послал воздушный поцелуй жене.

Минуту спустя оба супруга предоставили гостя самому себе, склонившись к собственным мискам с бульоном и обсуждая домашние дела, как будто, кроме них, за столом ничего не было. Иногда их голоса становились неразличимыми за звуками еды. Однако стоило опустеть миске гостя, как в то же мгновение Криспин Сассерах вновь превратился в шумного и предупредительного хозяина.

— Еще по одной, сэр? — предложил он, поднимая черпак и погружая его по рукоять в котел, тогда как Миртла снова поднялась со своего места и во второй раз направилась к гостю.

Мистер Бонд сказал, что да, это было бы неплохо, и придвинул чуть ближе к столу свой стул. Жизненные силы вдвое против обычного заиграли в его теле; в ногах он ощущал необыкновенную легкость, как будто их искупали в ванне, полной сосновых иголок.

— Вот и ваша порция, сэр! Миртла несет ее! Боже всемилостивый! Как бы я желал попробовать его в первый раз! — Выставив локти, хозяин склонился над дымящейся миской, но снова задребезжал тонким смехом: — Этот бульон как вино! Да он и есть вино, клянусь Богом! От него не устоишь на ногах!

Горящее от возбуждения лицо казалось шире обычного; блестящие каштановые волосы рассыпались, словно проволока, и вспыхивали в отблесках свечей все ярче и ярче, будто кто-то раздувал их кузнечными мехами.

Согретый живительным бульоном, мистер Бонд принялся описывать, как он выбирался из долины. Его голос звучал так обыденно и слова он подбирал такие, будто он сидел дома у камина со своей женой и детьми. «И тут я оглядываюсь: куда же это меня занесло? — монотонно жужжал мистер Бонд. Затем продолжал: — Я так обрадовался вашим огням, прямо вам скажу!» — и, довольный, засмеялся. В этом месте рассказа Криспин выскочил из-за стола: его маленький рот распирало от смеха.

От стола вечер переместился к уголку возле камина. Свежесрубленные сучья потрескивали, словно ружейные выстрелы, когда Криспин Сассерах подбрасывал их в огонь. Усталый путешественник не мог бы желать ничего лучшего, чем вот так сидеть здесь, у камина, и неторопливо беседовать с Криспином, краешком глаза наблюдая за Миртлой, прибирающей после ужина, хотя, конечно, всем было известно, что мистер Бонд весьма снисходи-

тельно относится к женскому полу. Прикрытые длинными ресницами глаза Миртлы мистер Бонд находил скромными и даже хорошенькими. Одну за другой хозяйка задувала свечи, и с каждым гаснущим огоньком она становилась эфемернее, обретая сходство с огненным божеством идолопоклонников. «Присядь и поговори с нами», — подумал мистер Бонд, и словно в ответ на это мысленное приглашение Миртла сразу же подошла к мужчинам.

• • •

Ему предоставили все удобства. В спальне мистер Бонд нашел разведенный очаг и чашку бульона на столике возле кровати.

— Ох, это уж слишком! — громко воскликнул он уже с раздражением. — Они несносны! Прямо как расшалившиеся школьники! — и, схватив чашку, выплеснул ее содержимое в запущенный сад под своим окном.

Черная стена леса, казалось, возвышалась всего в нескольких футах от подоконника. Просторную комнату освещало смешанное мерцание луны, свечей и камина.

Жаждающий покоя и глубокого сна без сновидений, этой привилегии путешественников, мистер Бонд повернулся и осмотрел стены, в которых ему предстояло провести ночь. С удовлетворением он задержал взгляд на укрытой пологом кровати с четырьмя массивными ножками — по размеру она не уступала маленькой комнате; осмотрел тяжелые дубовые шкафы и кресла; высокие, изогнутые подсвечники со свечами, обгоревшими наполовину, — без сомнения, ими пользовался прежний постоялец; низкий потолок, до которого можно было дотронуться вытянутой рукой. Он потрогал его.

...Прохладным туманным утром мистер Бонд не увидел и намек на вчерашний лес; спускаясь вниз, он почувствовал, что гостиная до самой лестницы успела пропитаться густым ароматом свежего бульона. Сассерахи уже сидели за утренним столом, как дети, радующиеся возможности начать день с любимого кушанья. Криспин Сассерах держал в руке ложку и причмокивал, в то время как Миртла, скромно потупившись, помешивала дымное варево черпаком. Мистер Бонд чуть слышно вздохнул, когда снова увидел ее черные, блестящие волосы. Еще он отметил безукоризненное состояние кожи обоих Сассерахов: ни

пятнышка не было видно на их свежих лицах и руках. Причину чистоты и эластичности кожи супругов мистер Бонд незамедлительно приписал целебным свойствам восхитительного бульона, равно как и животворному горному воздуху. В своей обычной суховатой манере он принялся рассуждать о здоровье. Чета Сассерахов внимательно слушала его, но в середине рассуждений мистера Бонда Криспин Сассерах взволнованно заметил, что у него есть брат, который тоже держит постоянный двор, всего в одном дне пути вдоль опушки леса.

— О,— проговорил мистер Бонд, с неудовольствием настораживаясь,— так у вас есть брат?

— Разумеется,— выразительно прошептал владелец гостиницы,— это очень удобно.

— Удобно? Для чего?

— Ну, для постоянных дворов и для постояльцев. Его зовут Мартин. Мы делим наших гостей. И мы помогаем друг другу. Настоящее братство, клянусь Богом!

Мистер Бонд сердито уставился в миску с бульоном. «Они делят своих гостей...— мысленно пробурчал он,— но я-то тут при чем?» Вслух он, однако, сказал следующее:

— Вполне возможно, я когда-нибудь встречу вашего брата, мистер Сассерах.

— Не когда-нибудь, а сегодня! — воскликнул Сассерах, бросая на стол ложку.— Я сам отвезу вас к нему сегодня! Только не беспокойтесь,— прибавил он, перехватив недоуменный взгляд гостя. Тут он мысленно польстил себе, предположив, что угадал этот взгляд правильно.— Вас привезут к нам обратно. Не беспокойтесь! Послезавтра или послепослезавтра — в один из этих дней! Ведь так, Мир? Ведь так? — повторил он, подпрыгивая вверх-вниз на своем стуле, как огромный ребенок.

— Да, так,— ответила Миртла Сассерах напряженно вглядывавшемуся в ее лицо мистеру Бонду.

Минуту спустя хозяина уже не было в комнате. Из прихожей он крикнул Миртле, чтобы она приготовила его башмаки. В поднявшейся суматохе мистер Бонд чопорно поклонился Миртле Сассерах и, сохраняя благодушный вид, вышел в дикий сад за домом подышать свежим воздухом.

Сад оказался более запущенным, чем это показалось вчера из окна спальни. Обнесенные изгородью заросли травы доходили до пояса, там и тут покачивались головки

репейника; его колючки в изобилии цеплялись к одежде, когда мистер Бонд пробирался к калитке в дальнем конце этого заустения. У самой ограды он остановился, прикидывая на глаз расстояние до леса, потом решительно зашагал по жесткому дерну, покрывавшему пространство между ним и лесом. В безоблачном небе светило солнце, занимался день, и мистер Бонд в очередной раз остановился, внимательно обводя взглядом нескончаемую стену деревьев, когда вдруг услышал голос хозяина, окликавшего его:

— Мистер Бонд! Мистер Бонд!

С видимой неохотой мистер Бонд повернулся и осторожно двинулся через сад, стараясь не цеплять репьев и колючек. Он нашел Криспина Сассераха уже готовым к отъезду: хозяин суетился вокруг огромного, запряженного в двухколесную повозку коня. Рядом стояла Миртла, подставившая щеку для поцелуя.

— Эй, я еду с вами! — еще издали прокричал мистер Бонд, но Сассерах, казалось, не слышал его.

Замешкавшись, мистер Бонд хмуро проводил глазами уходившую в дом Миртлу и сердито взглянул на молодого, громадных размеров жеребца, который совсем как человек нагло кивал ему головой. Путешественник вздохнул, приладил на плечо рюкзак и, подойдя к двуколке, уселся рядом с возницей. Конь и в самом деле был невероятно велик, всхрапывал от возбуждения и без усталости перебирал ногами. Только мистер Бонд устроился в повозке, он — не дожидаясь понуканий Сассераха — резво припустил вперед по наезженной дороге, и скоро постоялый двор скрылся из виду.

• • •

Некоторое время оба ехали молча. Путешественник сидел выпрямившись, поглядывал вокруг маленькими глазками и методично продувал свежим воздухом свои легкие. Он начал было разговор о пользе горного воздуха, но не получил ответа и замолчал. Справа, насколько хватало глаз, тянулась бескрайняя стена леса, тогда как слева, в миле или двух от дороги, бежал ровный край долины, изредка нарушаемый рябиновыми деревьями.

Монотонность ландшафта и затянувшееся молчание хозяина постоялого двора скоро надоели мистеру Бонду:

он любил поговорить и теперь чувствовал какую-то неловкость, не зная, чем занять себя. Ровный пейзаж не задерживал взгляда. Даже конь и тот двигался с завидной размеренностью автомата. Таким образом, кроме мистера Бонда, безуспешно пытавшегося занять себя, только небо являло какую-то видимость перемен.

Откуда ни возмись, над головой замелькали облака, то ровные, то потрепанные; полуденное солнце теперь обращалось среди белых хлопьев, изредка появляясь в просветах и отражаясь на влажной лошадиной шкуре. Лес внизу и жесткие пучки травы, сбегавшей по склону в долину, то темнели, то снова блестели в солнечных лучах. Все это время Криспин Сассерах так и не раскрыл рта, даже для шепота, хотя изредка наклонялся вперед и прицельно сплевывал. С собой он прихватил небольшую кастрюлю с бульоном и во время одного из солнечных просветов, не говоря ни слова, остановил коня и разлил жидкость в две жестяные миски, которые терпеливо разогрел затем над маленькой спиртовкой.

Все так же размеренно продолжал бежать конь после недолгого обеда путников. Криспин Сассерах пытался высвистать что-то сквозь плотно сжатые зубы, а сон уже игрывал с мистером Бондом, когда в убывающем свете дня впереди на дороге показались размытые контуры повозки и одновременно послышалось звяканье колокольцев. Мистер Бонд встрепенулся и сел. Признаться, он не ожидал встретить в этом Богом забытом месте еще одну повозку или экипаж. К ним приближался четырехколесный кабриолет, запряженный парой резвых лошадей. Правил ими худощавый человек в бриджах и в шляпе с широкими полями. Оба возницы с важностью приветствовали один другого, подняв вверх кнутовища, однако скорости при этом не сбавили.

— Э... кто это был? — после паузы спросил мистер Бонд.

— Слуга моего брата Мартина.

— И куда он поехал? — спросил мистер Бонд.

— В «Покой путешественника». С новостями.

— Вот как? А что это за новости? — настаивал мистер Бонд.

Хозяин повернул голову.

— Новости для моей Миртлы, — шепотом проговорил он и подмигнул любопытному путешественнику.

Мистер Бонд пожал плечами. «Какой смысл разговаривать с этим грубияном?» — успокоил он себя и провалился в дремотное забытие. Полная луна взошла над землею и разлилась по ней белым сиянием. Всю оставшуюся дорогу хозяин время от времени сплевывал в сторону леса, но так и не произнес ни слова до самого дома Мартина Сассераха. Здесь Криспин внезапно ожил.

— Вылезайте! — закричал он. — Ну же! Мистер Бонд! Проснитесь! Сейчас же вылезайте! Мы приехали в «Безголового человека», сэр!

Пошатываясь от внезапного пробуждения и неожиданного всплеска энергии молчаливого до того возницы, мистер Бонд вывалился из повозки. Распухшая от сна голова не уступала размерами луне, ярко светившей в небе. Рядом мягко посапывал жеребец; теплое дыхание тонкими струйками поднималось вверх из ноздрей животного. Все это время Криспин Сассерах с белым от лунного света лицом носился вокруг повозки, припрыгивал под самой луной, повисывая сквозь сжатые зубы, и энергично выкрикивал:

— Мартин! Мартин! Куда ты запропастился!

Плотная стена леса возвращала имя продолжительным эхом. Казалось, лунный свет наполнен именем «Мартин», и мистер Бонд начинал испытывать нетерпение, желая взглянуть на этого Мартина Сассераха. Вывеска его заведения свисала с крюка прямо над головой мистера Бонда. Наконец, после многократных выкриков Криспина, хозяин «Безголового человека» появился, и мистер Бонд, ожидавший увидеть настоящего великана, был несколько разочарован, разглядев неприметную фигурку в очках. В то же мгновение Криспин Сассерах успокоился и деловито засобиравшись обратно.

— Еще увидимся, — шепнул он мистеру Бонду, полуприкрыв глаза и растягивая маленький рот в порыве непонятного восторга. С этими словами он подтолкнул путешественника навстречу приближавшемуся Мартину и секунду спустя уже тронул свою повозку в обратный путь, к «Почте путешественника».

Мистер Бонд не двигался и стоял, прислушиваясь к затихающему вдали звуку лошадиных копыт. Довольно бесцеремонно он оглядел хозяина «Безголового человека»; в свою очередь, из-за стекол очков его внимательно рассматривала пара чуть поблескивающих серых глаз.

— Трижды добро пожаловать путешественнику, прибывшему ко мне от моего брата. Ему рады не только Криспин и я, но и наш третий брат, Стефен.

Голос его был ровен и чист, как свет луны. Проговорив приветствие, Мартин повернулся и, не дожидаясь гостя, направился в дом.

Мистер Бонд, последовавший за ним, с любопытством оглядел ярко освещенную прихожую, по размерам и форме — полную копию прихожей Криспина. Помещение освещали аккуратные керосиновые лампы; их серебристые поверхности не уступали яркостью опаловым головкам фитилей. Вверху на лестнице стоял Мартин, но мистеру Бонду показалось, что он снова в гостинице Криспина Сассераха, — странно, но его брат, худошавый и невысокий человек, отбрасывал знакомую зловещую тень и так же изредка оборачивался, чтобы взглянуть на гостя. Наконец хозяин остановился в светлой, хорошо проветренной спальне. Глаза его, задумчивые, мягко мерцавшие в отблесках свечей, казалось, были очень далеко отсюда; однако, несмотря на этот странный взгляд, он очень вежливо предложил гостю кувшин теплой воды, чтобы умыться перед ужином.

В этот вечер Мартин Сассерах потчевал мистера Бонда исключительно изысканными кушаньями. Холодные закуски различных видов, превосходно приготовленные и сервированные, вместе с кристальной чистотой комнаты и стола, казалось, очень подходили чем-то напоминавшему химика хозяину. Специально для мистера Бонда была откупорена бутылка вина. Во время ужина это вино на краткий миг подогрело Мартина Сассераха. С неожиданным интересом он взглянул на своего гостя.

— «Безголовый человек»? Да, действительно, есть одна история, связанная с этим названием. Если, конечно, это можно назвать историей. — Он слегка улыбнулся, постукивая по столу пальцами, и мгновение спустя рассматривал кусочек слоновой кости, тщательно вырезанной и представлявшей собой счет за постой. — Славно! Славно! Не правда ли?... На самом деле этих историй много. — Тут он замолчал, как будто количество историй извиняло его нежелание тратить время на пересказ одной из них.

Сразу же после ужина он ушел к себе, уклончиво намекнув на работу, от которой не может надолго отвлекаться.

Страдая от несварения желудка, мистер Бонд в эту ночь рано отправился спать. Перед тем как лечь, он с раздражением оглядел свою светлую, лишенную уюта спальню.

Бодрым осенним утром его разбудили птицы. Вдыхая полной грудью свежий воздух, мистер Бонд припомнил, что ему всегда нравилось пение птиц, а также деревья и цветы. Вскоре он лениво прохаживался по саду Мартина Сассераха.

Внимание мистера Бонда привлекла калитка в дальнем уголке сада. Однако, полагая, что, скорее всего, она выведет его на дикую лужайку, а оттуда — в лес, неподвижный частокол которого был виден отовсюду поверх деревянной изгороди, мистер Бонд предпочел остаться там, где стоял, вдыхая свежий аромат цветов и ощущая, к пушему своему восторгу, как с каждым выдохом и шагом из его легких выветриваются остатки тяжелого запаха Криспинова бульона.

Однако голод заставил его вернуться в дом, и там он принялся прохаживаться по сумрачным комнатам. Мартин Сассерах, как он заметил, очень любил слоновую кость. Мистер Бонд наклонился, рассматривая изящные вещицы. Из слоновой кости были искусно вырезаны самые разнообразные предметы: ножи для разрезания бумаги, шахматные фигурки, салатные ложки, крошечные фигурки и лица, часто гротескно исполненные. Там были даже миниатюрные табакерки с узором из слоновой кости.

Эхо шагов по полированным полам разносилось в просторных комнатах и усиливало тишину, царившую в «Безголовом человеке». Однако тишина покоев казалась полной звуков в сравнении с безмятежным спокойствием, которое исходило от лужайки за незашторенными окнами. Прямые солнечные лучи еще не отразились в зеленых кустиках травы. Путешественник взглянул в направлении рябин, нависших над краем долины. За ними тянулся туманный ковер, приподнимавший остальной мир до вершины плато. Мистер Бонд вспомнил дом и город, оставшиеся внизу, и не мог понять, был ли он рад или опечален тем, что случай привел его в этот заброшенный край. Внезапное желание пройти по жесткой траве — до самых деревьев — вдруг овладело им. Мистер Бонд и в самом деле преодолел некоторое расстояние, кутаясь в свой инвернесс, когда до него долетел звук гонга.

— Прогулка подождет,— прошептал он, вглядываясь в неровный строй рябиновых деревьев, к которым странно стремилось его сердце, передернул плечами и повернул обратно к «Безголовоу человеку».

Хозяин, погруженный в раздумья, стоял возле накрытого к завтраку стола.

— Ах да. Да. Вот и вы... Вы хорошо выспались?

— Неплохо,— буркнул мистер Бонд.

— Мы здесь завтракаем довольно рано. Это удлиняет день... Скоро вернется Стеннет. Он поехал к моему брату Криспину.

— С новостями? — спросил мистер Бонд.

Вместо ответа Мартин Сассерах учтиво, хотя и несколько чопорно, поклонился и указал своему гостю на место за столом. Завтрак состоял снова из одних холодных блюд и прошел быстро, в молчании. Слова были слишком хрупким материалом, чтобы нарушить кристальный порядок комнат. Кожа у Мартина оплыла складками и имела цвет выдержанной слоновой кости. Время от времени он поглядывал на гостя, и взгляд его серых глаз, казалось, пронизывал мистера Бонда до самого позвоночника. После очередного подобного взгляда у путешественника неожиданно разыгрался аппетит.

— Это все горный воздух,— промычал он, тыча в свою грудь пальцем.

...Над плато вставало солнце. Хозяин исчез, проборютав свои обычные извинения. «Безголового человека» окутала тишина. Сад ласково согревало солнце; посыпанные гравием дорожки тихо похрустывали под ногами мистера Бонда. «Новости для моей Миртлы»,— припомнил он слова Криспина Сассераха, мысленно возвращаясь к своему недавнему путешествию. Он еще раз обошел спокойный и просторный дом Мартина; прошел по пыльным, похожим на музейные комнатам с расставленными повсюду поделками из слоновой кости. Эта кость со всех сторон притягивала его взгляд, подобно проникшему в самые легкие бульону Криспина.

На обед снова были холодные закуски. Тишину дома на несколько минут нарушило шипение спиртовки, на которой хозяин разогревал кофе. На вопрос мистера Бонда о его работе Мартин Сассерах, аккуратно стряхивая со своего пиджака сероватые пылинки, подтвердил, что он уже много лет собирает слоновую кость и до сих пор про-

должает увеличивать свою коллекцию. Размеренный голос бесконечно растягивал слова, тянулся и, казалось, притягивал хозяина из залитой солнцем гостиной туда, где его ждала нескончаемая работа...

Теперь так же размеренно, как этот голос, тянулся день; солнце неподвижно повисло в небе, словно время застыло вместе с природой.

— Бог мой, опять несварение,— вздохнул мистер Бонд, как во сне переходя из комнаты в комнату. Дома он прилег бы в своей спальне, украшенной розовыми занавесками и цветочными обоями. Но здесь... Сон бежал от него.

Мистер Бонд выбрался в сад и снова оглядел дом. За каким же из аккуратно облицованных камнем окон хозяин занимался своей работой? Мистер Бонд прислушался, пытаясь уловить поскрипывание токарного станка или царапанье ножа по кости... и неприятно поразился собственным мыслям: почему он ожидал услышать именно эти звуки? За спиной, нависая над деревянной оградой, темнела мрачная стена леса. В смутном порыве мистер Бонд повернулся и по освещенной солнцем траве двинулся прочь от дома, к лесу. Через несколько ярдов мужество покинуло его: он больше не мог видеть перед собой эту бесконечную стену деревьев. Со стоном обернувшись, он бросился назад к дому; вбежал в прихожую и порывисто сорвал с вешалки свой инвернесс.

Вглядываясь в даль, за линию рябин на горизонте, он пробирался вдоль кочковатой лужайки. В мыслях мистер Бонд уже видел себя внизу, за несколько графств от плато, сидящим в домике милых соседей Оллкардов, прихлебывающим чай или кофе и рассказывающим им о своих приключениях — особенно об этом своем приключении. Не часто ведь люди его возраста или положения отправляются в одиночку искать развлечений, а то и неприятностей. Он окинул взглядом далекий ряд рябин и кивнул: да, именно так, вернусь в долину и расскажу им, как все было. Он даже скажет в порыве откровенности: «А какие вещи мне довелось бы увидеть, останься я там! Да, старина Оллкард, я был так рад, что наконец-то выбрался в тот день в долину! Хотя скажу тебе, там ровным счетом не было ничего страшного».

Капюшон плаща, как рука друга, поглаживал его плечи. Мистер Бонд не преодолел и половины пути, когда, оглянувшись в очередной раз, увидел на фоне чернеющей

стены леса знакомый экипаж, быстро приближающийся к «Безголовому человеку». В памяти вспыхнули глаза Стеннета — слуги, курсировавшего между постоянными дворами Сассерахов. Мистер Бонд явственно ощутил, как сейчас эти глаза смотрят прямо на него. Прекрасно понимая, что пара быстрых коней догонит его задолго до того, как он выберется к рябинам, он повернул к «Безголовому путешественнику».

«Однако почему я решил, будто эти люди боятся, что я убегу? — думал он, возвращаясь обратно. — Что за вздор! Верно, погода сильно действует мне на нервы».

Когда он добрался до постоянного двора, над черепичной крышей уже опускался в красноватой дымке вечер. Экипаж куда-то исчез. От стен дома, как и раньше, исходило радушие: казалось, оно выбегает и встречает путника у самых дверей. В гостиной его ждал потрескивающий свежими сучьями камин, и, поднося к огню руки, мистер Бонд внезапно почувствовал облегчение и одновременно усталость. Входя в дом, он намеревался приступить к решительным действиям — позвать Мартина Сассераха и потребовать, чтобы его немедленно проводили вниз с плато... Но сейчас он не желал этого. Так приятно было стоять у огня и ждать, когда Стеннет принесет чаю.

В доме кто-то запел. Стеннет? В языках пламени мистеру Бонду почудились глаза и орлиный нос слуги Мартина. Голос поющего стал громче... Потом постепенно затих, сменившись чередой звучных шагов в прихожей... Мистер Бонд прислушался, но различил только шум ветра в дымоходе.

— Позвольте ваш плащ, сэр, — раздался за его спиной голос Стеннета.

От неожиданности мистер Бонд подпрыгнул на месте, его щеки затряслись от гнева. Зачем они так усердствуют в своем радушии?! От подобного усердия чувствуешь себя пленником, и только. Мистер Бонд свирепо оглядел клетчатые бриджи Стеннета, его мускулистые руки и худощавое лицо, которое, как казалось, еще более заострилось после недавней поездки. И почему-то выкрикнул:

— Где моя шляпа?!

Страх? Возможно... Но если страх и сжал его сердце, то лишь на мгновение. От него тотчас же не осталось и следа. Именно этот голос — голос Стеннета — недавно распевал в доме. Его звук нравился мистеру Бонду: он успокаивал.

вал, приятно нарушая холодную и непочтительную тишину «Безголового человека». Плащ был снят с плеч мистера Бонда и теперь висел на уважительно согнутой руке Стеннета. Слава Богу! Тот же голос сообщил, что чай скоро будет готов. Душа мистера Бонда воспрянула от этих слов. Стеннет и он стояли рядом, доверительно переговариваясь друг с другом.

— Китайский?

— Да, сэр. У нас есть такой сорт, — отвечал Стеннет.

— И тост с маслом, — мечтательно прибавил мистер Бонд, мягко поскребывая подбородок.

После чаепития его дремотное состояние снова нарушил все тот же Стеннет, объявивший, что мистера Бонда в спальне ожидает кувшин с теплой водой.

Ужин в этот вечер оказался обильнее предыдущих трапез. Оглядев стол, мистер Бонд даже покраснел от удовольствия. Суп из зайца! Как они догадались, что это его любимый суп? Закуски, суп, жаркое, ростбиф — руки мистера Бонда, розовые и мягкие после мытья, были заняты работой большей, чем им пришлось выполнить за целый день. Цыплята прожарились просто великолепно! А эти грибы под соусом а'гратин! Вид испеченной куропатки наполнил его глаза слезами умиления... Нежный творог саксонского пудинга заставил его обернуться к Мартину, чтобы еще раз похвалить Стеннета. Хозяин сдержанно поклонился в ответ.

— Партию в шахматы? — предложил он, когда ужин был закончен. — Мой последний противник был похож на вас; тоже путешественник, совершающий турне по постоялым дворам. Теперь его нет с нами. Может быть, вы займете его место?

Мартин Сассерах улыбнулся. Его ровный голос замер вместе с рукой, застывшей над шахматной доской.

— Мой ход, — прошептал он и тотчас же сдвинул фигуру.

Мистер Бонд всеми силами попытался обратить свои мысли к решению так неожиданно вставшей перед ним задачи, но, как ни старался, ничто не могло отвлечь его от урчания бурлящего в желудке потока, который требовал выхода после сытного ужина. С извинениями и стонами он отодвинул свой стул назад.

— Жаль, — улыбнулся Мартин, и его глаза блеснули поверх доски. — Очень жаль. В следующий раз... несомненно... с вашей помощью... В следующий вечер...

Перспектива провести еще один день в «Безголовом человеке» показалась мистеру Бонду одновременно и приятной, и пугающей.

— Ох, Стеннет! Вы когда-нибудь страдали от несварения? — печально проговорил он, встретив на лестнице слугу.

Вместо ответа Стеннет прищелкнул пальцами и в одно мгновение был уже внизу. Через минуту он стоял у дверей отведенной путешественнику комнаты, держа в руках чашку ароматного бульона.

— Ох, это! — пробормотал мистер Бонд, взглянув на чашку. Однако память услужливо напомнила, как благотворно влиял на его желудок бульон Криспина. Выпив теплую, непрозрачную жидкость и укрывшись с головой одеялом, путешественник немедленно провалился в сон и проспал до самого утра без каких-либо тревог.

За завтраком Мартин Сассерах оторвался от своей тарелки и неуверенно взглянул на мистера Бонда.

— Сегодня днем, — промямлил он, — Стеннет отвезет вас к моему брату Стефену.

Мистер Бонд в изумлении округлил глаза.

— Еще один постоянный двор? Еще один Сассерах?

— Криспин, Мартин, Стефён. Всего трое. Совершенное число... если подумать об этом.

Мистер Бонд вышел в сад. В утреннем свете поблескивали белые астры. К десяти часам над лесом снова взошло солнце, и ближе к полудню на плато стало почти полетнему жарко. В комнате мистера Бонда было душно; спокойствие и тишина далекого леса манили его к окну, но стоило ему взглянуть на эту чудовищную грудку деревьев, как страх снова подкрадывался к его сердцу. В ужасе он отворачивался от окна и закрывал глаза. Ему совершенно не хотелось ехать к Стефену Сассераху, однако время летело, стремительно обгоняя его желания, и вскоре сонная умиротворенность снова окутала постоянный двор и его обитателей.

За обедом хозяин был словоохотливее обычного и излил на гостя целый фонтан задушевной беседы. Мистер Бонд слушал его и чувствовал, как внутри растет нетерпеливое желание оказаться подальше от этих мест, на третьей стадии своего путешествия, если уж таковая неизбежна. Не извинившись, он вскочил со стула и отправился в сад.

Теперь астры зыбко покачивались, съезжившись от сильных лучей солнца. Мистер Бонд открыл калитку в деревянной изгороди и зашагал по кустикам жесткой травы к лесу. Миновав ограду, он различил позади хлопанье крыльев и, обернувшись, увидел голубя, вылетевшего из чердачного окошка в крыше. Птица промелькнула над его головой, миновала лес и скрылась из виду. В этот момент путешественник отчетливо вспомнил такого же голубя, улетевшего в лес, когда он бродил по саду Криспина.

Мысли его летели вслед за голубем над хрупким ковром древесных верхушек, когда он услышал окликавший его голос: «Мистер Бонд! Мистер Бонд!»

Он вернулся к калитке, прошел через сад и вошел в дом. С крюка, вбитого в стену, снял свой инвернесс и приладил на плече лямки рюкзака.

Вскоре он сидел в кабриолете рядом со Стеннетом. Экипаж быстро мчался по наезженной дороге, и путешественник задумчиво созерцал лоснящиеся спины двух крупных лошадей, припоминая, как Мартин Сассерах вместо того, чтобы пожелать им счастливого пути, молча отвернулся и ушел в дом, к своей работе.

• • •

Хотя страх перед Стеннетом не прошел, мистер Бонд все же нашел слугу Мартина неплохим попутчиком: когда к нему обращались, он отвечал и даже объяснял некоторые особенности окружавшего их ландшафта.

— Видите те рябины? — спрашивал Стеннет, кивая налево. — Они принадлежат мистеру Мартину. Он владеет ими на полдня пути к гостинице мистера Криспина и на столько же — к гостинице мистера Стефена. То же самое с мистером Криспином и мистером Стефеном.

— А как насчет леса?

— Все то же, — отвечал Стеннет, взмахивая рукой направо. — Он ведь круглый, и каждый владеет одной третью: что-то вроде каравая, поделенного на три части.

Он прищелкнул языком, и лошади наострили уши; однако понукать их не было нужды, так быстро летел кабриолет.

— Гораздо быстрее, чем повозка мистера Криспина! — выдохнул мистер Бонд, чувствуя, как ветер обдувает его лицо. По мере наступления осеннего вечера он с напряжением оглядывался вокруг.

Он видел, как над долиной взошла луна. Чуть позже он поинтересовался, почему так странно называются постоялые дворы. Стеннет рассмеялся.

— Если честно, джентльмены очень гордятся этими названиями. Немного романтично и чуточку страшновато. Я бы их тоже назвал так. Это и поэтично к тому же. Кого удивит название «Ночлег путешественника»? А «Покой путешественника» заинтересует всякого. Это нужно понимать, потому что это и есть поэзия. Не думаю, чтобы эта была идея мистера Криспина, скорее всего, она пришла в голову мистру Мартину или миссис Криспин. У них светлые головы. «Безголовый человек» звучит довольно мрачно, но такой уж серьезный характер у мистера Мартина. И разумеется, это означает всего-навсего человека без головы, то есть болвана.

Тот постоялый двор, куда мы сейчас направляемся, — продолжал Стеннет, — называется наоборот: «Голова путешественника». Некоторые дворы называются «Голова короля», и что же, разве они названы так в честь короля? Двор мистера Сассераха, мне кажется, будет получше таких «королевских» дворов. К тому же он предназначен только для путешественников.

В разгар непринужденной беседы вдали промелькнула искорка света. Мистер Бонд устремил взгляд в направлении ее, но искорка внезапно исчезла. Мистер Бонд представил себе, как Стефен проходит перед дверьми своего дома, головой заслоняя свет фонаря. Эта картина почему-то рассердила его; мистер Бонд подивился, отчего это он так послушен приказам — да-да, иначе это и не назовешь — этих странно гостеприимных братьев. Но вот искорка появилась вновь; она росла, разгораясь все ярче и заметнее, пока наконец не превратилась в освещенное окно, в котором был виден огромный мужчина; он стоял и улыбался луне.

— Посмотрите, что это?! — воскликнул мистер Бонд, приподнимаясь с сиденья.

— «Голова путешественника», сэр, — ответил Стеннет, показывая рукой куда-то вверх.

Мистер Бонд посмотрел в направлении поднятой руки Стеннета и увидел закопченную вывеску, свисавшую с железных крючьев над его головой. Он окинул взглядом расплывшуюся в темноте громаду постоялого двора и нахмурился, продолжая оглядывать окрестности. Трепетно и

бесшумно вибрировала вокруг тихая ночь, вдали голубовато-серой пыльной стеной высился бесконечный лес. В этот момент на крыльцо выплеснулось нечто бесформенное, движущееся; в поднявшейся затем суматохе на пронизанную лунным светом траву шагнула высокая и неуклюжая фигура, вокруг которой гирляндой вилась и подпрыгивала стая странных маленьких существ.

— Это мистер Стефен,— шепнул Стеннет, глядя на приближающуюся ораву.

Владелец «Головы путешественника» широко улыбнулся, обнажая два ряда ослепительно белых зубов. Приветствуя путешественника, он движением одновременно и уважительным и повелительным коснулся рукой своего лба.

— Мистер Бонд, сэр?

Пробормотав в ответ что-то невразумительное, мистер Бонд поклонился. Мистера Стефена окружили дети — с огромными головами, распухшими животами, эти первобытные создания весело скакали вокруг отца и дергали за полы инвернесский плащ путешественника. Смешавшись с окружившей его толпой, мистер Бонд не заметил, как оказался у входа в «Голову путешественника», куда его заботливо подталкивал рукой сам хозяин. Протолкавшись между ними, в дом забежали двое ребятишек и скрылись в прихожей. Освещение внутри было скудным, воздух застоялся и отдавал псиной. И хотя мистер Бонд по опыту знал, где должна быть гостиная, сходство этого двора с предыдущими исчезло, как только он миновал дверной проем.

Посреди круглого стола стояла керосиновая лампа с разбитым стеклом, трещали под ногами разошедшиеся половицы, и бился в прокопченном камине запорхнувший туда мотылек. Вылетев из пасти камина, мотылек принялся носиться по комнате, разрисовывая неумовимыми тенями потолок и фигурные обои. В гостиную вернулись дети. В чьих-то неумелых руках судорожно завывала и захрипела спокойно стоявшая до того в углу фисгармония.

— Позвольте ваше пальто, ваш плащ, мистер Бонд, сэр,— сказал хозяин и, взяв инвернесс мистера Бонда, с удивительной сноровкой расстелил его на одной из огромных соф, казавшихся еще более огромными из-за торчавших из-под засаленных обивок пружин и ваты. Тут же плащ подхватили дети и неминуемо разорвали бы его, если

бы мистер Бонд не выхватил свою собственность самым решительным образом. Маленькие Сассерахи отступили от гостя и устали на него во все глазенки. Стефен Сассерах улыбался и беспрерывно сновал среди этого скопления неуклюжей мебели и детей — сутуловатый великан, которого никто, кроме мистера Бонда, не слушался. Стефен Сассерах принадлежал к тому типу людей, которых наш путешественник находил весьма похожими на судебных исполнителей ушедших столетий, а точнее — Стефен напоминал средневекового палача: жестковатый, простодушный и лояльный труженик, чрезвычайно домашний по складу характера, с нависающим лбом и кустистыми бровями, с руками, увитыми мощной мускулатурой и готовыми к деяниям, предписанным ему должностью.

В доме Стефена не поддерживали даже видимости порядка. Гвалт и шум летели отовсюду, и прекратить это, казалось, нет никакой возможности. Дети называли своего отца Стефом и показывали ему язык. Они были непривлекательны. Их внутреннее невежество словно просачивалось сквозь кожу и волосы, образуя вокруг каждого некую оболочку отвратительного вида. Имена трех мальчиков повторяли фамильные — Криспин, Мартин и Стефен. Доркас и Лидия были их сестрами. Единственной добродетелью детей была их заметная привязанность друг к другу.

Еда в «Голове путешественника» оказалась сносной и очень домашней. Ее приготовил и разложил в щербатые миски сам Стефен-отец. Он сидел за столом в грязной синей рубашке, оттенявшей его сильные, загорелые руки. Он не был косноязычен, и это удивило мистера Бонда. Хозяин говорил быстро и ровно, как будто самому себе. Голос был глуховатый и низкий, слушать его было приятно. Иногда умолкая, он закрывал глаза и хмурил брови, а его выпуклый лоб при этом блестел сильнее, словно от переполнявших его мыслей. В такие минуты Доркас и Лидия прокрадывались к фисгармонии в углу, и под рыдания дряхлого инструмента с софы на пол прыгивали маленькие Криспин и Мартин.

На этот раз прервавший свои раздумья Стефен-старший громыхнул кулаком по столу и, поворотившись на стуле, прикрикнул на расшалившихся детей:

— Полно! Полно, дьяволята! Доставайте-ка свою доску и упражняйтесь, эй, чертенята!

Тут дети достали огромную доску с просверленными в

ней отверстиями и с изумительной ловкостью и проворством принялись кидать деревянные шары в дыры и карманчики за ними. Отставали в меткости, пожалуй, только Доркас и Лидия. Тем временем отец напомнил им: «Луна уже встала!» Дети с шумом высыпали из комнаты, и больше мистер Бонд их не видел.

Гомон голосов, раскрашенные обои и толстый мотылек, мечущийся вокруг единственного источника света, наполнили сонной тяжестью голову путешественника. Сонливость с новой силой навалилась на него под неторопливый рассказ сидевшего рядом с ним у огня Стефена Сассераха — странно располагавшего к себе человека в грязной синей рубаше.

— Вы любите детей, мистер Бонд, сэр?

Мистер Бонд кивнул.

— Детей и животных... — пробормотал он в полудреме.

— Не следует принуждать их, — вздохнул Стефен Сассерах.

Тихий, мягкий голос размеренно и успокаивающе звучал в ушах мистера Бонда. Но вот голос Стефена ожил и внезапно, как выстрел, приказал гостю отправляться спать. С трудом оторвавшись от стула, мистер Бонд улыбнулся и пожелал хозяину спокойной ночи. «Куда подевались дети? — беспокойно подумал он. Нигде не раздавалось их голосов. — Вероятно, заснули, едва улеглись. Со всем как животные», — решил он, но все-таки с трудом мог представить себе этих бесенят спящими.

Задув на ночном столике свечу, мистер Бонд улегся на массивную кровать в этом третьем по счету постоялом дворе Сассерахов. Он лежал и глядел в раскрытое окно, с которого перед сном отвел одну из тяжелых вышитых занавесок. Временами до него доносились приглушенные крики и постукивания из темнеющего за лужайкой леса. Страхнув сон, он подошел к окну и вгляделся в темноту. Звуки усиливались, когда он подносил к уху сложенную раковинной ладонь, и походили на те, что издавали дети во время недавней игры. Только сейчас они были громче и сильнее. Мистер Бонд решил, что это кричат ночные животные, притаившиеся в самой чаще черного леса, чье спокойствие потревожил слишком яркий свет полной луны.

— О Господи! — вздохнул он. — С ума можно спятить от здешнего лунного света.

Взмахом руки он задернул занавеску, однако это не оградило его от лесных шумов. Вид замерзшей травы под окном все еще стоял перед глазами. Станные звуки и лунный пейзаж пробудили в нем тревожное чувство. Щеки его подрагивали, когда он наклонился к потухшей свече, чтобы зажечь ее. Надо было забрать из прихожей свой инвернесс и немедленно бежать, пока еще оставалось время.

Хозяин сидел в гостиной возле камина. Сжатый кулак его лежал на столе; он раскрыл пальцы, и из руки выпорхнул мотылек.

— Он думал, что сможет удрать,— прорычал Стефен, взглядывая на гостя и обнажая в улыбке зубы.— Но не смог. И никогда уже не сможет!

— Я хотел бы взять мой инвернесс,— сказал мистер Бонд.

Плащ лежал на одной из огромных соф. Камин прогорел, и воздух был холодный; внутренность комнаты окутывал сумрак. Внезапно мистера Бонда осенило. Подняв свой инвернесс, он проговорил запинаясь:

— Я подумал... что было бы неплохо... укрыться потеплее ночью.— И он поежился, показывая, как ему холодно.

Из складок плаща вылетел мотылек и как сумасшедший закружил по комнате.

— Все в порядке, мистер Бонд, сэр. Все в порядке.— Хозяин снова впал в транс, его лоб сиял в лучах лампы.

Сохранив достоинство, путешественник вышел из комнаты, в ночном белье, с инвернессом, переброшенным через руку.

Он уже поднимался по лестнице, когда знакомый голос пожелал ему спокойной ночи. Стеннет! Зачем он здесь? Что он здесь делает? Мистер Бонд поднял свечу и с изумлением посмотрел на удаляющуюся спину слуги Мартина Сассераха. Фигура скрылась в тени, и мягкое, размеренное тиканье древних часов в прихожей только усиливало тишину и страх последовавших затем минут.

Поднявшись в комнату, мистер Бонд заперся и стал одеваться. Снова схватило живот. Ох, если бы он остался у Криспина! Он раздвинул занавески и взгляделся в ночную темноту. Тень от постоянного двора покрывала двор и участок луга за ним, а печная труба, гигантски вытянувшись, простиралась почти до самого леса. Стена деревьев казалась сплошной в лунном мерцании, и оттуда больше не до-

носились постукивания. Странная тишина заставила вновь затрепетать сердце мистера Бонда.

— Убегу на рассвете, — прошептал он, — когда зайдет луна.

Не чувствуя желания спать, он достал из рюкзака томик Мунго Парка* и одетый устроился в мягком кресле, снова задвинув занавески и поставив горящую свечу поближе к себе. Временами он поглядывал поверх книги и, хмурясь, пробегал глазами по многократно повторенному узору на бумажных обоях — цепочке из трех бледно-розовых пагод.

...В полночь его разбудил грохот ударов в дверь: даже свеча, казалось, подпрыгивала от страха. В тревоге мистер Бонд вскочил на ноги.

— Да? Кто там? — голос у него дрожал. — Да что же, о Господи, там творится? — прошептал он, когда удары стали настойчивее и сильнее.

«Что они там задумали?» — думал он, чувствуя, как внутри у него все холодеет.

Несколько щепок залетело в комнату, и мистер Бонд понял, что пришел конец его путешествию. Кто там — Стефен или Стеннет, Стефен или Стеннет — за дверью? Свеча подпрыгивала от ударов, мигала в струях сквозняка, пока он метался по комнате из угла в угол. Времени на раздумья не оставалось. Но он стоял и тупо рассматривал лезвие топора, трудившегося за дверной щелью. «Спаси меня, спаси», — шептал мистер Бонд, заламывая руки. Он бросился к своему плащу и начал бороться с его непослушными рукавами.

— Ох, давай же, давай, — чуть не плакал он, суетливо просовывая в него руки и чувствуя, как вместе с раздражением его охватывает ужас.

Теперь уже вся комната содрогалась под ударами топора. Мистер Бонд бросился к свече и задул ее. Луч света рассек темноту через расщелину в двери и упал на оконную занавеску.

Мистер Бонд вспомнил о растениях, обвивавших его окно, и через мгновение уже барахтался, карабкаясь и скользя по стене вниз, в закрытый тенью дома садик.

* Томик описаний африканских приключений Мунго Парка (1771 — 1806) — шотландского путешественника и исследователя Африки, первооткрывателя истока Нигера

Пыхтя и отдуваясь, он заторопился к лесу, и грохот топора постепенно затих в его ушах. На пути попадались сучья и обломки кирпича; цинковый бак зацепился за его плащ и с треском порвал полу; нога угодила в железный обруч, и мистер Бонд едва не растянулся плашмя, с трудом удержав равновесие и выставив вперед руки. Не переводя дыхания, он бежал по кустистой лужайке вдоль гигантской тени, отбрасываемой домом. Еле сдерживая рыдания, чуть всхлипывая и подавляя желание оглянуться, он мчался к освещенному яркой луной лесу. Попытки найти какой-нибудь выход не принесли результатов: в голове не было других мыслей, кроме как о границах тени, вдоль которой он бежал. Скоро он достиг «крыши» дома, свернул вбок и теперь торопливо прискакивал вдоль чудовищно удлинившейся трубы, не думая ни о чем другом, как о долгожданном лесу, который был уже совсем близко. Ослепительная, залитая лунным светом аллея преградила ему путь. «Печная труба» оборвалась, не дотянув до леса: как клуб дыма, из нее вылетел мистер Бонд и устремился к зарослям. Его тень, чудовищно искаженная складками одежды, испуганно скакала впереди и вскоре вывела его на лесную опушку.

Огромные деревья в гнетущем молчании обступили измученного путника. Их молчание было жутким. Прижав ладонь к заболевшей от долгого бега груди, мистер Бонд не обращал внимания на затишье. Он не видел ничего, кроме открывшегося перед ним зрелища: оскалившиеся человеческие черепа венчали вбитые полукругом столбы.

— «Голова путешественника», «Безголовый человек», — прошептал мистер Бонд в ужасе, поворачиваясь к черепам спиной.

По освещенной аллее к нему огромными прыжками неслась чудовищная тень Стефена Сассераха. Он в исступлении размахивал во все стороны топором, словно сумасшедший дровосек, выбежавший нарубить дров среди ночи.

В голове путешественника продолжали навязчиво звучать названия постоянных дворов: «Голова путешественника», «Безголовый человек», «Покой путешественника». Он вспомнил голубей, летевших впереди него от двора к двору; он вспомнил серую пыль на пиджаке Мартина...

Не двигаясь, мистер Бонд смотрел на страшную фигуру в грязно-синей рубахе.

Сассерах остановился и замер неподвижно, словно еще один древесный столб на краю освещенной луной поляны. Мысленно мистер Бонд уже видел границы света более яркого, чем лунный. Чувства его замерли, но ноги сами понесли прочь вдоль частокола из черепов, тщетно пытаясь найти укрытие среди деревьев.

И Стефен словно очнулся. Он испустил оглушительный вопль, с треском отразившийся от древесных стволов и веток. Как эхо, вопль подхватил мистер Бонд. Повернувшись лицом к преследователю, он извивался и путался в своем плаще, готовясь к бою. Наконец он стащил плащ и намотал на руку, готовый защищаться. Мгновение спустя он уже сражался со Стефеном, используя свой инвернесс, как в былые времена гладиаторы использовали сетку. Топор и плащ встречали друг друга: один — защищаясь и задерживая удар, другой — сокрушая и разрывая в лохмотья защиту. Будто для забавы, Стефен неуклюже взмахивал топором и рубил раз за разом. Тяжело дыша и перебегая с места на место среди черепов, два человека бились то в темноте, то в ярком свете, заливавшем прогалину. Их тени, невероятно увеличенные светом луны, тоже сражались одна с другой, даже с большей жестокостью, чем их хозяйка. Наконец Стефен выдохнул:

— Ну, довольно! — и в первый раз за время схватки обнажил в жуткой улыбке свои белые зубы.

— Н-но вы же мой друг! — проблеял мистер Бонд и взглянул на сверкающее лезвие в руках Сассераха.

— Лучший из всех, каких вам доводилось иметь когда-либо, сэр, мистер Бонд, сэр! — отступив на шаг, хозяин «Головы путешественника» взмахнул топором и отсек путешественнику голову.

Удар головы о сучья и листья, покрывавшие траву на лесной поляне, был первым звуком в новой, покойной жизни мистера Бонда, но он уже не слышал его. Для братьев же Сассерах этот звук был подобен обещанию самой жизни — сигнал, что все готово и будущее благополучие семейства целиком зависит от их умения и талантов.

Голову мистера Бонда забрал себе Стефен. Нежными, хотя и довольно неуклюжими, пальцами он содрал с черепа кожу и удовлетворенно улыбнулся, когда закончил дело. Он водрузил голову на шест, сделав очередную чудесную мишень для игр своих отпрысков. Брату Мартину, хозяину «Безголового человека», он послал тело, поручив его заботам Стеннета.

Теплым осенним вечером Мартин разделал обезглавленное тело. На другой день он уже сидел за работой. Быстрыми и ловкими пальцами вырезал, вытачивал, сверлил податливые кости, покрывая рабочий пиджак серо-ватой пылью. Из-под его резца выходили бесчисленные фигурки и брелоки, ножи для бумаг и салатные ложки, резные табакерки и шахматные фигуры.

Своему брату Криспину Мартин отправил остатки путешественника — мягкие и скоропортящиеся части, обрезки, куски и лоскуты — всю нутряную рухлядь, бульон из которой разглаживает морщинки у людей, живущих на плато, и превосходно излечивает несварение желудка в любом возрасте. Получив посылку, Криспин удовлетворенно оттопырил свои маленькие губы и тонким фальцетом позвал жену:

— Миртла, Стеннет приехал!

— Благодарю тебя, Крис,— отозвалась она из кухни. Ее мягкие, розовые и слегка припухшие руки очищали в это время огромный котел, ее черные волосы поблескивали в лучах заходящего солнца.

— Уже поздно в этом сезоне,— сказала она за чаем.— Думаю, до следующей весны у нас никого больше не будет.

И тут она ошиблась. Этим же вечером, когда луна поднялась из долины, Миртла прошептала:

— Он идет сюда.

Криспин Сассерах вышел в прихожую и завел часы. С крюка, вбитого в стену, он снял фонарь, подошел к двери и распахнул ее навстречу лунному свету, подняв высоко над головой зажженный фонарь.

— Входите, входите,— сказал он, обращаясь к стоящему перед ним незнакомцу.— Сегодня вечером она готовит славный бульон!

ЭКСПРЕСС НА ФЛАШИНГ

«Они не имели права принимать этого человека на работу. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что он безумен. Возможно, для наших дней это чрезмерное требование... В дни моей молодости такого бы не случилось. Сейчас на работу берут даже сумасшедших! Куда катится мир?.. Но смею заверить вас, если нам удастся выбраться из этого взбесившегося вагона, я выверну наизнанку весь Интерборо. Пусть там не думают, что, если я пенсионер, со мной можно выкидывать подобные фокусы. Мой сын Генри работает в адвокатской конторе; он устроит им холодную баню. В этом городе у нас неплохие связи.

И я не единственная жертва этого безумца. Вместе со мной в вагоне находится приятная пожилая дама. Сначала она была сильно напугана, но я успокоил ее, и теперь она старается держаться ко мне поближе. Ее зовут миссис Геррик, очень приятная женщина. Это ее мысль, чтобы я начал записи: они освежат нашу память, когда мы обратимся в суд.

• • •

Сейчас мы с чудовищной скоростью мчимся к центру города вдоль Седьмой авеню; однако наш вагон занимает встречную линию! Жуткое ощущение, когда мы первые несколько раз пронеслись сквозь встречные поезда: я думал, нас сомнет в гармошку. Ничего страшного не произошло, но мне приходится думать о моем сердце. На прошлой неделе доктор Стейнбек посоветовал мне соблюдать чрезвычайную осторожность. Миссис Геррик мужественно переносит испытания, хотя это весьма тяжело для такой мягкой женщины, как она.

Безумец, который управляет нашим вагоном (если хаотичную смену путей на встречные и попутные можно

назвать управлением), сейчас смотрит вперед через стекло кабины управления. Его жуткий, застывший взгляд упирается во мрак, несущийся нам навстречу. Он довольно крепкого сложения, с обветренным лицом и грубыми манерами. Рослый. Мне почти восемьдесят, и я значительно легче его.

Не остается ничего другого, как ожидать своей печальной участи: рано или поздно мы неминуемо разобьемся, если, конечно, кто-нибудь из персонала подземки не догадается выключить ток, чтобы остановить нас. Если наш машинист уцелеет в крушении, полиция легко опознает его по густой рыжей бороде и татуировке на запястьях. Борода огромная, подстрижена лопатой — другой такой не найти во всем Нью-Йорке.

Кажется, я забыл рассказать, как началась эта безумная гонка. Моя внучка, миссис Чейн Л. Тернек, собиралась показать мне всемирную ярмарку и хотела приехать из Грейт-Нека, чтобы встретить меня на станции подземки. Должен признаться, она настаивала, чтобы кто-нибудь сопровождал меня в этой поездке, но я и сам могу позаботиться о себе... Во всяком случае, всегда заботился, хотя зрение и слух далеко не те...

• • •

Вагон был переполнен, но кто-то уступил мне место в углу. Когда мы тронулись, женщина, сидевшая рядом, — миссис Геррик — спросила, не знаю ли я, как со станции «Флашинг» можно добраться до Вайтстоуна. Пока я припоминал автобусные маршруты, наш поезд остановился и все пассажиры вышли, оставив нас одних. Мне было неприятно пропустить свою остановку, однако я решил ехать дальше, выйти на станции «Флашинг» и вернуться обратно. В этот момент в вагон вошел машинист, который затем повел себя столь странно.

Наш вагон находился в хвосте поезда, и машинист занимал кабину водителя. Открыв внутреннюю дверь, он несколько качающейся походкой (я не хочу сказать, что он был пьян; мне так не кажется) вошел в салон и повел себя с хозяйской уверенностью, почти возмутительно. Остановившись возле средней двери, он напряженно вгляделся на север, в сторону Саунда.

— Это не Шельдт! — выкрикнул он сердито, с силь-

ным иностранным акцентом. Потом громко воскликнул: «Ба!» — с выражением полного разочарования.

Казалось, увиденное привело его в ярость. Поезд подъезжал к конечной станции, к «Флашингу»; тогда он бросился в кабину и каким-то образом отцепил наш вагон. Даже если бы мы были моложе и сильнее, у нас не оставалось возможности выйти. Двери не раскрылись, так быстро все произошло.

Машинист вернулся в вагон, что-то бормоча себе под нос. Его взгляд упал на яркую табличку, которую обычно вставляют в окна, чтобы показать место назначения поезда. С проклятиями он сгреб жестянку с надписью: «Флашинг» и разорвал ее на кусочки своими медвежьими руками, словно она была сделана из картона. Потом швырнул на пол остатки и затоптал их ногами.

— Это не Флашинг. Не мой Флашинг — не Флиссинген! Но я найду его. Найду, и ни дьяволы ада, ни ангелы рая не остановят меня!

Он свирепо посмотрел на нас, колотя в могучую грудь сжатыми кулаками, словно сердясь на нас за какой-то обман. Миссис Геррик наклонилась-ко мне и взяла под руку. Мы подошли ближе к двери, чтобы сойти на моей станции, но вагон даже не притормозил. Безумная гонка продолжалась с безумной скоростью.

— Ругваартш! — выкрикнул машинист на своем мало-понятном наречии. — Дорога открыта назад, только назад, но я найду мой Флиссинген!

Затем произошло потрясение, вызванное прохождением сквозь встречные поезда. Заметив приближение первого, миссис Геррик вскрикнула от испуга. Я обнял ее за плечи и крепко уперся в пол тростью. Однако крушения не последовало: лишь ослепляющая вереница огней и красок пронеслась перед глазами и исчезла в мгновение ока. Со скоростью молнии мы промчались прямо сквозь поезд от конца до конца, даже не покачнувшись при этом. Это было выше моего понимания, ведь я ясно видел его приближение. С тех пор мы прошли сквозь множество поездов, и так часто перескакивали с одной линии на другую, что я потерял счет столкновениям.

Постепенно мы вместе с миссис Геррик привыкли не бояться столкновений. Большой страх нам внушает бородатый хулиган, захвативший вагон. Его поступки непредсказуемы, и, разумеется, мы не можем дольше оставаться

с ним в этом вагоне — прошло уже несколько часов. Не понимаю, почему муниципалитет Интерборо ничего не предпринимает, чтобы остановить нас и передать этого сумасшедшего в руки полиции. Мы с миссис Геррик готовы обратиться к окружному прокурору».

• • •

Эти записи были сделаны на первых страницах записной книжки, переданной мне служащими Бюро пропавших персон. Ни миссис Геррик, ни мистер Деннисон, чьим почерком сделаны записи в книжке, не были найдены. Не был найден и машинист, о котором упоминает мистер Деннисон. В свою очередь муниципалитет Интерборо утверждает, что у них не пропало ни одного работника, более того, судя по описанию, они не нанимали такого человека.

С другой стороны, они не смогли убедительно объяснить, как мог отделиться от поезда последний вагон на станции «Флашинг».

Я согласен с мнением полиции, что эта записная книжка содержит интересные подробности, которые способны пролить некоторый свет на обстоятельства исчезновения двух злополучных горожан; и здесь, в психиатрической клинике, мы по мере сил пытаемся понять и интерпретировать этот в высшей степени вызывающий и загадочный дневник.

Та часть, которую я только что пересказал, была написана чернильной ручкой — неуверенным, дрожащим почерком, практически полностью схожим с последними образцами писем мистера Деннисона. Несколько следующих страниц вырваны, и дальнейшие записи продолжены карандашом. Почерк значительно уверенней и тверже, но, без сомнения, принадлежит тому же человеку. Далее из книжки вырваны еще несколько страниц, хотя записи вносились достаточно регулярно. Я пересказываю то, что смог разобрать из оставшегося.

• • •

«Судя по чередованию холодных и теплых времен года, мы потратили больше десяти лет на это жуткое и бесцельное путешествие. Странно, но мы не испытываем физического неудобства, хотя нескончаемая гонка вверх-вниз

по этим туннелям утомляет. Обычные потребности организма никак не напоминают о себе или приглушены. Смена жары и холода, например, заметна, однако не вызывает особенного дискомфорта. Еда стала предметом далеких воспоминаний. Иногда мне кажется, что мы стали больше спать.

Машинист почти не разговаривает с нами; большую часть пути он ведет себя так, словно нас не существует. Свой досуг он проводит, сидя и размышляя в дальнем конце вагона; глядит в пол и бормочет что-то в свою огромную рыжую бороду. Иногда он встает и напряженно всматривается вперед, словно отыскивая что-то. Потом в явном раздражении меряет шагами свой закуток, изрыгая при этом свои заморские проклятия. «Вердоймд» и «фервеншт» — наиболее часто употребляемые. Мы научились распознавать их; странный великан в ярости рвет на себе волосы, когда выкрикивает их. Его зовут (как он представился) Ван дер Деен, но мы считаем дипломатичным называть его «капитан».

Я уничтожил все написанное за предыдущие годы (все, кроме описания самого первого дня). Сейчас многое кажется противоречивым и преувеличенным. Думаю, в этом виновато мое тогдашнее нездоровье. Сейчас я заметно окреп, притом без всякого медицинского ухода. Мой артрит и неподвижность суставов исчезли без следа; кажется, я даже стал лучше слышать.

Миссис Геррик и я давно свыклись с обществом друг друга, и наша привязанность растет с каждым днем. Сначала мы оба сильно беспокоились о наших близких. Однако преклонный возраст, в котором мы находились в момент похищения (мы почти ровесники с ней), позволяет предположить, что наши дети и внуки переживут утрату, которая все равно была неизбежна. Единственная проблема, которая не поддается разрешению: утомительная в своей монотонности гонка по подземным туннелям Интерборо.

На страницах, которые я уничтожил, много места отведено описанию ужасов, которые мы пережили в первые недели при прохождении сквозь встречные поезда. Вскоре это превратилось в столь обычное явление, что перестало восприниматься вовсе, как собственное дыхание. Однако стоило избавиться от ощущения неминуемой катастрофы, и наше путешествие наполнилось смертельной скукой блуждания по темным туннелям.

Миссис Геррик и я проводим время за дружескими беседами (хотя в более ранних записях я сетовал на ее неразговорчивость) или пробуем угадать, что происходит наверху, в городе, по пассажирам, стоящим на платформе. Это непростое занятие: наш вагон мчится очень быстро, к тому же много встречных поездов. Наше внимание привлекли изменения в рекламных щитах на станциях. Теперь на них изображены портреты старых кинозвезд; рекламу новых зубных паст и медицинских препаратов, кажется, сняли. Что это, не выдержали проверки или в стране идет кампания за возвращение к природе?

Еще одно чудо в нашей однообразной жизни — омоложение нашего вагона. Несмотря на безостановочную гонку на предельной скорости, он становится все ярче и новее. Сегодня у него вид, словно он несколько минут назад сошел с конвейера.

• • •

Полвека назад я твердо усвоил простую истину: если не знаешь, чем занять себя, — пусть у тебя впереди бесконечность, ты не сделаешь ровным счетом ничего. Заглянув в записную книжку, я обнаружил, что прошло десять лет со времени последней записи! Прямое подтверждение праздности и однообразия той жизни, которую мы вынуждены вести в этом блуждающем вагоне. Сама неизменность нашего существования лишает записи смысла. Однако недавние события принуждают меня взглянуть в лицо пугающей правды. Скрытое подтверждение моих опасений ошеломляет и указывает, что с нами определенно что-то происходит — что-то вполне объяснимое. Но я боюсь подумать об этом... тем более назвать это! Существуют два вероятных объяснения: или все, что я думаю, верно, или...

Необходимо поговорить на эту тему с Нелли Геррик. У нее поразительное самообладание. Очень рассудительная женщина. У нас с ней превосходные отношения.

Больше всего меня беспокоят объявления. Они рекламируют товары, бывшие популярными так давно, что я и забыл о них. И текст рекламы пересыпан выражениями тех лет. Последнее время трудно рассматривать плакаты: платформы все время переполнены пассажирами. В толпе много людей в военной форме, солдат и матросов. Мы до-

гадываемся, что началась война, но без ответа остается самый страшный вопрос: «С кем?»

Некоторые перемены наблюдаются и в нашем маленьком мирке. Мое здоровье и внешний вид непрерывно изменяются к лучшему. В волосах почти не осталось седины! Они снова каштановые и растут даже на макушке. С прической Нелли та же история. Есть и другие перемены: я стал лучше видеть и слышу совсем хорошо.

Кульминация этой вызывающей тревогу регрессии совпала с появлением новых плакатов. Они объясняют происходящее с нами. Над головами людей в подземке застеркали новые призывы, многочисленные и настойчивые: «Покупайте займы Победы!» По их обилию можно предположить, что мы снова вернулись в счастливые дни 1919-го, когда с фронтов мировой войны возвращались солдаты.

• • •

Мои беседы с Нелли успокаивают. Маловероятно, чтобы мы оба сошли с ума с одинаковыми симптомами. Неизбежный вывод, к которому мы пришли, заключается в том, что мы оба выпали из жизни! Время пришло в обратное движение! «Ругваартш! — сказал сумасшедший голландец в первый день нашего путешествия во Флашинг. — Мы поедem обратно!» Очевидно, в его Флашинг, каким он когда-то знал его. Кто знает о нем, кроме него? Может оказаться, что этот город принадлежит совершенно другой эпохе; иначе почему этот сумасшедший чародей (кто еще так свободно обращается со временем!) выбрал путь в прошлое? Нам остается только ждать и надеяться на лучшее.

Новая теория объясняет далеко не все явления. Не все предметы движутся вспять; иначе как объяснить то, что я пишу эти строки? Нас можно сравнить со стайкой мух в кабине спускающегося лифта. Окружающий мир теряет вес и движется вверх, тогда как на самом деле кабина неуклонно ползет вниз. Отрезвляющая мысль. Мы рады, что она пришла нам в голову. Нелли призналась, что она некоторое время колебалась, не решаясь высказать ее вслух. Еще она обратила внимание на незаметную перемену в нашей одежде: практически незаметная глазу революция стиля.

• • •

Мы внимательно рассматриваем проносящиеся за окнами перроны, стараясь определить прошлое, в которое попали. Вскоре после написания этих строк мы наблюдали несколько крупных торжеств, определить которые не составило труда. За ноябрьским окончанием мировой войны — Армистисом — последовала кампания займов Свободы. Более сорока лет назад, считая время в оба конца — туда и обратно, я продавал эти займы на улицах проходим. Впечатления прошедших лет заставляют нас острее переживать заточение в этом несущемся вагоне. Происходящее вокруг рождает мучительную ностальгию. Мало кто предполагает, сколь совершенна наша память, пока не столкнется с подобным напоминанием. Но мы не в состоянии присоединиться к ликующим толпам на перронах, и остается только гадать, что происходит наверху, над нашими головами.

Догадавшись о причинах происходящего, мы стали более терпимы по отношению к нашему машинисту. Его тяжелые размышления заставляют нас задуматься, не жертва ли он сам? Обычно он не замечает нашего присутствия. Иногда нам кажется, что он падший ангел, и мы удивляемся странному стечению обстоятельств, связавшему наши судьбы с судьбой несчастного Ван дер Деена, ибо по всему видно, что он несчастлив. Его надменность давно не раздражает нас: ее подавляет какая-то тайная тоска, что постоянно гнетет сердце нашего капитана.

— На мне лежит ийн флойк, — мрачно сказал он однажды, внезапно остановившись перед нами во время одной из своих стремительных прогулок по вагону. Казалось, он пытается объясниться... извиниться, если хотите, за наше вынужденное заточение. — Я проклят, проклят! — Он глубоко вздохнул, умоляюще глядя на нас.

Тут на него снова нашло его обычное черное настроение, и он зашагал прочь, ворча странные голландские ругательства:

— Я превзойду их... сам Господь не остановит меня... даже в бесконечности!

• • •

Наша орбита все более суживается. Мы уже давно не

были в Бруклине, а вчера неожиданно свернули на Таймсквер и перескочили на колею к Гранд-Сентрал. Учитывая эти изменения, а также тип вагона, в котором мы едем, и наши костюмы, мы достигли 1905 года. Этот год особенно ярок в моей памяти: тогда я впервые приехал в Нью-Йорк. Я не перестаю размышлять, что нас ждет. В следующем году мы исчерпаем историю нью-йоркской подземки. И что тогда? Неужели все кончено?

Нелли — само терпение. Какая удача, что с тех пор, как мы обречены на эту бессмысленную гонку, мы не расстаемся. Наши дружеские отношения, сердечность освещают беспросветный мрак этих утомительных блужданий.

• • •

Должно быть, прошлой ночью мы выехали из темных туннелей Манхэттена. Тридцать четыре года крошечной тьмы закончились. Теперь мы в открытой местности, движемся на запад. Наш прежний вагон превратился в старинный локомотив, бодро пыхтящий и отдувающийся паром. Ни машиниста, ни кочегара не видно, только Ван дер Деен часто прохаживается по тряской открытой платформе и взбирается на тендер, где стоит, твердо уперев ноги и осматривая раскинувшуюся впереди равнину через медную подзорную трубу. Его китель больше напоминает морской, чем железнодорожный; с восходом солнца мы хорошо рассмотрели его. В его манерах с самого начала присутствовало что-то, напоминавшее о море. Можно было догадаться и раньше, хотя бы по его просьбе, чтобы мы называли его «капитан».

Мир за окном движется назад! Фургоны и повозки за железнодорожной изгородью медленно катятся назад по разбитой дороге; лошади и мулы в упряжках тоже переступают ногами назад. Однако скорость нашего поезда так велика, что мы проносимся мимо, едва обращая внимание на эти подробности. После стольких лет мрака мы благодарны солнцу и деревьям и стараемся не замечать этот досадный беспорядок.

• • •

Пять лет под открытым небом дали нам возможность больше узнать об обратном движении природы. Удиви-

тельно, как мало оно отличается от прямого. Нам потребовались месяцы, чтобы заметить, что солнце встает на западе и опускается на востоке. За зимой, как обычно, следует лето. Это была наша первая весна после подземки, и мы были слегка потрясены. Деревья стояли голые, небо закрывали облака, и погода была прохладной. С первого взгляда было невозможно определить, весна это или осень.

Потом земля стала влажной и образовались небольшие островки, покрытые снегом. Скоро снег покрывал все вокруг. Небо потемнело, и началась вьюга, заслонившая вид из окна. Позже мы заметили, что на земле лежат кучки опавших листьев, и решили, что пришла осень. На наших глазах несколько деревьев покрылись листьями, потом — все. Вскоре леса сверкали нарядным убором из красновато-коричневых осенних листьев, однако через пару недель их оттенок сменился золотисто-оранжевым, потом темно-зеленым, и наступило лето. Осень, пришедшая за ним, почти ничем не отличалась от обычной, только в конце листья на деревьях начали бледнеть и уменьшаться, пока не превратились в почки и не скрылись в коре веток.

Военный эшелон, попавшийся нам навстречу, — переполненный солдатскими фуражками и приветственно машущими из окон руками, — не оставлял у нас сомнений, что началась (или, вернее, закончилась) еще одна война. Солдаты возвращались с Кубы. Снова ностальгия: я закончил эту войну в чине майора. Я с живостью вглядывался в приветствующие толпы на перронах, надеясь встретить знакомые лица. Этим событиям в моей жизни больше восьмидесяти лет: сорок лет к старости и столько же назад, в этом сумасшедшем вагоне.

Где-то среди ветеранов в голубых мундирах находился и я, принадлежащий реальному времени. Однако мне затруднительно вспомнить, где именно, потому что моя память стала слаба на даты. В голову мне пришла мысль остановить эту поездку в прошлое, сойти с поезда и вернуться домой. Правда, при этом возникла бы неизбежная проблема: как мне ужиться со своим двойником, который даже не подозревает о моем существовании? Проблема неразрешимая, и нет примеров, которым возможно было бы последовать.

К тому же положение серьезно осложняет существование Нелли. Мы часто разговариваем о необычности происходящего, однако эти разговоры ничего не решают.

Думаю, в начале дневника я несколько преувеличил ее рассудительность. Но это не имеет значения. Она превратилась в потрясающую девушку, и ее доброе участие в моих делах с лихвой искупает этот недостаток. Особенно восхитительны ее волосы, которые она иногда распускает. Они у нее густые и длинные. Мы часто сидим на платформе, и ветер развеивает их, а она все время смеется, видя, в какой восторг это меня приводит.

Капитан Ван дер Деен совершенно не замечает нас. Его мозг, все его существо заняты возвращением во Флашинг — в его Флашинг, который он зовет Флиссинген, — если такой существует где-то во времени или в пространстве. Мы возвращаемся вместе с ним, но для нас время течет в обратную сторону. Над ним оно не имеет никакой власти. Он не изменился. С того дня в далеком будущем, когда он отцепил вагон от поезда в Интерборо, в его пиратской бороде не изменился ни один волосок. Возможно, он обладает тем же безрадостным даром, что и Вечный жид, и это огорчает его... иначе отчего он так горько жалуется, что над ним тяготеет проклятие?

В последние дни он много разговаривает сам с собой, в основном о своем корабле. Найти этот корабль — его цель с того времени, как он обнаружил, что станция «Флашинг» в Нью-Йорке не то, что он ищет. По его словам, он оставил корабль где-то у скалистого побережья. Кажется, он не помнит, где именно, потому что мы проехали все побережье, но нигде не нашли его. Каждая неудача приносит новый взрыв гнева и проклятий; даже постоянная задумчивость не прибавила сомнений к решительному нраву капитана; тем более она не уменьшила его способности ругаться.

• • •

Этот голландец снова подменил поезд! На этот раз очень древняя посуда: вместо угля в топку бросают связки поленьев. Много дыма и искр, мы постоянно кашляем.

Прошлой ночью, когда голландец ушел из кабины, я пробрался туда и осмотрел двигатель. Экипажа нет, и топка оказалась закрытой. Несколько лет назад это показалось бы мне странным, но сейчас я даже не удивился. Я собирался остановить поезд и забрать Нелли, но это невоз-

можно. Без видимых причин он продолжает мчаться вперед, не сбавляя скорости.

По пути в салон я наткнулся на голландца, кричащего и ругающегося в своей обычной манере, стоя на тендере. Повинуясь внезапному импульсу, я попытался столкнуть его с поезда. Сейчас я не слабее его, и непонятно, почему мы должны мириться с его присутствием. Однако, когда я хотел схватить его, мои руки прошли сквозь его тело. Голландец оказался призраком! Странно, что я не замечал этого раньше. Может быть, поэтому невозможно остановить поезд и по этой же причине никто не замечает нас? Вероятно, поезд тоже призрачный. Завтра нужно взглянуть, отбрасывает ли он тень. Может быть, и мы...

Нет, Нелли реальна. В этом я уверен.

• • •

На следующий день мы миновали какую-то станцию, где проходил политический митинг. Шествие с факелами, транспаранты; среди них мне бросился в глаза плакат: «Гарфилда в президенты!» Если мы хотим бежать с этого поезда, следует поторопиться.

Нелл утверждает, что это будет неприлично. Я пытаюсь говорить с ней серьезно о нашем будущем, но она только смеется и целует меня и говорит, что нам будет хорошо вдвоем. Я не против того, чтобы начать новую жизнь, хотя окрестные города и выглядят довольно убого. Однако Нелл говорит, что выросла с мачехой на ферме в Канзасе, и если придется выбирать, то предпочтет ехать до конца и исчезнуть, чем возвращаться в такое прошлое.

Меня очень беспокоят мысли о конце путешествия. Ей бы не следовало так часто говорить об этом. Последнее время я больше ни о чем другом не могу думать, и рождение беспокоит меня гораздо сильнее, чем смерть. Мы оба знаем, когда оно произойдет! Для меня — 1860 год, третье августа. Последние десять лет будут самыми страшными: я буду становиться все меньше, слабее и беспомощнее, пока не превращусь в сморщенного, кричащего младенца. Это означает, что у меня осталось только десять лет жизни. В дни моей молодости впереди лежала вся жизнь. Теперь все по-другому!

Вчера Нелли придумала глупую клятву: «Пока рождение не разлучит нас!» — и заставила поклясться вместе с ней.

• • •

Здесь очень тесно и страшно трясет. Нелл и я сидим на передних сиденьях; капитан занял оставшиеся — кватердек, как он называет их. Время от времени он открывает дверь и взбирается на сиденье кучера. Кроме нас, в дилижансе никого нет, и наша упряжка из четырех лошадей день и ночь несется галопом. Капитан говорит, что устал от железных дорог и не доверяет им. Он не боится, что корабль могли украсть; по его словам, люди страшатся одного его вида. Оказывается, это корабль-призрак, и он приносит несчастье.

Этим утром мы проехали мимо двух мужчин на лошадях. Один из них поравнялся с нами, к нему присоединился другой. Я слышал, как первый проревел: «Они убили Кастера и всех его людей!», а второй отозвался: «Кровожадные дикари! Я им устрою бойню!»

• • •

Нелли все время хнычет. Говорит, что боится индейцев. Я не боюсь индейцев. Интересно, какие они?

Было бы здорово, если бы вместе со мной был еще один мальчик, а не эта девчонка. Мы бы придумали что-нибудь. Она только и делает, что возится со своими дурацкими куклами. Мы бы сделали лук и стрелы и поохотились бы на буйволов, но она говорит, что это плохо.

Пытался разговаривать с капитаном, но он только смеется и отвечает на непонятном языке: «Ейн тийд кезан воор-оп шип!»

Меня разозлило, что он болтает на непонятном языке; я так и сказал ему об этом.

— Время! — проревел он, смеясь как всегда. — Все хорошо в свое время! — И он пристально посмотрел на меня, обнажая в бороде крупные белые зубы. — Четыреста, пятьсот, тысяча лет ничего не значат. У меня в руках бесконечность! На корабле я доберусь туда. Клянусь! Ты поедешь со мной и увидишь настоящее море — великий Индийский океан за мысом Доброй Надежды. Как-нибудь, когда стихнут проклятые встречные ветры, я заберу тебя домой во Флашинг. Я доберусь, пусть сам дьявол или все ангелы... — И он снова разразился божбой и проклятиями, как обычно, на своем сумасшедшем языке.

Нелли дуется на меня и пытается командовать. Говорит, что не будет играть со мной, если я не буду делать записи в книжке. Говорит, что я каждый день должен что-нибудь записывать. Но писать нечего. Все тот же древний дилижанс. Все тот же капитан. Все то же. Капитан мне не нравится. Он сумасшедший. По ночам он смотрит на звезды, просвечивающие сквозь крышу дилижанса, и смеется. Потом с ним случается приступ ярости; он ругается и клянется страшными клятвами. Когда я снова вырасту большим, я убью его... Может быть, удастся прыгнуть... Мне страшно... Хорошо, если мы найдем маму...»

• • •

На этом рукопись обрывается. Записи, предположительно сделанные в дилижансе, отличаются неровным, прыгающим почерком; буквы значительно крупнее, чем раньше. Последние страницы покрывают детские каракули и рисунки. На некоторых изображены индейцы с перьями и луками. Самый последний весьма схематично передает очертания отвесного утеса, морские волны и грубые контуры какого-то старинного судна, покачивающегося поодаль.

Этот блокнот вместе со шляпой и тростью мистера Деннисона, а также сумочкой миссис Геррик был найден в сошедшем с рельсов вагоне, который отцепился от поезда на станции «Флашинг» и был обнаружен вблизи станции «Мидоуз». Полиция до сих пор продолжает поиски исчезнувших пассажиров, однако тот факт, что они передали этот дневник нам, по моему мнению, ясно указывает на то, что эти поиски безнадежны. Не вижу, какую помощь могут принести эти записи. Дневник завершен, и боюсь, что теперь мистер Деннисон и миссис Геррик для нас совершенно недостижимы.

ОБРАТНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Капитан Армитаж не любил свою работу. Чартерные авиалинии оставались последней возможностью для пилота, чей возраст приближался к пятидесяти, к тому же напряжение многих лет не способствовало смягчению характера. Капитан Армитаж испытывал глубочайшее равнодушие к окружающему его миру. Директорское кресло и половина акций компании «Соник флайтс» принадлежали ему, и поэтому каждый рейс был непосредственно связан с его личным счетом в банке.

Он не любил такую работу.

Это произошло зимой. Стоял туманный декабрь, приближалось Рождество. Шумная толпа туристов заполнила салон, торопясь на джазовый фестиваль на Нормандских островах. Современная музыка мало интересовала капитана Армитаж, однако менеджер группы платил наличными, и все остальное было безразлично. Получив разрешение на взлет, капитан перевел греющиеся моторы в полетный режим и потянул на себя ручку штурвала. Самолет лениво качнулся, поднимаясь в серое зимнее небо.

Они летели над Ла-Маншем, когда неожиданно сгустился туман, окутав их густыми волнами. Армитаж выругался себе под нос. Продолжать полет было рискованно, однако отмена рейса грозила оставить заметную прореху в бюджете компании. Капитан Армитаж не собирался нести убытки.

— Леди и джентльмены, говорит командир корабля, — подобное обращение обычно успокаивало пассажиров, и шум в салоне стихал. — Из-за неблагоприятных погодных условий мы прибываем на десять минут позже расписания. «Соник флайтс» приносит извинения за вынужденные неудобства.

С сожалением щелкнув, динамики замолкли.

— Позже? — удивленно переспросил второй пилот —

молодой человек с вялыми, бесцветными глазами.— Может быть, будет лучше приземлиться где-нибудь поближе?

Армитаж презрительно фыркнул. Он не питал симпатии к Крису Дэвиду; типичный школьный зубрила, который знает все, кроме практики. Пилот, который летает по приборам. Сам Армитаж летал на крыльях и святой молитве. В молодости его даже арестовывали за полет на «Тигровом мотыльке» под мостом рядом с Тауэром. Пари он выиграл, но с военной службой пришлось расстаться.

— Мы получили плохую сводку,— повторил второй пилот.— Лучше вернуться обратно.

Он никогда бы не нанял Криса Дэвида, но за деньги, которые он предлагал, было трудно найти хорошего пилота

Туман извивался, напоминая ожившего дракона: узлы едких испарений прицепились к хвосту

— Не хотелось бы подводить ребят.— со всей сердечностью, на которую был способен, проговорил капитан Армитаж.

Самолет дрожал, неподвижно зависнув среди желтоватых облаков. Туман расходился и светлел, потом сворачивался и накрывал их снова. В трех тысячах футов внизу заговорили острова. Просочившийся сквозь серую пелену голос приказывал возвращаться в Англию.

— Леди и джентльмены.— динамики не выдавали раздражения капитана Армитажа.— к сожалению. погодные условия не позволяют нам приземлиться. Мы вынуждены вернуться обратно. Следующая попытка будет произведена днем позже.

— В следующий раз я лучше пройду пешком.— проворчал кто-то из пассажиров.

Шутку приветствовали насмешливые аплодисменты, по салону пробежал смех. Кто-то начал тихо наигрывать на губной гармошке; кто-то передавал бутылку кока-колы через проход между креслами. Безмятежность, граничащая со слепотой: механический век. к которому они питали глубочайшее презрение, позабывает о них, благополучно доставив до места назначения.

Над побережьем туман истончался в грязноватую дымку; к тому времени, когда они достигли посадочной полосы, видимость была довольно сносной. Получив от диспетчера «добро» на посадку, Армитаж по широкой дуге плавно направил самолет вниз и замер, не веря своим глазам.

Поперек посадочной полосы стоял легкий одномоторный самолет.

Задохнувшись проклятиями, Армитаж резко рванул на себя штурвал — машина с ревом вернулась в серое небо. В прошлом он был свидетелем множества глупых шуток, пять или шесть из которых проделал сам. Но здесь было что-то совершенно другое; нечто, не имеющее отношения к смеху. Он почувствовал, как его бьет озноб. Прошла целая минута, прежде чем ему удалось разобрать, что говорит диспетчер.

— «Ариэль-семь», почему взлетели?

Грубоватый ответ Армитажа не мог скрыть его растерянности. Из кресла второго пилота послышался сдавленный вздох Криса Дэвида.

— Вы что, сами не видите? — прорычал Армитаж. — Что там у вас на полосе? Ваши наземные службы или перепились, или спятили. Чем, черт побери, они заняты?

Он свирепо повторил свой вопрос в микрофон. Послышались атмосферные щелчки, потом снова голос диспетчера.

— «Ариэль-семь», почему не садитесь? — голос звучал озадаченно, но не больше того.

У Армитажа мелькнуло подозрение, что зрение сыграло с ним плохую шутку. В сорок восемь лет мало кто может похвастаться отменным здоровьем, хотя до сих пор тренированное тело не подводило капитана. После рождественских праздников надо будет заглянуть к окулисту, подумал Армитаж, переходя на приборную систему посадки.

Когда они во второй раз вынырнули из облаков, аэродром был пуст, за одним-единственным исключением: легкий одномоторный самолет снова перекрывал их полосу пробег.

Этого Армитаж не мог вынести. Во второй раз подняв машину, он взорвался потоком ругательств. Немедленно снизу отозвалась контрольная вышка:

— «Ариэль-семь», «Ариэль-семь»! Как слышимость? Почему не садитесь, «Ариэль-семь»?

Капитан Армитаж сухо закашлялся. Наткнувшись на недоуменный взгляд Криса Дэвида, коротко приказал:

— Летим в Кестон.

— Зачем?

— Затем, — мрачно проговорил Армитаж, — что я не

горю желанием выяснять, что творится на посадочной полосе.

Не обращая внимания на протесты второго пилота, он развернул самолет в направлении Кестона. Матушка-природа забыла вложить в голову Криса мозги, и он вырос болваном. Иногда это приносит несчастье.

Двигатели утонули в реве, кабина затряслась, и новый звук прорезал гудящий воздух. Армитаж не сразу обрел дар речи.

— Какого черта! — это было уже слишком. — Кто там играет?

— Что? — Крис Дэвид непонимающе посмотрел на него.

— С меня достаточно! Скажите этим ряженым в салоне, чтобы немедленно перестали играть!

— Никто не играет...

Он все равно слышал музыку. Спокойный блюзовый ритм — то громкий, настойчивый, то тихий и мягкий. От страха у Армитажа пересохло в горле: вероятно, сказывалось перенапряжение. Повышенное давление в его годы не редкость.

— Когда прилетим в Кестон, — сдавленным голосом проговорил он, — возьмишь управление на себя.

Контрольная вышка в Кестоне уже ждала их, очевидно, предупрежденная. Голос диспетчера звучал напряженно и деловито. Тумана здесь не было.

На высоте тысячи футов Дэвид со вздохом принял управление, скользнул по пологой дуге вниз и снова поднял машину в воздух.

— Что случилось? — Армитаж повернулся к Дэвиду. Однако он знал, каким будет ответ.

Они облетели еще три аэродрома: на каждом повторялась та же история. По салону начало расползаться беспокойство, и Дэвиду пришлось выйти, чтобы успокоить пассажиров. Это оказалось нелегким делом. Было довольно трудно объяснить, что самолет не может сесть только потому, что капитан и он видят... вернее, думают, что видят...

По пути в кабину мотив тяжелого буги всколыхнул воздух — рыдание какого-то джазового инструмента. Крис оглянулся через плечо: все пассажиры смирно сидели, пристегнувшись к креслам.

— Опять эта музыка, — сказал Крис Дэвид.

Армитаж кивнул.

Какая-то мания, согласились они. Общий страх объединил пилотов.

После очередной попытки приземлиться Армитаж тяжело посмотрел на Дэвида:

— Это один и тот же самолет. Ты заметил?

Дэвид молча смотрел на приборную доску.

— Где бы мы ни пытались сесть, нас блокирует один и тот же самолет! Это невозможно!

— Может быть, это мираж?

— Откуда ему взяться в таком тумане? — Армитаж расстегнул воротник. В кабине становилось душно. — Это американский истребитель выпуска второй мировой войны. Сейчас на таких не летают. Если ему и полагается где стоять, так это в музее.

— У нас, — осторожно предположил Крис Дэвид, — какая-то разновидность зрительной галлюцинации.

— Хочешь попробовать?

— Что?

— Говорю, хочешь проверить, действительно ли там самолет?

— Нет. Мы не имеем права так рисковать!

— Ты прав. — Армитаж вытер вспотевшие ладони. — И все-таки нам придется рисковать, и очень скоро. У нас кончается горючее.

Мимо проносились облака. Вверху зияла пустота неба.

Внизу, на побережье, была объявлена тревога. Четыре аэродрома доложили об инциденте; летные службы в напряжении ожидали развязки.

Полиция занялась проверкой списков летевших, идентифицировала пассажиров.

Особенно был отмечен тот факт, что самолет направлялся на джазовый фестиваль. Официальное мнение склонялось к тому, что пилоты и пассажиры находятся под воздействием наркотиков.

Высоко вверху, в небесных просторах барражировал самолет компании «Соник флайтс». Когда опасения Армитажа начали сбываться, экипаж принял решение садиться в волны Ла-Манша.

Их подобрали через час, целых и невредимых, ставших объектом массированных поисков. От радости пилоты потеряли друг друга из виду; какое-то короткое мгновение Дэвид видел своего капитана стоящим на палубе спа-

сательного судна. Глаза Армитажа были прикованы к небу, голова наклонена вбок, как у человека, который пытается уловить ускользающий мотив.

— Все в порядке? — прокричал Дэвид.

Капитан Армитаж кивнул в ответ. Он пытался напевать, но мелодия ускользала от него. Она ушла, и, как ни старался, он не мог вспомнить ее.

• • •

Неделю спустя обоих пилотов вызвали в комиссию по расследованию причин катастрофы.

Председатель держал в руках рапорт спасательной команды.

— Вам, джентльмены, повезло больше, чем вы думаете, — он небрежно бросил рапорт на стол. — В подвеске вашего самолета были обнаружены серьезные неполадки.

— Вы в этом уверены? — капитан Армитаж воинственно выдвинул вперед подбородок.

— В задачу нашей комиссии, — продолжал председатель, — не входит выяснение того, как вы поддерживаете работоспособность своей машины. Мой долг просто сообщить вам об этом. По мнению наших экспертов, если бы вы попытались приземлиться, от вас остались бы шасси и горстка элеронов.

Счастливое стечение обстоятельств, согласились пилоты, покидая здание. Воля Случая. Рука Судьбы.

Как бы там ни было, обман зрения не позволил им сесть...

— Инстинкт. — Капитан Армитаж раскрыл зонтик: начинался дождь. — У опытных пилотов развивается что-то вроде шестого чувства. Нюх на опасность.

— Сомневаюсь. — Крис Дэвид нахмурился. — Я ради любопытства порылся в старых газетных подшивках и, представляете, вспомнил название той песенки...

— Какой еще песенки?

— Которую мы тогда слышали!

— Не слышал никакой песенки, — уверенно проговорил Армитаж и сразу же искренне в это поверил.

Крис Дэвид удивленно приподнял брови:

— Во время войны над Ла-Маншем исчез один американский музыкант. Это тоже произошло под Рождество. Он направлялся на концерт в Париж. И знаете, кто это был?

— Нет,— ответил капитан Армитаж, останавливая такси.

Он не верил в привидения и не интересовался джазовыми музыкантами.

**Подземные мифы
Ховарда Лавкрафта**

УЖАС В МУЗЕЕ

I

Первым чувством, побудившим Стивена Джонса посетить музей мистера Роджерса, было легкое любопытство. Кто-то из знакомых обмолвился о необычном подвальчике на Саутварк-стрит, за Темзой, где выставлялись восковые фигуры более жуткие и отвратительные, чем самые пугающие из творений мадам Тюссо; и как-то апрельским днем Джонс решил прогуляться, желая выяснить, насколько разочаровывающей окажется действительность. Странно, он не был разочарован. Музей наполняла особенная атмосфера, не сравнимая ни с чем, до сих пор виденным им. Естественно, среди экспонатов присутствовали традиционные злодейские образы — Ландру, доктор Криппен, мадам Демерс, Рицци, леди Джейн Грей; в главном зале было тесно от бесчисленных жертв войн и революций; мрачно стояли чудовища вроде Жюль де Реца и маркиза де Сада — но были и другие скульптуры, от вида которых перехватывало дыхание. Джонс оставался в музее до самого закрытия, пока колокольчик смотрителя не оторвал его от созерцательных грез. Человек, создавший такую коллекцию, не мог оказаться простым шарлатаном. В некоторых из скульптур таилась фантастическая мощь, не подвластная обычному воображению, — скорее, признак болезненного гения.

Позднее он узнал немного о прошлом Джорджа Роджерса. Какие-то неприятности или ссоры с коллегами вынудили его оставить музей мадам Тюссо; одно время ходили слухи о его безумии и увлечении тайными культами. Более поздний успех открытого им музея притупил перья одних критиков его таланта, одновременно углубив подозрения других. Терапология* и иконография кошмаров со-

* Область биологии, занимающаяся изучением аномалий и уродств

ставляли главную привязанность Роджерса, но даже он благоразумно отгораживал придел, где помещались наиболее жуткие из его творений. Этот придел, куда допускались только взрослые посетители, очаровал Джонса. За плотной холщовой занавеской скрывались глыбообразные уроды, каких только в состоянии родить человеческая фантазия; вылепленные с дьявольским искусством, раскрашенные пугающе живыми красками, существа в приделе поражали своим безобразием.

Некоторые скульптуры изображали хорошо известные мифы: горгоны, химеры, драконы, циклопы и их многочисленные отвратительные собратья. Другие происходили из туманного, передаваемого тихим шепотом цикла подземных легенд: черный, бесформенный Цаттогва; оплетенный многочисленными щупальцами Туле; хоботорогий Шо́нар Фавн и прочие неземные твари из запретных книг вроде «Некромикона», «Книги Эйбона» или «Культов неизъяснимого» герра фон Юнца. Однако самыми жуткими были собственные творения Роджерса, передававшие формы, о которых не осмеливалось упомянуть ни одно из преданий древности. Несколько слепков представляли загадочную пародию на знакомые виды органической жизни, тогда как другие казались вырванными из горячечных снов чужих планет и галактик. Безумные полотна Кларка Аштона Смита могли бы предложить несколько образов, однако ничто не могло передать тот отравляющий, омерзительный ужас, создаваемый пропорциями и мастерским исполнением, а также дьявольски призрачным освещением зала

Проходясь по музею с видом скучающего ценителя. Стивен Джонс нашел самого Роджерса у основания одного из сводов в темной камерке, одновременно служившей мастерской: зловещий склеп, тускло освещенный пыльными окнами, вырезанными в кирпичной стене на одном уровне с брусчаткой закрытого двора. Здесь подновлялись восковые фигуры; здесь же многие из них были созданы. Восковые руки, ноги, головы и торсы в гротескном беспорядке лежали на скамьях; на верхних ярусах полок рассыпались разноцветные парики, хищно оскаленные зубы и блестящие неподвижные глаза. Костюмы разных эпох свисали с крючьев; в угловой нише высилась груда восковых брусков телесного цвета; полки заполняли банки с красками и кисти всевозможных размеров. В центре мас-

терской стояла большая печь для размягчения воска: четыре конфорки подпирали огромный металлический бак с обращенным вниз желобом, который позволял разливать расплавленный воск простым нажатием пальца на кран.

Остальные предметы в сумеречном освещении практически не поддавались описанию — разрозненные части таинственных существ, чьи выплавленные формы впоследствии предстанут порождением кошмара. В дальнем конце находилась дверь, сколоченная из толстых дубовых досок; помимо массивного висячего замка ее украшал нарисованный масляной краской иероглиф. Джонс, однажды заглядывавший в жуткий «Некромикон», непроизвольно вздрогнул, увидев его. Владелец музея, отметил он, без сомнения, был широко образован в наиболее туманных областях человеческого знания.

Разговор с Роджерсом также не разочаровал его. Хозяин музея оказался высоким, худым и довольно небрежно одетым человеком с большими черными глазами, горевшими на бледном и обычно небритом лице. Он не возражал против вторжения Джонса — напротив, казалось, был рад возможности поделиться своими размышлениями с интересным собеседником. Его голос поражал непривычной глубиной и мягкостью; какое-то лихорадочное напряжение, граничащее с помешательством, скрывалось в нем. Джонс без удивления вспомнил, что очень многие считали Роджера сумасшедшим.

С каждым новым посещением музея — а такие визиты со временем вошли в привычку — Джонс находил Роджера все более расположенным к себе и откровенным. Поначалу хозяин музея только намеками касался различных тайных культов и ритуалов; позднее эти намеки дополнились длинными историями, которые — несмотря на несколько плохо отпечатанных фотографий — из-за своей несообразности казались почти комичными. Но лишь июньским вечером, когда Джонс прихватил с собой бутылку хорошего виски и усердно угощал им хозяина, произошел первый по-настоящему безумный разговор. Ему предшествовали достаточно невероятные рассказы: описания загадочных путешествий в пещеры Тибета и Африки, в Аравийскую пустыню и долины Амазонки, на Аляску и какие-то малоизученные острова в Тихом океане; за этим последовали упоминания о мрачных, полных тумана рукописях вроде древних фрагментов Пнакта или песнопений

Дола, создание которых приписывают враждебной, негуманоидной расе ленгов, — однако из всех этих бесед не рождалось то безумное зерно, что вызрело в парах виски в тот июньский вечер.

Все более располагаясь к своему гостю, Роджерс позволил себе несколько неясных и хвастливых замечаний о редких находках, сделанных им в природе, добавив при этом, что он располагает осязаемыми доказательствами своих открытий. Из его полупьяных откровений явствовало, что он продвинулся дальше других в изучении сумрачных первокниг и был направлен ими к удаленным местам, где скрывались странные существа, населявшие Землю на эоны и эры раньше людей; некоторые из них до сих пор поддерживали связь с параллельными мирами и измерениями, сообщение с которыми было обычным в те далекие дни Джонса приводила в восторг фантазия, создававшая эти предания. в Роджерсе же его поражала сила, звучавшая в его словах. Возможно, работа с болезненными творениями мадам Тюссо дала первый толчок столь богатому воображению? Как бы то ни было, чудовищные скульптуры этого человека тесно переплелись с его чувствами и представлениями. Даже теперь оставались неясными его намеки относительно природы кошмарных монстров, выставленных в зашторенном приделе «Только для взрослых». Безразличный к иронии, Роджерс упрямо продолжал настаивать на том, что не все из тех демонических уродств были искусственного происхождения.

Скептицизм и откровенное недоверие Джонса разрушили растущую расположенность к нему Роджерса. Хозяин музея — это было очевидно — говорил совершенно серьезно; теперь же он замкнулся, раскаиваясь в своей несдержанности. Джонса он продолжал терпеть только из упрямого желания поколебать стену самодовольного недоверия последнего. Невероятные истории о ритуалах и жертвоприношениях бесчисленным богам прошлого как из рога изобилия сыпались на голову Джонса. Иногда Роджерс подводил своего гостя к какой-нибудь из стоящих в приделе «для взрослых» фигур и показывал линии, не подвластные резцу скульптора.

Понимая, что расположение хозяина музея потеряно, Джонс продолжал свои посещения уже из чистого восхищения его искусством. Временами он пытался вызвать Роджерса на откровенность, с деланным удивлением или

равнодушием касаясь в разговоре какого-либо предмета, однако подобная тактика редко обманывала долговязого мастера.

В сентябре напряжение достигло пика. Как-то, заглянув в музей после обеда, Джонс прохаживался среди ставших привычными ужасов, когда из мастерской Роджерса донесся жуткий вой. Посетители нервно задвигались, вслушиваясь в эхо, пробежавшее под сводами. Трое зрителей обменялись странными взглядами, и один из них — смуглый, молчаливый иностранец, обычно помогавший Роджерсу в работе, — неожиданно улыбнулся, чем привел в замешательство своих коллег и неприятно поразил Джонса. Вой или визг, бесспорно, принадлежал собаке. Мучительная агония, прозвучавшая в нем, заставила сжаться сердце, и это чувство возросло вдвойне в окружении чудовищных образов музея. Совсем некстати Джонс вспомнил, что в музей не разрешалось приводить собак.

У дверей мастерской его жестом остановил смуглый смотритель. Мистер Роджерс, сообщил он мягким, с легким акцентом голосом — одновременно извиняющимся и неуловимо ироничным, вышел по делам и распорядился не допускать никого в мастерскую во время его отсутствия. Что же касается воя — это, без сомнения, где-нибудь во дворе музея. По соседству бродит множество бездомных псов, и их драки иногда бывают чересчур шумными. В музее собак нет. А если мистер Джонс хотел повидать мистера Роджерса, он может застать его перед закрытием.

Выслушав смотрителя, Джонс поднялся по старым каменным ступеням на улицу и тщательно оглядел убогие окрестности. Ветхие, покосившиеся здания — когда-то жилые, но теперь в большинстве своем занятые под лавки и складские помещения — оставляли ощущение почтенной древности. Некоторые дома были выложены из тесового камня, напоминая о славном правлении Тюдоров. Слабая атмосфера запахов витала над всем кварталом. Серое здание, в подвале которого помещался музей, разделяла низкая арка, в которую уходила мощенная темным булыжником аллея. Подталкиваемый желанием выяснить все до конца, Джонс двинулся под каменным сводом. Во дворике царил полумрак, глухие стены не пропускали дневного света; их отвратительный вид и неуловимая враждебность затмевали даже зловещие фасады домов. Собак нигде не было видно, и Джонсу показалось сгренным, что

свирепая схватка могла закончиться без жертв и так стремительно.

Несмотря на заверения зрителя, он с беспокойством оглядел три небольших окна мастерской — узкие горизонтальные прямоугольники, втиснутые в поросшую травой брусчатку; невыразительный и недружелюбный взгляд стекол, покрытых пылью и сажей, напоминал глаза мертвого осьминога. Левее окон сбитые ступени спускались к потемневшей от времени двери. Повинуясь внезапному импульсу, Джонс наклонился к сырой брусчатке и заглянул вовнутрь в надежде, что окна не зашторены. Наружную поверхность стекол покрывал толстый слой пыли, но, протерев их носовым платком, Джонс обнаружил, что шторы не препятствуют наблюдению.

Изнутри подвал наполняли тени, не позволявшие рассмотреть обстановку: их темные контуры причудливо извивались и перебегали с места на место, когда Джонс по очереди заглядывал в окна. С первого взгляда было ясно, что в мастерской никого нет; однако, взглядевшись в крайнее — ближайшее к аллее — окно, Джонс различил смутное мерцание возле одной из стен. В изумлении он замер. В этом месте, насколько он помнил, не было ни электрических, ни газовых горелок, и природа мерцания не поддавалась разумному объяснению. Более внимательно взглянув, он обнаружил, что свет распространяется из большого вертикального прямоугольника. Постепенно стало ясно, в чем дело: светлый прямоугольник в точности повторял положение массивной дубовой двери, неизменно замкнутой и запечатанной, помимо тяжелого висячего замка, магическим символом первых чернокнижников. Сейчас дверь была распахнута, и внутри горел свет. Все прежние предположения и догадки о тайнах, скрытых внутри, ожили с утроенной силой.

Бесцельно проблуждав по унылым улицам до шести вечера, Джонс возвратился в музей в надежде застать Роджерса. Едва ли он мог объяснить, почему именно сегодня хочет увидеть его; возможно, какое-то полусознанное предчувствие связало вместе дневной агонизирующий вой и мерцание за таинственной дверью. Служащие готовились к закрытию, когда он вошел, и Орабона — смуглый, похожий на иностранца зритель — оглядел его с плохо скрываемой усмешкой. Джонсу не понравился этот взгляд, хотя он много раз замечал его у Орабоны, когда тот смотрел на Роджерса.

Без посетителей сводчатый зал музея выглядел призрачным. Джонс быстрыми шагами пересек его и постучался в дверь мастерской. Ответ последовал не сразу, хотя внутри слышался какой-то шум. Наконец после настойчивого стука загремел засов и древний портал неохотно скрипнул, пропуская сутулую, с всклокоченными волосами фигуру Роджерса. С первого взгляда было ясно, что владелец музея находится в необычном настроении. В его приветствии чувствовалось странное смешение нежелания и настоящего нетерпения, и начавшаяся беседа немедленно унеслась к фантастическим предметам.

Уцелевшие боги древности; жуткие жертвоприношения; иная, не искусственная природа ужасов в приделе «для взрослых» — последовала привычная похвальба, однако на этот раз в странно доверительном тоне. В голове у Джонса мелькнуло подозрение, что безумие все же настигло беднягу. Время от времени Роджерс украдкой поглядывал в направлении массивной дубовой двери и на кусок грубого холста на полу, под которым угадывались очертания какого-то небольшого предмета. Постепенно Джонс ощутил, как растет нервное напряжение; ему недоставало решимости рассказать о дневном происшествии, хотя именно оно составляло главную цель его визита.

Бас Роджерса возбужденно вибрировал под сумрачным сводом.

— Вы помните, — гремел он, — мой рассказ о руинах заброшенного города в Индокитае? О городе, где жил То-Шос? Когда вы увидели фотографии, вам пришлось признать, что я побывал там; пусть даже вы до сих пор убеждены, что я отлил этого ночного пловца из воска. Если бы вам довелось увидеть его извивающимся в подземных клюках, как мне...

Но есть более могущественное божество. Я не рассказывал о нем, потому что предстояло много работы, чтобы оживить его. Когда вы увидите снимки и поймете, что природе невозможно подделать, надеюсь, у меня найдутся средства убедить вас, что Он живой! Пока же мои эксперименты не позволяют включить Его в экспозицию.

Хозяин музея покосился на запертую дверь.

— Маршрут и необходимые сведения содержались в ритуале восьмого фрагмента хроник Пнакта. После расшифровки мне стало ясно, что ритуал скрывает только одно значение. К северу от земли Ломаров — расы, пред-

шествовавшей человеческой, — остались руины, сохранившие тронный зал божества. И это был ключ, которого многим не хватало. Нам пришлось странствовать по Аляске; на собачьих упряжках добираться до Нотака из форта Мортон; но мы нашли то, что искали. Гигантские руины... акры циклопических руин. Уцелело меньше, чем мы надеялись, хотя что можно ожидать после трех миллионов лет? Надо сказать, что правильное направление указывали даже эскимосские легенды; за всю дорогу нам не удалось нанять в проводники никого из аборигенов. Пришлось возвращаться обратно в Ном за американцами. Путешествие было опасным и трудным. Орабона плохо переносил северный климат, стал хмурым, раздражительным, однако мы были уже почти у цели.

Когда мы взорвали лед, загромождавший пилоны главных ворот, за ними открылась лестница. В точности такая, как описана в книге: фигуры из кости, хранители... Янки с радостью согласились подождать нас у входа. Орабона трясся, как осиновый лист на ветру, ха! Никогда не подумаешь, наблюдая, как важно он расхаживает по моему музею. Он знал достаточно о Древних Расах, чтобы так трястись. Свет вечности погас, и мы освещали путь смоляными факелами. Повсюду лежали кости тех, кто проник сюда раньше нас — зоны назад, когда климат был мягче. Некоторые остовы принадлежали существам, облик которых трудно даже вообразить. Через шесть лестничных пролетов вниз мы обнаружили трон из слоновой кости, о котором так много говорится в хрониках. И смею уверить, он не пустовал.

Существо на троне не шевелилось; мы поняли, что Оно ждет жертвоприношения. Но тогда мы не хотели будить Его: нужно было возвращаться в Лондон. Орабона и я поднялись наверх за большим ящиком, но, заколов его, мы не смогли совладать с Его весом. К тому же размеры ступеней не предназначались для людей. Пришлось позвать на помощь американцев. Они не горели желанием спускаться, хотя самое страшное уже покоилось в безопасности внутри ящика. Мы сообщили им, что собираемся забрать с собой резные украшения... археологическая ценность... и после того, как они увидели трон, янки, вероятно, поверили нам. Удивительно, что они не заподозрили спрятанных сокровищ и не потребовали своей доли. Наверное, они до сих пор рассказывают небылицы о нашем пу-

тешествеии у себя в Номе, хотя сомневаюсь, что кто-нибудь из них отважится снова спуститься в руины, даже ради костяного трона.

Роджерс замолчал, порылся в своем столе и вытащил большой конверт со снимками. Выбрав один, он накрыл его листом бумаги и протянул остальные Джонсу. Изображения действительно были странными: скованные льдом холмы, собачьи упряжки, люди в меховых комбинезонах и обширные, беспорядочные руины на фоне снегов — их необычные контуры и огромные каменные блоки, слагавшие стены, не поддавались разумному объяснению. Снимок со вспышкой передавал просторный подземный зал с жуткими изваяниями и любопытной конструкции трона — непропорциональным с точки зрения человека. Выбитые в каменных стенах и своде узоры состояли в основном из символов, смысл и начертания которых давно утеряны или туманно описаны в черных книгах. Над изголовьем трона выделялся зловещий знак, теперь украшающий стену мастерской над запертой дверью. Джонс бросил беспокойный взгляд на массивный замок, удерживающий дубовые доски. Без сомнения, в своей жизни Роджерс посетил множество странных мест и видел странные вещи. И все же этот невероятный снимок вполне мог оказаться подделкой; искусство коллажа доступно многим художникам, поэтому нельзя слишком многое принимать на веру. Между тем Роджерс продолжал:

— Итак, мы погрузили ящик на корабль и без особых хлопот прибыли в Лондон. В первый раз в наших руках оказалось нечто, способное пробудиться к жизни. Я не выставил Его среди остальных фигур, потому что Он выше их; Он принадлежит к расе богов и нуждается в жертвоприношении. Естественно, мне не по силам жертва, которая была обычной в Его дни; на Земле попросту не осталось таких существ. Однако вместо исчезнувших появились новые твари. Кровь означает жизнь, это общеизвестно. Даже лемуры и гиперборейцы, возраст которых превосходит возраст Земли, просыпаются, когда соблюден ритуал принесения жертвы из крови.

Лицо рассказчика приняло столь отталкивающее выражение, что Джонс невольно поежился на своей скамейке. Казалось, Роджерс заметил беспокойство гостя, поэтому как продолжал с откровенно злобной усмешкой:

— В прошлом году я перевез Его в мой музей и с тех

пор испробовал множество заклинаний и жертв. От Орабона мало толку: он с самого начала не хотел будить Его. Он ненавидит Его... вероятно, боится того, что придет вместе с Ним. Чтобы защитить себя, он постоянно таскает с собой пистолет, болван! Разве может смертный противостоять божеству? Если я только замечу, как он хватается за пистолет, я задушу его. Он советовал мне убить Его и создать новый муляж, но я продолжал следовать указаниям книг и добился своего, несмотря на всю его трусость и ваш скептицизм, Джонс! Я совершил ритуал посвящения из третьей главы «Шестокрыла» и принес жертвы, и на прошлой неделе произошло превращение. Жертвоприношение было принято с благосклонностью!

Роджерс хищно облизнулся, оглядывая замершего в своем углу Джона; помолчал и, поднявшись, подошел к укрытому холстом предмету. Медленно наклонившись, он взял рукой за край полотна и заговорил:

— Вы вдоволь посмеялись над моими творениями; пришло время раскрыть карты. Орабона передавал мне, что сегодня днем вы слышали вой собаки. Хотите знать, что это было?

Джонс настороженно встрепенулся. От бывшего любопытства не осталось и следа: сейчас он гораздо охотнее обошелся бы без всяких объяснений. Но Роджерс уже неутомимо приподнимал край холста. На полу под ним расплылась плоская, бесформенная масса неизвестного происхождения. Были ли то останки живого существа, которое неведомая стихия расплющила, обескровила, проткнула тысячами игл и вывернула в безвольно растекшийся, лишенный костей предмет? Секунду спустя Джонс понял, что это было. Труп собаки, крупной, с белой шерстью. Породы не поддавалась определению из-за бесчисленных и необъяснимых повреждений. Большая часть шкуры была выжжена какой-то кислотой, и голую, бескровную кожу усеивали круглые ранки или отверстия. Воображение отказывалось представить пытку, после которой могли бы остаться подобные следы.

Внезапный прилив ненависти победил растущее отвращение. С криком Джонс вскочил на ноги.

— Садист! Вы сумасшедший садист, Роджерс! После таких издевательств над божьими тварями вы еще смеете смотреть в глаза людям?!

Со злобной ухмылкой хозяин музея опустил холст и

посмотрел на приближающегося гостя. Его голос был естественно спокоен.

— Глупец! Почему вы решили, что это сделал я? Человеческая рука бессильна сотворить что-либо подобное! Человек лишь предлагает жертву, и я принес Ему пса. Остальное совершил Он — не я. Он требовал жертвоприношения и получил его: Да, я еще не показывал вам, как Он выглядит.

Пока Джонс в нерешительности переминался с ноги на ногу, Роджерс вернулся к столу и открыл фотографию, которую в начале разговора спрятал под листом бумаги. Со странным выражением на лице он протянул ее Джонсу, который почти механически принялся рассматривать изображение. Мгновение спустя взгляд гостя углубился, стал более внимательным, ибо фигура на снимке обладала поистине циклопической мощью. Роджерс превзошел самого себя. Вся композиция несла на себе отпечаток inferнального гения; Джонс мысленно изумился, представив реакцию зрителей на новую скульптуру в зале. Столь отвратительное создание попросту не имело права на существование; возможно, одно лишь созерцание вылепленного образа довершило безумие его творца и заставило поклоняться собственному творению, принося садистские жертвы. Даже здоровый мозг с трудом противился подсознательному предположению, что жуткое существо на снимке является — или являлось когда-то — экзотической и болезненной формой земной жизни.

Привычный язык слишком беден для того, чтобы полно описать тварь, застывшую на костяном троне. В облике ее угадывалась отдаленная связь с позвоночными нашей планеты, однако нельзя было с уверенностью это утверждать. Гигантское тело, хотя и присевшее на корточки, вдвое возвышалось над Орабоней, запечатленным рядом. Приглядевшись внимательнее, можно было заметить слабые признаки, характерные для высших классов хордовых моллюсков.

Из сферообразного торса выдавались шесть длинных, зловещих щупалец, оканчивавшихся крабьими клешнями. Над торсом покоилась еще полусфера. Правильный треугольник застывших рыбьих глаз; двухфутовые и, очевидно, подвижные хелицеры, а также боковые выступы, напоминающие жаберы, позволяли предположить, что это была голова твари. Туловище покрывала шерсть, которая при

ближайшем рассмотрении оказалась густой порослью черных тонких шупалец или сосущих придатков, каждый из которых оканчивался отверстием, похожим на голову змеи. На голове и хоботе шупальца росли длиннее и гуще; их покрывали спиральные полосы — позднее повторенные в традиционных изображениях змееволосой медузы. Казалось парадоксальным, что голова существа сохраняла какое-то выражение, однако Джонс не мог отделаться от ощущения, что треугольник выкаченных рыбьих глаз и криво застывший хобот с гибкими отростками передавали пугающее сочетание жадности, ненависти и откровенной жестокости — непостижимое для человеческого понимания, ибо здесь же присутствовали иные чувства, не принадлежащие ни миру Земли, ни Солнечной системе. В это чудовище, подумал он, Роджерс вложил все безумие и весь свой сверхъестественный гений. Существо было невероятным, но фотография доказывала, что оно существует.

Его размышления прервал Роджерс.

— Ну, что вы думаете о Нем? Теперь вы знаете, кто смял пса и осушил его тысячей ртов. Ему необходимо поклонение, и со временем Он потребует большие жертвы. Последний уцелевший из расы богов, и я — первосвященник Его грядущего царствования! Йа! Шаб-Нигротт! Ин-Найя Адонай, Хей, Хейа!

Джонс с отвращением и жалостью отложил фотографию.

— Послушайте, Роджерс, так дело не пойдет. Всему есть предел, вы понимаете? Вы создали шедевр, но он дурно воздействует на ваше здоровье. Перестаньте смотреть на него — пусть Орабона разобьет его на куски — и постарайтесь забыть о нем. Позвольте мне также разорвать эту жуткую фотографию.

С рычанием Роджерс выхватил фотографию из рук Джонса и убрал в письменный стол.

— Идиот! Вы до сих пор уверены, что это подделка? Вы все еще думаете, что я создал Его, а все мои фигуры всего лишь безжизненный воск и краски?! Проклятье! Вы обязательно узнаете... не сейчас, ибо Он отдыхает после жертвоприношения, но позже. О да... тогда у вас не останется сомнений в Его мощи!

Роджерс снова покосился на запертую дверь. Джонс встал и наклонился за шляпой и тростью, лежащими на скамейке.

— Хорошо, Роджерс, пусть будет позже, а сейчас мне пора идти. Завтра днем я загляну к вам. Подумайте над моим советом; может быть, он покажется вам разумным. Спросите, кстати, мнение Орабони.

Скульптор, как дикий зверь, обнажил клыки.

— Вам пора идти? Испугались! Испугались, несмотря на все ваши скептические разговоры! Если мои фигуры всего лишь воск, почему вы бежите, когда я пытаюсь доказать, что это не так? Вы напоминаете мне тех недоумков, которые на пари соглашаются провести ночь в музее. Приходят они бравыми, бесстрашными, но уже через час обесилевают от крика и колотят в дверь, чтобы их выпустили наружу! Советуете мне поинтересоваться мнением Орабони? Да? Вы оба против меня. Вы замышляете остановить Его царствование!

Джонс с усилием сохранял спокойствие.

— Нет, Роджерс. Против вас никто не замышляет ничего дурного. А вашими фигурами я скорее восхищаюсь, чем боюсь. Сегодня мы оба немного на взводе, думаю, немного отдыха ни одному из нас не повредит.

Скульптор снова задержал гостя.

— Не бойтесь, в самом деле? Тогда к чему такая спешка? Может быть, вы решитесь провести здесь ночь? Куда спешить, если вы не верите в Него?

Какая-то новая мысль поразила Роджерса, пока Джонс внимательно наблюдал за ним.

— Ну, особенно торопиться мне некуда, но какой смысл оставаться здесь одному? Что это докажет? Пожалуй, мое главное возражение состоит в том, что в вашем музее не очень удобно спать. Какой во всем этом смысл?

На этот раз удачная мысль посетила Джонса. Он продолжал уже примирительным тоном:

— Послушайте, Роджерс... Вы прекрасно понимаете, что я докажу, если проведу ночь в вашем музее. В этом случае ваши фигуры не более чем воск. Положим, я остаюсь. Если я выдержу до утра, обещайте мне по-новому взглянуть на вещи: съездите в отпуск месяца на три, а вашу последнюю скульптуру отдайте Орабоне — пусть он разобьет ее на мелкие кусочки. Согласитесь, что так будет честно.

Выражение лица хозяина музея не поддавалось прочтению. Было заметно, как он лихорадочно размышляет, пока из противоречивых эмоций, пробежавших по его лицу,

не одержало верх злобное торжество. Его голос дрожал от возбуждения, когда он заговорил.

— Согласен! Если вы продержитесь до утра, я приму ваш совет. Но вы должны продержаться. Идите поужинаем и вернемся. На ночь я запиру вас в демонстрационном зале, а утром приду пораньше Орабона — он появляется за полчаса до открытия — и посмотрю, как вы себя чувствуете. Если вы не до конца уверены в своих силах, я бы не советовал вам оставаться. На случай, если у вас сдадут нервы — стучите в наружную дверь: это привлечет внимание констебля. Так до вас поступали многие. Сомневаюсь, чтобы вам здесь понравилось; ночь вы проведете под одной крышей с Ним, хотя и не в одной комнате.

Когда они выходили через запасный выход в сумеречный двор, Роджерс захватил с собой кусок холста, нагруженный печальной ношей. Возле стены находился канализационный люк, крышку которого хозяин музея приподнял с внушающей подозрение обыденностью. Холст и останки животного канули в зловонный лабиринт. Джонс с отвращением отстранился от своего спутника, когда они вышли на улицу.

По молчаливому соглашению спорщики поужинали порознь, договорившись встретиться перед музеем в одиннадцать вечера.

Джонс остановил такси и вздохнул свободнее, когда пересек Ватерлоо-бридж и оказался вблизи ярких огней Стрэнда. Поужинав в тихом кафе, он заехал домой в Портланд, умылся и переменял одежду. Потом попытался представить, чем сейчас занят Роджерс. По слухам, тот снимал большой готический особняк около Валворт-роуд; книжные шкафы в доме были полны старинных собраний чернокнижников; в комнатах хранились оккультные принадлежности и восковые фигуры, которые муниципальные власти запрещали выставлять в музее. По тем же слухам, Орабона занимал один из флигелей.

В одиннадцать вечера Джонс застал Роджерса возле входа в подвальчик на Саутварк-стрит. Оба не тратили слов, преодолевая зловещее напряжение. После короткого совещания сошлись на том, что основного зала будет достаточно, и Роджерс не стал настаивать, чтобы наблюдатель заходил в придел «для взрослых». Выключив с пульта в мастерской освещение, хозяин музея запер дверь одним из ключей на связке. Не подав на прощание руки, он мино-

вал входную дверь, запер ее за собой и тяжело протопал по истертым ступенькам на тротуар снаружи. Шаги стихли, и Джонс понял, что долгая ночная вахта началась.

II

Позже, оставшись в одиночестве в огромном сводчатом зале, Джонс проклял детскую наивность, приведшую его сюда. Первые полчаса он ежеминутно зажигал карманный фонарик, однако теперь, сидя во мраке на одной из скамеек для посетителей, уже не рисковал делать это так часто. Каждый раз луч выхватывал из темноты какой-нибудь болезненный образ — гильотину; безымянного монстра; бледное человеческое лицо, взирающее на него с дьявольской хитростью; тело, залитое потоками крови из распоротого горла. Как здравомыслящий человек, Джонс хорошо понимал, что никакой зловещей реальности не скрывается за этими предметами, однако после томительных минут, проведенных в крошечной тьме, предпочитал не смотреть на них.

Зачем ему понадобилось заключать пари с этим безумцем? Гораздо проще было бы оставить его в покое или свести к психиатру. Вероятно, подумал Джонс, сказалось дружеское расположение одного художника к проблемам другого. В Роджерсе чувствовался столь несомненный гений, что было бы непростительно бросить его на растерзание овладевшей им мании. Человек, придумывавший и создававший такие невероятные образы, был близок к настоящему величию. Безудержную фантазию Иеронима Босха он воплощал в реалии с мастерством и тщанием, превосходящими искусство Блачека. Без сомнения, для мира кошмаров он сделал не меньше, чем Блачек со своими чудесными копиями растений из изогнутого и раскрашенного стекла для мира ботаники.

В полночь удары башенных часов за Темзой просочились сквозь крошечную тьму, и Джонса несколько подбодрило это послание из живого мира. Сводчатый потолок музея напоминал могилу, жутковатую в своем безмолвии и уединении. Даже мышшь показалась бы подходящей компанией, но Роджерс как-то похвастался, что по каким-то одному ему известным причинам ни мыши, ни даже насекомые не осмеливаются приближаться к музею. Любопыт-

ное заявление, хотя похоже, что оно было правдой. Мертвенная тишина была полной. Ни единого звука не отражалось под сводами. Джонс притопнул ногой, и призрачное эхо нарушило абсолютный покой. Он кашлянул, и стены насмешливо загудели, возвращая в ответ хрипловатое стаккато. Только не начинать разговоры с самим собой, пообещал себе Джонс. Это будет означать полную потерю самообладания. Время тянулось с чудовищной медлительностью. Джонс мог бы поклясться, что с момента, когда он фонариком подсветил циферблат наручных часов, истекли сутки, однако далекие башенные часы только возвещали полночь.

Что-то в темноте и безмолвии зала обостряло чувства, заставляя воспринимать едва уловимые дуновения, столь слабые, что их трудно было отнести к движениям воздуха. Джонс искренне пожалел о своей излишней чувствительности. Временами его слух, казалось, различал смутные шорохи, не до конца слившиеся с ночными шумами убогих улиц за стеной, и в мозг вползали мысли о зыбких и туманных материях, вроде гармонии небесных сфер, и неизвестных, недостижимых формах жизни в чужих измерениях, нависших над нашим миром. Роджерс часто размышлял о подобных вещах.

Скользящие искорки света в погруженных во мрак зрачках обрели странную упорядоченность, рассыпаясь и складываясь в причудливо изменяющиеся узоры. Джонс часто задумывался об этих таинственных лучах из скрытых глубин, которые мерцают для нас в отсутствие всякого земного освещения; однако подобных сегодняшним ему еще не приходилось видеть. Бесцельные перемещения светлых точек, обычные для глаза человека, оказавшегося в крошечной тьме, сменились огненным вихрем, исполненным тайного смысла.

Затем пришло ощущение движения. Двери оставались закрыты, однако, несмотря на полное отсутствие сквозняков, Джонс почувствовал, что воздух утратил свою прежнюю неподвижность. Неосязаемые изменения в давлении — не настолько заметные, чтобы предположить приближение чего-то невидимого и ужасного, — сопровождало общее неприятное похолодание атмосферы в зале. Воздух отдавал солью, словно смешавшись с бризом черных подземных вод; затхлые испарения достигли скамьи, где сидел Джонс. В дневное время он не замечал, чтобы восковые

фигуры обладали таким запахом; пожалуй, так могли пахнуть чучела животных в зоологическом музее. Любопытная иллюзия, особенно если вспомнить уверения Роджерса, что не все из его скульптур искусственного происхождения. Да, вероятно, именно эти слова и вызвали подобный обман чувств. Не следует доверяться воображению, иначе можно сойти с ума на пару с беднягой Роджерсом.

Полная заброшенность зала действовала угнетающе. Даже отдаленный бой часов, казалось, долетал из космической бездны. Это сравнение напомнило Джонсу о чудовищной фотографии, которую показывал Роджерс: причудливый подземный храм с резным тронем и древние развалины в опасных и недостижимых просторах Арктики. Возможно, Роджерс в самом деле бывал на Аляске, но фотография еще ничего не доказывала; резьба и зловещие иероглифы на троне вполне могли оказаться искусной декорацией. Достаточно представить чудовищную тушу, застывшую на троне... Какой небывалый полет воображения! Интересно, где стоит этот шедевр? Скорее всего за дубовой дверью в мастерской. Однако что пользы размышлять о каком-то восковом слежке, когда в зале тесно от отвратительных ипостасей, ничем не уступающих подземному божеству? Стоит лишь заглянуть за полотняную занавеску, отгораживающую придел «Только для взрослых».

Окружение из восковых фигур с каждой четвертью часа начинало все больше раздражать Джонса. Прекрасное знание музея обрекало его даже в кромешной тьме на мысленное созерцание выставленных экспонатов. Мрак лишь добавлял немного новых красок отпечатавшимся в памяти персонажам. Гильотина, казалось, легонько поскрипывала, а бородатое лицо Ландру — душителя пятидесяти собственных жен — кривило гримасы, полные недвусмысленной угрозы. Из перерубленного горла мадам Демерс вылетало зловещее клокотание, в то время как безголовое и безногое туловище жертвы дюйм за дюймом медленно приближалось на кровоточащих обрубках. Джонс прикрыл глаза в надежде приглушить образы, однако вскоре обнаружил бесплодность этих попыток. К тому же, стоило опустить веки, и странные светящиеся точки снова начинали свой беспокойный хоровод.

Не оставалось ничего другого, как постараться удерживать в памяти те зловещие образы, которые недавно он

пытался прогнать. Удерживая одни, воображение прочно отгораживалось от остальных, однако помимо воли Джонса из тайников его сознания стали выплывать наиболее жуткие чудовища; всевозможные твари сочлились и ползли к нему, охватывая плотным полукругом Черный, блестящий Цаттогва выполз из пасти лепной горгульи — длинная синусоида, усыпанная тысячей рудиментарных ножек, — и с шелестом расправил тонкие когтистые крылья, готовый к броску. Усилием воли Джонс удержался от крика. Потребовалось все самообладание и рассудительность, чтобы заглушить забытые детские страхи. Несколько помогла новая вспышка фонарика. В лучах света безобразные муляжи выглядели не столь пугающе, как в глубинах памяти.

Но сомнения не рассеялись. Даже при свете фонарика Джонса не оставляло ощущение, что занавеска с надписью «Только для взрослых» слабо колышется и подрагивает. Хорошо представляя, что скрывается за холстом, он непроизвольно поежился. Перед глазами возникли гибельные очертания таинственного Йогх-Сотота — беспорядочное нагромождение переливающихся шаров, исполненных космической угрозы. Что, если эта отвратительная масса медленно перекачивается, чтобы поглотить его? Направо небольшая выпуклость в занавеске прикрывала острый рог Гноф-Кеха — обросшего волосами жителя гренландских льдов. Иногда это мифическое существо можно наблюдать на двух ногах, иногда — на четырех, однако более вероятно встретить его на всех шести конечностях. Чтобы избавиться от подозрений, Джонс решительно шагнул с включенным фонариком к зашторенному приделу. Разумеется, ни один из его страхов не оправдался. Хотя не показывает ли своими длинными лицевыми щупальцами громадный Туле — медленно и угрожающе? Податливость щупалец не была секретом для Джонса, но он не предполагал, что сквозняка, вызванного его приближением, будет достаточно, чтобы привести их в движение.

Вернувшись на скамью, он закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на перемещения световых пятен. Часы на башне раскатились единственным ударом. Всего лишь час? Джонс подсветил фонариком собственные наручные часы и убедился, что это так. До утра оставалась целая вечность. Роджерс появится в восемь, до Орабоны. Задолго до его прихода на улице рассветет, но в подвал не проникнет

ни одного луча света. Все окна заложены каменной кладкой, за исключением трех тусклых прямоугольников, выходящих во двор из мастерской. Утомительное пари, ничего не скажешь.

Слуховые галлюцинации обрели пугающую отчетливость; Джонс мог поклясться, что слышит осторожные шаги в мастерской. Не следовало столько думать о твари, которую Роджерс с благоговением называл «Он». Последний шедевр лишил рассудка своего создателя. Кто в здравом уме станет запирасть на массивный замок безжизненную фигуру из воска? Конечно же, шаги породило утомленное воображение. Необходимо взять себя в руки.

Изнутри мастерской послышалось слабое царапанье ключа. Направив на звук луч фонаря, Джонс не увидел ничего, кроме неподвижной двери. Выключив свет, он расслабился и закрыл глаза; и сразу же возникла явственная иллюзия поскрипывания — на этот раз не гильотины, а медленно, украдкой открываемой двери в мастерскую. Только бы не закричать. Сорвавшись, он растеряет остатки самообладания. Теперь отчетливо слышалось какое-то шарканье, неуклонно приближающееся к его скамье. Успокоиться. Надо немедленно успокоиться, иначе воображение уничтожит его. Пошаркивание раздалось совсем рядом, и решимость Джонса ослабла. Из его легких с выдохом вырвался крик:

— Кто здесь? Кто ходит?

Ответа не последовало, между тем как шарканье продолжалось. Джонс не решался признаться, какая из двух возможностей больше пугает его: включить фонарик и увидеть пустоту или оставаться в темноте, наедине с подкрадывающимся к нему животным? Спазмы мешали вздохнуть, дрожащие пальцы ощупывали кнопку фонарика. Напряжение окружавшего мрака усилилось настолько, что молчание стало невыносимо, и он снова выкрикнул: «Стой! Кто здесь?» — после чего включил спасительный фонарик. В следующее мгновение, пораженный увиденным, он выронил его и закричал, не в силах остановиться.

Прямо из темноты на него надвигалась отвратительная тварь, похожая одновременно на насекомое и обезьяну. Шкура свободно болталась на костяке, свисая омерзительными складками; морщинистая голова с мертвыми глазами пьяно покачивалась из стороны в сторону при каждом шаге. Передние лапы с широко расставленными ког-

тиями протянулись вперед, и все тело напряглось, как перед прыжком, несмотря на полное отсутствие выражения на лице твари. После испуганных криков в наступившей затем темноте чудовище сосредоточенно подобралось и прыгнуло, обрушившись всей тяжестью на Джонса. Не последовало даже слабого сопротивления, ибо нападение лишило последних сил несчастную жертву.

Обморок Джонса длился не больше нескольких секунд, потому что жуткая тварь проворно волочила его в темноте, когда он начал приходить в чувство. Ясность мысли ему вернули звуки, которые издавало чудовище, вернее, голос, которым оно издавало их. Голос принадлежал человеку и был удивительно знаком. Лишь одно живое существо могло скрываться за хрипылыми выкриками, воспевающими подземный ужас.

— Йа! Йа! — ревело чудовище. — Я иду, о Ран-Тегот, иду с приношением! Ты долго ждал и отказывал себе в пище, но вот я несу обещанное. И даже больше того, ибо вместо Орабоны тебе достался один из всезнаек, которые сомневаются в Тебе. Ты сокрушишь и осушишь его — и станешь сильнее! Люди будут восхищаться его останками, как памятником твоей славе. Ран-Тегот, безмерный и непреклонный, я твой послушный раб и первосвященник. Ты голоден, и я несу тебе жертву. Ты подаешь знак, и я исполняю его. Ты напитаешься кровью и напитаешь меня своей властью, о Ран-Тегот! Йа! Шабх-Нигротт! Божество с тысячей ртов!

В одно мгновение все ужасы ночи, как сброшенный плащ, слетели с Джонса. Он снова владел своими чувствами, ибо знал, сколь земная и вполне материальная опасность угрожает ему. Вместо сказочного монстра на него напал кровожадный безумец. Это был Роджерс, одетый в кошмарную шкуру и готовый принести жертву дьявольскому божеству, вылепленному из воска. Очевидно, он проник в мастерскую через внутренний двор, облачился в приготовленный костюм и вышел в зал, чтобы схватить объятую ужасом жертву. Сила безумца была поразительна, и только стремительные действия могли помешать ему выполнить задуманное. Рассчитывая на уверенность Роджерса в бессознательном состоянии жертвы, Джонс решил напасть неожиданно, пока хватка противника ослаблена. Толчок поясницы о порог возвестил о том, что они уже в погруженной во мрак мастерской.

С силой, удесятеренной смертельным страхом, Джонс резко рванулся, высвобождаясь из рук изумленного маньяка; в следующую секунду после удачного броска он сжимал руками скрытое омерзительной шкурой горло противника. Роджерс немедленно обхватил его снова, и они молча сцепились в отчаянной схватке. Атлетическая подготовка Джонса, без сомнения, была его единственным спасением, потому что, лишенный самых элементарных представлений о чести и об инстинкте самосохранения, Роджерс дрался как машина бездумного разрушения.

Гортанные крики время от времени сопровождали схватку. В потоках крови, среди клочьев одежды Джонс наконец нащупал горло безумца, не защищенное его чудовищным костюмом. Он молча защищал свою жизнь. Роджерс лягался, хитрил, бодался, кусался, царапался и плевался, находя при этом силы выкрикивать бессмысленные заклинания, по большей части обращенные к «Нему», или к Ран-Теготу. Для истощенных нервов Джонса эти крики казались отголосками демонического хохота, бушевавшего в бесконечных просторах вселенной. Изнемогая от ярости, противники катались по полу, опрокидывая скамьи, ударяясь о стены и кирпичное основание установленной посреди комнаты печи. Надежды на спасение почти не оставалось, когда в судьбу Джонса вмешался случай. Неожиданный удар коленом в грудь безумца остановил схватку: тело Роджерса обмякло, и мгновение спустя Джонс понял, что победил.

Пошатываясь, он поднялся на ноги и проковылял вдоль стены в поисках выключателя. Свободной рукой он волочил за собой безвольное тело противника, опасаясь внезапного нападения, если безумец придет в чувство. В распределительном щите нашелся нужный переключатель, и тусклая лампочка под сводом осветила беспорядочную обстановку. Ремнями и веревками, оказавшимися под рукой, Джонс принялся связывать Роджерса. Свалившаяся с хозяина музея шкура — вернее, клочья, которые остались от нее, — была сделана из необычного сорта кожи. От прикосновения к ней у Джонса пробежали мурашки по спине; странная затхлость исходила из морщинистых складок. В пиджаке Роджерса отыскалась связка ключей, которую усталый победитель немедленно забрал себе в качестве награды. Окна в мастерской наглухо закрывали шторы, и он не стал открывать их.

Смыв под умывальником кровь после поединка, Джонс выбрал самое скромное и благопристойное из одежды на костюмной вешалке и переоделся. Дверь во двор оказалась защелкнутой на пружинный замок, открыть который изнутри можно было простым нажатием кнопки. Связку ключей, однако, Джонс оставил себе, чтобы избежать затруднений по возвращении с помощью из психиатрической клиники. В музее не было телефона — следовало найти ночной бар или аптеку, чтобы позвонить. Он уже открывал дверь, когда в спину ему понесся поток угроз из противоположного конца комнаты. Роджерс, чьи видимые повреждения ограничивались глубокой царапиной на левой щеке, пришел в сознание.

— Глупец! Вырожденец Норт-Йида! Зловоние Кей-туна! Сын псов, что воют на дне Азатта! Твоя жертва сделала бы тебя бессмертным, но ты недостоем ее! Берегись — ибо Он голоден! Орабона, этот вероломный пес, собирался предать меня, и я выбрал тебя. Но и ты уподобился псу, кусающему длань, которая его кормит! Теперь берегитесь оба, ибо Он не простит смерти своего жреца!

Йа! Йа! Мщение близко! Разве тебе не хочется застыть в бессмертии? Взгляни на печь: пламя ждет, чтобы вспыхнуть, а чан полон воска. Я сделаю из тебя новое извращение. Хей! Ты не верил, что мои фигуры сделаны не из воска, но сам станешь одной из них! Печь готова! Когда Он насытится и ты станешь похож на пса, остов которого ты видел сегодня, я дарую тебе бессмертие, Йа! Воск сделает из тебя шедевр. Разве не ты говорил, что я великий художник? Воск в каждой поре... в каждом квадратном дюйме твоего тела! Йа! Йа! И восхищенный мир будет смотреть на твой изуродованный труп и поражаться моему гению! Хей! Орабона будет вторым, а за ним уйдут остальные — на процветание моего воскового семейства!

Безумец перевел дыхание и заревел снова.

— Собака! Ты все еще думаешь, что я создал все эти фигуры? Почему не сказать — сохранил? Тебе известно, где я бывал и что видел?! Трусливый пес! Ты не выдержал бы единственного взгляда на живого шамблера, чья шкура так испугала тебя. Один вид его сразит тебя ужасом! Йа! Йа! Он голоден и ждет крови, которая дарит жизнь!

Привалившись к стене, Роджерс раскачивался из стороны в сторону, пытаясь освободиться от пут.

— Послушайте, Джонс... если я позволю уйти тебе,

ты развяжешь меня? Верховный жрец обязан заботиться о Нем. Орабоны будет достаточно, чтобы вдохнуть в Него жизнь. А когда с этим подлым псом будет покончено, я сделаю бессмертными его останки, чтобы мир мог восхищаться им. Ты мог бы занять его место, но отказался от этой чести. Больше я не побеспокою тебя... Развяжи меня, и я поделюсь с тобой властью, которую даст мне Он. Йа! Йа! Великий Ран-Тегот! Развяжи меня! Немедленно развяжи! Он умирает от голода за этой дверью, и если Он умрет, Старая Раса никогда больше не вернется на Землю. Хей! Хей! Развяжи меня!

Джонс лишь отрицательно покачал головой, раздраженный бессвязными выкриками безумца. Не отрывая лихорадочного взгляда от дубовой двери, Роджерс принялся колотить головой о кирпичную стену; подтягивая под себя крепко связанные ноги, с силой распрямлял их и лягался. Опасаясь, что он поранится, Джонс осторожно приблизился, намереваясь привязать несчастного к какому-нибудь неподвижному предмету. Роджерс ползком отодвигался от него, издавая пронзительные вопли. Казалось невероятным, чтобы человеческое горло могло производить столь оглушительные звуки. Если не обитатели окрестных домов, то дежурный констебль должен был непременно вскоре их услышать.

— Уза-й'е! Уза-й'е! — завывал сумасшедший. — Ай'каа хаа бхо-айн, Ран-Тегот! Туле фавн! Хей, Хейа! Хей, Хейа! Ран-Тегот! Ран-Тегот, Ран-Тегот!

Крепко перевязанная фигура извивалась на полу; перекатившись, Роджерс распрямился и с грохотом ударил головой о тяжелые доски. Раз, еще... У Джонса не было сил, чтобы крепче связать несчастного. Дикая сцена, последовавшая за схваткой, угнетающе действовала на его воображение, и оставшиеся в темноте страхи грозили снова вернуться. Все, что касалось Роджерса и его музея, окружал болезненный ореол тайны. Ледяной пот потоками катился вдоль спины при одной только мысли о восковом шедевре безумного гения, что притаился во мраке за дубовой дверью.

Новая волна холодного ужаса окатила Джонса; каждый волосок на его теле вздыбился от неясного предчувствия. Роджерс внезапно перестал кричать и биться головой о дверь; привалившись к косяку, он склонил голову набок, словно к чему-то прислушивался. Неожидавшая

улыбка дьявольского триумфа искажила его лицо. Он снова обрел дар связной речи. На этот раз хрипловатый шепот странно контрастировал с недавним громовым завыванием.

— Глупец! Слушай! Он идет ко мне! Ты слышишь плеск? Это Он выбирается из своего бассейна. Я долго копал его, но ничто не может быть достаточно хорошо для Него. Его предки-амфибии прилетели на Землю со свинцово-серой Июггот, где города покрыты теплым океаном. У нас Ему трудно стоять... Он слишком высок и должен сидеть или лежать... Дай мне ключи! Мы должны выпустить Его и поклоняться Ему. Потом мы пойдем в город и поймаем пса... или пьяного человека... и воздадим Ему то, чего Он хочет.

Не сами слова, но уверенность, с какой их произнес безумец, потрясла Джонса до глубины души. Безграничная искренность и доверие, прозвучавшие в сумасшедшем шепоте, оказались дьявольски заразительны. Подстегнутое воображение уже раскрашивало в угрожающие тона восковую фигуру, притаившуюся за дверью. Джонс с трепетным чувством оглядел дверь и заметил несколько трещин, прорезавших тяжелые доски. Размеры комнаты и местонахождение фигуры хотя и волновали, однако гораздо меньше, чем прочие химеры, порожденные воспаленным воображением безумца.

В следующее мгновение Джонс едва не задохнулся от нового приступа ужаса. Руки безвольно разжались, выронив кожаный ремень, которым он собирался перевязать Роджерса; судорожный озноб пробежал по коже. Он должен был догадаться, что в этом музее легко сойти с ума, как сошел Роджерс... а теперь и он! Его рассудок вызывал к жизни галлюцинации худшие, чем все ужасы прошедшей ночи. Безумец приказал ему прислушаться к плеску чудовища в бассейне, и теперь... о Господи!— он действительно слышал плеск.

Спазмы смертельного страха превратили в маску лицо Джонса. Роджерс захохотал.

— Наконец-то, глупец, ты веришь! Ты слышишь. как Он идет! Отдай ключи; мы должны встретить Его и служить Ему!

Однако Джонс был далек от того, чтобы обращать внимание на человеческую речь — безумную или рассудительную. Ужас парализовал его, притупив сознание сверхъестественными образами, вспыхивавшими в беспо-

мощном воображении. Из-за двери донесся шум воды. Грузные, влажные лапы заскребли, зашаркали по бетону. Какое-то существо приближалось к двери. В ноздри через трещины в дубовых досках ударил зловонный животный запах.

Он не слышал, продолжает ли говорить Роджерс. Все окружающее поглотил туман, в котором рождались и множились иллюзии. Сейчас их неестественность воспринималась как удаленная, но действительная реальность. Сопение и фырканье раздавались у самой двери; трубный рев потряс комнату и заложил уши. Джонс не был уверен в его происхождении, так как потерял из виду связанного сумасшедшего. Перед глазами упорно вставала фотография невиданной восковой твари. Сама природа восставала против ее существования. Разве не ее образ лишил рассудка гениального создателя?

Пока он размышлял, новое свидетельство безумия проникло в его сознание. Из-за двери доносилось постукивание и царапанье: кто-то пытался открыть ее изнутри. Глухие удары в дубовые доски становились все громче и настойчивее. Животная вонь сделалась невыносимой. Неистовый штурм изнутри напоминал грохот тарана в ворота осажденной крепости. Послышалось злое потрескивание, посыпались щепки. Зловоние усилилось, когда отвалилась доска и в образовавшейся брешии показалась черная лапа, оканчивавшаяся крабьей клешней...

О Господи! На помощь!.. А-а-а!

Джонс едва помнил, что последовало затем. Одним прыжком он очутился возле входной двери, с силой рванул ее, с грохотом захлопнул за собой и по сбитым ступенькам помчался прочь в мощный булыжником двор и дальше — в темные переулки Саутварка.

Здесь воспоминания обрываются. Джонс слабо представлял, как добрался домой. Ничто не указывало на то, что он останавливал такси; вероятно, весь путь он пробежал, ведомый слепым инстинктом; через Ватерлоо-бридж к Стрэнду и Чаринг-кросс; мимо Сенного рынка и Регент-стрит в Портланд — к своему собственному дому. Когда он нашел в себе силы позвонить доктору, его все еще облекала причудливая мешанина из музейных костюмов.

Неделю спустя ему разрешили вставать и рекомендовали прогулки на свежем воздухе.

Однако он немного рассказал врачам. На следующее

ночью повис незримый покров безумия, и молчание в этом случае было лучшим лекарством. Когда жар спал, он внимательно просмотрел все газеты, накопившиеся с той зловещей ночи, однако не нашел ни одной заметки о странном происшествии в музее. Что же тогда произошло в действительности? Этот вопрос взволновал его. Что толку думать о выздоровлении, когда не ясно, приснились ему или нет схватка с Роджерсом и последующие события в мастерской?

Прошло две недели, прежде чем он отважился вновь посетить Саутварк-стрит. Он выбрал утро — самое здоровое время суток, когда вокруг кипит деловая жизнь, люди снуют среди древних, обветшалых лавчонок и складов. Музейная вывеска оставалась на прежнем месте. Двери были открыты. Служащий у ворот кивнул Джонсу, польщенному этим знаком внимания. Собравшись с духом, он шагнул вовнутрь, и в сводчатом зале его приветствовал другой зритель. Возможно, неудачное пари только приснилось? Постучать в дверь мастерской и спросить Роджерса?

В этот момент к нему подошел Орабона. Его смуглое, тонкое лицо было слегка иронично, однако не лишено дружелюбия. Слегким акцентом он обратился к посетителю:

— Доброе утро, мистер Джонс. Последнее время вы почти не заглядывали к нам. Хотите видеть мистера Роджерса? Сожалею, но он уехал по делам в Южную Америку. Да так неожиданно. Я замещаю его во время отсутствия... здесь и дома. Стараемся поддерживать марку нашего заведения... пока мистер Роджерс не вернется.

Зритель улыбнулся — возможно, из чистой вежливости. Не представляя, как поддержать разговор, Джонс пробормотал пару вопросов о дне своего последнего посещения. Орабона, казалось, обрадовался вопросу и, тщательно подбирая слова, принялся отвечать.

— О да, мистер Джонс... Это случилось ровно две недели назад. По некоторым причинам я очень хорошо запомнил эту дату. Утром — до прихода мистера Роджерса, как вы понимаете, — я обнаружил мастерскую в полном беспорядке. Уборка отняла много времени, к тому же с вечера оставалась незавершенная работа... Новый экспонат, брошенный на второй стадии обработки. Так что я немедленно принялся за дело.

Это была трудная работа, хотя, конечно, мистер Роджерс многое передал мне. Он великий художник... Когда

он появился, то помог мне закончить этот экспонат... очень существенно помог, смею вас уверить... Но вскоре после этого он уехал, даже не попрощавшись с остальными. Как я уже говорил, его очень неожиданно вызвали в Южную Америку.

Как правило, в работе мы используем несколько важных химических реакций. Довольно шумный процесс... и некоторым соседям показалось, что ночью они слышали пистолетные выстрелы. Странная идея! Что же касается нового экспоната... его судьба складывается неудачно. Это величайший из всех шедевров, созданных мистером Роджерсом; он обязательно займется им, когда вернется.— Орабона снова улыбнулся.— Видите ли, полиция запретила его. Неделию назад мы выставили его в зале, и в тот же день у наших посетителей было два или три обморока. У одного бедняги случился эпилептический припадок. Видите ли, этот экспонат немного... сильнее, чем остальные. Разумеется, он стоял в приделе «для взрослых»... На следующий же день его осмотрели двое полицейских из Скотленд-Ярда и заявили, что скульптура слишком болезненна и мы должны убрать ее. Какой позор — убрать гениальное произведение! Однако я не располагаю полномочиями обращаться в суд в отсутствие мистера Роджерса. Ему бы не понравилась тяжба с полицией... хотя по возвращении... когда он вернется...

Неизвестно отчего Джонс ощутил внезапный прилив беспокойства. Но Орабона продолжал:

— Вы настоящий ценитель, мистер Джонс. Уверен, что не нарушу никаких законов, если покажу эту скульптуру вам одному. Может быть... по желанию мистера Роджерса мы когда-нибудь разрушим этот экспонат... хотя это будет настоящим преступлением.

Джонс почувствовал сильное желание повернуться и уйти из музея, но Орабона уже вел его под руку. В приделе «для взрослых», тесном от бесчисленных ужасов, не было посетителей. В дальнем углу холст отгораживал глубокую нишу, к которой увлекал Джонса Орабона.

— Этот экспонат называется: «Жертвоприношение Ран-Теготу».

Джонс вздрогнул, но Орабона сделал вид, что ничего не заметил.

— Это гигантское божество описано во многих древних легендах, которые изучал мистер Роджерс. Все это

глупости, разумеется, и вы были правы, повторяя это мистеру Роджерсу. Согласно хроникам, эти существа прилетели к нам три миллиона лет назад откуда-то из космоса и поселились в Арктике. Свои жертвоприношения они отправляли достаточно необычно и жестоко, как вы увидите сами. Мистер Роджерс вдохнул жизнь в свое произведение.

Дрожа от возбуждения, Джонс схватился за медные поручни перед отгороженной нишей. Рука потянулась остановить Орабону, когда занавеска начала открываться, однако какой-то непонятный импульс удержал ее. Смотритель торжествующе улыбнулся.

— Смотрите!

Джонс покачнулся, несмотря на то что опирался на поручень.

— Боже всемилостивый!

Возвышаясь на десять футов, на циклопическом троне из слоновой кости замерло отвратительное чудовище, излучающее беспредельную, космическую угрозу и враждебность. В центральной паре своих шести лап оно сжимало расплющенное, измятое, обескровленное тело, усеянное миллионом отверстий с краями, словно обожженными едкой кислотой. Изувеченная голова жертвы, скатившаяся набок, показывала, что когда-то тело принадлежало человеку.

Чудовище как две капли воды походило на двойника с роковой фотографии. Проклятый снимок оказался слишком правдивым, хотя и не передавал всего ужаса, вызванного созерцанием гигантской фигуры. Шарообразный торс, который венчает похожая на мыльный пузырь голова; три безжизненных глаза; щупальца и раздутые жабры; чудовищное переплетение червеобразных отростков со змеиными ртами; шесть черных суставчатых лап с крабьими клешнями... Господи! Снова эти кошмарные клешни!

Зловещая тень искажала улыбку Орабоны. Джонс, затаив дыхание, всматривался в восковую скульптуру; растущее очарование ее формами одновременно озадачивало и тревожило его. Что заставляет его стоять и отыскивать глазами мельчайшие детали? От подобного созерцания сошел с ума Роджерс... Великий художник, утверждавший, что не все из его творений искусственные...

В это мгновение он понял, что приковало его внимание. Странное сходство в скатившейся набок голове жертвы. Уцелевшая часть лица показалась знакомой Джонсу;

вглядевшись пристальнее, он обнаружил, что рассматривает посмертную маску Роджерса. Какие чувства двигали сумасшедшим художником? Эгоистическое желание запечатлеть собственные черты в бессмертном творении? Или тут нашел выход подсознательный страх перед собственным произведением?

Изуродованное лицо было передано с безграничным искусством. Следы уколов — сколь совершенно они воспроизвели мириады ран, нанесенных несчастному псу в мастерской Роджерса! Однако это было не все. На левой щеке выделялась неправильная бороздка, нарушавшая общее впечатление, — словно скульптор пытался скрыть дефект своего первого слепка. Чем дольше Джонс вглядывался, тем больше ужасала его загадочная бороздка. Внезапно память подсказала обстоятельства, породившие его ужас. Ночная вахта среди музейных монстров; схватка; проклятия безумца... и глубокая ссадина на левой щеке настоящего, живого Роджерса...

Выпустив из рук медный поручень, Джонс медленно сполз в обмороке.

Орабона продолжал улыбаться.

КРАДУЩИЙСЯ ХАОС

Об удовольствиях и страданиях, получаемых от употребления опиума, написано много книг. Восторги и ужасы Де Квинси и искусственный рай Бодлера сохранены и переданы с искусством, которое делает их бессмертными; поэтому мир прекрасно осведомлен о прелести и пугающих тайнах тех туманных реалий, в которые уносится одухотворенный мечтатель. Но сколько бы ни говорилось, еще ни один человек не осмелился проникнуть в природу фантастических видений, открывающихся воображению; никто даже намеком не указал направления неведомых дорог, по которым неодолимо влечет употребляющего наркотики.

В своих снах Де Квинси переносился в Азию, в эту обитель призрачных теней, чья древность, пережившая множество рас и эпох, отнимает молодость у человека; но дальше он не осмеливался идти. Те же, кто переступал роковой предел, редко возвращались; и даже возвращаясь, они либо молчали, либо впадали в безумие.

Я принимал опиум всего однажды — во время чумы, когда врачи лекарствами старались заглушить агонию, излечить которую были не в силах. Мне досталась чрезмерная доза — доктор едва держался на ногах от напряжения и усталости, — и я отправился в далекое путешествие. В конце концов я вернулся и остался жив, но мои ночи с тех пор наполнены странными воспоминаниями, и я запретил врачам когда-либо снова давать мне опиум.

Боль и биение в голове были совершенно невыносимы, когда мне дали наркотик. О будущем я не думал: бегство от боли с помощью лекарств, сна или смерти было моей единственной мыслью. Горячее состояние не позволяет точно установить момент перемещения: мне кажется, это произошло сразу после того, как биение перестало причинять боль. Как я сказал, мне досталась чрезмерная доза, и мое восприятие в тот момент было далеко

от нормального. Ощущение падения, странно отделенное от идеи притяжения и направленности, ошеломило меня. Подсознательно я улавливал движение неисчислимого роя существ, бесконечно отличных по природе от человека, круживших вокруг меня. Иногда мне казалось, что я завис в пустоте, а мимо проносятся вселенные и эпохи. Неожиданно боль прекратилась, и биение стало восприниматься как некая внешняя сила, не находящая отклика внутри. Падение тоже прекратилось, уступив место ощущению тревожного, непродолжительного покоя. Но стоило мне прислушаться, как рокошующее биение превратилось в огромное, беспокойное море, чьи злобные валы терзали неведомый пустынный берег. В этот момент я открыл глаза.

Какое-то мгновение окружавшие меня предметы выглядели размытыми, словно изображение, потерявшее фокус, но постепенно я обнаружил, что нахожусь один в незнакомой, прекрасно убранной комнате, освещенной множеством окон. О точном местонахождении я не имел ни малейшего представления, ибо мысли мои до сих пор оставались разбросанны. Разноцветные ковры и драпировки; искусно изготовленные столы, стулья, оттоманки и диваны; ажурные вазы и орнаменты давали представление о чем-то экзотическом, хотя и не совсем чужеродном. Но не вещи завладели моим умом. Медленно, с тяжелой неотвратимостью вползая в сознание и вздымаясь над остальными впечатлениями, пришел головокружительный страх неизвестности — страх тем больший, что я не мог понять природы его; все мои чувства поглотило ощущение надвигающейся опасности — не смерти, но какой-то безымянной, неслыханной твари, невыразимо более жуткой и отвратительной.

Теперь стало ясно, что источником моего страха было скрытое биение, чье непрекращающееся эхо бешено колотилось в моем усталом мозгу. Казалось, оно исходило извне и снизу комнаты, где я стоял: его глухие удары причудливо переплетались с ужасающими образами, которые рождало мое воображение. Какое-то жуткое существо притаилось за обитыми шелком стенами; в глубине окружавших меня стрельчатых окон сжимались и ускользали от взгляда его темные тени. Стараясь не смотреть наружу, я отыскал шторы и опустил их; потом с помощью кресала и огнива, которые нашлись на одном из маленьких столиков, зажег множество свечей, расставленных вдоль стен в изящ-

ных канделябрах. Искусственный свет и закрытые окна до некоторой степени успокоили мои нервы: единственное, от чего мне не удалось отгородиться, было монотонное бие, наполнявшее комнату. Однако теперь, когда я чувствовал себя уверенней, этот звук стал столь же чарующим, сколь пугающим был ранее, и мной овладело противоречивое желание отыскать его источник. Приоткрыв бархатную портьеру в углу комнаты, я увидел небольшой, богато драпированный коридор, оканчивавшийся глубокой оконной нишей и резной дверью. Все мое существо неудержимо влекло к этому окну, в то время как плохо осознанное предчувствие, казалось, с такой же силой удерживало меня. Приблизившись, я различил в удалении хаотический водяной вихрь, который рассыпался пылью, стоило мне выглянуть наружу.

Моим глазам предстало зрелище, недоступное до сих пор ни одному из смертных; лишь горячая фантазия или преисподняя опиума могла породить его. Строение, куда я попал, возвышалось на крохотном участке суши — вернее, на том, что осталось от нее. Триста футов отвесной стены отделяли меня от кипящего безумия вод. По обе стороны здания разверзлись свежeweмытые пропасти красноватой глины, тогда как передо мной тяжелые волны еще продолжали накатывать и с жуткой размеренностью пожирать уцелевший клочок земли. В миле или больше от стен поднимались и опадали грозные валы по меньшей мере в пятьдесят футов высотой. Дальше, у самого горизонта, хищными ястребами застыли темные облака фантастических очертаний. Темно-багровые, почти черные, волны цеплялись за податливые красноватые берега, словно неуклюжие, жадные руки. Казалось, злобный дух вод объявил беспощадную войну тверди, вдохновляемый хмурым небом.

Оправившись наконец от оцепенения, в которое ввергло меня это противоестественное зрелище, я обнаружил, что опасения мои были не напрасны. Пока я смотрел, берег заметно уменьшился, и оставалось совсем немного времени до того момента, когда подмытое жестокими валами здание неминуемо обрушится в темную бездну бурлящих волн. Отвернувшись, я непроизвольно поспешил в противоположную окну сторону, отыскал дверцу и вошел, без колебаний закрыв ее на торчавший в замочной скважине ключ причудливой формы.

Новое потрясение ожидало меня, когда вместо привычной обстановки дома моим глазам предстал бескрайний песчаный пляж. Гигантская дюна разделяла океан, и по обе стороны от нее властвовали враждебные стихии. Налево величественно вздымалось море с большими зелеными волнами, мирно перекатывавшимися под слепящим солнцем; что-то в сиянии солнца и его положении заставило меня насторожиться, однако я до сих пор не могу сказать, что это было... Направо воды светлели: их спокойную голубизну оттеняло хмурое небо, нависшее над ними. С этой стороны берег дюны казался скорее белым, чем красноватым.

Вид суши заставил меня немало удивиться: ни что из густой растительности, покрывавшей остров, не походило на виденное мною до сих пор. Горячий воздух и яркость зелени наводили на мысль о близости к экватору, однако, кроме вездесущих пальм, мой взгляд не находил ни одного знакомого тропического растения. Дом, который я только что оставил, оказался очень мал — чуть больше коттеджа. Архитектурный стиль его представлял собой сверхъестественное смешение западных и восточных форм: по углам застыли мраморные коринфские колонны, на крыше из красной черепицы высилась китайская пагода. От двери протянулась дорожка необычайно белого песка, около четырех футов шириной; по обеим сторонам ее покачивались пальмы и незнакомые цветы. Вытянувшись вдоль белого берега, дорожка вела в глубь острова, пересекая высокий песчаный бархан. Все мое существо охватило желание броситься бежать вдоль этой путеводной тропы, словно неведомый злобный дух вод преследовал меня. После небольшого подъема я достиг вершины песчаного гребня; за моей спиной остались коттедж и кипящие воды; зеленое море по одну и синее море по другую сторону дюны и безымянное проклятье, опускающееся над ними. Я никогда не возвращался обратно, и только в снах... Бросив последний взгляд, я решительно зашагал в глубь острова, раскинувшегося передо мной.

Тропинка, как я уже говорил, бежала вдоль светлого берега. Впереди и справа простиралась замечательная долина, покрытая качающейся порослью тропических трав выше человеческого роста. Совсем у горизонта выделялась колоссальная пальма, листья которой очаровывали и, казалось, подзывали меня. К этому времени страх мой рас-

сеялся, однако, стоило мне остановиться и в изнеможении присесть на тропинку, бесцельно погружая ладони в теплый песок, как новое, внезапное чувство тревоги охватило меня. Что-то неизъяснимо опасное притаилось в шуршащей высокой траве, усиливая зловещий рокот, доносившийся с моря, и я вскочил, выкрикивая громко и бессвязно:

– Кто тут? Кто пугает меня?

В памяти всплыла древняя классическая история о тигре, которую я читал когда-то в детстве. Редьярд Киплинг звали ее создателя, однако, с невероятным трудом вспомнив его имя, я нисколько не поразился гротескности сравнения его с древними классиками. Намереваясь немедленно разыскать эту книгу, я готов был повернуть обратно к коттеджу, когда собственное благоразумие и призыв пальмы остановили меня.

Не знаю, было ли в моих силах противиться чарующему зову пальмы: желание достичь ее возобладало над остальными чувствами. Сойдя с тропинки, я стал карабкаться на четвереньках по склону долины, невзирая на страх перед змеями, которые могли прятаться в траве. Временами рокошущий гул моря становился непереносимым, сливаясь с коварным шелестом безумных трав, и я часто останавливался, в отчаянии закрывая уши руками, но звук не уходил. Казалось, минули эпохи, прежде чем я дополз до пальмы и лег под ее спасительной тенью.

Новые события, последовавшие затем, наполнили мою душу противоречивыми чувствами ужаса и восторга: я трепещу, вспоминая и пересказывая их. Едва я устроился под раскидистыми листьями, как передо мной возникло дитя невиданной красоты. Наделенное чертами ангела и фавна, это странное существо, казалось, излучало сияние в густой тени дерева. Оно улыбнулось и протянуло руку, но, прежде чем я встал и заговорил, воздух пронизала изумительная мелодия, которую исполнял хор невидимых певцов. Высокие и низкие ноты сливались в эфирной гармонии. К этому времени солнце опустилось за горизонт, и в сумерках я увидел лучистый ореол вокруг головы ребенка. Хрустальным голосом он обратился ко мне: «Это конец путешествия. Мы сошли с сияющих звезд, чтобы забрать тебя и перенести в счастливый город Телу за потоками Аренид».

Пока ребенок говорил, я различил мягкое сияние между листьями пальмы и поднялся с земли, чтобы привет-

ствовать певцов, чьи голоса только что слышал. Это были боги — он и она, ибо такой красотой не обладают простые смертные. Они взяли меня за руки, говоря: «Идем с нами, ты слышал наши голоса. За Млечным созвездием и потоками Аренид есть янтарные города, сверкающие купола которых отражают звезды. Волны лазурных рек несут наши корабли в Кифарион Семи Солнц, где не умирают молодость, красота и счастье. Лишь богам дозволено жить в лазурных реках Телу, но среди них будешь жить и ты».

Слушая словно зачарованный их голоса, я много позже осознал перемену в моем окружении. Пальма, недавно укрывавшая тенью мое усталое тело, оказалась теперь на некотором удалении и значительно ниже меня. Расставшись с земным притяжением, я парил в воздухе, сопровождаемый светлым сонмом увитых виноградными лозами юношей и девушек с развевающимися по ветру волосами и счастливыми лицами. Мы медленно возносились, несомые нежным бризом, который поднимался не с Земли, но с золотистой туманности, и дитя прошептало мне, что я не должен оглядываться назад, к сфере, которую только что оставил. Юноши и девушки пели чудесные песни под аккомпанемент лютен, и я ощущал себя погруженным в счастье и покой, недоступные в прошлой жизни, когда вторжение единственного звука в одночасье изменило мою судьбу и разрушило душу. Словно в насмешливом, демоническом согласии, сквозь восхитительные переливы лютен пробилось далекое биение невидимого океана. И только отзвук мрачных валов коснулся моего слуха, как я мгновенно забыл предупреждение ребенка и посмотрел вниз на обреченную планету.

Через волны эфира я видел, как вращается проклятая Земля — вращается вечно, с бурными морями, гневно глодающими дикие, пустынные побережья и разметывающими пену о призрачные башни покинутых городов. В жутком сиянии луны застыли ландшафты, которых я не могу описать и которые трудно забыть: пустыни мертвенно-серой глины и руины на месте когда-то многолюдных долин и поселений; водовороты кипящих вод на месте, где когда-то возвышались могучие замки моих предков. Вокруг полюсов клочкотали болота зловонных папоротников и миазмы испарений, шипящие под натиском бесконечно вздымающихся волн, которые выплескивались и рвались из вздрагивающих глубин. Оглушительный грохот

расколочил ночь, и в пустыне пустынь возникла дымящаяся расщелина. Темный океан продолжал пениться и клокотать, пожирая пустыню по сторонам все увеличивавшейся расщелины. Не осталось земли, кроме комьев глины, проваливавшихся в пенящийся океан.

И вдруг мне почудилось, что ревущие воды испугались; словно разгневанный бог преисподней грозил неуемным волнам, которые уже не могли повернуть вспять. Пустынная твердь испила роковую чашу: океан поглотил остатки ее и влился в дымящуюся воронку, в одночасье отдавая все завоеванное. Стекая с поверхности затопленных земель, он снова сеял смерть и разложение. Медленно сочившаяся вода открывала мрачные тайны веков, когда время было молодо и боги еще не родились. Поверх волн восставали заросшие водорослями остроконечные шпильки. Луна зажгла бледные лилии света на мертвом Лондоне. Париж восстал из своей сырой могилы, чтобы осыпаться звездной пылью. За ними поднимались новые шпильки и громады, более могучие и древние, принадлежавшие неведомым расам.

Болезненное биение стихло, остались лишь неземной рев и шипение вод, опадающих в расщелину. Грозовые тучи потеснил пар, исходящий из недр и плотной завесой окутывающий притихшую Землю. Его дыхание обжигало мне лицо, руки. Я в страхе оглянулся на своих спутников, но они исчезли. Потом все неожиданно кончилось, и я не помню ничего вплоть до того момента, когда очнулся выходящим на больничной койке. И только облако пара, извергнувшееся из пасти Плутона, сокрыло поверхность от взгляда; вся твердь содрогнулась во внезапной агонии безумных раскатов. Оглушающий грохот, разгул огня и дыма потрясли трепещущий эфир и далеко отбросили в холодную пустоту ночное светило.

И когда дым рассеялся, я снова взглянул на Землю, но на фоне холодных, насмешливых звезд различил лишь умирающее Солнце и бледные лики скорбных планет, оплакивающих свою сестру.

ПОЖИРАТЕЛЬ ПРИЗРАКОВ

Безумие полной луны? Летняя лихорадка? Как я хотел, чтобы все оказалось так! Но в часы одиночества, когда в пустынных равнинах заходит солнце и сквозь бескрайние просторы до моего слуха доносится демоническое эхо предсмертных вскриков, рычания и отвратительный хруст костей, я вновь дрожу при воспоминании о той жуткой ночи.

В те дни я гораздо меньше знал о потусторонних явлениях, хотя неизведанные области так же сильно влекли меня, как и теперь. Вплоть до той роковой ночи мне удавалось находить проводника в моих странствиях, и лишь внешние обстоятельства вынудили меня положиться на собственные силы. Стояла середина лета в Мэне, куда меня привели дела; из деревушки Мэйфайр-я собирался к следующему полудню достичь Глендаля, однако ни одна живая душа не вызвалась сопровождать меня. Длинный и продолжительный маршрут через Питевиссет, следуя которым я опоздал бы к назначенной встрече, пришлось отбросить. Оставалась дорога через густой лес, но на все уговоры проводить меня я получал отказ или уклончивые отговорки.

Для стороннего наблюдателя, каким я был, казалось странным, что каждый мой собеседник находил благовидный предлог, чтобы отказаться. Слишком уж много неотложных и важных дел скопилось в этой сонной деревушке, чтобы я не догадался, что местные жители лгут. И все же, как бы ни обстояли дела, ни один из селян не располагал временем, чтобы ненадолго отлучиться. По крайней мере, так они заявляли мне, ограничиваясь уверениями, что путь через лес очень прост: все время следует держаться направления на север и для такого энергичного молодого человека, как я, путешествие не представит особой трудности.

Если отправиться в путь ранним утром, как мне советовали радушные селяне, можно было рассчитывать до за-

хода солнца достичь Глендаля, избежав таким образом ночевки под открытым небом. Даже в тот момент я был далек от каких бы то ни было подозрений. Перспектива выглядела обещающей, и я решился отправиться в одиночку, отказавшись от помощи ленивых обитателей деревушки. Вероятно, и подозрения, возникнув, вряд ли остановили бы меня; молодость отличает упрямство, а суеверные страхи и предания с детских лет только развлекали меня.

Итак, солнце еще не поднялось высоко, как я уже уверенно шагал среди могучих лесных деревьев; с завернутым в бумагу обедом в заплочной котомке, с пистолетом, для надежности, в кармане, перепоясанный тугим кушаком, набитым похрустывающими купюрами солидного достоинства. Исходя из расстояния и полагаясь на собственную скорость, я рассчитывал добраться до Глендаля чуть позже захода солнца. Хотя, случись погрешности вкратце в мои расчеты, задержка до поздней ночи не пугала меня; ее с лихвой искупал прежний богатый опыт походных биваков. К тому же мое присутствие в пункте назначения вполне могло отодвинуться до следующего полудня.

Мои планы расстроила летняя жара. Поднимаясь к зениту, солнце даже сквозь густую листву обжигало незащищенные участки кожи и с каждым шагом иссушало мои силы. К полудню одежда насквозь пропиталась потом, ноги заплетались, несмотря на всю решимость двигаться дальше. Углубившись в лес, я наткнулся на заброшенную тропинку, сильно заросшую травой и молодыми побегам. В некоторых местах она практически исчезала из виду: прошли недели, а может быть и месяцы, с тех пор, как ею пользовались в последний раз. В мое сердце стали закрадываться сомнения в надежности уверений жителей деревушки, обещающих легкое и бесхлопотное путешествие.

Проголодавшись дорогой, я отыскал тенистую развилку деревьев, достал из заплочной котомки обед, который мне приготовили в деревенской гостинице, и расположился на зеленой траве. В бумажном свертке оказалось несколько потерявших от жары вкус сэндвичей, кусок подсохшего пирога и бутылка легкого столового вина: угощение отнюдь не роскошное, однако весьма желанное в моем положении.

Для курения было чересчур душно, и я не стал доставать свою трубку. В надежде передохнуть несколько минут перед заключительным этапом путешествия, я растянулся

под густыми кронами и закрыл глаза. Вероятно, в такую жару и глоток вина был излишним; при всей легкости этого напитка бутылки оказалось вполне достаточно, чтобы довершить начатое долгим, утомительным днем. Не успел я сладко зевнуть в предвкушении отдыха, как короткий привал, предусмотренный моими планами, сменился беспробудным глубоким сном.

Когда я открыл глаза, вокруг сгущались вечерние сумерки. Ветерок обдувал мои щеки, быстро возвращая мне ясность сознания. По небу резво проносились темные облака, предвещая неминуемую грозу. До утра нечего было и думать о продолжении путешествия, однако перспектива провести ночь в промозглом, освещаемом ударами молний лесу также мало привлекала мои мысли. После короткого размышления я решительно зашагал вперед, надеясь найти хоть какое-нибудь укрытие до того, как разразится буря.

Мрак плотным покровом укутал деревья. Низкие облака угрожающе сливались с черной землей; порывы ветра заметно посвежели. Отблеск далекой молнии озарил небо, сопровождаемый зловещим рокотом грома, и на мою вытянутую ладонь упала первая тяжелая капля. Приготовившись к худшему, я как автомат продолжал шагать в неизвестность, когда среди деревьев блеснул огонек — чье-то освещенное окно. Спеша укрыться от надвигающегося ливня, я бросился вперед... О боги! Если бы я повернул тогда назад!

В удалении, на лесной просеке возвышался дом: темный прямоугольник на фоне вековых деревьев. Ожидая встретить легкую охотничью хижину или бревенчатую избу, я был слегка изумлен, увидев изящное, со вкусом возведенное здание высотой в два этажа. Судя по архитектуре, его построили более полувека назад; некоторые детали фасада пообветшали и требовали ремонта. В одном из нижних окон мерцал яркий огонек, и к нему, подстегиваемый новыми тяжелыми каплями, я заторопился вдоль просеки, нетерпеливо забарабанив в дверь, едва успев взбежать на крыльцо.

С неожиданной готовностью на мой стук отозвался глубокий, приятный голос, произнесший единственное слово: «Входите!»

Толкнув незапертую дверь, я шагнул в полутемную прихожую, ведущую направо в освещенную комнату с книжными полками. Внутри дом наполнял слабый, едва

уловимый запах, предполагавший присутствие животных. Вероятно, хозяин жилища был траппером* или охотником, черпавшим средства к существованию из окружающего дом леса.

Пригласивший меня войти сидел во вместительном плетеном кресле, рядом с инкрустированным мраморной мозаикой столом. Свободный халат сероватого цвета скрадывал его художавую фигуру. Свет керосиновой лампы резко оттенял его черты, и, пока он с любопытством рассматривал меня, я изучал его с не меньшим вниманием. Его облик поражал статностью: тонкое продолговатое лицо было чисто выбрито; мягкие волнистые волосы аккуратно расчесаны; длинные прямые брови под легким углом сходились над переносьем; красиво вылепленные уши были низко посажены, а большие, выразительные серые глаза, казалось, светились внутренним пламенем. Дружелюбная улыбка открыла два ряда замечательно ровных и крепких белых зубов. Хозяин жестом указал мне на кресло рядом, и я пораился изяществу его рук с длинными, тонкими пальцами, розовые миндалевидные ногти которых были слегка изогнуты и тщательно ухожены. Признаюсь, мне показалось удивительным, что человек столь располагающей наружности мог выбрать жизнь лесного отшельника.

— Прошу извинить за вторжение, — отважился я начать беседу, — но гроза вынудила меня искать убежище под вашей крышей.

Словно в подтверждение моих слов за окном вспыхнула молния, раздался раскат грома и тяжелые капли ночного ливня с яростью застучали в стекло.

Хозяин казался нечувствителен к буйству стихий и снова улыбнулся, отвечая. Хорошо поставленный, мягкий голос успокаивал, глаза завораживали своей глубиной.

— Мой дом в вашем распоряжении, хотя боюсь, что могу предложить очень немногое. Из-за протеза мне тяжело ходить, так что вам придется самому позаботиться о себе. Если вы голодны, на кухне достаточно еды, и пожалуйста, без церемоний!

Мне послышался едва уловимый иностранный акцент в его словах, хотя речь и произношение были безукоризненны.

* Траппер — охотник, добывающий дичь с помощью ловушек или других приспособлений

Выпрямившись во весь свой огромный рост, он чуть прихрамывающей походкой направился к двери, и я обратил внимание на его мощные, заросшие серыми волосами руки, составлявшие странный контраст с изящной формы кистями.

— Идемте, — позвал он, — и захватите лампу. Я посижу с вами на кухне.

Мы прошли прихожую, комнату за ней и оказались в маленькой каморке с изразцовой печью в углу и посудным шкафом на стене. Через несколько минут, когда огонь весело запрыгал на сухих поленьях, я спросил, не приготовить ли ужин на двоих, однако хозяин вежливо отклонил мое предложение.

— Слишком жарко, — посетовал он. — К тому же я успел перекусить перед вашим приходом.

Вымыв тарелки после одинокой трапезы, я уселся в кресло и с удовольствием закурил трубку. Хозяин задал несколько вопросов о деревушке неподалеку, но нахмурился и замолчал, узнав о том, что я нездешний. Пока он молча раздумывал, я не переставал удивляться необъяснимой странности его облика: некоей неуловимой чужеродности, не поддающейся определению. В одном я был совершенно уверен: он терпит мое присутствие только из-за ночной бури, но никак не из природного радушия.

Что до грозы, она почти кончилась. Снаружи стало заметно светлее; из-за облаков вышла полная луна, а ливень сменился тонкими дождевыми струйками. При желании можно было продолжить путешествие, о чем я и заметил хозяину.

— Лучше дожждаться утра, — посоветовал он. — Пешком до Глендаля добрых три часа ходу. На втором этаже у меня две спальни, если хотите, можете занять одну из них.

Искренность этого приглашения рассеяла остатки моих сомнений относительно радушия хозяина; его молчание я теперь был склонен приписать недостатку человеческого общения в этой пустыне. Выкурив три полные трубки, я начал позевывать.

— Сегодня выпал тяжелый день, — признался я, — наверное, мне стоит лечь пораньше, чтобы подняться с рассветом.

Хозяин указал рукой на дверь, за которой виднелись прихожая и лестница

— Возьмите с собой лампу — напутствовал он — Др -

гой у меня нет, но я привык к темноте, не беспокойтесь. Когда я один, то почти не зажигаю ее; за керосином приходится ходить в деревню, что я делаю очень редко. Ваша комната по правую сторону от лестницы.

Захватив лампу и обернувшись в прихожей, чтобы пожелать спокойной ночи, я заметил, как светятся в темноте его глаза: это напомнило мне джунгли и фосфоресцирующие огоньки за чертой разведенного костра.

Поднявшись на второй этаж, я услышал, как мой хозяин, прихрамывая, прошел в какую-то из комнат вниз; несмотря на темноту, он передвигался с совиной уверенностью. Лампа и в самом деле была для него невеликим подспорьем. Гроза стихла, и, войдя в отведенную мне спальню, я нашел ее ярко освещенной светом полной луны, сочившимся через расшторенное окно. Задув лампу и довольствуясь лунным сиянием, я потянул носом едковатый запах, который не могли приглушить даже пары керосина,— странный животный душок, замеченный мной еще в прихожей. Я подошел к окну и широко распахнул створки, вдыхая прохладный, освежающий аромат ночи.

Раздеваясь, я на секунду замешкался, вспомнив о поясе с деньгами. Возможно, мелькнула осторожная мысль, мне не следует торопиться снимать его: в свое время я прочитал порядком историй о владельцах постоялых дворов, которые грабили и даже убивали своих постояльцев. Итак, прижав одеяло на постели и придав ему очертания спящей фигуры, я передвинул стоявшее в комнате кресло в глубокую тень у окна, набил и вновь закурил свою трубку и принялся ожидать, что произойдет дальше.

Мне не пришлось долго ждать, когда настороженный слух уловил на лестнице звук чьих-то шагов. Рассказы о лесных разбойниках снова ожили в моей памяти, однако шаги были уверенными и ровными, ничем не напоминая слегка прихрамывающую походку моего хозяина. Судя по поступи, незнакомец и не думал скрываться. Вытряхнув из трубки уголья, я спрятал ее в карман, после чего вытащил пистолет и на цыпочках пересек комнату, затаившись у стены за дверью.

Дверь распахнулась, и в полосу лунного света шагнул незнакомый человек. Высокий, широкоплечий; лицо наполовину скрыто густой, подстриженной лопатой бородой, а шея обмотана черным шарфом, давно вышедшим из употребления в Америке,— в облике вошедшего безоши-

бочно угадывался иностранец. Должно быть, он вошел в дом следом за мной, при всем самообладании я ни на секунду не решился допустить, что он прятался в какой-то из комнат внизу. Когда я напряженно всматривался в его силуэт, освещенный зловещим светом луны, мне показалось, что сквозь его плотную фигуру просвечивает противоположная стена. Хотя возможно, это была только иллюзия, вызванная моим страхом и удивлением.

Заметив беспорядок на постели, но не придав должного внимания складкам, предполагавшим эффект лежащей фигуры, незнакомец проворчал что-то на незнакомом языке и начал раздеваться. Побросав одежду в оставленное мной кресло, он улегся на кровать, укрылся одеялом и через минуту спал беспробудным сном.

Моей первой мыслью было найти хозяина и потребовать объяснений, но после недолгого размышления я счел за лучшее удостовериться, что все происходящее не имеет отношения к моим послеобеденным грезам. В голове и всем теле я ощущал поразительную слабость и, несмотря на недавний ужин, был голоден, словно не ел ничего с самого обеда.

Подойдя к кровати, я протянул руку и дотронулся до плеча спящего. Крик изумления замер на моих губах, сердце бешено колотилось, угрожая разорвать грудную клетку. С невидящим взглядом я отшатнулся от постели: мои пальцы прошли сквозь плечо незнакомца, захватив лишь уголок одеяла!

Обрывочные, беспорядочные ощущения, охватившие меня, не поддаются определению. Незнакомец оказался бесплотен, хотя я мог видеть его, слышал ровное дыхание его сна и наблюдал, как он ворочается под одеялом. Теряясь в догадках, я пытался разобраться в хаосе мыслей, пронесившихся в моей голове, когда на лестнице послышались новые шаги: на этот раз мягкие, прихрамывающие, напоминающие собачьи цоканьем коготков...

По комнате снова пополз едкий животный запах, заметно усилившийся. Ошеломленный, двигаясь словно во сне, я снова укрылся за спасительной дверью, готовый к самому худшему.

В яркую полосу призрачного лунного сияния ступил огромный волк. Задняя лапа его была поджата, словно раненная случайным выстрелом. Зверь повернулся и посмотрел в мою сторону: онемевшие от ужаса пальцы пра-

вой руки разжались и пистолет со стуком упал на пол. Новая волна страха парализовала мою волю и мысли, потому что глаза, горевшие дьявольским огнем на жуткой морде волка, были глазами хозяина этого странного дома; его взгляд, с фосфоресцирующим блеском следивший за моим уходом с кухни.

Не знаю, заметил ли он меня. Голова зверя повернулась к постели, пожирая взглядом спящего на ней призрака. Волк поднял морду к потолку, и из чудовищной пасти вырвалось ужасающее завывание: громкий, отвратительный вой, заставивший замереть мое сердце. Незнакомец пошевелился, открыл глаза и испуганно приподнялся на постели. Зверь пригнулся, дрожа от возбуждения; незнакомец испустил крик смертельного ужаса и отчаяния, который не в силах повторить ни одно привидение из старинных преданий... и в этот момент волк прыгнул: белые ровные зубы блеснули в лучах луны, погружаясь в горло кричащей жертвы; острые клыки вспороли сонную артерию призрака, и крик захлебнулся в потоках крови.

Предсмертный хрип подстегнул меня к действию; пистолет снова оказался в моей руке, его ствол запрыгал, разряжая обойму в чудовище на постели. Увы! Я отчетливо различал глухие шлепки пуль, впивавшихся в стену напротив.

Самообладание изменило мне. Слепой ужас подтолкнул меня к двери, и последнее, что я видел, обернувшись, был волк, терзавший клыками тело своей жертвы. Кошмарное видение, разметавшее мои мысли, выглядело таким реальным и осязаемым... Несмотря на то, что всего несколько минут назад мои пальцы прошли сквозь плечо незнакомца... Уже на лестнице я услышал отвратительный хруст костей.

Как я нашел дорогу в Глендаль и как смог пройти ее — полагаю, для меня навсегда останется тайной. Помню, что рассвет застал меня на холме возле опушки леса. Внизу раскинулась тихая деревушка, чуть поодаль поблескивала голубая лента Катаки. Без шляпы, оборванный, с пепельно-серым лицом и взмокший от пота, словно всю ночь прошагал под ливнем, я не решался спуститься, не придав своему костюму и мыслям хотя бы видимость порядка. Наконец я покинул холм и по узким улочкам с тротуарами, выложенными бетонными плитами, добрел до местного отделения Лафайетт Хауз Банка, где меня встретил пожилой охранник.

— Откуда так рано, сынок? И в таком виде?

— Я только что из леса. Иду из Мэйфайра.

— Из Мэйфайра?! Ты один прошел через Черный лес? Этой ночью? — Старик окинул меня взглядом, в котором попеременно вспыхивали ужас и недоверие.

— Что в этом странного? — парировал я при виде столь откровенного изумления. — Я не мог идти через Питевиссет, потому что сегодня в полдень у меня встреча в вашем городке.

— Но сегодня ночью было полнолуние!.. О Боже! — Он с любопытством покосился на меня: — Кого-нибудь видел: Василия Украиникова или, быть может, графа?

— Я что, похож на идиота? Что за дурацкие вопросы?

Его голос был серьезен, как у священника на похоронах, когда он ответил:

— Ты, вероятно, новичок в этих местах, сынок, если ты ничего не слышал о Черном лесе, о полнолунии, Василии и об остальных.

По-видимому, мои легкомысленные ответы пришлось не по душе собеседнику, но было поздно исправлять сделанное, и я попросил:

— Продолжайте. Я весь внимание и слух и умираю от нетерпения услышать вашу историю.

Старик довольно сухо вато пересказал мне это предание, много потерявшее в живости и убедительности из-за отсутствия красочных подробностей. Однако едва ли бы нашелся поэт, который сумел бы расцветить более яркими тонами те приключения, что пришлось пережить мне. Совершенно особое дело — слушать историю после того, как она произошла с тобой, и снова переживать ужас, которого удалось избегнуть.

— Когда-то между Глендалем и Мэйфайром поселились несколько русских: они появились в этих местах после какой-то из своих революций. Василий Украиников был один из них: высокий, статный малый с очень светлыми волосами и блестящими манерами. Хотя и поговаривали, что он продал душу дьяволу и стал вервольфом, который пожирает людей.

Примерно в трети пути к Мэйфайру, в лесу, он построил себе дом и поселился там один. С тех пор многие стали встречать в лесу огромного волка с горящими человеческими глазами — такими же, как у Украиникова. Однажды ночью один из охотников выстрелил в этого волка,

и через неделю Украиников пришел в Глендаль, прихрамывая. Все стало ясно.

Как-то раз он послал в Мэйфайр за графом — его звали Федор Черневский; старый коттедж на Стэйт-стрит когда-то принадлежал ему — с просьбой навестить его. Все отговаривали графа: это был прекрасный человек и отличный сосед, но он не послушал никого, сказав, что сумеет постоять за себя. В ту же ночь взошла полная луна. Граф был отважен, как и все они, однако приказал своим людям, если он не вернется, идти следом за ним к Украиникову. Прошел день, и они отправились искать его... Ты в самом деле был этой ночью в лесу, сынок?

— Разумеется, — я попытался скрыть внезапно охватившее меня смущение. — Но я не граф, поэтому со мной обошлось без приключений. И что же они нашли у Украиникова?

— Истерзанное тело графа, сынок, а рядом — огромного волка с окровавленной пастью. Можно догадаться, кто был этот волк. И говорят, что теперь в каждое полнолуние... Ты в самом деле ничего не видел, сынок?

— Ни зги, отец! Но что стало с этим волком... вернее, с Василием Украиниковым?

— Само собой, они застрелили его. Нашпиговали полное брюхо свинцовых пуль и закопали под домом, а само местечко сожгли дотла. Все это случилось лет шестьдесят назад, когда я был совсем сорванцом, но я помню это, словно все случилось вчера.

Пожав плечами, я отвернулся от него. При ярком свете дня все выглядело зыбко и неправдоподобно. Но порой, когда одиночество настигает меня среди пустынных равнин и до моего слуха доносится демоническое эхо тех воплей, зловещее рычание и отвратительный хруст костей, я снова вздрагиваю при воспоминании о той жуткой ночи.

ДНЕВНИК АЛОНСО ТАЙПЕРА

ОТ РЕДАКТОРА. Последний раз доктора Тайпера видели 17 апреля 1908 года, близ полудня, в отеле «Ричмонд» города Батавия. Уроженец города Кингстон, штат Нью-Йорк, Алонсо Хазбрух Тайпер принадлежал к древней графской фамилии Ульстеров и был последним представителем этого рода. На момент исчезновения ему исполнилось пятьдесят три года.

По окончании закрытой частной школы мистер Тайпер прослушал курс лекций в Колумбийском и Гейдельбергском университетах. Всю свою научную деятельность он посвятил наукам, прямо или косвенно относящимся к малоисследованным и запретным областям человеческого знания. Его работы по вампиризму, магии и полтергейсту публиковались частным порядком, после того как от них отказались академические издания. В 1900 году, по неясным причинам, мистер Тайпер был вынужден оставить Общество психологических исследований.

В различные периоды своей жизни мистер Тайпер много путешествовал, порой исчезая из поля зрения на весьма продолжительные отрезки времени. Среди известных объектов его изысканий — заброшенные города в Непале, Индии, Тибете и Южном Индокитае; большую часть 1899 года он провел на загадочном острове Истер. Интенсивные поиски мистера Тайпера после его исчезновения не принесли результатов, и его поместье в Нью-Йорк-Сити было разделено между дальними родственниками.

Предлагаемый вниманию читателей дневник, как утверждают, был обнаружен в развалинах большого загородного особняка близ города Аттика, штат Нью-Йорк. Зловещая репутация дома привела его к полному запустению и заброшенности. Основание постройки весьма древнее и относится к эпохе, предшествовавшей белой колонизации этой области. Почти полтора столетия дом являлся

собственностью замкнутого аристократического рода Ван дер Хейлов, представители которого мигрировали из Олбани в 1746 году, окутанные облаком подозрений в колдовстве и чернокнижии. Возраст фундамента постройки предположительно датирован 1760 годом.

О происхождении рода Ван дер Хейлов известно очень немного. Среди остальных землевладельцев его представители держались особняком; нанимали слуг-негров, вывезенных из Африки и плохо владевших английским; детей воспитывали в закрытых школах и европейских колледжах. Отделившиеся члены семейства очень скоро выпадали из поля зрения, однако прежде каждый из них успевал снискать зловещую славу поклонника Черной мессы или же еще более мрачных культов.

Рядом с заброшенным зданием расположено небольшое селение с необычным названием Коразин, где проживают по преимуществу индейцы и выходцы из близлежащих областей. Внимание этнографов привлекли странные кастовые отношения, практикуемые среди местных жителей; этой теме уже посвящены несколько монографий, написанных известными учеными. Сразу за селением, по направлению к особняку Ван дер Хейлов, возвышается травянистый холм, увенчанный каменной грядой древнего происхождения, о которой индейцы племени ирокезов говорят с неизменным страхом и благоговением. Происхождение и природа этих камней, возраст которых — согласно последним археологическим и климатологическим измерениям — относится к доисторическим эпохам, до сих пор остается загадкой.

С 1795 года среди исследователей этих мест и более позднего населения деревни были распространены истории о таинственных шумах и песнопениях, исходивших из каменного особняка или с вершины увенчанного валунами холма; хотя есть основания полагать, что эти явления полностью прекратились в 1872 году, когда весь род Ван дер Хейлов, включая слуг и членов семейства, внезапно и необъяснимо исчез.

С этого времени дом оставался необитаемым; три загадочные смерти, пять исчезновений и четыре случая внезапного помешательства вынудили последующих владельцев или просто любопытствующих держаться подальше от этого места. Строения, деревня и обширные земельные участки после безуспешных попыток отыскать наследни-

ков Ван дер Хейла отошли к государству и частью были проданы с аукциона. Примерно в 1890 году новые обитатели поместья (покойный ныне Чарльз А. Шилдс и его сын Оскар С. Шилдс, город Буффало) покинули свои владения в состоянии полного запустения, предупредив население об опасности посещения этого места.

Из тех, кто в последующие сорок лет осмеливался приближаться к запретному дому, большую часть составляли исследователи оккультных наук, полицейские, журналисты и странные личности, специально прибывавшие из-за границы. Среди последних особое внимание привлек один таинственный евразиец; в 1903 году газеты пестрели сообщениями об обнаружении его вблизи развалин — с необычными повреждениями на теле и интеллектом, упавшим до уровня новорожденного ребенка.

Дневник мистера Тайпера — книга размером приблизительно $6 \times 3\frac{1}{2}$ дюйма, из плотной бумаги, скрепленная необычайно прочным и легким металлическим переплетом, — был обнаружен среди вещей одного из жителей селения Коразин 16 ноября 1935 года муниципальным полицейским, присланным для расследования слухов о саморазрушении заброшенного имения Ван дер Хейлов. Дом действительно рухнул, очевидно по причине почтенного возраста и полной ветхости, в жестокую грозу в ночь на 13 ноября. Не уцелело ни фрагмента стены или фундамента, и несколько недель к руинам было невозможно приблизиться. Джон Игл — смуглый, с лицом, похожим на обезьянье, селянин — признался, что обнаружил книгу лежащей на поверхности руин, на месте бывшей гостиной второго этажа.

Из уцелевших обломков здания весьма малая часть поддается идентификации, хотя практически полностью сохранился огромный сводчатый подвал, сложенный из кирпича, где были обнаружены несколько загадочных предметов. Старинная железная дверь, ведущая вниз, была вырвана вместе с петлями и причудливо переплетенным, необычайно крепким замком, продолжавшим удерживать створки. Стены подвального помещения покрывали грубо вырезанные в кирпиче иероглифы, до сих пор не поддающиеся расшифровке. Другой странной находкой была большая круглая брешь в одной из стен, наглухо заблокированная обломком скалы, очевидно сместившимся в результате падения здания.

Однако самой необычной из всех находок была зловонная, вязкая масса угольного оттенка, покрывавшая каменные плиты основания подвала; волнистая полоса этой субстанции, приблизительно в ярд шириной, обрывалась у входа в загадочное круглое отверстие. Рабочие, раскапывавшие подвал, утверждали, что воздух внутри поразительно напоминал запах неубранной клетки со змеями в зоологическом парке

Графологическая экспертиза подтвердила подлинность дневника пропавшего доктора Тайпера. По мере обследования заброшенного имения Ван дер Хейлов записи ученого становятся менее связными, отрывочными, показывая всевозрастающее нервное напряжение его поисков. Жители селения Коразин — их неразвитость и замкнутость ставили в тупик многих исследователей этих мест — не припоминают мистера Тайпера среди прочих посетителей зловещего дома.

Текст дневника нами приводится полностью и без объяснений. Исключая из рассмотрения возможное помешательство автора, все прочие заключения предоставляется сделать самому читателю. Вероятно, лишь будущее способно разрешить эту многовековую загадку, занимающую умы уже нескольких поколений. Следует заметить, однако, что генеалогические свидетельства подтверждают предположение покойного мистера Тайпера относительно имени Адриан Слейт.

ДНЕВНИК

Прибыл в шесть вечера. Всю дорогу от Аттики за моей спиной собиралась гроза; в деревне не нашлось ни повозки, ни лошади, чтобы облегчить мой путь, а на автомобиле сюда не добраться. Дом производит более жуткое впечатление, чем я ожидал; страшно подумать о предстоящем, и в то же время я сгораю от нетерпения раскрыть его тайну. Приближается Вальпургиева ночь — древний ужас вселенной; ее исполнение поможет мне разгадать сокровенный смысл друидических кромлехов* Уэльса. Что бы ни про-

* Друидические кромлехи — круговые каменные ограды или сооружения из камней, венчающие вершины холмов и предназначенные для отправления религиозных обрядов. Использовались древними жрецами кельтов — друидами

изошло, я не отступлю. Необъяснимая воля побудила меня посвятить всю жизнь поискам запретных таинств; ничто больше не привлекает меня, и я готов к любой участи.

День еще не кончился, но, когда я добрался до места, было уже совсем темно. Мне никогда не приходилось наблюдать столь плотных грозowych туч, которые скрыли окружающую местность, и если бы не вспышки молний, я бы непременно сбился с дороги. Деревушка оставляет тяжелое впечатление: ее обитатели по умственному развитию близки к идиотам. Один из них поприветствовал меня, словно старого знакомого. Ландшафт практически неразличим в густых сумерках; буроватая растительность обильно покрывает небольшую болотистую долину, окруженную чахлыми деревцами со зловеще изогнутыми голыми ветками. За деревней высится мрачный холм, на вершине которого кольцом установлены огромные валуны; осколок скалы выступает в центре. Без сомнения, это наиболее опасное из мест, о которых меня предупреждал В.

Особняк стоит посреди парка, буйно заросшего необычного вида кустами шиповника. Струдом продравшись через эти заросли, я останавливаюсь, пораженный ветхим обликом и атмосферой упадка, окутывающей здание. Архитектура фасада вызывает болезненное отвращение; удивительно, как до сих пор эта громада не распалась на части. Дом деревянный, и, хотя первоначальные очертания погребены под более поздними наслоениями флигелей, пристроенных в разные годы, я думаю, что основу сооружения составляет старинный колониальный особняк в чисто английском стиле. Возможно, предпочтение дерева камню объясняется стесненностью в средствах, хотя, если мне не изменяет память, жена Дирка Ван дер Хейла происходила из семьи чернокнижника Абадонны Кори, проживавшего в Салеме, где постройки из дерева не редкость. Невысокая колоннада подпирает маленький портик, под которым я укрываюсь от разыгравшейся непогоды. Дьявольские порывы бури, непроглядная тьма, раскаты грома, ливень и молнии напоминают о конце света; свежий ветер когтями рвет мою одежду.

Входная дверь оказалась незаперта, я включаю электрический фонарик и вхожу вовнутрь. Слой пыли толщиной в несколько дюймов покрывает пол и окружающую обстановку; воздух застоялся и отдает свежевскопанной могилой. Длинный коридор ведет к винтовой лестнице.

Поднявшись наверх, я выбираю комнату для «привала» с окнами на фасаде здания. Обстановка выглядит совершенно нетронутой, хотя большая часть предметов мебели рассыпалась от времени или перекосилась. Пишу эти строки в восемь часов вечера, после приготовленного на скорую руку холодного ужина из моих походных запасов. Деревенские жители обещали снабжать меня продовольствием, однако наотрез отказались подходить ближе полуразвалившихся ворот, ведущих в парк. Пока нельзя, говорят они. Никак не могу избавиться от неприятного чувства, что каким-то образом мне знакомо это место.

Позднее вечером.

В доме явственно ощущается чужое присутствие. Чья-то злобная воля — особенно враждебная по отношению ко мне — ищет способ сломить меня и завладеть мной. Никто не появляется, однако мне приходится напрягать все силы, чтобы выстоять. Нескрываемая враждебность определенно указывает на нечеловеческую природу существ, населяющих дом. Вероятнее всего, их направляют темные силы, замкнутые вне Земли — в пространствах вне времени и вне вселенной. Присутствие этой воли давит на меня подобно гигантской башне: именно так описывается ее влияние в хрониках Акло. Ощущение нависшей громады не проходит; удивительно, как столь чудовищные формы умещаются в пустоте комнат — хотя для человеческого восприятия они невидимы. Их возраст, должно быть, столь же неизъяснимо велик и не поддается разумному исчислению.

18 апреля.

Почти не сомкнул глаз в эту ночь. Около трех часов утра в долине поднялся ветер; странно усилившись, он сотрясал дом словно тайфун, сквозняками пробегая по комнатам и громя входной дверью. Поневоле пришлось встать. По пути вниз воображение рисовало мне полуосознаваемые формы, заполнившие темноту. Уже на лестнице что-то с силой подтолкнуло меня в спину — вероятно, ветер, хотя могу поклясться, что, резко обернувшись, я отчетливо различил расплывающиеся очертания гигантской черной лапы. С трудом удержав равновесие, я благополучно достиг основания лестницы и запер на тяжелый засов утробжающе раскачивающуюся дверь.

Полночный осмотр дома не входил в мои планы, но бессонница и страх, перемешанный с любопытством, побуждали меня не откладывать поиски. Вооружившись мощным фонарем, я пробрался сквозь пыльные залежи в гостиную, расположенную в южном крыле, где, по моим сведениям, должны были находиться портреты. Все именно так, как и говорил В., хотя мою уверенность трудно объяснить лишь его словами. Некоторые из портретов потемнели, скрылись под слоем пыли; практически невозможно разобрать, что изображено на них. На остальных полотнах, избегших разрушительного влияния руки Времени, различимы черты потомков проклятого рода Ван дер Хейлов. Некоторые из лиц кажутся мне знакомыми, хотя я не могу припомнить, где мог видеть их.

Отвратительная физиономия графа Джори — рожденного в 1773 году младшей дочерью старого Дирка — сохранилась лучше всего; мое внимание привлекают зеленые глаза и змеиное выражение, застывшее на его лице. Стоит погасить фонарь, и мне начинает казаться, что изображение на портрете испускает слабое зеленоватое свечение. Чем больше я вглядываюсь, тем более зловещее выражение приобретает оно. Отворачиваюсь, чтобы избежать световых галлюцинаций.

Передо мной новый портрет, еще более неприятный. Упрямое, продолговатое лицо; маленькие, близко посаженные глазки и — похожие на свиные — щеки и нос. Художник употребил все свое искусство, однако не смог избежать неприятного сходства. О деяниях этого представителя рода Ван дер Хейлов В рассказывал шепотом. Пока я с ужасом рассматривал портрет, мне показалось, что в глазах его засветились красноватые искорки и на мгновение фон холста сменил чужеродный, почти неземной пейзаж — унылая торфянистая топь под грязно-желтым небом и заросли терновника, разбросанные среди чахлах трав. Опасаясь за собственный рассудок, я повернулся и бросился бежать из проклятой галереи. Совершенно не помню, как очутился в единственной очищенной от пыли комнате, где расположилась моя «стоянка».

Позднее днём.

Принял решение осмотреть пристройки при свете дня. Заблудиться практически невозможно, так как следы отчетливо выделяются в пылевом слое, доходящем до щико-

лоток. Пришелец, если таковой появится в доме, тоже не останется незамеченным. Поразительна легкость, с которой я запоминаю все эти запутанные переплетения коридоров.

Продвигаясь по длинному, выступающему на север флигелю, наткнулся на запертую дверь. Взломал замок и обнаружил маленькую комнатку, битком заваленную мебелью. Жучки-точильщики изрядно потрудились: все предметы испорчены ходами, равно как и деревянная обшивка стен. В одной из стен за деревянными панелями темнеет глубокий провал, уходящий в мрачную неизвестность. Секретная дверца, закрывавшая вход, рассыпается от моего прикосновения: не видно ни скоб, ни ступеней, несмотря на то что провал почти отвесно уходит в глубину. Остается только гадать о его назначении.

Над каминной полкой висит тронутый плесенью портрет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся изображением молодой женщины в платье конца восемнадцатого столетия. Классические черты искажает дьявольская гримаса, едва ли предположимая в человеке. Не жестокость, не обычная безжалостность или бессердечность, а какая-то зловещая порочность, находящаяся за пределами человеческого понимания, легла на прекрасное, словно вырезанное из слоновой кости, лицо незнакомки. По мере того как я вглядывался в него, у меня возникло ощущение, что художник — или это был результат воздействия плесени? — придал бледным чертам болезненный зеленоватый оттенок, чем-то неуловимо напоминающий чешую рыб.

После осмотра флигеля я поднялся на чердак, где обнаружил несколько сундуков, доверху заполненных странными книгами: многие из них непривычной формы и написаны на совершенно незнакомых мне языках. В одном из свитков я отыскал ритуальные формулы магических знаний цивилизации Акло, о существовании которых даже не подозревал. Еще не осматривал содержимое разошедшихся книжных шкафов внизу.

19 апреля.

В доме определенно чувствуется чье-то присутствие, хотя в пыли не заметно ничьих следов, кроме моих собственных. Вчера прорубил в зарослях шиповника дорожку к парковым воротам, где местные жители по договоренности оставляют для меня съестные припасы. Однако сего-

дня утром не обнаружил дорожки. Очень странно, так как на кустах почти не видно почек или зеленых листьев. Меня снова не оставляет чувство, что совсем рядом притаилось нечто колоссальное, едва уместяющееся в ветхих стенах дома. На этот раз я замечаю больше, чем только присутствие невидимой массы. Из найденной вчера на чердаке книги я узнал, что третий ряд ритуальных формул Акло может сделать этих существ осязаемыми и видимыми. Посмотрим, достанет ли у меня мужества до конца произвести эту материализацию. Гибельный эксперимент.

Прошлым вечером я начал замечать стремительно исчезающие лица и размытые формы, наполнившие темные закоулки коридоров и комнат; лица и тела столь жуткие и отвратительные, что не берусь описывать их. Субстанция, из которой они состоят, походит на ту гигантскую лапу, которая позавчера пыталась спихнуть меня с лестницы. Вероятно, следует винить мое разыгравшееся воображение. Предмет моих поисков никак не связан с этими явлениями. Снова видел лапу; несколько раз одну, иногда две. Решил не обращать внимания.

Ближе к полудню в первый раз осмотрел погреб, спустившись вниз по приставной лестнице, которую нашел в кладовке, ибо деревянные ступени полностью сгнили и рассыпались. Пол усеивают ветхие останки различной утвари, ныне погребенной под слоем ржавчины и пыли. В дальнем конце расположен узкий коридор, по-видимому, сообщающийся с запертой комнатой, которую я обнаружил в северном флигеле. Коридор упирается в массивную кирпичную стену с замкнутой железной дверью. Особенности кладки и оковка двери позволяют предположить, что их установили не раньше восемнадцатого столетия: уверен, что это наиболее старая часть постройки. На висячем замке, который выглядит еще более древним, выгравированы цепочки символов, смысла которых я не могу разгадать.

В. ничего не рассказывал мне об этом подвале. Каждый раз, когда я приближаюсь к нему, во мне растет беспокойство, подобного которому я еще не испытывал в этом доме. Чья-то неодолимая воля заставляет меня прислушиваться, хотя до сих пор до моего слуха не донеслось ни единого шороха. Покидая подвал, я искренне пожалел, что ступеньки рассыпались в прах; мое восхождение по приставной лестнице тянулось безумно долго. Больше не

стану спускаться, и все же... какое-то дьявольское желание побуждает меня попытаться этой же ночью проникнуть в секрет зловещего подземелья.

20 апреля.

Всю жизнь я прислушивался к глубинам ужаса, но лишь затем, чтобы познать еще более глубокую бездну. Вчера вечером искушение было слишком велико, и к ночи я вновь спустился в подвал; с фонариком пробрался между разбросанных на полу предметов к кирпичной стене и замкнутой двери. Стараясь ступать как можно бесшумнее и воздерживаясь от спасительных заклинаний, я с безумным напряжением вслушивался в окружающую темноту.

Наконец моего слуха достигли звуки, исходившие из-за железной двери: глухие удары и бормотание, словно гигантская ночная тварь ворочалась внутри. Затем послышалось ужасающее шуршание, как будто огромная змея или морское животное волочило свое чудовищное тело по каменному полу. Парализованный страхом, я глядел на массивный замок и незнакомые, загадочные иероглифы, высеченные на нем. Их тайный смысл был недостижим для меня, но что-то в их рисунке, отдаленно напоминавшем монгольскую технику письма, указывало на запретную и неизъяснимую древность. Временами мне начинало казаться, что их очертания разгораются зеленоватым сиянием.

Я в ужасе отвернулся и увидел, что путь к бегству преграждают две гигантские лапы: длинные когти, казалось, росли и становились все осязаемей, пока я с замиранием сердца глядел на них. Черные пальцы протягивались из темной глубины подвала; покрытые чешуей запястья подталкивали их вперед, исполняя чью-то безжалостную и злобную волю. Новый взрыв приглушенных стенаний, словно отдаленный гром, сотряс дверь за моей спиной. Подгоняемый смертельным страхом, я двинулся навстречу призрачным лапам и увидел, как они исчезают, подрагивая и корчась в светлом конусе электрического фонаря. Вскрабавшись по лестнице, я бросился бежать и не останавливался, пока не рухнул без сил наверху в гостиной, где расположилась моя «стоянка».

Каким будет мой конец, страшно подумать. Придя как искатель, я обнаружил, что какое-то неведомое существо ищет меня самого. И не в моих силах покинуть это проклятое место. Сегодня утром я попытался добраться к воро-

там, чтобы забрать съестные припасы, однако кусты шиповника туго переплелись на моем пути. Какое бы направление я ни выбирал, все повторялось вновь — дом упорно не желал отпускать меня. Местами колючие ветки вытянулись вверх, образовав прочную как сталь живую изгородь, преодолеть которую нет никакой возможности. Уверен, что местные жители каким-то образом связаны со всем этим. Когда я вернулся в дом, мои припасы лежали на полу в прихожей, хотя оставалось неясным, откуда они появились здесь. Жаль, что я вымел пыль. Нужно будет разбросать ее снова и пронаблюдать следы.

После обеда просмотрел несколько фолиантов из большой библиотеки на первом этаже. До сих пор мне не приходилось держать в руках полные тексты «Манускриптов Пнакта», или «Шестокрыл». Возможно, я никогда бы не осмелился прийти сюда, если бы знал их содержание. Теперь уже слишком поздно — до потустороннего Шаббата осталось всего десять дней. Неведомые силы приберегают меня для этой жуткой ночи.

21 апреля.

Снова осматривал портреты. На некоторых подписаны имена: одно из них — под изображением незнакомой женщины с дьявольской улыбкой на губах, написанным около двух столетий назад, — сильно озадачило меня. Тринтия Ван дер Хейл-Слейт. Не могу отделаться от мысли, что я где-то уже встречал имя Слейтов — в какой-то весьма важной для меня связи. Хотя тогда его смысл не казался таким пугающим, как теперь. Я должен вспомнить, где мог слышать это имя.

Глаза портретов преследуют меня. Возможно ли, чтобы их изображения сдвигались в своих рамах, тронутых плесенью и трупным разложением? Змеиные и свиные физиономии зловеще таращатся на меня с потемневших полотен; бесчисленный сонм призрачных лиц виднеется за их спинами. В выражении каждого проглядывает отталкивающее фамильное сходство, и человеческие лица более ужасны, чем те, что схожи со звериными мордами. У некоторых заметны черты, присущие еще одному проклятому роду, о котором я много читал в прошлом. Корнелиус из Лейдена был наихудшим из его представителей. Это он разрушил барьер в неведомый мир после того, как его отец отыскал недостающий ключ для цепочки ритуальных за-

клиний. Теперь мне ясно, что В. знал лишь часть жуткой правды, и потому я оказался здесь беззащитным и совершенно неподготовленным. Однако сколь родственны связи Корнелиуса и его потомков с фамилией Ван дер Хейлов? Кто продолжал род до старого Клауса Клэя? То, что он совершил в 1591 году, не могло быть осуществлено без опыта и знаний многих поколений проклятой семьи или чьей-то помощи извне. Какие ветви пустил этот чудовищный род? И какая незавидная участь ожидает не подозревающих ни о чем потомков, рассеянных по свету? Я просто обязан вспомнить, откуда мне знакомо имя Слейтов.

Не могу убедить себя, что картины неподвижны в своих рамах. Уже несколько часов меня посещают видения, родственные прежним призракам лап и лиц, однако теперь странно напоминающие изображения со старинных портретов. Почему-то мне ни разу не удалось пронаблюдать видение и портрет одновременно; всякий раз света оказывается недостаточно для одного из явлений, или же видение и портрет находятся в разных комнатах.

Возможно — я очень надеюсь, — видения не более чем всплеск воображения, хотя моя уверенность в этом сильно поколеблена. Некоторые из призраков — женщины, столь же прекрасные, как и изображение незнакомки в запертой комнате; некоторых я не встречал на портретах, хотя мне кажется, что они могли притаиться в пыли и саже, покрывающей полотна. Несколько призраков начинают материализовываться. Их формы постепенно теряют прозрачность, и я со страхом наблюдаю происходящую метаморфозу. С плавной неторопливостью процесс движется в обратную сторону, и отвратительные гости растворяются в воздухе. Лица некоторых кажутся мне поразительно и необъяснимо знакомыми.

Одна из женщин затмевает остальных своей прелестью. Ее ядовитые чары подобны медоносному цветку, проросшему на склоне преисподней. Стоит мне взглянуть на нее, как она исчезает, но с тем чтобы появиться позднее вновь. Ее лицо имеет зеленоватый оттенок, и временами мне кажется, что в ее упругой коже поблескивает чешуя. Кто она? Дух незнакомки, жившей в запертой комнате более столетия назад?

Мои припасы снова лежат на полу в прихожей — по всей видимости, это становится традицией. Чтобы отметить следы, я набросал пыли возле порога, однако утром

вся прихожая оказалась чисто подметена какими-то неведомыми силами.

22 апреля.

Этот день ознаменовался жуткой находкой. Я снова исследовал проросший паутиной чердак и обнаружил полуразвалившийся резной сундучок — очевидно, голландской работы, — полный черных книг и свитков, превосходящих возрастом все найденное ранее. Среди тисненых переплетов я разобрал тусклые литеры греческого «Некромикона»; франко-норманнскую «Книгу Эйбон», и даже первую редакцию старинных «Подземных тайн» Людвига Принна. Но наиболее зловещие откровения скрывал ветхий кожаный манускрипт, написанный на искаженной латыни и полный странных крючковатых приписок, сделанных рукой Клауса Ван дер Хейла. Очевидно, записи представляли собой дневник, который старый Клаус вел между 1560 и 1580 годами. Когда я разъединил потемневшие от времени серебряные застёжки и раскрыл пожелтевшие листы, на пол, кружась, выскользнула цветная гравюра, изображавшая чудовищное существо, более всего напоминающее огромного моллюска, с клювом и щупальцами, с огромными желтыми глазами и странно схожими с человеческими очертаниями безобразного тела.

Столь неизъяснимо отвратительной и жуткой твари мне не приходилось видеть. На лапах, ногах и головных отростках красовались изогнутые клешни, напомнившие мне о зловещих призраках лап в подвале. Тело чудовища неуклюже замерло на гигантском троне, расписанном неизвестными письменами, отдаленно схожими с китайскими иероглифами. От переплетений букв и самой гравюры явно исходила чья-то чуждая воля, столь злобная и могущественная, что невозможно было определить ее рамками какого-либо одного мира или эпохи. Вероятнее всего, темная тварь на троне служила фокусом, преломлявшим темные силы из вневременья — в течение эонов прошедших и грядущих эпох. Словно иконы властителей тьмы, зловещие символы, казалось, разбухали, переполняемые соками собственной, болезненной жизни, готовые сползти со страниц манускрипта и обрушиться со всей яростью на читающего. Ключ к их разгадке лежал за пределами моих знаний, однако я не мог не заметить дьявольской точности и невыразимой угрозы в их начертании. Разглядывая поту-

сторонние контуры букв, грозно топорщившихся перед моими глазами, я обнаружил в них очевидное сходство со знаками, выбитыми на замке в подвале. Оставил гравюру на чердаке: безопаснее держаться подальше от этой твари.

Весь день и вечер читал рукопись старого Клауса Ван дер Хейла; мое недалекое будущее представляется все более жутким и туманным. Рождение мира и жизнь прежних миров прошли перед моими глазами; я узнал таинства Шамбалы — лемурийской столицы, основанной больше пятидесяти миллионов лет назад, но до сих пор укрытой за прочным барьером психической энергии где-то в восточных пустынях. Мне открылся смысл «Книги Дзиан», первые шесть глав которой превосходят возраст Земли, а последние были уже ветхи, когда нашей планеты достигли космические дредноуты венерианских лордов. Среди записей я встретил имя, которое мало кто отваживался произносить при мне иначе, нежели шепотом, — запретное и неизъяснимое имя Энго.

Некоторые места не поддавались расшифровке без знания ключа. Едва ли старый Клаус доверил все свои знания одной книге — эта мысль поразила меня. После недолгого размышления я убедился в ее правильности и решил предпринять новые поиски, в случае если продолжение дневника находится где-то в пределах проклятого дома. Даже бесспорное мое положение узника не уменьшает этого желания: жажда неизведанного заставляет забыть о гибельном будущем.

23 апреля.

Все утро искал второй дневник и около полудня нашел его в ящике письменного стола в запертой комнате с портретом. Как и в первой книге, записи сделаны на варварской латыни рукой Клауса Ван дер Хейла. Перелистывая страницы, я снова встретил зловещее имя Энго — название забытого города, где сохранены древние тайны, воспоминание о которых притаилось глубоко в подсознании человека. Рядом с повторяющимся названием города текст пестрел грубо воспроизведенными иероглифами, сходными с теми, что я видел на гравюре. По всей видимости, передо мной лежал ключ к разгадке тайны чудовищной твари и ее послания. С книгой в руках я поднялся по скрипучим ступеням на чердак, затянутый паутиной и ужасом.

Рассохшаяся дверь перекосилась и не желала открываться, сколько я ни толкал ручку. После нескольких безуспешных попыток она наконец подалась, словно отпущенная изнутри, и в тот же момент я явственно различил удаляющееся хлопанье невидимых крыльев. Быть может, следует винить сумрачное освещение, но мне показалось, гравюра тоже лежит не там, где я оставлял ее. Расшифровывая при помощи дневника иероглифы, я вскоре обнаружил, что последнего недостаточно для разгадки тайны. Чтобы извлечь зловещий смысл высеченного на троне послания, потребуются часы — может быть, дни, — и дневник лишь показывает, сколь туманно и зловеще его содержание.

Хватит ли у меня времени, чтобы проникнуть в тайну? Черные призрачные лапы все чаще возникают у меня перед глазами и с каждым разом принимают все более чудовищные размеры. Постоянно давит чье-то враждебное, чужеродное присутствие, едва вмещающееся в стенах дома. В коридорах меня преследуют уродливые, полупрозрачные лица и тени и усмехающиеся призраки с портретов. Роковой знак, что я продвигаюсь в моих изысканиях.

Теперь мне известно, что заклинание, в смысл которого я собираюсь проникнуть, скрывает изначальную тайну земного существования — тайну, которую безопаснее оставить непознанной и нетронутой. Гибельные знания, ее составляющие, не имеют ничего общего с природой человека и могут быть раскрыты лишь в обмен на душевное спокойствие и рассудок; постижение роковых истин делает их обладателя навсегда чужим среди людей, обреченным странствовать в одиночестве по планете. Иную опасность таят в себе порождения уцелевших рас, более древних и более могущественных, чем человеческая. Эоны и вселенные ничего не означают для них; чудовищные создания Старых Рас дремлют в надежно укрытых тайниках и пещерах, не подверженные течению времени, в любую минуту готовые пробудиться, стоит только земному отступнику узнать из черных книг их запретные знаки и секреты.

24 апреля.

Весь день провел на чердаке, изучая надписи на гравюре. На заходе солнца дом наполнили странные звуки, которых мне до сих пор не приходилось слышать и которые, ка-

залось, исходили откуда-то извне. Прислушавшись, я определил, что они доносятся со стороны увенчанного каменной грядой холма, расположенного на некотором удалении к северу от дома. Кто-то рассказывал мне, что от дома на вершину холма ведет тропинка. Подозреваю, что Ван дер Хейлы частенько пользовались ею, хотя я почему-то до этой минуты ни разу не вспоминал о ней. Шум на вершине холма напоминает пронзительные завывания расстроенной волынки, сопровождаемые необычно злым посвистом или шипением; подобный род музицирования, полагаю, трудно встретить на Земле. Удаленность значительно ослабляет звуки, к тому же вскоре они совершенно стихли, однако происшедшее заставило меня серьезно задуматься. Северный флигель с подземным ходом и окованной железной дверью направлен точно в сторону холма. Подобное расположение вряд ли можно объяснить простым совпадением.

25 апреля.

Сделал необычайное и тревожное открытие относительно природы моего заключения. Притягиваемый к холму непонятной силой, я обнаружил, что шиповник расступается передо мной, но только в одном этом направлении. Колючие кусты до середины опоясывают холм, на вершине же произрастает жалкая поросль мха и травы. Взобравшись по склону, я провел несколько часов среди обдуваемых ветром каменных монолитов; странный свист, возможно, объясняется трением струй воздуха о растрескавшиеся глыбы. Сейчас издаваемый ими шум сильно напоминает человеческий шепот.

Камни, стоящие на вершине, ни цветом, ни строением не похожи ни на что, виденное мной до сих пор. Их расцветку нельзя назвать ни серой, ни коричневой; скорее она грязно-желтая с неприятной прозеленью, предполагающей цветовую изменчивость. Узор на поверхности странно схож с рисунком змеиной кожи; прикосновение к камню необъяснимо отталкивающе, словно пальцы трогают спинку жабы или другой рептилии. Возле центрального валуна находится окаймленный галькой провал, о происхождении которого я не берусь судить: возможно, пересохший источник или подземный лаз. Когда я попытался спуститься с холма по склону, обращенному в сторону от дома, то обнаружил, что кусты шиповника пере-

хватывают меня, как и раньше, в то время как тропинка к дому остается легкопроходимой.

26 апреля.

Снова поднимался на холм. Сегодня вечером шепот ветра слышался гораздо отчетливее; сердитое шипение почти переходило в настоящую речь, глуховато звучащую, гортанную, с отзвуками волынки, которую я слышал позавчера. После захода солнца на горизонте блеснула вспышка весенней грозы, сопровождаемая — почти тотчас же — рокочущим гулом в поблекшем небе. Это совпадение сильно встревожило меня; казалось, что гул, стихая, прошипел какую-то фразу на неземном языке, оборвавшийся гортанным вселенским хохотом. Что это? Мне начинает изменять рассудок, или же мое любопытство пробудило к жизни чудовищных обитателей сумеречных пространств? Шаббат совсем близок. Каким будет мой конец?

27 апреля.

Наконец-то! Мои мечты как никогда близки к осуществлению, и я готов пожертвовать всем, чтобы проникнуть в приоткрывшиеся передо мной двери. Душа, жизнь, тело — никакая цена не остановит меня. Последние дни расшифровка иероглифов на гравюре продвигалась чрезвычайно медленно, но сегодня я отыскал недостающий ключ. Вечером я буду знать смысл надписи.

Под массивным фундаментом — я точно не знаю где — погребен один из Древних, который укажет мне дверь, куда следует войти, и сообщит утерянные символы и слова, необходимые для этого. Как давно он лежит здесь, забытый всеми, кроме тех, кто воздвиг валуны на вершине холма, и тех, кто позднее нашел это место и выстроил дом? Нет ни малейшего сомнения, что Хендрикс Ван дер Хейл прибыл в 1638 году в Новую Голландию только ради поисков этого Существа. Население Земли и понятия не имеет о подобных вещах, исключая разве тех, кто прихотью судьбы стал обладателем гибельных знаний, легенды о которых шепотом передаются из поколения в поколение. Само Существо не видел никто, если, конечно, исчезнувшие хозяева дома не продвинулись дальше, чем я предполагаю.

С разгадкой надписи пришло владение Семью Печатами Воплощений, давно утерянными обитателями Земли;

на третьей Печати я постиг молчаливое знание Молитв Смерти. Остается только произнести Заклинание из ритуала Акло, которое преобразит забытого хранителя Древней Двери. Меня очаровывает формула Заклинания. Резкие гортанные и шипящие звуки не походят ни на один из языков, с которыми мне приходилось сталкиваться в моих изысканиях. Даже Черные мессы из наиболее туманных глав «Книги Эйбон» бледнеют перед их звучностью.

Поднявшись на холм на закате, я попытался произнести формулу вслух, но в ответ вызвал лишь зловещее громыхание на горизонте; небольшой смерч пронесся мимо, извиваясь и корчась, словно живое создание. Вероятно, я неправильно произношу чужие слоги, или же вся формула действительна только в канун Шаббата, ради которого меня продолжают удерживать в этом доме потусторонние силы. Через три дня откроется Дверь...

Этим утром испытал приступ невероятного страха... На мгновение мне показалось, что я вспомнил, где слышал имя проклятого Слейта. Эта мысль наполнила меня неизъяснимым ужасом.

28 апреля.

Темные грозовые тучи нависли над каменной грядой на вершине холма. Хмурое небо в этих местах не редкость, но сейчас контуры и расположение туч имеют мрачную особенность: вытянувшиеся, словно фантастические змеи, они удивительно напоминают зловещие призраки, которые попадают мне внутри дома. Их извивающиеся тела медленно обволакивают валуны на вершине. Могу поклясться, что различаю доносящиеся из их глубин шумы и раздраженный рокот. После пятнадцати минут кружения тучи неторопливо отплывают прочь, обязательно к востоку, перестраиваются и возвращаются обратно, как батальон, готовый к бою. Неужели это и есть те жестокие Древние, о которых предупреждал Соломон,— гигантские черные твари, чьи полчища неисчислимы и поступь которых сотрясает твердь?

Разучиваю формулу Заклинания, которое пробудит Безымянное Существо; странное предчувствие охватывает меня каждый раз, когда я проговариваю незнакомые слова. Сопоставляя все найденное и прочитанное, я прихожу к выводу, что единственное место, где может покоиться Существо, находится за железной дверью в подва-

ле. По всей вероятности, за ней открывается потайной ход, ведущий в Пещеру Древних. Самая безудержная фантазия бессильна предположить облик хранителей, неусыпно — век за веком — таящихся за закрытой дверью. Прежние обитатели дома, вызвавшие их из подземных пространств Земли, знали их чересчур хорошо, что и подтверждают оставленные ими дневники и жуткие изображения.

Больше всего меня угнетает несовершенство Заклинания. Оно лишь вызывает, но не дает никакой власти над Древними. Разумеется, существуют общепринятые печати и пассы, но помогут ли они против злой воли Существа — остается только догадываться. Как бы то ни было, искушение слишком велико, чтобы считаться с опасностью, и даже если бы я захотел отступить — какая-то неведомая сила побуждает меня двигаться дальше.

Обнаружилось новое препятствие. Чтобы проникнуть за железную дверь, необходим ключ. Замок слишком прочен, чтобы взломать его. То, что ключ находится где-то поблизости, не вызывает сомнений, но до Шаббата почти не остается времени. Немедленно приступаю к тщательным поискам.

Позднее вечером.

Последние два дня избегал подвала, однако сегодня решил спуститься снова.

Все было спокойно, но не прошло и пяти минут, как за железной дверью вновь послышались глухие удары и бормотание. На этот раз они казались сильнее и настойчивее; в шуме отчетливо различался шелест огромного змеистого тела, стремительно и беспокойно налегавшего изнутри на глухую стену.

Шум нарастал, и в его потоке все явственнее проступал тот зловещий, не поддающийся определению гул, который я слышал во время второго посещения подвала: приглушенное, тяжелое эхо — словно отражение далеких громо-вых раскатов. Сейчас, однако, их мощь возросла тысячекратно, а тембр наполнился новыми, пугающими обертонами. Сравнить этот грохот можно лишь с ревом гигантских чудовищ, населявших Землю в юрский период, когда среди ужасов, терзавших планету, разумные рептилии-валузиане закладывали основания своих магических каменных башен. Какая гибельная опасность скрывается за железной дверью и достанет ли у меня мужества открыть ее?

29 апреля.

Ключ к двери найден. Наткнулся на него все в той же запертой комнате с портретом: под грудой хлама, скопившегося в одном из ящиков ветхого письменного стола. Как будто кто-то запоздало пытался спрятать его. Ключ завернут в полуистлевшую газету, датированную 31 октября 1872 года, однако внутри сохранилась еще одна обертка из высушенной кожи какой-то неизвестной науке рептилии, на которой тем же почерком, что и в дневнике, нацарапано несколько предложений на неправильной латыни. Как я и думал, замок и ключ значительно старше, чем вся остальная постройка. Старый Клаус Ван дер Хейл приберегал их для какой-то отдаленной цели, но насколько эти предметы могут быть старше его, я не берусь судить. Содержание старинной латинской надписи заставило меня пережить новый прилив ужаса.

«Да не послужат мне раскаянием эти откровения о таинствах Древних,— гласили неровные буквы свитка.— Их знания, сокрытые в глубинах Земли, родились до рождения человека, и ни один смертный не смеет обрести их иначе, чем в обмен на душевный покой и рассудок. Забытый и неприступный, переживший бессчетные зоны и вселенные, город Энго раскрыл передо мной свои стены. В земной плотью я вступил под его своды и вышел из-под них, унося обретенное знание, губительное для человеческого духа, но неотделимое теперь от меня. С радостью я расстался бы с ним, но это не в моих силах. Я познал бездну, которую не дано познать смертным, и за это мне предстоит поднять из подземных глубин Того, Кто Дремлет. Посланные за мной гарпии будут преследовать и терзать мою плоть до тех пор, пока я или кто-то из моих потомков не найдет и не исполнит того, что должно быть найдено и исполнено.

Разбуженное мной Существо отныне никогда не станет со мной. Так написано в «Книге запретных знаний». Его отвратительное тело цепко оплело меня змеиными кольцами: мне не освободиться от них, и пусть я умру, не выполнив обязательства,— бессмертная тварь не выпустит из своих объятий никого из моих потомков до тех пор, пока не исполнится предназначение. Не по собственной воле им предстоит узнать эту тайну, и не в их силах избегнуть ее ужасающего финала. В неведомые

и пустынные земли да отправится ищущий, чтобы воздвигнуть стены для подземных хранителей.

Здесь покоится ключ, который открывает замок. По воле Древних, населяющих проклятый город Энго, моему роду предстоит запечатать этим ключом вход, который ведет в пещеру, где дремлет Тот, Кто Будет Разбужен. Да помогут лорды Йаддита тому, кто замкнет, и тому, кто распечатает этот замок».

Таким было послание, содержание которого показалось мне удивительно знакомым. Сейчас, когда я пишу эти строки, ключ лежит на столе передо мной. Со смешанным чувством страха и непонятого восторга я пытаюсь подобрать слова, чтобы описать его. Как и замок, он отлит из того же неизвестного металла зеленоватого цвета; оттенок его вернее всего сравнить с позеленевшей от времени медью. Чужеродный и непривычный вид бородки не оставляет сомнений относительно замка, который открывает этот ключ. Сама его форма определенно указывает на то, что его создавали не для человеческих рук. На ощупь металл кажется тепловатым; где-то внутри пульсирует странная, чуждая жизнь, однако биения эти слишком слабы, чтобы быть уверенным в их существовании.

На потемневшей поверхности выгравированы истершиеся от времени символы, изучению которых я посвятил последние дни. Отчетливо проглядывает лишь начало фразы: «Мое мщение таится...» Роковая необратимость чувствуется в легкости, с которой я обнаружил ключ. Завтрашней ночью наступает потусторонний Шаббат. Но странно, среди зловещих знамений, отмечающих его приближение, я все более терзаюсь догадками о происхождении имени Слейта. Чем вызван мой ужас перед его родством с проклятым родом Ван дер Хейлов?

Вальпургиева ночь, 30 апреля.

Час пробил. Проснувшись сегодня ночью, я заметил, что от ключа исходит зеленоватое свечение — столь же болезненного оттенка, что и прозелень в глазах и лицах здешних портретов. В воздухе носится чей-то скрипучий шепот, напоминающий шипящий посвист ветра среди каменных громад кромлеха. Пришедший из глубин космического эфира голос произносит: «Час пробил». Это знамение, и я прогоняю бесплодные страхи. Разве не в моей власти Молитвы Смерти и Семь Печатей Воплощений? Их мощь

намного превосходит все, до сих пор порожденное эфиром. Я больше не колеблюсь.

Небо тяжелое, как перед надвигающейся грозой — более свирепой, чем та, что преследовала меня в день прибытия, почти две недели назад. Со стороны деревни, лежащей меньше чем в миле от дома, доносятся возбужденные голоса, выкрики. Все, как я и предполагал, несчастные идиоты посвящены в тайну и намерены служить Шаббат на холме.

Тени, скользящие по дому, уплотнились. В темноте небо испускает собственное зеленоватое мерцание. Я еще не заглядывал в подвал. Благоразумнее отложить его посещение, иначе шорохи и бормотание лишат меня присутствия духа, и я не решусь отомкнуть дверь.

Что таится за ней и что предстоит сделать — об этом можно только догадываться. Свершится ли предначертанное под сводами дома, или придется спускаться в туннель — к ночному сердцу нашей планеты? Многое до сих пор остается неясным: возможно, я просто не желаю понимать, почему эти жуткие стены кажутся мне такими знакомыми. Например, провал, уходящий вглубь, за панелью в запертой комнате. Мне кажется, что я знаю, почему северный флигель вытянут к холму.

6 часов вечера.

Через окна, выходящие на север, я наблюдаю группу местных жителей, столпившихся на вершине холма. Не обращая внимания на грозу, они копают возле валуна в центре кромлеха. Похоже, что они пытаются расширить отверстие, которое я принял за пересохший родник. Зачем? Сколько столетий эти несчастные помогают отправлять древний Шаббат? Ключ зловеще мерцает — это уже не плод моего воображения. Что произойдет, если я не воспользуюсь им?

Новое открытие сильно тревожит меня. Чтобы успокоиться, просматривал старинные фолианты на стеллажах библиотеки и наткнулся на полную форму имени, столь жестоко терзающего мой мозг: «Тринтия, жена Адриана Слейта». Имя Адриан подводит меня к самому краю воспоминаний.

Полночь.

Подземный ужас вырвался на свободу. За окнами бушует свирепая буря; в склон холма трижды ударила мол-

ния, однако уродливые кретины, столпившиеся возле менгира* кромлеха, не покидают вершину. Непрерывные вспышки отчетливо освещают их неподвижные фигуры. Огромные валуны угрожающе нацелились в темные тучи; мрачное зеленоватое свечение указывает их местоположение даже в отсутствие молний. Раскаты грома просто оглушающи, и каждому вторит ужасающий грохот, доносящийся из не поддающегося определению направления. Пока я пишу, фигурки на холме оживают: слышны завывания, пение и выкрики до неузнаваемости искаженного ритуала Древних. С неба потоками обрушивается ливень, однако они в дьявольском экстазе скачут между камней и вопят:

— Йа, йа! Шаб-Нигротт! Дагель, анжело магно!

Но наихудшее происходит в доме. Даже в своей комнате я отчетливо слышу шум, сотрясающий подвал. Глухие удары и бормотание; приглушенное шуршание огромного змеистого тела...

В мозгу проносятся обрывки воспоминаний. Имя Адриан Слейт с силой колотится у меня в висках. Дочь Дирка Ван дер Хейла была его женой... их девочка приходится внучкой старому Дирку и правнучкой Абадонне Кори...

Позднее ночью.

Всемилостивый Боже! Я вспомнил, откуда мне знакомо это имя! Воспоминание повергает меня в ужас. Все кончено...

Ключ нагревается в нервно сжавшей его левой руке. Временами мне кажется, что слабое биение внутри становится отчетливее и зеленый металл начинает извиваться в моих пальцах.

Злобная воля Древних определила ему зловещую миссию, и мне — слишком поздно узнавшему о слабом токе крови, через семейство Слейтов соединяющем меня с проклятым родом Ван дер Хейлов, — выпала гибельная участь свершить эту миссию.

Адриан Слейт был двоюродным кузеном моего прадеда Пастера Тайпера...

Мужество и любопытство покинули меня. Теперь уже нет тайны в том, что таится за железной дверью.

* Менгир — центральный камень конструкции кромлеха

Чья-то злобная воля осудила меня искупить грехи моего предка. Но я не собираюсь...

Клянусь, я не стану спускаться вниз!.. (записи становятся неразборчивыми)... Слишком поздно...

Ничто не спасет меня... черные лапы материализуются и волокут меня прочь, к подвалу...

ЧЕТЫРЕ УТРА

Ближе к двум ночи я понял, что час грядет. Мрачное молчание бездонных глубин потемневшего неба возвестило его приближение, и молчанию вторил чудовищный сверчок, застрекотавший с настойчивостью слишком зловещей, чтобы показаться простой случайностью. Все решится в четыре утра — в предрассветном сумраке, как и предсказывал казненный безумец. Я не поверил ему тогда, ибо кто страшится угроз, слетающих с губ умирающего? Несправедливо винить меня в том, что выпало испытать ему в то далекое утро — ужасное утро, воспоминание о котором никогда не покинет меня. Когда же свершилась казнь и труп его был погребен на старинном кладбище — через дорогу от моих окон, — я уверился, что его проклятие не коснется меня. Разве не на моих глазах его безжизненные останки надежно присыпал свежий земляной холм? Мог ли я тревожиться, зная, что его истлевшие кости будут бессильны принести мне гибель в столь точно назначенный день и час? Такими были мои мысли до этой пугающей ночи — ночи, когда взбунтовался хаос и рухнула бездна, осыпав мир искрами ледящих предзнаменований.

В этот вечер я рано отправился спать, напрасно надеясь украсть несколько часов сна вопреки пророчеству, преследовавшему меня. Теперь, когда время близилось, мне было гораздо труднее бороться со смутными страхами, гнездившимися в глубинах моих мыслей. Прохладные простыни успокоили мое разгоряченное тело, однако ничто не могло умерить жар, пожиравший мой мозг. Изнемогая от бессонницы, я метался в отчаянной попытке забыться и сном прогнать зловещее предсказание о том, что должно произойти в четыре утра.

Тревога и бессонница... не породило ли их мое окружение: гибельное соседство, в котором я прожил долгие го-

ды? Зачем, горько вопрошал я себя, в эту дьявольскую ночь я позволил обстоятельствам замкнуть себя в этом доме и в этой комнате, окна которой вперились в пустынную дорогу и старое деревенское кладбище за ней? Мельчайшие подробности бесстрастного города мертвых встали перед моим мысленным взором: его выбеленная ограда, призрачно возвышающиеся серые гранитные кресты и зыбкая аура тех, кто многие годы давал кров и стол гробовым гостям. Постепенно сила воображения увлекла мой взор дальше, в глубины, удаленные и менее доступные смертным; под неухаженными травами я увидел безмолвные тела обитателей, чья аура плыла над землей: покойников, гниющие трупы, трупы, отчаянно изогнувшиеся в своих гробах, прежде чем сон упокоил их, и недвижные кости, застывшие в тлении, — от побелевших скелетов до скромных горсток пыли. Больше всего я завидовал пыли...

Холодный ужас охватил мое существо, когда фантастический вид оборвался *его* могилой. Не осмеливаясь заглянуть в эту мертвящую бездну, я едва удержался от крика; однако неведомая сила остановила злобную волю, увлекавшую мой мысленный взор. Внезапный порыв ветра, возникший ниоткуда среди спокойствия ночи, отбросил оконные шторы, открывая моим распухшим от бессонницы глазам ветхое кладбище, притихшее в призрачных лучах предутреннего свечения.

Однако милосердие, дарованное мне этим порывом, оказалось скоротечным и полным сокрытого смысла. Ибо как только мои глаза охватили залитую лунным сиянием окрестность, среди мерцающих за дорогой могил возникло новое знамение — на этот раз слишком очевидное, чтобы приписать его воображению. С неясным предчувствием обернувшись туда, где покоились *его* тлеющие останки, — оконная рама мешала взгляду, — я с тревогой постиг приближение неопишуемой массы, угрожающе плывущей к дороге; смутные, клубящиеся облака серого тумана, неясные и разреженные пока, но с каждым мгновением набирающие грозную, разрушительную силу. Взывая к природному объяснению этого феномена, я почувствовал мрачную предопределенность, медленно вползавшую в мой мозг среди новых предчувствий и страхов. Нельзя сказать, чтобы дьявольская кульминация, свершившаяся следом, явилась неожиданной для меня; знамение приближающейся смерти оказалось равно простым и ужасающим. С

каждым мгновением густея и уплотняясь, туман утрачивал свою прежнюю полупрозрачность: обращенная к дому поверхность постепенно обрела округлые очертания, слегка прогнувшись посередине. Движение клубящейся массы прекратилось, и сероватое облако замерло у обочины дороги. Легко колыхаясь во влажном сумраке ночи, туман растягивался и уплотнялся, беспрерывно видоизменяясь,— до тех пор, пока призрачный свет луны не осветил бледный циферблат гигантских, наполненных воздухом часов.

С этого момента жуткие изменения следовали в демонической процессии. Внизу, в правой половине гигантского циферблата, зашевелилась уродливая тварь, бесформенная и едва различимая, но с жадностью протягивающая ко мне четырехпалую руку с длинными, острыми когтями. Дуновение гибели притаилось в их форме и расположении, ибо зловещие очертания руки угрожающе точно совпали с цифрой IV на призрачном циферблате смерти. Спустя немного времени чудовищные пальцы, извиваясь, выползли из вогнутой поверхности часов и каким-то не постижимым образом стали стремительно приближаться к моему дому. Длинные, истонченные ногти, как оказалось вблизи, оканчивались отвратительными щупальцами, похожими на нити; словно наделенные собственным разумом, они непрерывно покачивались — вначале медленно, но постепенно убыстряясь, лишая меня чувств стремительностью своих движений. Подобно кульминации, возвещавшей завершение жуткой сцены, до моего слуха донеслись неясные и загадочные шумы, пронизавшие напряженную тишину ночи; тысячекратно усилившись, они в один голос напоминали мне о ненавистном часе. Четыре утра. Тщетно я кутался в одеяло, пытаясь заглушить их; тщетно пытался утопить их в собственных криках. Обессиленный и неподвижный, я с гибельной ясностью воспринимал все шорохи и звуки, наполнившие спокойствие тьмы, благословленное проклятой луной. Единственный раз я спрятался под покров одеяла — единственный раз, когда стрекот чудовищного сверчка, казалось, грозил разметать мой рассудок,— но хрупкая преграда лишь усилила ужас, словно кузнечный молот обрушив на меня стрекот омерзительного насекомого.

Покинув бесполезное укрытие, я обнаружил прибавление дьявольских иллюзий. На чистых стенах комнаты, словно повинуюсь зову могильного чудовища, насмешливо

кружились мириады неведомых существ: черные, серые, белые — порождение кошунственной фантазии, недоступной обычному смертному. Некоторые были бесконечно малы, другие заметно выделялись на их фоне. Каждое из существ обладало собственными жутковатыми чертами, отличавшими их от остальных; в массе же все они повторяли единственную форму, кошмарность которой уравнивала их в размерах. Тщетно, как и прежде; я пытался отбросить ужасы ночи. Кружащиеся на стенах существа убывали и прибывали в размерах, приближаясь и удаляясь всем своим беспокойным сонмом. И вид каждого из них напоминал демонические часы с единственной цифрой на циферблате — холодный час гибели — четыре утра.

Потерпев неудачу в попытках стянуть цепи безжалостного кошмара, я снова взглянул в распахнутое окно и увидел чудовище, поднимающееся из могилы. Жутким был его облик прежде — неопишущим он стал теперь. Зыбкий туман, слагавший его тело, поглотили языки красного, пагубного пламени; четыре когтистых щупальца оплетали его подобно пожару. Из темноты на меня смотрели его глаза — насмешливые, издевательские; объятые пламенем щупальца извивались в застывшей тишине, отбивая такт для крошечных двойников, отплясывавших на стенах дьявольскую сарабанду, в вихре которой скакали, скользили, прыгали, усмехались и грозили мрачные цифры — четыре утра.

Где-то далеко, за болотной топью, над спящим морем зашелестел утренний бриз: едва различимый вначале, он набирал силу, шумел, пока не разрешился звенящей какофонией, донесшей зловещее предупреждение: «Четыре утра, четыре утра, ЧЕТЫРЕ УТРА». Монотонный шепот перешел в оглушающий рев, словно вулканическое извержение, достигшее пика. Оглушающий грохот растворился вдали, оставив в моей голове гул, подобный тому, который оставляет проносящийся мимо поезд: пустая платформа и трах, соединившиеся в безысходности...

Конец совсем близок. Все звуки и видения слились в беспорядочный, клокочущий гибельною угрозой водоворот, где сплывались все кошунственные предутренние часы, существовавшие задолго до появления времени и обреченные существовать до конца вечности. Плавающий зверь приближается: его обугленные щупальца протягиваются к моему лицу, когти жадно прикасаются к горлу. Сквозь пе-

нящиеся, фосфоресцирующие испарения могильного воздуха я различаю его лицо; опустошающая боль пронзает мое сознание, когда из серых клубов тумана надвигается жуткая химера, восставшая из непокойной могилы. Теперь мне ясно, что роковая гибель предрешена; бессвязные угрозы безумца были дьявольским проклятием, и моя невинность не устоит против злой воли, жаждущей беспричинного мщения. Он полон решимости отплатить мне за муки в тот призрачный час: потусторонние силы увлекут мое тело за грань, отделяющую этот мир от реалий, известных лишь безумцам и одержимым дьяволом.

Среди бурлящих языков пламени и завываний проклятого, чьи сатанинские когти нацелились на мое горло, я различаю слабое шипение часов над камином,— шипение, возвестившее об исполнении срока, вскипающего в скрежещущей глотке могильной твари... Проклятый час преисподней — ЧЕТЫРЕ УТРА.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ПАЛАЧ

Тому, кто никогда в жизни не испытал страха быть подвергнутым казни, мой рассказ об ужасах электрического стула может показаться надуманным и даже преувеличенным. Возможно, я и в самом деле излишне чувствителен для человека, по роду занятий связанного с опасностью. Но в моих воспоминаниях электрический стул прочно связан с одним происшествием сорокалетней давности — весьма странным, смею добавить, происшествием, едва не приблизившим меня к самому краю неведомой бездны.

В 1889 году я исполнял должность аудитора в калифорнийской рудокопной компании «Гласкала майнинг компани», разрабатывавшей несколько небольших серебряных и медных копей в горах Сан-Матео в Мексике. Неприятности стряслись на шахте номер три, где помощником управляющего работал угрюмый и неразговорчивый малый по имени Артур Фелдон. Утром шестого августа фирма получила срочную телеграмму, гласившую, что этот Фелдон скрылся, прихватив с собой все ценные бумаги, страховые полисы и деловые письма, оставив разработки на грани краха.

Такое развитие событий явилось жестоким ударом для компании, и тем же утром президент правления, мистер Мак-Комб, вызвал меня в свой офис, чтобы отдать распоряжение любой ценой найти и вернуть бумаги. Естественно, и он понимал это, существовали серьезные препятствия, усложнявшие поиск. Я никогда не видел в лицо Фелдона, а фотографии в его личном деле было явно недостаточно. Более того, на четверг следующей недели приходилась моя свадьба — до нее оставалось всего девять дней, — и конечно же, я не горел желанием отправляться в Мексику в бессрочную охоту за беглецом. Необходимость, однако, была столь велика, что Мак-Комб даже не колебал-

ся, вызывая меня; в свою очередь я решил не отказываться, справедливо рассчитывая на будущие дивиденды со своей уступчивости.

Отъезд назначался на вечер; частный президентский вагон доставлял меня до Мехико-Сити, где я должен был пересест на узкоколейку, ведущую к приискам. Предполагалось, что по прибытии все подробности и догадки, касающиеся бегства Фелдона, мне сообщит Джексон, управляющий шахты номер три, после чего я без задержки мог отправляться на поиски — через горы, вдоль побережья или же в окрестности Мехико-Сити, как вполне могло оказаться в этом случае. Я отправился в путь с мрачной решимостью разделаться с этим заданием — разделаться успешно и как можно быстрее; мое раздражение несколько умеряли картины скорого возвращения с ценными бумагами и преступником, закованным в цепи; в более отдаленных мечтах свадьба принимала вид триумфального шествия.

Известив родных, невесту и близких друзей и наскоро собравшись в дорогу, я встретился с президентом Мак-Комбом в восемь вечера на станции Саутерн-Пацифик; получил от него письменные инструкции с чековой книжкой и занял купейное место в его вагоне, прицепленном к девятичасовому трансконтинентальному экспрессу. Путешествие не обещало никаких приключений, и после недолгого сна я безмятежно расслабился в кресле, наслаждаясь мягкостью хода вагона; затем внимательно прочел инструкции и начал строить планы по поимке Фелдона с его ценным грузом. Местность вокруг Тласкалы я изучил достаточно хорошо — вероятно, гораздо лучше сбежавшего — и потому мог рассчитывать на преимущество, в случае если преступник не успел добраться до железной дороги.

Согласно поступившим сообщениям, Фелдон уже давно беспокоил Джексона своим поведением; последнего настораживали его замкнутость и привычка надолго запирается в неурочные часы в рабочей лаборатории. Подозревали, что вместе с несколькими местными рабочими Фелдон был замешан в кражах руды, но, хотя рабочих уволили, против него не нашлось улик. К тому же, несмотря на его скрытность, в поведении Фелдона чувствовалось больше неповиновения, чем сознания вины. Держался он вызывающе и говорил так, словно не он, а компания обжуливала

его. Вполне объяснимая настороженность коллег, писал Джексон, казалось, раздражала его до крайности; в результате он решил скрыться, прихватив все, что нашлось ценного в управлении шахты. О его возможном местонахождении можно было только догадываться, хотя в последней телеграмме Джексон указывал на дикие склоны Сьерра-де-Малинчи — отвесный, окутанный легендами пик, очертаниями напоминающий лежащего человека. Из этих предгорий, как говорили, происходили проворовавшие рабочие.

В Эль-Пасо, куда мы добрались в два часа ночи, мой спальный вагон отцепили от трансконтинентального экспресса и отогнали к локомотиву, специально заказанному по телеграфу до Мехико-Сити. Я продолжал дремать до рассвета и весь следующий день провел, с тоской наблюдая унылый ландшафт пустыни Чиуауа. Машинист обещал прибыть в Мехико-Сити не позднее пятницы, однако его уверения разбивались о бесчисленные задержки и остановки в пути. Односторонняя колея оказалась необычайно оживленной, и нам подолгу приходилось простаивать на кольцевых ветках, ожидая, пока пройдут встречные паровозы.

В Торреон мы прибыли с опозданием на шесть часов. Было почти восемь вечера обещанной пятницы, когда машинист согласился поехать быстрее, чтобы наверстать упущенное время. Нервное напряжение, не покидавшее меня с самого начала поездки, достигло предела, и я в отчаянии вымерял шагами вагон, не зная, как еще занять время. Наконец стало заметно, что ускорение локомотива обходится нам дорогой ценой; не прошло и полчаса, как перегрев колесных осей превратил мой вагон в некое подобие духового шкафа. После недолгого совещания экипаж принял решение остановить гонку и с прежней скоростью добираться до следующей станции, где находились ремонтные мастерские. Для меня это событие явилось последней каплей; я едва не затопал ногами от возмущения, словно ребенок. Вцепившись в подлокотники мягкого кресла, я налегал на них изо всех сил в надежде заставить поезд двигаться быстрее обгонявших нас по пескам черепах.

Было почти десять вечера, когда мы вползли в Куэтаро, где мой вагон отцепили и отогнали на запасный путь. Местные механики, осмотревшие его, спокойно заявили, что ремонт отнимет пару недель, так как необходимые

запчасті трудно разыскать где-либо ближе Мехико-Сити. Казалось, все складывается против меня; я стиснул зубы при мысли о Фелдоне, ускользавшем все дальше и дальше — возможно, в портовые дебри Веракрус или же в Мехико-Сити с его железнодорожными вокзалами, — в то время как эта новая задержка буквально связывала меня по рукам и ногам. Конечно, Джексон известил всех шерифов в округе, однако я достаточно имел с ними дел, чтобы не обманываться относительно их возможностей.

Как вскоре выяснилось, лучшее, что я мог сделать, — купить билет на ночной экспресс до Мехико-Сити, который следовал из Агуаскальентес и делал пятиминутную остановку в Куэтаро. По расписанию его прибытие ожидалось около часу ночи, а в пять утра он должен был доставить меня в столицу. Покупая билет, я обнаружил, что поезд составлен из купейных вагонов европейского образца вместо привычных американских с длинными рядами двухместных кресел. Лет тридцать назад такие вагоны были обычным явлением на мексиканских железных дорогах во многом благодаря влиянию европейских фирм, помогавших прокладывать первые линии; и теперь, в 1889 году, мексиканское управление дорогами продолжало использовать их для внутренних перевозок. Обычно я предпочитаю американскую конструкцию, так как не люблю рассматривать лица людей, сидящих напротив; однако в этот раз мне было не до выбора. Оставалось надеяться, что в столь поздний час в купе никого не окажется и я смогу утешиться одиночеством, так необходимым моим измотанным нервам. С мыслями о мягком кресле я заплатил за билет первого класса, забрал из президентского вагона свой багаж и телеграфировал Мак-Комбу и Джексону о случившемся, после чего побрел на станционную платформу дожидаться прибытия поезда.

К моему удивлению, он опоздал всего лишь на полчаса, которые тем не менее показались мне непереносимыми в безрадостном стоянии на пустынной платформе. Кондуктор, проводивший меня в купе, сообщил, что они надеются наверстать задержку и прибыть точно по графику. Удобно устроившись в кресле по ходу поезда, я расслабился и прикрыл глаза, в надежде без помех проспать предстоящее путешествие. Тусклый свет от керосиновой лампы под потолком едва разгонял царивший в купе полумрак. Поезд тронулся, и я искренне порадовался, что еду один. Разме-

ренно покачиваясь, я кивал головой в такт движению, занятый мыслями о предстоящей погоне.

Неожиданно я почувствовал, что в купе есть кто-то еще. В углу, по диагонали от моего кресла, сгорбившись так, что не было видно его лица, сидел небрежно одетый мужчина огромного роста. Вероятно, слабое освещение не позволило мне разглядеть его раньше. Рядом с ним на сиденье стоял большой саквояж, потрепанный и громоздкий, который незнакомец даже во сне крепко сжимал своей на удивление тонкой рукой. Пронзительный гудок локомотива, преодолевавшего очередной из бесчисленных горных поворотов, заставил спящего беспокойно пошевелиться; выпрямившись в кресле, он нервно провел рукой по лбу. Открытое, заросшее густой рыжей бородой лицо выдавало в нем типичного англосакса. Заметив меня, он совершенно пробудился, неприятно поразив меня необъяснимой враждебностью, мелькнувшей в его темных, поблескивающих глазах. Без сомнения, его сильно раздосадовало мое присутствие; со своей стороны я тоже испытал некоторое разочарование, обнаружив в тускло освещенном купе странного попутчика. Лучшим выходом из положения было принятие неожиданного соседства как дарованного свыше. Итак, я принялся извиняться за свое вторжение в расчете на ответное расположение. Незнакомец, по всей видимости, был моим соотечественником — американцем, и можно было надеяться найти с ним общий язык. К тому же после обмена формальными любезностями мы вполне могли оставить друг друга в покое до самого конца путешествия.

К моему изумлению, незнакомец не произнес ни слова в ответ на мои извинения. Вместо этого он с непонятной настойчивостью продолжал рассматривать меня, нетерпеливым жестом свободной руки отказавшись от предложенной сигары. Другая его рука продолжала крепко сжимать ручку огромного потрепанного саквояжа; вся его фигура, казалось, излучала скрытую угрозу. После длительной паузы он резко отвернулся к окну, словно мог разобрать что-либо в густой черноте ночи. При таком откровенном недружелюбии я предпочел оставить его в покое; откинулся в кресле, надвинул на лоб шляпу и закрыл глаза в попытке продремать оставшуюся часть путешествия.

Не успела приятная полудрема смежить мне веки, как какая-то неведомая сила заставила меня снова широко рас-

крыть их. Странная, неосязаемая субстанция, казалось, удерживала меня, не позволяя броситься вдогонку за остатками ускользающего сна. Подняв голову, я оглядел сумрачно освещенное купе: никаких изменений, только незнакомец в противоположном углу продолжает задумчиво смотреть на меня — задумчиво, но без тени дружелюбия. На этот раз я даже не пытался начать беседу; попросту откинулся назад, в прежнее полусонное положение, полуприкрыв глаза, словно спящий, и принялся с любопытством наблюдать из-под опущенных полей шляпы за поведением незнакомца.

Пока поезд со стуком мчался сквозь непроглядную тьму, с лицом моего попутчика происходили труднообъяснимые метаморфозы. По-видимому, удовлетворенный тем, что я заснул, он позволил себе выплеснуть наружу до сих пор сдерживаемые эмоции — любопытное смешение чувств, природа которых внушала все что угодно, но только не доверие. Ненависть, страх, торжество и фанатичная решимость проложили неровную линию его губ, мелькнули в глазах, наполнив свирепостью и алчностью его взгляд. С внезапной ясностью я понял, что этот человек безумен и крайне опасен.

Не стану скрывать своего состояния в тот момент; едва ли я испытывал что-либо, кроме страха, когда увидел, как обстоят дела. Холодный пот и с трудом сдерживаемая нервная дрожь сильно мешали мне притворяться спящим. Жизнь слишком много значила для меня тогда, и мысль о соседстве безумного убийцы — весьма вероятно, вооруженного — была отвратительной и пугающей. Возможность рукопашной схватки сводила к нулю все мои шансы, так как попутчик был настоящий гигант и, очевидно, находился в пике своей атлетической формы, тогда как я, помимо некрепкого телосложения, был сильно измотан беспрерывными переездами, бессонницей и нервным напряжением. Бесспорно, мое положение было незавидным; мысленно я уже прощался с жизнью, с ужасом наблюдая пляшущие огоньки безумия в глазах незнакомца. В мозгу, словно в предсмертной агонии, проносились картины прошлого; говорят, у тонущих в последние секунды вся жизнь заново проходит перед глазами.

В кармане моего плаща лежал револьвер, однако любая попытка дотянуться до него была бы немедленно обнаружена. Более того, достань я его — и кто предскажет, как

поведет себя сидящий передо мной безумец? Даже если удастся выстрелить, у гиганта останется достаточно сил, чтобы вырвать у меня оружие и проломить им мой череп; если же он сам вооружен, ему не составит труда застрелить или зарезать меня, даже не пытаясь обезоружить. Вид взведенного пистолета, как правило, благотворно влияет на нормального человека; на безумца же, которому его полное безразличие к последствиям придает почти сверхчеловеческую мощь и энергию, ничто не способно оказать должного воздействия. Даже в ту мрачную дофрейдовскую эру многие люди, и я в их числе, догадывались о том, как опасно иметь дело с ненормальными. Незнакомец в углу напряженно пошевелился, очевидно готовый к действиям, — в этом не оставляли сомнений его горящие глаза и подергивающиеся от возбуждения лицевые мускулы.

Дыхание его стало хриплым, грудь лихорадочно вздымалась, предвещая близкую развязку. Не переставая притворяться спящим, я медленно опустил правую руку и осторожно коснулся кармана, где лежал револьвер; при этом я не спускал глаз с попутчика на случай, если он заметит мое движение. К моему ужасу, он заметил — едва ли не до того, как его лицо успело переменить выражение. Стремительным броском, невероятным для человека его роста и телосложения, он навалился на меня, прежде чем я успел осознать, что случилось.словно великан-людоед из сказки, он склонился надо мной, пригвоздив к сиденью мощной ладонью и перехватив револьвер другой. Переложив его в свой карман, он с презрительным видом отпустил меня, хорошо понимая, насколько я зависим от его физической мощи. Яростные огоньки в его зрачках постепенно сменились выражением злорадного участия и какого-то малопонятного расчета, когда он выпрямился в полный рост — головой немного не доставая до потолка вагона — и внимательно уставился на меня.

Я не шевелился, и секунду спустя гигант снова опустился в кресло напротив; зловеще ухмыляясь, он раскрыл свой потрепанный саквояж и извлек из него странного вида конструкцию — довольно большую клетку из тонкой проволоки, переплетенную наподобие фехтовальной маски, однако по форме больше напоминающую водолазный шлем. К вершине шлема крепился толстый провод, другой конец которого оставался в саквояже. Любовно поглядывая и убаюкивая коленями извлеченный прибор, гигант ис-

подлобья оглядывал меня и почти по-кошачьи облизывался. В первый раз за все время он заговорил — глубоким, сочным голосом, являвшим пугающую противоположность его всклокоченному виду и потрепанному костюму из грубого вельвета.

— Вам крупно повезло, мистер. Имя моего первого добровольца войдет в историю, не сомневайтесь! Слава, известность... Вы даже не мечтали об этом. Грядущие поколения воздвигнут памятник моему гению, пусть они и не догадываются о нем сейчас. Вы будете первым... своего рода разумный кролик... Пока у меня были только кошки и ослы... Он действует даже на ослов!

Он замолк и затряс головой; бородатое лицо исказила гримаса внутренней боли — словно гигант пытался стряхнуть невидимую ношу, давившую на его плечи. Заметное проявление, наступившее следом, несколько притушило безумные огоньки, полыхавшие в его глазах. Мгновенно уловив происшедшую перемену, я отважился поддержать беседу в надежде направить ее ход в более безопасное русло.

— Поразительно! Но как вы догадались создать этот прибор?

Он с довольным видом кивнул головой.

— Чистейшая логика, сударь. Если бы остальные догадывались о том, что известно мне, они, без сомнения, сделали бы то же самое. Но их умственная мощь недостаточна; им не хватает знаний и сил, которые я развил в себе. Время господства человеческой расы истекло, и мне выпала миссия очистить Землю перед возвращением Кетцалькоатля. Бойни, виселицы, плахи — все это в прошлом варварских эпох; будущее принадлежит моему творению! Как вы знаете, пару лет назад нью-йоркское законодательное собрание проголосовало за введение электрической казни, однако все, на что оказалась способна их фантазия, ограничилось жалкими поделками вроде «кресла-качалки» Стефенсона или динамо-машины Девенпорта. От моего детища эти снобы попросту отмахнулись. Что за глупцы, о Боже! Как будто мне известно меньше, чем им, о смерти и об электричестве. Я с детства не думал ни о чем другом; изучил эти проблемы как ученый, испытал как инженер и солдат... — Он откинулся на спинку сиденья и прищурил глаза. — Двадцать лет назад я сражался в армии Максимилиана. Я мог бы стать генералом, получить дворянские по-

чести, но проклятые конфедераты разгромили нас, и мне пришлось бежать из страны. Но я никогда не забывал о ней и возвращался... Сейчас я живу в Рочестере, штат Нью-Йорк...

Глаза его стали по-безумному хитрыми; слегка подавшись вперед, он коснулся моего колена длинными, изящными пальцами.

— Я странствовал по этой земле, это верно, и проник в ее тайны дальше других. Мне ненавистны янки и больше по душе мексиканцы. Вам это кажется странным? Нет? Вы ведь не думаете, что в Мексике живут одни испанцы? Боже, если бы вы слышали о племенах, которых я знаю! В горах... в горах... Анахуак... Теночтитлан... древние расы Пернатого Змея...

Его выкрики перешли в песнопение, сопровождавшееся не лишенным мелодии подвыванием.

— Йа! Хайцилопочли!.. Нахатлакатель! Семь хранителей, семь древних заветов... Хочимилка, Чалка, Тепанека, Аколху, Тлахвика, Тласкалтека, Ацтека! Йа! Йа! Я посетил семь пещер Чикомоцтока, но об этом никто не смеет знать! Хотя вам уже не придется делиться этим знанием...

Он помолчал и продолжал уже прежним тоном:

— Если бы вы слышали, о чем говорят в горах. Все ждут пришествия Хайцилопочли. Когда он сойдет на Землю... Впрочем, об этом достаточно спросить любого крестьянина к югу от Мехико-Сити. Янки в законодательном собрании еще пожалеют о том, что отклонили мое изобретение. Что ж, если им больше нравится старое, протертое кресло... Ха! Неплохая шутка, а, мистер? Кресло, теплый камин... совсем как у старика Готорна*...

Великан расхохотался над этой пародией на добродушный юмор.

— Хотел бы я сесть в их паршивое кресло! Их батареей едва хватит, чтобы заставить сжиматься лягушачью лапку! И они намерены извести всех убийц — всех до единого! Вам не бросается в глаза логическая несурязица в этом решении? Нет? Что толку сажать на стул провинившихся, когда в душе каждого живет убийца... Кто-то убивает идеи, кто-то ворует изобретения... как они... они следили за мной, чтобы украсть...

Он осекся и замолчал. Видя в продолжении беседы

* Американский писатель-романтик

свой единственный шанс на спасение, я решил подбодрить его.

— Не отчаивайтесь. Я уверен, что рано или поздно они обязательно одобрят ваше изобретение.

По-видимому, моей тактичности оказалось недостаточно, потому что вместо ответа он язвительно переспросил меня:

— Вы уверены? Какая любезная снисходительность к гению! Черт бы вас всех побрал с вашей вежливостью! Сейчас вы сами испытаете на себе то, что они украли у меня для своего паршивого стула. Дух священной горы Нихахвалпилли поведал мне, что они следили... они следили... следили...

Он снова задохнулся словами; скривился и принялся отчаянно мотать головой, словно пытаясь таким способом вытряхнуть нечто, мешающее нормально шевелиться его извилинам. Эта процедура, казалось, успокоила его, и он принялся деловито объяснять.

— Мое изобретение нуждается в проверке. Все необходимое у меня с собой. Проволочный шлем сплетен из гибкой проволоки и легко надевается на любую голову. Шейный зажим регулируется пряжкой: преступник не задохнется. Электроды на лбу и у основания затылка обеспечивают достаточное напряжение. Выключи голову, и что останется от человека? Ведь так, мистер? Эти кретины из законодательного собрания тратят миллионы на то, чтобы сверху донизу нашпиговать свое кресло электродами. Идиоты! Разве обязательно решетить человека шпагой, когда достаточно проткнуть сердце? Я видел, как умирают в сражении, и прекрасно знаю, что для этого нужно... А их дурацкая динамо-машина, высоковольтные цепи и прочая ерунда? Почему они не удосужились взглянуть, на что способен мой аккумулятор? Нет, разумеется. Это мой секрет, но я бы мог рассказать, если бы они вели себя честно... Принцип не очень сложен, как и все гениальное. Но сейчас мне нужен доброволец, которого я мог бы подвергнуть испытанию... Вы, конечно, догадываетесь, кому выпала честь быть первым?

У меня мурашки по коже пробежали от такого вопроса. Лишь быстрый ответ и подходящие слова могли выволочь меня из этой ловушки. Словно щитом прикрываясь напускной серьезностью, я попробовал отшутиться.

— Э-э... вероятно, среди политиков в Сан-Франциско

можно найти подходящие экземпляры... Им просто необходимо попробовать вашего изобретения, поверьте моему слову. Если же говорить серьезно, у меня неплохие связи среди тамошних бонз, так что, когда я закончу свои дела в Мехико, вы можете поехать вместе со мной в Штаты. Постараемся придумать что-нибудь для вашего прибора...

Его ответ был рассудительным и любезным.

— Благодарю, но ваше предложение неосуществимо. С тех пор как эти преступники в законодательном собрании отвергли мое изобретение и отрядили шпионов, чтобы украсть его у меня, я поклялся не возвращаться в Штаты. Но сейчас мне как воздух нужен чистокровный американец в качестве испытуемого. На испанцах и метисах лежит проклятье, и эксперимент не будет чистым, если я выберу кого-нибудь из них. Чистокровные индейцы — из настоящих потомков Крылатого Змея — священны и неприкосновенны, за исключением приносимых в жертву... но даже в этом случае необходимо соблюдать древние ритуалы. Так что мне никак не обойтись без белого американца. Разумеется, первый доброволец, которого я выберу, навеки войдет в историю. Вам известно его имя?

Звук его голоса могильной проповедью отразился в моих ушах. Все, что мне оставалось, — изо всех сил стараться оттянуть время.

— Ну, если это так важно, я подыщу для вас дюжину первоклассных экземпляров чистокровных янки, как только мы прибудем в Мехико-Сити. Я знаю места, которые прямо кишат ими и где их хватятся не раньше недели...

Властным движением руки он прервал меня; в его обращении сквозило неподдельное величие.

— Довольно шуток. Встаньте и держитесь прямо, как подобает мужчине. Я выбрал вас, и на том свете вы будете благодарить меня за оказанную вам честь. Эта жертва покроет вас неуваждаемой славой. Мой новый принцип... если бы не тысячелетний эксперимент природы, кто бы открыл его? Вы полагаете, что атом устроен так, как вас учили в школе? Глупец! Пройдут столетия, прежде чем какой-нибудь болван наткнется на мой принцип, но я не позволю миру ждать так долго!

Когда я встал по его приказу, он вытянул из саквояжа дополнительную порцию проводов и приблизился ко мне — проволочный шлем в вытянутых руках, выражение неподдельного восторга на загорелом, заросшем бородой

лице. На какую-то долю секунды он напомнил мне сияющее древнегреческое божество, однако это сходство не продержалось и секунды, стоило ему открыть рот.

— Хей, Адонай, Хейа! Жертвую тебе, о великий! Вино вселенной; нектар, рассыпанный среди звезд; Линос, Иакхус, Иалемус, Загреус, Дионисос, Атис, Гилас; из рода Аполлона, растерзанный псами Аргуса! Исчадие Псаматта, дитя греха, Эвоу! Эвоу!

Он снова запел, но на этот раз его повело глубоко вспять, к классическим воспоминаниям школьной юности. Послушно замерев посреди купе, я поднял глаза к потолку и над головой увидел свисающий шнур стоп-крана. Завывающий в экстазе гигант не обращал на меня никакого внимания, и я решил действовать. Неслаженно подхватив крик «Эвоу!», я в молельном жесте воздел руки к шнуру, надеясь ухватиться за него раньше, чем мой попутчик сообразит, в чем дело. Меня ждало серьезное разочарование. Гигант немедленно разгадал мои намерения и многозначительно сунул ладонь в карман, где лежал отобранный у меня револьвер. Слов не требовалось, и на короткое мгновение мы оба застыли, словно две деревянные статуэтки. Затем он спокойно произнес: «Поторопитесь!»

Мои мысли снова лихорадочно замесались, отыскивая возможные варианты бегства. На мексиканских поездах двери не запираются, однако, прежде чем я выскочу в коридор, мой попутчик сто раз успеет прикончить меня. К тому же скорость поезда такова, что даже успешный прыжок не принесет ничего, кроме увечий. Тянуть время — все, что оставалось мне. Большая часть пути проделана, и, как только мы прибудем в Мехико-Сити, полиция и проводники задержат безумца.

Пока же нельзя было позволять ему надеть мне на голову этот металлический колпак; не то чтобы я опасался, что аппарат заработает, нет, однако мне было хорошо известно, как ведут себя сумасшедшие, когда у них что-либо не выходит. В бездействии аппарата он вполне может обвинить меня, и тогда будет трудно предугадать последствия. Однако я мог попытаться предсказать поломку и таким образом расположить к себе гиганта, который увидит во мне пророка, колдуна или даже какое-нибудь мексиканское божество. При моем знании местной мифологии этот проект не следовало сбрасывать со счетов, хотя предпочтительными представлялись все же другие способы задержки вре-

мени. Интересно, за кого он примет меня, если поверит в пророчество? За Кетцалькоатля или Хайцилопочли? Если рассуждать трезво, пусть он считает меня хоть Девой Марией, только бы дотянуть до пяти утра, когда поезд прибывает в столицу.

Первой в дело пошла бородатая уловка с завещанием. Как только сумасшедший повторил свой приказ поторопливаться, я принялся рассказывать ему о своей семье, о предстоящей свадьбе — после чего, закончив, попросил еще несколько минут, чтобы оставить последние распоряжения относительно моего имущества. Если, заверил я своего попутчика, он одолжит мне немного бумаги и согласится отправить завещание по почте, я приму смерть со спокойной душой. После некоторого колебания он благоклонно кивнул и выудил из своего необъятного саквояжа блокнот, который торжественно вручил мне, когда я снова уселся на сиденье. Следующую заминку вызвала ма́стерская авария с острием карандаша, и гиганту пришлось снова опускаться в недра своего саквояжа. Ссудив меня новым прибором для письма, он забрал у меня поломанный и принялся сосредоточенно затачивать грифель большим ножом с костяной рукояткой, который извлек из-за пояса. Очевидно, что второй раз моя уловка вряд ли сработает.

Сейчас мне трудно припомнить, что я писал в блокноте. По большей части это были бессвязные фразы и отрывки из всплывавших в памяти книг, которые я тоже записывал, когда не знал, что придумать. Почерк превзошел мои самые смелые ожидания: строки сливались в жуткую кашу, в которой отчетливо проглядывались лишь отдельные буквы и слова. Разумеется, я отдавал себе отчет в том, что мой экзекутор может взглянуть на написанное, прежде чем начать эксперимент, и содрогался при мысли о том, что за этим последует. Поезд замедлил ход, и секунды стаей испуганных крыс поскакали по моей спине. В прошлом я только присвистывал, удивляясь резвому перестуку колес, однако сейчас их темп, казалось, упал до неторопливого поскрипывания похоронных дрог — моих похоронных дрог, мелькнула мрачная мысль.

Моей хитрости хватило на четыре страницы убористого текста; под конец сумасшедший достал часы и сообщил, что у меня осталось всего пять минут, не больше. Следовало что-то предпринимать дальше. Я лихорадочно дописывал последние строчки, когда мне в голову пришла по-

трясающая идея. Поставив размашистую подпись под своим сочинением, я протянул листки сумасшедшему великану, которые тот небрежно зачихнул в левый карман куртки, и напомнил ему о своих влиятельных друзьях в Сан-Франциско, которых могло бы заинтересовать его изобретение.

— Может быть, мне составить рекомендательное письмо для вас? — поинтересовался я. — Небольшой набросок и описание вашего экзекуционера гарантируют вам сердечный прием с их стороны. В их силах помочь вам добиться известности, и, само собой, они непременно примут ваш метод, если услышат о нем от кого-нибудь вроде меня — человека, которого хорошо знают и которому доверяют.

Неудовлетворенное тщеславие должно было клянуть на эту удочку, и действительно, великан немедленно заглотил крючок. Религиозная часть помешательства была отброшена, как половая тряпка; глаза безумца загорелись от нетерпения, хотя он и приказал мне поторапливаться. Из недр саквояжа появилась громоздкая коробка, полная стеклянных цилиндров и катушек индуктивности, к которым крепился провод от шлема, и в следующую минуту великан обрушил на меня кучу технических терминов, по большей части бессмысленных для моего слуха. Притворившись, что записываю все, что он говорит, я с любопытством разглядывал его батарею, спрашивая себя, действительно ли она работает? Незнакомец, по-видимому, и вправду был инженером. Описание собственного детища доставило ему настоящее удовольствие; его порывистость исчезла, движения стали более спокойными. Серый рассвет забрезжил за окном, и я физически почувствовал, как с каждым его словом мои шансы становятся все более осязаемыми.

Однако он тоже заметил рассвет и снова свирепо нахмурился. Для меня его недовольство могло означать только гибель. Когда он с решительным видом поднялся, отложив батарею на сиденье рядом с саквояжем, я напомнил ему, что еще не успел сделать набросок, и попросил поддержать шлем в руках, чтобы мне было удобнее зарисовывать. Гигант заворчал, но уступил и сел, не переставая предупреждать, чтобы я поторапливался. Следующей задержкой был мой вопрос: как ведет себя жертва во время казни и как преодолевается ее сопротивление?

— Преступника крепко привязывают к столбу, —

отвечал он.— Сколько бы он ни мотал головой, шлем плотно прилегает к вискам и затылку; проволока даже сжимается, когда по ней пропускают ток. Для регулировки уровня мощности в приборе есть реостат: здесь предельный уровень, видите?

За окном замелькали вспаханные поля и одинокие домики. Мы подъезжали к столице. В этот момент меня осенила новая идея.

— Извините,— я виновато улыбнулся,— но чтобы рисунок получился, мне необходима модель. Вы не могли бы на пару минут надеть шлем, чтобы мне было легче зарисовать его? Газеты и официальные круги непременно захотят узнать, как он выглядит. В подобных делах требуется завершенность, поверьте моему слову.

Сам того не подозревая, я произвел более удачный выстрел, чем предполагал. При упоминании прессы у великана снова загорелись глаза.

— Газеты? Да... Черт бы их побрал, на этот раз им придется выслушать меня! Пока они только смеялись и не печатали ни слова о моем приборе. Я им... Ну же, за дело! Нам нельзя терять ни секунды! — Он возбужденно потер руки.— Черт побери, они напечатают этот рисунок! Я проверю, чтобы вы не допустили ошибок. Когда полиция обнаружит ваш труп и они узнают, как это работает... Отчеты в прессе, ваше рекомендательное письмо... да, это путь к славе... Ну, поторапливайтесь! Живее, я говорю!

Поезд сильно потряхивало на стыках разбитой пригородной колеи, и нас обоих немилосердно швыряло из стороны в сторону. Под этим предлогом я еще раз сломал карандаш, но сумасшедший тут же протянул мне мой собственный, уже очиненный. Запас хитростей неумолимо иссякал, и нужно было придумать нечто особенное, чтобы остановить план безумца. До конечной станции оставалось добрых четверть часа. По моим расчетам, настало самое время воззвать к религиозным чувствам моего попутчика.

Собрав в памяти все когда-либо слышанное по ацтекской мифологии, я резко отбросил карандаш с бумагой и запел.

— Йа! Йа! Тлоквенахвакв! О, Сотворивший Землю, и Ты, Ипалнемоан! Именем твоим! Я слышу тебя! Слышу! Я вижу тебя! Вижу! Пернатый Змей, Хейа! Яви мне известие! Хайцилопочли, раскаты твоих громов вошли в мое сердце!

Гигант недоверчиво покосился на меня: недоуменное выражение его лица быстро сменилось тревогой. Какой-то момент в его глазах царил абсолютный мрак; казалось, он погрузился в протрацию. Двигаясь словно сомнамбула, он со вздохом воздел руки, и купе огласилось ответными криками.

— Миктлантекутли! Властитель, дай знак! Знак из черных глубин! Йа! Тонатгух-Мецтли! Туле! Приказывай своему рабу!

Во всей этой бессвязной белиберде меня поразило одно слово. По моим понятиям, оно не имело ни малейшего отношения к мексиканской мифологии, и те, кто имел неосторожность услышать его, передавали его не иначе как благоговейным шепотом. По всей видимости, это слово составляло часть какого-то древнего и давно забытого ритуала. Рассказы о нем были в ходу у горных племен индейцев; вероятно, мой попутчик и в самом деле проводил среди них много времени, ибо это слово невозможно узнать из книг. Догадываясь о смысле, который он вкладывал в это древнее эзотерическое заклинание, я решил отвечать так, как обычно отвечают местные жители, и таким образом обезоружить его.

— Йа-Эл'е! Йа-Эл'е! — закричал я. — Туле фави! Нигротт-Йиг! Йог-Сототль...

Мне не удалось закончить. Впавший в религиозный экстаз безумец, очевидно, не ожидал правильного ответа. При звуках моего голоса он рухнул на колени и принялся отбивать поклоны закрытой двери, словно верховному божеству. В уголках его рта выступила пена, самоуглубление росло с каждым выдохом, а с губ в нарастающей последовательности слетало одно слово: «Смерть, смерть, смерть». Кажется, я перестарался, и мой ответ высвободил гибельную энергию, дремавшую в мозгу безумца.

Бормоча заклинания, он истово мотал головой, не обращая внимания на провод, прикрепленный к шлему. Каждое движение неумолимо подтягивало батарею к краю кресла. Впав в исступление, безумец начал раскачиваться и с мычанием вращать головой; шнур постепенно наматывался ему на шею — мне даже стало интересно, что он предпримет, когда батарея упадет на пол и разобьется.

Развязка наступила неожиданно. Батарея, сдернутая с сиденья яростным взмахом руки молящегося, действительно упала на пол; но вопреки моим предположениям не

рассыпалась на составные части. Основная тяжесть удара прилась на рычаг реостата, который стремительно переместился к максимальной отметке. Но поразительным было не это... Прибор работал!

Ослепительно голубая аура искр осыпала голову безумца; стекло зазвенело от гортанного завывания — более жуткого, чем все предыдущие вопли; по купе пополз тошнотворный запах паленого мяса. Этого я не мог вынести и провалился в глубокий обморок.

Когда проводник в Мехико-Сити привел меня в чувство, я обнаружил толпу зевак, собравшихся на площадке перед дверью купе. Мой произвольный крик вызвал новую волну интереса на их лицах, и мне доставило удовольствие наблюдать, как их бесцеремонно расталкивает полисмен, приведший врача. Между тем мой крик был вполне объясним, так как, повернув голову, я ничего не увидел на полу.

Проводник утверждал, что открыл дверь и нашел меня лежащим без сознания. На весь вагон был продан только один билет, и всю дорогу от Куэтаро я ехал в полном одиночестве. Только я и мой багаж, больше ничего. Кто-то из зрителей выразительно покрутил у виска пальцем в ответ на мои настойчивые вопросы.

Неужели поездка отняла столько сил, что мне начали сниться подобные кошмары? Я поежился от этой мысли. Поблагодарив проводника и доктора, я протолкался через толпу зевак и побрел на стоянку такси; за щедрые чаевые портье в «Фонда Насьональ» отбил телеграмму Джексону, а я поднялся в свой номер и проспал до обеда, наказав разбудить меня в час, чтобы успеть на узкоколейку к копиям. По пробуждении меня ожидала телеграмма, подсунутая под дверь: Джексон сообщал, что этим утром Фелдон был найден в горах мертвым; новость достигла шахты в десять часов. Бумаги оказались в сохранности, о чем немедленно проинформировали офис компании в Сан-Франциско. Итак, все переезды, спешка и нервы оказались потрачены впустую!

Понимая, что при любом повороте событий Мак-Комб все равно будет ждать персонального отчета о деле, я послал предупредительную телеграмму Джексону и занял жесткую скамью в поезде, идущем в сторону рудных приисков. Четыре часа спустя я дотрясся до платформы

шахты номер три, где меня с дружеским рукопожатием ждал сам управляющий. Происшествие на шахте так взволновало его, что он даже не обратил внимания на мой изможденный вид.

История управляющего была короткой, и он пересказал мне ее по дороге к затерявшейся среди терриконов хижине, где лежало тело Фелдона. По его словам, с тех пор как год назад на шахте появился Фелдон, этот малый не отличался особой общительностью — скорее наоборот: постоянно возился в лаборатории с каким-то таинственным прибором, жаловался на шпионов и был до неприличного дружен с местными наемными рабочими. Хотя следует отдать ему должное, он хорошо знал свое дело, знал страну и ее людей. Часто надолго уходил в горы к индейцам и даже принимал участие в их древних языческих обрядах; вел разговоры о подземных богах и потусторонних силах, а также часто похвалялся своими необыкновенными познаниями в механике. Последнее время Фелдон стремительно деградировал: стал болезненно подозрителен, почти не вылезал из своей берлоги и в конце концов решил присоединиться к своим проворовавшимся друзьям — видимо, когда иссякла его собственная доля. Для каких-то загадочных целей ему все время требовалось невероятное количество денег; круглый год ему доставляли заказные бандероли из различных лабораторий и мастерских в Мехико или Штатах.

Что касается его бегства с ценными бумагами — это не что иное, как месть сумасшедшего за порожденную его воспаленной фантазией «слежку». Только безумец мог прятаться с кучей денег в пещере на Богом забытых склонах Сьерра-де-Малинчи. Пещера, которую никогда бы не обнаружили, если бы не случай, изобиловала древними ацтекскими идолами; на алтарях перед ними лежали обугленные кости сомнительного происхождения. От местных индейцев ничего не добиться; естественно, все как один клянутся, что им ничего не известно. Однако с первого взгляда ясно, что пещера долгие годы служила местом их сборищ, и Фелдон отправлял их обряды наравне с ними.

Поисковая группа нашла это место благодаря песнопению и крикам, доносившимся из пещеры. Было пять утра, и они собирались сниматься со стоянки, когда кто-то услышал отдаленные выкрики со стороны вытянувшейся

словно труп горы. Незнакомый голос призывал древние имена — Миктлантекутли, Тонаттук-Мецтли, Туле, Йа-Эл'е и другие, — однако самым странным были английские слова, перемежавшие их. Настоящие английские слова, безо всякого индейского акцента. Двигаясь на звук, поисковая группа пробиралась вдоль склона, когда после недолгого молчания из пещеры раздался дикий вопль, вслед за которым над спутанными ветвями в одном месте показался дым, и ветер донес едкий, неприятный запах.

Когда они нашли вход, вся пещера была окутана дымом. Внутренность освещали плоски с жиром; перед алтарями кощунственно догорали свечи. Но самым жутким был труп, раскинувшийся на полу. Это был Фелдон, с головой, прожженной до кости каким-то странным прибором, который он надел на себя. Что-то вроде сетчатой маски, подсоединенной к разбитой батарее, которая, по всей видимости, свалилась с ближайшего алтаря. При виде этой сцены всем поневоле вспомнились хвастливые заявления бедняги об изобретенном им «электрическом палаче»; по его словам, кто-то охотился и хотел стащить чертежи этой пакости. Бумаги нашлись в целости в открытом саквояже Фелдона, который стоял рядом, и через час поисковая команда отправилась в обратный путь к шахте с жутковатой ношей на импровизированных носилках.

Это было все, но этого оказалось достаточно, чтобы кровь отхлынула у меня от лица, а ноги начали предательски подкашиваться, пока Джексон вел меня мимо терриконов к хижине с телом. Даже не обладая богатым воображением, можно было представить, что ожидает меня за зияющим дверным проемом, вокруг которого столпились любопытные рудокопы. На моем лице не дрогнул ни один мускул, когда в сумеречном освещении я различил гигантские очертания трупа на столе, грубый вельветовый костюм, странно изящные руки, пряди опаленной бороды и дьявольскую машину — поврежденную батарею и шлем, почерневший от сильного напряжения. Большой потрепанный саквояж тоже не удивил меня, и я перевел взгляд на сложенные листы бумаги, выглядывавшие из левого кармана вельветовой куртки Фелдона. Улучив момент, когда никто не смотрел в мою сторону, я наклонился и схватил их, тотчас же скомкав в ладони. Теперь можно

лишь сожалеть о том послешоковом приступе страха, который побудил меня сжечь эти листки в тот же вечер. Их содержание могло бы пролить свет на загадку, которая терзает меня и по сей день. Хотя... для этого достаточно было взглянуть на револьвер, который патологоанатом вытащил из правого кармана куртки Фелдона. У меня не хватило мужества спросить об этом... Мой револьвер пропал после той ночи в поезде. Карандаш, который я тщательно заострил по дороге в президентском вагоне, оказался сточен и изрезан ножом почти до основания.

Путешествие закончилось, и я вернулся домой. Вагон починили, когда я добрался до Куэтаро, однако безмерно большую радость мне доставил вид американских пограничных столбов, установленных на родном берегу Рио-Гранде. В следующую пятницу я снова был в Сан-Франциско, и отложенная свадьба состоялась на следующей же неделе.

Что в действительности произошло в ту ночь, я не решаюсь предположить. Этот малый, Фелдон, был ненормальным с самого рождения, но вдобавок к тому по самые брови нагрузился доисторическими ацтекскими преданиями, которые мало кто из нормальных людей отваживается изучать. Вероятно, он и в самом деле был гениальным изобретателем, ведь я своими глазами видел, как работает его батарея. Позднее я узнал о том, какие разочарования поджидали его, когда он пытался протолкнуть свое творение. Слишком крупные неудачи дурно влияют на людей определенного склада. Фелдон принадлежал именно к этому типу. Кстати, он действительно служил солдатом в армии Максимилиана.

Когда я рассказываю эту историю, мне мало кто верит. Некоторые из моих слушателей относят ее к области паранормальной психологии — видит Бог, в ту ночь у меня и вправду пошаливали нервы,— тогда как другие толкуют что-то туманное об «астральной проекции».

Мое желание найти Фелдона естественным образом отправило навстречу ему некий мысленный импульс; при отличающем его знании древних индейских ритуалов, он был единственным человеком на планете, который мог его уловить.

Перенесся ли он в железнодорожный вагон, или я был

перенесен в горную пещеру? И что бы произошло, не помешай я ему?

Честно признаюсь: не знаю и не уверен, что хочу это знать.

С тех пор я ни разу не побывал в Мексике, и, как я уже сказал в самом начале, мне малоприятны разговоры об электрическом стуле.

Страшные случаи Герберта ван Тала

НЕПРОЩЕННАЯ

Личинка лениво отвалилась от сухих коричневых губ и скатилась на гниющую щеку. Увядавшие листья покрывали тело. Безжизненные руки покоились на животе. Тусклые пряди закрывали лоб. Мертвые глаза скрывались под увядшими веками.

При жизни она была очень красивой... Но это было три недели назад.

Она больше не была красивой. Ее тело стало частью ландшафта; расщелина среди черных скал и густой кустарник скрывали его от солнца. Зеленоватый налет ила, оставшийся на камнях с прошлогоднего паводка, предвещал время, когда мутные воды реки поднимут и унесут ее тело со скал. Но реки не было... Стояло жаркое, изнуряющее лето. Темные лужи, разбросанные по речному руслу, деревья на берегу — все замерло, неподвижное, как тело. Однако внутри трупа уже теплилась жизнь: паразиты терзали его, извиваясь в разлагающейся плоти.

Отец считал ее отвратительной, испорченной девчонкой. Бедно одетая и безнравственная... Отец не мог ошибаться, характер действительно портил ей жизнь. После частых нравоучений она убегала в церковь, взбиралась на колокольню и просиживала там до тех пор, пока мысли не принимали обычное течение.

• • •

Преподобный Льюис Александр Роуз положил черную шляпу с вложенными вовнутрь перчатками на сервант и посмотрел на дочь. Три минуты спустя он все еще смотрел на нее, барабанив подушечками тонких пальцев по острому носу. Тонкие волосы паутиной рассыпались по пергаментной коже, покрытой бледно-коричневыми пятнами.

Преподобный Льюис Александр Роуз в который раз сказал ей, что она отвратительная, испорченная, безнравственная девчонка.

— Шлюха,— сказал он.

Позвонили к чаю; вместе с двумя братьями она проскользнула в столовую; во время чтения молитвы сидела тихо и прямо...

Подали яичницу с ветчиной, украшенную изумрудными листьями салата; серебряные ножи тускло мерцали подле бледно-голубых тарелок на ослепительно белой ска-терти.

Воскресное чаепитие продолжалось более часа. Преподобный Льюис Александр Роуз улыбался и шутил со своими домочадцами, временами заливаясь громким смехом и пощелкивая себя по носу.

Он был добрым, веселым человеком.

Девочка сидела справа от него, внимательно прислушиваясь к его замечаниям, но он не замечал ее, совсем не замечал. Не заговаривал с ней и не слушал, когда она пыталась вставить хоть слово.

Постепенно застольная беседа пошла на убыль. Девочка поднялась, собрала посуду и вслед за матерью вышла на кухню.

Мать не осмеливалась разговаривать с ней. Дочь искренне жалела ее, потому что та жила в постоянном страхе. Скромная, славная женщина, Эми Роуз равно отзывалась на гнев и благоволение мужа. Не поднимая глаз, она старательно мыла посуду; это был лучший семейный сервис. В ее голове роились мысли о недостойной дочери и о муже: обоих она любила одинаково сильно.

Пришло время идти в гостиную. Следом за матерью девочка покорно поднялась по скрипучим ступенькам, покрытым коричневой дорожкой; руки привычно скользили по полированной поверхности перил. Вот и массивные стенные часы, когда-то принадлежавшие дедушке: они сурово глянули на нее с высоты.

В гостиной было душно, и девочка устроилась возле раскрытого окна.

Отец монотонным голосом принялся читать псалтырь. Это усыпляло ее. Чтобы не задремать, она переглядывалась с маленькими братьями, примостившимися по краям дивана. Улыбалась им, но братья не осмеливались отвечать ей в присутствии отца.

В три часа утра преподобный Льюис Александр Роуз затворил двери своего кабинета и поднялся по лестнице в ванную комнату. Из белого шкафчика достал бритву с перламутровой ручкой и опробовал большим пальцем длинное лезвие, хищно отблескивавшее в мерцании газового рожка. Слегка порезался и с наслаждением прислушался к своей боли, наблюдая, как тонкая струйка крови стекает по ладони.

Промыв и перевязав ранку, он тщательно вытер лезвие и убрал бритву в футляр, который спрятал в складках своей черной сутаны. Затем спустился по лестнице в кабинет, где его ожидала дочь со шляпой в руках. Вдвоем они вышли из дома и двинулись вверх по центральной улице. В чистом ночном небе ярко светила луна, ласково шелестело море; девочка старалась шагать в ногу с отцом.

Остроконечный силуэт церкви призрачно белел на фоне темных холмов, поросших чахлыми деревьями. Под ногами идущих прошуршала галька; остановившись перед тяжелой дубовой дверью, отец замешкался, звеня ключами.

Внутри было темно и гулко, и, пока отец зажигал газовые светильники, девочка неподвижно стояла в проходе между скамьями, сжимая в руках молитвенник. Закончив с освещением, преподобный отец усадил дочь на каменную скамью, сбросил плащ и поднялся на кафедру.

Его согбенная фигура зловеще высилась в полумраке церкви, пронзительный взгляд бледно-голубых глаз был устремлен на ряды пустых скамей, поверх головы бедной девочки. Он заговорил...

Его проповеди были привычны с детства, до боли знакомы жесты и вкрадчивый тон увещаний. Постепенно его голос, обращавшийся в пустоту, становился тверже, усиливался, рос — и вот уже падал громогласным эхом с отсыревших стен. Девочка со страхом заметила, как дрожат ее руки, сжимающие молитвенник.

Неожиданно внимание отца обратилось к ней: его лицо болезненно исказилось, руки сжались в кулаки и загрохотали по кафедре.

«Папа сошел с ума», — подумала девочка и тут же отогнала прочь эту мысль.

Отец воззрился на нее сверху вниз, бледную, сжав-

шуюся от страха. Белая блузка мерцала, выглядывая из-под темной шали, а ее глаза... ее глаза соблазняли его!

Внезапно он замолчал.

Проклятое зло навечно поселилось в ней, и его не изгнать проповедями. Преподобный Льюис Александр Роуз опустил голову и вознес горячую молитву своему Богу. Не поднимая головы, услышал, как дочь встала со скамьи. Легкие шаги прошелестели по проходу, маленькое плечо робко толкнуло запертую дверь.

Отец медленно поднял голову и пристально посмотрел на дочь. Жалкая и беспомощная, она замерла у входной двери.

— Шлюха,— сказал он. И медленно спустился с кафедры, поднял со скамьи плащ, надел его и двинулся по тускло освещенному проходу.

Дочь ждала его возле двери. На краткий миг ладонь отца опустилась на ее плечо, прикоснулась к щеке, легко пробежала по волосам. Следом за тем цепкие пальцы сомкнулись на ее запястье, длинные ногти впились в кожу.

— Папа, мне больно.

Он освободил запястье:

— Ты не должна бояться своего отца.

Он отомкнул дверь, и они вышли в предутренний сумрак. Белые надгробия, словно гнилые зубы, просвечивали сквозь высохшие траурные венки, когда они миновали ограду церковного кладбища.

Каменистая тропка вывела их к картофельному полю, вдали за рощей виднелась узкая полоска реки. Отец подталкивал девочку перед собой. Он был хорошим человеком, и она старалась не бояться его. Папа любит ее, и Господь оградит его от дурных мыслей. Она повторяла эти слова про себя с каждым вздохом как молитву.

Но даже если это не так, кто станет убежать от родного отца?

Черные ботинки отца утопали в раскисшей земле, во впалой груди клокотало хриплое дыхание, пальцы судорожно сжимали в кармане перламутровую рукоятку бритвы.

Страх смерти завладел маленьким телом девочки, но кричать, взывать о помощи было уже поздно. Они отошли слишком далеко от деревни.

Подхватив подол платья, девочка побежала по рыхлой земле к кромке поля, где виднелась спасительная рощица.

Продираясь сквозь невысокие деревца, она изо всех сил избегала по склону холма и только сейчас с трагической ясностью осознала, что убегает все дальше от помощи, которая могла бы спасти ее в деревне. Тяжелое дыхание отца прибижалось за ее спиной.

Неожиданно подъем кончился; склон холма оборвался черными скалами, уступом сбегавшими к пересохшему руслу реки. Неверный шаг, и девочка упала, скатываясь вниз в грохоте обваливающейся гальки. Господь не допустит дурного и оградит ее...

Преподобный Льюис Александр Роуз стоял на краю обрыва и смотрел на дочь: ее тело лежало в неглубокой расщелине, присыпанное камнями. Осторожно, опасаясь потерять равновесие, он спустился вниз. Вынув из кармана носовой платок, смочил его в мелкой лужице и принялся заботливо обмывать лицо дочери. Пальцы нежно касались кожи, вода холодила и освежала.

Внезапно дрожь пробежала по его телу, рука судорожно отдернулась, взметнулась, когда заскользили ноги, увязшие в полуистлевших листьях.

Преподобный Льюис Александр Роуз выпрямился. В который раз он угадал дьявольский искус в темных глазах своей дочери.

Отвратительная, испорченная, безнравственная, гадкая. Достав бритву с перламутровой ручкой, он раскрыл лезвие. Луч восходящего солнца блеснул на отточенной стали.

— Нет,— прошептала дочь, перехватывая его руку. Господь не допустит... Он оградит ее...

— Шлюха,— промолвил отец.

Девочка взяла бритву и осторожно прижала ее к горлу.

— Шлюха,— повторил отец.

Быстрым взмахом руки она перерезала себе горло.

ДАЙ МНЕ ТВОЮ ХОЛОДНУЮ РУКУ

При изматывающей неподвижности и оцепенении самое трудное — ждать. Особенно глядя, как лопата за лопатой земля выбрасывается из открытой ямы и каждый копок углубляет сырую, сочащуюся почву. Когда же достанут тело? Лежит ли оно там вообще? Быть может, им хватит того, что распростерлось, укрытое брезентом, возле края могилы? Они так обливаются потом, эти полицейские черехаи, что им не позавидуешь!

Как не позавидуешь мне. Или Джорджу. Он стоит рядом, прикованный наручниками к моему левому запястью, и настолько возбужден, что, кажется, готов сделать кой-чего в собственные штаны. Его глаза с выкаченными белками сверкают, могучие плечи сведены; вздувшиеся, похожие на веревки мускулы выдают крайнее напряжение. Руки, в каждой из которых может легко уместиться моя и еще одна треть такой же (а я далеко не карлик!), конвульсивно вздымаются и опадают, как будто он хочет помочь землекопам в их тяжелой работе. Борода блестит каплями дождя; как давно он не брился, наверное, с тех пор, как начал слышать несуществующие голоса? Борода, гигантское тело и интеллект ребенка. Что, кроме глупости, связывает с ним меня — когда-то преподавателя гимнастики в монрейнской школе, а ныне просто дурака по имени Тони Нельсон.

Пожалуй, только осел мог позволить втянуть себя в подобную историю! Нельзя было так долго оставаться с Анитой, тем более после того, как стало ясно, что с головой у нее только внешне порядок. А теперь не остается ничего другого, как стоять среди своры топчущихся полицейских, поживаясь в клубах утреннего тумана, который движется с Тихоокеанского побережья, и глядеть, не выкопают ли второй труп в дополнение к тому, что уже лежит на сыром песке.

Анита кому угодно могла вскружить голову, и нет ничего удивительного в том, что она вскружила ее мне. Непростительно то, что я остался с ней, уже зная о ее странностях.

Теперь трудно поверить, что мы познакомились всего пару месяцев назад, на Серебряном пляже, что в сотне миль к югу от Сан-Франциско. Знакомство произошло, как ни странно, вблизи другой могилы, только-только отмеченной дыханием смерти. Лохматый бродяга выкопал в песчаном грунте временное пристанище от заморозков. К несчастью, он решил забраться в него, когда рядом никого не было, и убежище стало ему усыпальницей: он задохнулся под осыпавшимися стенами.

В тот раз я был среди тех, кто пытался извлечь тело из песка; Анита же находилась в группе зрителей. Я сразу обратил внимание на нее: на тело и выражение лица этой женщины. Высокого роста, стройная, дышащая здоровьем, она не могла никого оставить равнодушным. В ее взгляде сквозило нечто, что заставляло меня оборачиваться снова и снова: среди сочувствующих зрителей она одна позволяла себе тонкую усмешку.

Тогда я не поверил своим глазам. Улыбаться в такой момент? Как мало я знал о ней!

Тело бродяги унесли с пляжа, и зрители начали расходиться, перешептываясь, как будто боясь, что Смерть может застать их за не приличными случая разговорами. Анита осталась.

— Глупая смерть,— беспечно бросила она с легким скандинавским акцентом.— Закончить жизнь в грязи и песке, забившемся в глаза, в уши... Вы обратили внимание на его руки?

Тогда-то я и наткнулся глазами на спицу... Хотя нет, скорее, огромную иглу. Поблескивая в солнечных лучах, она выступала из лямки купальника, как раз над нежным полукружьем груди. Рука Аниты, как я заметил, беспрестанно возвращалась к этому притаенному жалю, как будто она хотела смочить палец в яде прячущейся там змеи или же дотрагивалась до сокровеннейших глубин своего собственного существа.

Мы отправились с Анитой домой тем же вечером. Несколько дней пролетели, как одно мгновение. Какой философ объяснит, что побуждает женщину желать того или иного мужчину? Почему именно между ними возникает близость? Какая здесь комбинация причин и следствий?

Неважно. Это случилось, и мы стали любовниками. Она была шведка, белокожая, с потрясающей фигурой и глазами, затмевающими голубизной океан. Рядом с ней я тонул в этих глазах. Она приехала из Швеции четыре года тому назад; среди ее знакомых были блондины, но я, черноволосый и темноглазый, с загорелой кожей, напоминал ей бывшего мужа — Крафта. Наверно, поэтому она и выбрала меня. Была ли это единственная причина? «Нет, конечно же нет», — твердил я себе неоднократно впоследствии, но с Анитой я ни в чем не был уверен до конца!

С ее мужем нас сближало еще одно: большие руки. Двадцать лет усердных занятий баскетболом, сперва в университетской команде, потом в должности штатного тренера, сформировали мои конечности, превратив их в должного размера лапищи. «Хорошо, когда сильные руки ласкают меня», — сказала Анита в первый же вечер, глядя их ароматными ладошками. — Крафт бил меня такими руками».

А потом оставил... Уехал в Сан-Франциско. И с тех пор больше не появлялся. Их весьма относительное семейное счастье тянулось немногим более года. Больше о нем не было даже слухов. По-видимому, он умер. И это ее не очень печалило. Он был подонок, бесчеловечный негодяй с роскошным домом на Пebbл-Бич. Своими руками-кувалами он избивал ее, если верить признаниям Аниты.

Каким бы странным ни казалось подобное сходство, я уверен, что Крафт обладал огромными руками. На свадебной фотографии он выглядел маленьким рядом с крупной Анитой, но его руки были подлинными булавы! Диспропорциональные по отношению ко всему телу, они поражали своей величиной. В одном из этих чудищ он держал крохотную ручку своей смущенной жены.

Рассматривая свадебные фотографии, я много позже заметил скрытую в глубине кадра спицу; к тому времени я уже начал догадываться о зловещем смысле последней. Спица! Та же спица, что в ее купальном костюме в день нашего знакомства на Серебряном пляже.

— Зачем тебе она? — шуточно возмутился я, целуя Аниту и уколовшись слегка об острие.

Она пожала своими восхитительными плечами и одарила меня одной из ослепительнейших улыбок: «Почему бы и нет!» — и этого было бы достаточно, клянусь, для любого мужчины в окрестностях Пebbл-Бич!

Однако, задав этот вопрос, я впервые в жизни заметил в ее глазах поднимающееся отчуждение, словно тихоокеанский туман, выползающий на берег темным вечером. И по мере того как я узнавал ее ближе (если это возможно с такой женщиной, как Анита), я все чаще замечал это новое для меня чувство: отчуждение от всего, от всех предметов, кроме своих неизведанных мыслей. Ей ничего не стоило внезапно замолкнуть, оборвав на полуслове начатую беседу, воспарив среди собственных грез и оставив в недоумении собеседника. Даже в постели, после любовного безумия, она порой отключалась от всего окружающего и оставляла меня наедине с моими мыслями. Однажды она буквально умерла в моих объятиях... Сжимая ее внезапно похолодевшее тело, я едва не лишился рассудка...

Ненависть... Ее я почувствовал в глазах Джорджа с самого начала наших отношений с Анитой. Потом мы стали приятелями, но в тот день, когда мы приехали в ее роскошной машине, я заметил откровенную неприязнь и даже недобрый огонек в глазах садовника. Может быть, бывший любовник? Нет, едва ли. Однако какой жгучей ненавистью он обдал меня, распахивая ворота для сверкающего хромом «кадиллака», когда мы въезжали во двор виллы на Пембл-Бич! Детское возмущение звучало в его голосе даже во время церемонии знакомства, и Анита это заметила.

Косматый бородач довольствовался маленькой хижинной позиди дома — отдаленным подобием гостевого домика. Трудно разобрать, было ли ему двадцать или же сорок лет; внешне он сильно напоминал дрессированную гориллу, сбежавшую из цирка. Его речь состояла из невнятных восклицаний и всхлипываний, изредка перемежаемых смехом. Анита наняла его за несколько месяцев до исчезновения мужа. По ее словам, муж и Джордж всегда недолюбливали друг друга. Крафт обращался с ним, как с чумазым мальчишкой, чистильщиком обуви; одно время хотел выгнать, но вступилась Анита, и мужу ничего не оставалось, как уступить. «Я подобрала его на рыбных промыслах в Монтрё,— вспоминала Анита,— вытащила из грязи, и пусть он останется со мной. Ведь у него такие фантастические руки!» Глаза ее светились при этих словах, и мне становилось не по себе от этого света. «С такими большими руками он справится с любой работой по дому».

Руки. Мои, Джорджа, Крафта. Анита, казалось, черпала из них какую-то чудесную энергию. До последних

дней я и не подозревал, насколько это было важно для нее. Впрочем, тут нечему удивляться. Главная причина, почему мы стали любовниками, заключалась именно в моих руках!

Ее дом был под стать им — большой и вместительный. Выстроенный из камня, отгороженный высокой оградой от мира, он напоминал замок, внутренность которого окаменела в роскоши старого убранства. Эксцентричные треугольные башенки по краям крыши; подобие рва; окованные железом ворота — все это выглядело странно среди многоэтажных громад двадцатого века. Ветер стонал в кронах гигантских сосен и кипарисов, обступивших каменные стены, однако шум их стихал на стороне, обращенной к пляжу. Внутри здание украшали темные потолки, каменные стены и каминные почти в каждой комнате. По ночам в просторной зале на мерцающей стали древних доспехов отражался каминный огонь и витали призраки ушедших эпох.

После нежных объятий Анита брала мои руки и прижимала к груди. «Твои руки сильны, как волны,— шептала она.— Отдай мне их силу!»

Но однажды, выпустив из своих мои руки, она пробормотала: «Даже волны умирают» — и потянулась за иглой, лежащей на туалетном столике.

Она и ночью не расставалась с ней. Это злило меня. Сидя в лунном блеске, обнаженная Анита вдруг напоминала мне своей кожей блеск иглы. Все увещевания убрать иглу куда-нибудь подальше были безрезультатны: «Нет, я не могу без нее». Тогда это казалось странным. Теперь уже ничего нельзя изменить.

Анита. Игла. Джордж. Руки. Заколдованный круг. Если б я сумел раньше выбраться из него! Стоя рядом с Джорджем, я наблюдаю за работой взмыленных полицейских. И не чувствую ничего, кроме горечи утраты: сначала Крафт и Анита, теперь Джордж и я. Не знаю, найдут ли они кого на дне этой ямы, но разве это меняет дело? Один мертвец уже лежит у моих ног...

Однажды ночью я почувствовал страх. Постепенный, подавляемый моей страстью к Аните, он подкрался ко мне во время одной из вечерних прогулок. Я направлялся к машине, оставленной во дворе, когда стоны Джорджа прорезали темноту за домом. Услышав мои шаги, он затих, сгорбившись на земле неподалеку от недавно разбитого цветника. На коленях у него лежал Сакс, борзая Аниты. На мое

приближение Джордж не реагировал. Его голова, похожая на кочан капусты, покоилась на тяжело вздымавшейся груди, и над всем этим царило полное молчание.

— Плохо, старина? — спросил я растерянно. — Может быть, позвать Аниту?

— Нет! — захрипел он с натугой. — Я не люблю ее. Она нехорошая.

Дрожа от возбуждения, он суетливо погладил голову Сакса своей громадной ручищей, на добрую треть больше, чем моя рука. Собака ответила взмахом хвоста.

— Она велела сделать плохое...

Тогда эти слова проскользнули мимо моих ушей. Они были типичны — детские жалобы, беспричинные обиды. Однажды, по словам Джорджа, Анита бегала за ним со спицей по дому. Тогда я не поверил ему. Мало ли что мог рассказать Джордж.

— Отправляйся-ка спать, дружище. Простудишься.

— Я слушаю, — его голос помрачнел.

Из глупого любопытства я поинтересовался, что именно он слушает, и это было началом моего страха.

— Голос мистера Крафта. Он разговаривает со мной каждую ночь, — нехотя отвечал Джордж, по-детски отводя глаза и продолжая поглаживать собаку.

— Крафта нет, — напомнил я ему.

Бедняга затряс головой:

— Это он, он... Я слышу его. Как вас... Он разговаривает со мной... Да, мистер Крафт...

Всю последующую неделю я не видел во дворе Сакса. На мой вопрос, что с ним случилось, Анита ответила, что собака подохла. Только три недели спустя, в порыве откровенности, Джордж признался, что в тот вечер убил собаку по приказу хозяйки и похоронил в маленьком цветнике возле ограды. Это и было то «плохое», о чем он так сокрушался в ту ночь.

В тот момент меня уколола маленькая иголочка страха, в дальнейшем переросшая в более глубокое чувство.

— Чем тебе помешал Сакс? — спросил я у Аниты, рассерженный.

Она пожала плечами:

— Собака состарилась. Что толку держать ее в доме? Вдобавок она напоминала мне о Крафте.

Ее рука метнулась к иголке в платье; голос зазвенел на высокой ноте:

— Я не могу вынести никаких воспоминаний о Крафте, не мучь меня!

А между тем страх в образе Джорджа уже поджидал меня за домом. В один из таких вечеров мне пришлось испытать настоящий ужас. Анита и я вернулись с театрального представления. Выход был неудачным, и мы едва не поссорились; не разговаривали до самого дома... Уже в спальне я примирительно тронул ее за плечо — и отшатнулся, потрясенный неожиданным воплем.

— Крафт! Не надо! — кричала, извиваясь, Анита. Через миг она ослабела.

— Крафт... Мне показалось, что он снова вернулся, — извиняющимся тоном сказала она потом.

— Почему?

— Руки. Я на мгновение подумала, что это его руки.

— Но мои, наверное, поменьше?

— Да, но они такие же сильные! Дай твою руку. Нет, обе! — И она обняла их, прижала к груди, в течение часа согреваясь и согревая их своим телом.

Однажды Джордж буквально поймал меня, когда я вышел в сад. Положив мне на плечо свою громадную ручищу, он поволок меня на прежнее место.

— Мистер Крафт хочет поговорить с вами! — пробормотал он прерывающимся от волнения шепотом.

Не обращая внимания на мои протесты, он притащил меня, как мешок с мукой, к тому самому цветнику, где был похоронен несчастный Сакс.

— Он велел мне привести вас сюда. Не вырывайтесь.

— Джордж, мне пора идти!

— Мистер Крафт разговаривает со мной, слышите? Каждую ночь. Он просит меня помочь. Послушайте!

— Ради бога, Джордж, никого здесь нет! Оставь меня в покое!

Кочанная голова принялась покачиваться из стороны в сторону: «Да, это он... Я привел его, мистер Крафт!.. Да, искал... Это тот человек, мистер Крафт...»

Кроме Джорджа, ни один голос не нарушал ночной тишины. Но сам факт, что я стоял, прислушиваясь — быть может, минуту или две, — свидетельствует о том, что паутина этой истории опутала меня глубже, чем я того хотел.

Мое нежелание прислушиваться рассердило его. Он с неприязнью выпустил меня: «Подождите, она и до вас доберется, эта мисс Анита. Она скверная. Ненавижу ее!»

Не пьян ли он? Прежде я уже говорил Аните о поведении Джорджа. «Я поговорю с ним,— сухо обещала она.— Не обращай на него внимания».

Однако его предупреждение: «Она и до вас доберется!» — прочно засело в моем мозгу. После летних каникул я решил не возвращаться в свою холостяцкую квартиру, и Анита не возражала против такого решения. Порой мне казалось, что я совершаю ужасную ошибку, но уже ничего не мог изменить: своей хитростью и женским коварством Анита была сильнее меня. Она очаровала меня, наверное, так же легко, как Крафта или Джорджа. Сила ее обаяния удерживала меня рядом: такая сила сначала притягивает, а потом разрушает до основания. Я понимал это, но необъяснимая усталость мешала мне противиться колдовству.

Итак, я переселился к Аните. Вечерние прогулки, пляж, объятия в лучах луны — мы были счастливы, как только могут быть счастливы двое влюбленных. Мои руки, шептала она, напоминают руки ее отца. Ее часто посещала мечта, некое туманное видение, как она играла в детстве, сидя у отца на коленях, а он подбрасывал ее и ловил своими добрыми, ласковыми руками.

Руки. Они не покидали ее ни на миг. «Обещай, что не будешь бить меня,— часто шептала она.— Ты же знаешь, Крафт...» При этом ее пальцы касались острия иглы, словно испрашивая защиты у поблескивающего металла. «Однажды отец ударил меня... Лучше бы он уронил... Тони, обещай мне...»

Однажды она все же вывела меня из терпения. Вид ее иглы, с которой она не расставалась даже в постели, угнетающе подействовал на меня.

— Зачем ты ее носишь? — тогда я, как мог, пытался избежать ссоры.

— Привыкла. Как ты к своим сигаретам! С ней мне спокойнее,— был ответ.

— Немедленно выбрось ее! — приказал я, но Анита, казалось, не слышала.

— Я не могу без нее, милый.

Я поднял руку, чтобы сорвать иглу, как вдруг острая боль неожиданного укола заставила меня на время позабыть все слова. С блестящим жалом в руках Анита попятилась от меня.

Даже теперь, прикованный к Джорджу, возле грязной

ямы, в которой копошатся двое потных полицейских, я не могу забыть шок от того укола.

Страх. С этой ночи он уже не отпускал меня. Как тупая боль, он пробирал мои внутренности, но ни разу не стал настолько острым, чтобы заставить меня расстаться с Анитой.

В один из последних выпавших нам вечеров ветер ожесточенно задувал в окна, донося завывания Джорджа, беснующегося в темноте, возле своего домика: «Да, мистер Крафт, да... все, что прикажете... Это его имя?»

— Он совсем спятил, — сказал я Аните. — Ты должна рассчитать его.

— Это мой дом. Я нашла его, и он нужен мне. Не обращай внимания.

Так заканчивались все наши разговоры на эту тему. На следующую ночь крики Джорджа стали непереносимыми. Разбуженный ими, я встал и принялся одеваться, собираясь спуститься во двор, чтобы успокоить безумца. С непонятным беспокойством я обнаружил, что Анита тоже проснулась, приподнялась на локте и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Не могу забыть страх, который светился в них. «Крафт, не надо!» — прокричала Анита, метнувшись и обхватывая меня за шею.

— Это я, Тони.

— Не надо, Крафт! — ее голос дрожал, а пальцы лихорадочно ощупывали ворот ночной рубашки в поисках иглы.

Я встряхнул ее. Должно быть, она очнулась. Гораздо слабее она в третий раз прокричала: «Крафт, не бей меня!» — и затихла.

Включив ночник, я склонился над ней и замер, пораженный. Запавшие губы стали бесцветны, глаза страшно расширились и потемнели, во все стороны из них били фонтаны страха. Она лихорадочно продолжала ощупывать верх своей сорочки, не находя там иглы. Потом, осознав неправильность поисков, она свернулась в клубок и, как змея, метнулась к столу, куда вечером положила иглу. Я сгреб ее, не на шутку рассерженный, крича ей в лицо, что меня зовут Тони! «Крафт, нет!» — она с прежним ужасом всматривалась в меня, постепенно слабей.

Наконец она успокоилась достаточно, чтобы можно было выпустить ее. Все время, пока я одевался, она глядела на меня застывшим взглядом мыши, ожидающей нападения гадюки.

...Джордж уже ушел. Остались лишь шелест волн на пляже, гудение ветра в густой листве и непроглядная тьма.

По пути к дому тихий шепот прошелестел в ночи: «Джордж, помоги мне. Не уходи, помоги... слышишь...» Удивленный, я обернулся, пытаюсь определить, откуда исходит звук. И тут же одернул себя. Анита, Джордж, голоса... Все в этом доме было болезненным, нездоровым, и прикосновение к его обитателям грозило безумием. В тот момент я едва удержался от крика; липкий, противный страх запустил пальцы в мою душу, и надо было бежать, чтобы спастись от безумия. Но было уже поздно...

Она сидела все так же, не меняя положения. Только ее глаза, побелевшие от ужаса, жили и следили за каждым моим движением. Когда я потянулся к лампе, то заметил, что иглы там не было! «Где игла?» — тихо спросил я. Ответом была тишина. Игла, воткнутая в ворот ночной рубашки, торжественно поблескивала при свете лампы. Надо ли говорить, что я так и не выспался в ту ночь.

С тех пор игла была при ней всегда, даже в ночном сумраке она поблескивала в одежде. «Я не могу без нее, как ты без своих сигарет. Ты же знаешь, милый!» — ласково настаивала Анита. Но мне уже было все равно, хотя игла порой и колола мне пальцы во время объятий, становившихся все более непродолжительными.

Наша близость нарушилась. От прошлой влюбленности почти ничего не осталось. Прогулки при свете луны и сидение на рокошущем под ударами волн скалистом утесе отошли в прошлое. Наша любовь умерла. Часто Анита одна отправлялась в город. Дома она также отдавала предпочтение одиночеству. Однажды я с удивлением заметил, как она аккуратно прокалывает иглой дырочки в моей пачке от сигарет.

Страх рос. Однажды, проснувшись среди ночи, я не обнаружил ее в постели. Поиски привели меня во двор. Анита сидела возле цветника, где была похоронена собака. В пальцах она держала иглу.

— Что ты здесь делаешь?

Ни слова в ответ.

— Что происходит, объясни, прошу тебя.

Молчание.

— Хорошо, я уеду, как только найду квартиру. Даже нет, Анита, пожалуй, так: я нашел квартиру и перееду в нее завтра утром. Слышишь? Завтра утром!

Ах, если бы это произошло раньше!

Через несколько часов после этого разговора я снова услышал дикие крики, вой. Он раскатывался в струях дождя, отвесно падавших из ясной темноты неба. Вой не стихал, заволакивал, и я решил выйти из дома, чтобы унять Джорджа, чего бы это мне ни стоило!

Из открытой двери в спальню меня окликнул ее голос: «Куда ты, милый?» Я не ответил, и в спину — совершенно с иным выражением — мне донеслось: «Не верь ему, он сумасшедший!»

«У вас обоих поистрепалась солома на крыше», — с тоскою подумал я.

Во дворе, услышав мои шаги, Джордж поднял большую голову и тотчас перестал завывать: «Это вы, мистер Крафт?»

— Нет, это я, Тони!

Вздых разочарования, глубокий, точно ночь, потряс могучее тело гиганта. Посветив фонариком ему в лицо, я увидел выражение полнейшей умиротворенности. Откуда-то появившийся цветок — скорее, кустик в цветочном горшке — стоял у ног Джорджа, покачивая листьями на ветру.

— Что это?

— Мистер Крафт велел посадить. Для него. Сегодня ночью он придет ко мне. Вы не верите, мистер Нельсон?

— Пойдем-ка спать, Джордж. Что проку торчать под ливнем.

— Мистер Крафт скажет мне, кто ему нужен. Мы уже разговаривали сегодня. Долго, мистер. — Он посмотрел на цветок: — Добрый вечер, мистер Крафт! Чудесная ночь, не правда ли?

— О'кей, Джордж. Ты только води себя потише. Я пойду в дом.

Я потоптался в растерянности от чертовщины, творящейся этой ночью. Пусть Джордж воет, хоть разорвется, сукин сын, только без меня, Тони Нельсона. Мне надо отдохнуть, уйти, раствориться.

Но проклятый выродок цепко подхватил меня под руку:

— Пойдемте, пойдемте со мной, мистер Нельсон. Мистер Крафт хочет с вами поговорить. — Его загорелое, бородатое лицо осветилось неземной гордостью. — Вы пришли ему по душе.

— Очень мило с его стороны.

— Но он не любит, когда вы уходите к мисс Аните. Очень не любит.

Я попытался вырвать руку из тисков Джорджа, но хватка лишь утяжелилась.

— Не ходите к ней, мистер Нельсон,— слова падали, как тяжелые капли.— Она коварная, как змея. Оставайтесь со мной и мистером Крафтом! — Его пальцы еще глубже впились в мою кожу.

— Проклятье! Джордж, отпусти!

— Нет, что вы! Мистер Крафт не разрешает.

Пытаясь освободиться, я оступился и неловко задел цветок, который отлетел к ограде, где с треском рассыпался кучкой осколков.

— О-о-о! — Джордж застонал и, забыв про меня, плюхнулся на колени и начал сгребать разлетевшиеся кулочки, пытаясь водрузить цветок на прежнее место.— О-о-о, все погибло! Цветок мистера Крафта... О-о-о!

Рыдания смолкли. Перепачканная физиономия уставилась в слабый луч моего карманного фонарика:

— Тс-с! Мистер Крафт хочет говорить с вами. Слышите? — Я машинально покачал головой.— Он говорит мне: «Джордж, пусть мистер Нельсон идет, куда ему хочется. Не удерживай его».

Итак, с меня было довольно! Холодный ужас поселился в моем позвоночнике: сумасшествие Джорджа, Анита, дом, игла... Я хотел убежать туда, где чисто, тепло и спокойные люди вокруг. Не помню, хотел ли я сразу перелезть через забор, подальше от этого дома, или еще рассчитывал собрать свои пожитки, перед тем как навсегда убраться из этого места, когда фраза, произнесенная за моей спиной Джорджем, пригвоздила меня к месту, сделав участником всей происшедшей затем драмы:

— Мистер Крафт встает из могилы...

Приняв эти слова за продолжение обыкновенного бреда, я остановился послушать, какие новые откровения принесут мне видения этого ненормального. Лучше бы мне этого не делать! Возможно, слово «могила», как ключ в замке, отомкнуло какую-то тайную дверцу в моей душе, давно ожидавшую этой минуты, и наступило прозрение.

Джордж ползал на коленях перед воткнутым в землю цветком, продолжая бормотать себе под нос. Прислушавшись, я словно окаменел.

«Вставайте, мистер Крафт. Сейчас я помогу вам подняться. Мисс Анита обманывает меня; вы не мертвы, сейчас вы встанете из вашей могилы. Что ж из того, что мне пришлось убить вас. Я принес вам новый цветок. Вставайте!.. Она заставила меня... Но она не знает, что теперь мы друзья и я помогаю вам. Какой красивый цветник я сделал для вас! Она кричала и грозила мне этой иглой, говорила, что вы хотите прогнать меня. Это неправда, я знаю. Она дурная. Хуже чем змея, хуже!»

Тихо, как тень, за его спиной возникла Анита. По-видимому, она слышала всё от начала до самого конца — все признания сумасшедшего Джорджа. Бесшумно повернувшись, она побежала к дому. Какое-то враждебное чувство, подобное потребности раздавить паука, когда он омерзительно перебирает тонкими лапками у нас под ногами, повлекло меня за ней. Вбежав следом в бывшую некогда нашей общей спальню, я нашел ее сжавшейся, застывшей в изножье кровати. Бессмысленно шепча покрасневшими от крови губами, Анита не отрывала от меня невидящих глаз; в ее руке дрожала игла, нацеленная в мою сторону.

— Убирайся, Крафт, прошу тебя,— прошептала она.

— Я только возьму свои вещи...

— Здесь нет твоих вещей. Убирайся! — Она шагнула ко мне, зажав в пальцах иглу, бледная, с побелевшим от ненависти лицом.— Ты больше никогда не придешь, чтобы избивать меня!

Незаметно приблизившись, она выпрямилась и молниеносным движением выбросила вперед руку с зажатой иглой. Я отпрянул, почувствовав укол в протянутую ладонь. На лице Аниты вспыхнула довольная улыбка...

В этот момент я ударил ее. Она зашипела, припав на колено, и снова потянулась ко мне с иглой.

Я ударил еще раз.

— Крафт, нет! — Шаря руками по полу, словно слепая, она поползла к открытой двери.— Крафт, не надо! Не смей, ты пожалеешь об этом!

Я прошел следом за ней по коридору. Спустился в неосвещенный двор.

Свежий воздух не отрезвил ее; спрыгнув с крыльца, она с криком бросилась к Джорджу:

— Убирайся! Как ты смеешь мучить меня, урод! Убирайся! — И через мгновение:

— Джордж, милый! Крафт гонится за мной. Спаси меня, спаси!

— За вами... гонится мистер Крафт? — лицо бородача выразило крайнюю степень удивления.

— Да оглянись же! Вот он!

В голосе Джорджа зазвучали торжественные нотки:

— Он гонится... за вами! Значит, ему нужны вы!

Думая о чем-то своем и прислушиваясь, он отвечал:

— Да, мистер Крафт. Непременно, мистер Крафт. Будет исполнено!

Я видел, как огромная рука Джорджа погладила маленькую, похожую на лепесток, щеку Аниты:

— Мистер Крафт говорит, что это вы. Он хочет встретиться с вами.

— Помоги мне, Джордж!

— Я выполняю приказ мистера Крафта. Он мой хозяин.

Его пальцы легко обхватили хрупкую шею Аниты.

— Вы должны встретиться с ним. Обязательно!

Я наблюдал, как пальцы Джорджа смыкаются на нежной, белой коже. Анита извивалась и царапалась, как лесная кошка, попавшая в сети. Игла не оставила живого места на его руках; я заметил это, когда нас сковывали вместе.

— Я сделал, что вы приказали, мистер Крафт,— стоял меднокожий гигант. Счастливые слезы текли по его лицу, смешиваясь с налипшей землей и дождем, которому не было видно ни конца ни края. Приближалось утро.

Полицию вызвал я, насколько помню. Анита мертва, Джордж обеспамятел от счастья, а полицейские наконец-то натолкнулись на тело Крафта. Так и должно было случиться. Джордж сияет, весь счастье и радость. Всхлипывая, он разговаривает с Крафтом, но полицейские мешают ему, приказывая заткнуться. Мне наплевать на его излияния, наплевать на все окружающее, даже на боль в руке. Что значит физическая боль после двух месяцев утонченной душевной пытки?

Вот наконец и тело; порядком намокшее, осыпанное землей. Я отворачиваюсь, едва не теряя сознания от глупейшей мысли: «Да оно же размокнет. Укройте его». Эта нелепая мысль вцепилась в меня, словно хищник, но телу уже все безразлично. Оно покоится рядом с Анитой. Садик

взрыт и растоптан: мертвец извлечен из-под цветочных корней.

Кто-то из полицейских переворачивает труп и удивленно присвистывает: «Что у него с руками?» Они бестолково сопят и переминаются, озадаченные исколотой кожей на руках убитого, я вспоминаю Аниту — бледную, с неподвижными зрачками, — вонзавшую в меня свою иглу. Раз за разом...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КАМЕННЫМ ЯЗЫКАМ

Каждый день я задаю себе один и тот же вопрос и не нахожу ответа. Какая злая воля руководит нами? Почему совершенное с легким сердцем и чувством радости подчас неожиданно заканчивается катастрофой? Неужели так всевластен рок и мы обречены подобно марионеткам разыгрывать трагические пантомимы?

С Беном Лоусоном мы не виделись почти полтора года, и, когда мне представилась возможность пригласить его к себе в Доршет, я не колебался и сделал это с радостью. Могу ли я тогда предугадать, чем обернется наша встреча, и отказать ему, зная из писем о его угрюмой меланхолии и совершенно расстроенных обстоятельствах? Если бы я мог забыть ту роковую ночь! Смешно сказать! Забывается ли прошедшее? Пожалуй, с каждым годом оно берет над нами все большую власть.

Последний раз я видел его в 1945 году. Тогда он еще был майором Лоусоном. Во время войны его трижды награждали за храбрость, однако высшего отличия он так и не получил, может быть, потому, что, как он сам позже выразился в своей несколько грубоватой манере, «на передовой не было высшего командования, чтобы заметить, как чертовски я храбр». Он был отважным человеком. Никто не будет отрицать этого. Полк гордился им, родители боготворили, невеста была от него без ума. И тем не менее рана, нанесенная самолюбью, не заживала.

После окончания второй мировой войны он написал мне в одном из писем, что собирается выйти в отставку. Разочаровала ли его служба, или армия была для него лишь возможностью испытать себя на поле боя — об этом остается только гадать.

Хорошо помню, как разволновался Честертон, командир нашего полка, узнав о его намерении, и как потом горячо убеждал не оставлять военную карьеру, но Лоусон от-

казался. Мирно служить в армии, не рискуя каждую минуту собственной жизнью,— что может быть унижительнее для солдата, изведавшего запах пороха и свист вражеских пуль? Военные действия в Палестине вызывали только усмешку: из того, что он слышал и читал, у него составилось мнение, что британцы там только и делают, что растаскивают по углам евреев да арабов, чтобы те ненароком не перегрызли друг другу глотки.

«Если и есть что-то в жизни, то уже не для меня. Все в прошлом. В молодости я верил: мое призвание — борьба с нацизмом, но сегодня я так не думаю. Последние пять лет, возможно, приблизили меня к сокровенной цели — но, в чем она? Как разгадать ее, Петер?»— заканчивал он одно из своих писем.

Дальнейшая его жизнь, казалось, была полна горечи: он крепко поругался с отцом, отказавшись участвовать в семейном деле — торговле свежими овощами; долго тянул с женитьбой, и невеста оставила его; поговаривали, что он расстался с ней с легкостью и без сожаления. Как-то, вспоминая случившееся, он написал мне, что после их последнего свидания у него отлегло от сердца и некоторое время он был почти счастлив. Но продолжалось это недолго, и вскоре к нему вернулось обычное сумрачное настроение.

В конце ноября 1946 года я оказался на короткое время в Лондоне и позвонил Лоусону. Он обрадовался мне, как долгожданному подарку судьбы. Меня тронула его теплота, и я пригласил его к себе в Доршет. С большим воодушевлением он принял предложение, и на следующий день мы совершили стомильную поездку на его потрепанном «остине».

Он тихо напевал себе под нос, разглядывая тянувшиеся по обе стороны дороги ухоженные поля Сюррея. Когда же мимо замелькали скромные домики Хэмпшира, его голос окреп и выказал сочную густоту. К Доршету он уже всю глотку выводил рулады из не слишком-то подобающих случаю молитвенных гимнов. В коротких паузах он принимался вслух размышлять о причине столь удивительной перемены своего духа. Прямо на глазах из угрюмого затворника он превращался в прежнего, веселого и добродушного Лоусона, каким я его всегда знал.

Тихий ясный вечер, общество старого друга, с которым вместе прошел войну и которого не видел вот уже полтора года,— не в этом ли была причина его внезапного рас-

положения к жизни? Благодушное настроение невольно передалось и мне. С удовольствием я слушал его пение, тихонько подпевал и думал, что неплохо бы сейчас пройтись с ружьем по полям и пострелять зайцев. Моя мысль настолько пришлась ему по душе, что он, нажав ногой на акселератор, с необычайным чувством пропел что-то из Генделя.

Было пять часов пополудни, когда мы добрались до Смолуотера, что лежит на середине пути между Доршестером и Бриджпортом. В этих краях быстро темнеет.

— Еще немного — и мы дома! — заметил Лоусон и, круто развернув машину, направил ее по главной улице.

Я собирался показать ему дорогу, но неожиданно понял, что в этом он не нуждается. Дом стоял на окраине городка, и, чтобы подъехать к нему, надо было миновать несколько запутанных и извилистых поворотов. Лоусон справился с ними без какой-либо помощи с моей стороны. Мне показалось это любопытным: он никогда за всю свою жизнь не бывал у меня дома!

— Вот мы и приехали, — сказал Лоусон, маневрируя «остином».

Я уставился на него.

— Откуда ты знаешь дорогу?

Он с удивлением посмотрел и сказал:

— Разве ты не говорил мне?

Я отрицательно покачал головой.

— Наверное, все-таки рассказывал, но давно, а теперь не помнишь.

Во время войны я действительно часто вспоминал свой дом и родной городок. На фронте не проходит и дня, чтобы кто-нибудь не вспоминал о близких и дорогах сердцу предметах. Чем ближе к смерти мы находимся, тем более задушевные наши воспоминания. Но они всегда расплывчаты и неясны. Трудно поверить, что я, рассказывая о своей семье в минуты короткого затишья, во всех деталях описал и все повороты, ведущие к моему дому.

Первым делом мы откупили бутылку и помянули боевых товарищей, которых уже нет с нами. Недоумение, возникшее по приезде, быстро рассеялось и забылось. После легкого ужина я показал Лоусону библиотеку.

— Чем же ты заполняешь свое время? — жмурясь от удовольствия, спросил Лоусон, когда мы удобно расположились за гостиним столиком с сигарами и потягивали портвейн.

— Дел у меня не так много,— ответил я,— погулять, пострелять да порыбачить. Так себе: не жалуюсь, но скучаю.

— Тогда почему бы тебе не уехать?

— А куда? В этом доме я прожил всю жизнь. Правда, скажу тебе по секрету, я несколько раз пытался продать его с торгов. Не берут. Никто не хочет жить в провинции. Сейчас в больших городах на разрухе можно сколотить состояние. Лет через десять — пятнадцать кто-нибудь и купит мой дом, но тогда я буду уже стар и меня не сдвинешь ни за какие деньги.

— Тебе надо жениться,— улыбнулся Лоусон.— Найди себе женщину; с ними приятнее проводить время, чем сидеть одному.

— Где они, эти женщины? всю жизнь собираюсь жениться, было бы на ком.

Так мы сидели и мирно беседовали часа два, пока Лоусон не сослался на усталость.

— Извини, старина Петер, но поездка стоила мне много сил.

Я постарался загладить свой промах:

— Действительно уже поздно. Последствия бессонницы: совершенно забываю, что другим нужен отдых.

Уединенная и праздная жизнь в последние месяцы стала сказываться: ночи я уже проводил не в постели, как все здоровые люди, а в кресле перед камином, ожидая расцвета, когда удавалось забыться на несколько часов.

Я показал Лоусону его комнату, пожелал спокойной ночи и вернулся к себе. Как обычно, сон не шел. Я завернулся в широкий халат, придвинул кресло поближе к огню и поудобнее уселся, вытянув ноги и уперев их в каминную решетку.

Настенные часы пробили два. Я закурил сигарету. Время тянулось медленно. Приглушенно постукивал маятник. Я смотрел на тлеющий огонек, приближающийся к моим губам. Незаметно меня охватила приятная дрема, голова свесилась на грудь, и сон почти смежил глаза, как вдруг во мне все насторожилось: я услышал шелест крадущихся по коридору шагов. На мгновение меня успокоила мысль, что Лоусон мог отправиться в ванную. Шаги замерли, и я почувствовал на себе тяжелый взгляд, от которого волосы зашевелились на голове. Подобное ощущение я много раз испытывал во время войны и в нескольких случаях был обязан ему жизнью.

Через минуту шаги стали удаляться, потом я услышал, как скрипнула лестница, и наступила тишина. Входная дверь отворилась и с шумом захлопнулась. Я вскочил и пробежал к окну. В темноте я разглядел спину торопливо шагающего человека. Он шел прямо к дороге. Конечно, я узнал его: это был Бен Лоусон. Я следил за его высокой фигурой, пока он не скрылся между деревьями, потом зажег спичку и посмотрел на часы: они показывали два тридцать.

На следующий день за завтраком мой гость не обмолвился ни словом о своей ночной прогулке, и мне показалось благоразумным вообще не упоминать о ней. Возможно, он не мог заснуть в непривычной обстановке, и я бы смутил его бестактными расспросами.

Когда я говорил Лоусону, что делать тут особенно нечего, разве что бродить по лесу, охотиться и рыбачить, то был вполне откровенен, но он, казалось, так обрадовался своему бегству из беспокойного Лондона, что пропустил мои слова мимо ушей. Он весь кипел энергией и юношеским задором. Даже наша короткая прогулка по невысоким окрестным холмам и мои постоянные подшучивания еще более развеселили его.

— Никогда не чувствовал себя так хорошо, как у тебя, — сказал он, прожив у меня неделю.

Однажды, уже на вторую неделю его пребывания, я снова не мог заснуть, по-видимому от слишком плотного ужина, и, провалявшись целый час в постели, решил, что лучше выпить снотворного, чем маяться всю ночь. Проклиная холодную зиму, я закутался в плед и пошел в ванную, где у меня хранились лекарства на все случаи жизни. Когда таблетка была проглочена, а стакан поставлен на место, я неожиданно услышал стук приближающихся шагов. Осторожно прикрыв дверь, я затаил дыхание.

Лоусон — никого, кроме него, и не могло быть — прошел по коридору до дверей моей комнаты, на мгновение остановился, после чего стал спускаться по лестнице. Переполняемый любопытством, я бросился к окну.

Ярко светила полная луна. Теперь мне было намного легче следить за Лоусоном. Несколько раз он пропадал из виду, но я снова замечал его, как только редели скрывавшие его деревья. Он шел по дороге в сторону Бриджпорта и вскоре исчез в темноте.

На следующий день у меня в городе была назначена

встреча с адвокатом, и я извинился перед Лоусоном, что вынужден его оставить на несколько часов. Лоусон принял это как должное и сказал, что за это время он успеет осмотреть свой «остин», у которого от долгого простоя и бездействия обычно начинает пошаливать двигатель.

Я вернулся намного позже, чем предполагал. Лоусон встретил меня словами:

— Ты мне не говорил, что это место имеет свою историю.

— Какое место?

— Доршет. Я тут поболтал с твоим садовником, и он сказал, что несколько лет назад здесь произошло убийство

Я припомнил слышанную в детстве от отца историю.

Это случилось полстолетия назад. Одна замужняя женщина полюбила мужчину. Они встречались в местечке, известном как Каменные Языки, в полумиле от дома, по дороге в сторону Бриджпорта.

Каменные и Чертовы Языки — это три огромных камня, высотой в десять — пятнадцать футов. Никто не знает, как они здесь появились; назвали их так в давние времена жители Смолуотера за сходство с языком Сатаны, подшучивающим над небесами. Легенда утверждает, что камни были местом жертвоприношений, но это никем не доказано.

Все, что я мог рассказать Лоусону, сводилось к следующему: муж этой женщины, проведав об измене, выследил ее и ночью в приступе ярости зарубил топором. Затем набросился на любовника, но тот, чудом увернувшись, вырвал из рук топор и убил его.

— Что же тебя заинтересовало?— спросил я у Лоусона.

— Странная история. А что случилось с любовником?

Я пожал плечами:

— Кажется, помешался. Не вынес вида зарубленной женщины. Он давно умер. Если хочешь, мы можем сходить туда утром.

— Спасибо, Петер. Но мне интересно взглянуть сейчас. Роковое место; одинаково подходящее и для любовного свидания, и для убийства.

— На твоем месте я бы не стал торопиться,— сказал я.

— Почему?

— Днем там нечего смотреть: камни да камни, а вот по ночам их обходят стороной — страшно.

— Ты ходил ночью?

— Однажды. Но больше не испытываю желания.

Лоусон засмеялся:

— Жизнь в провинции не для тебя: ты стал суеверным, как крестьянин.

— Может быть.

Во время обеда никто из нас не проронил об этом ни слова. Лоусон задумался и молчал. Мне вспомнилась та ночь, когда я с колотящимся сердцем пошел к Каменным Языкам. Ничего не случилось, никто не набросился на меня, не испугал, но я почувствовал за те десять минут, что стоял там, жуткий страх — такого страха я никогда больше нигде не испытывал — ни на фронте, ни в госпитале.

С утра у меня подскочила температура; вызванный Лоусоном доктор Фишер объявил, что я серьезно простудился и мне необходим постельный режим по крайней мере в течение недели. Лоусон посочувствовал мне.

— Крепись, Петер,— сказал он и, как обычно, ушел прогуляться после обеда; я же лег в постель и заснул. Когда проснулся, было уже темно. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Я проспал восемь часов и чувствовал себя намного лучше.

Я позвонил в колокольчик рядом с постелью. Через минуту в дверях появился Лоусон, держа на вытянутых руках большую кастрюлю с бульоном.

— Сварил тебе бульон,— сказал он, поставив кастрюлю передо мной на столик.— Заглядывал к тебе в семь, но ты спал как убитый; я не стал будить.

Я выпил сколько мог бульона, а он тем временем вяло рассказывал, чем занимался в течение дня.

— Добавить?— спросил он, когда я отложил ложку.

Я покачал головой.

— Есть горячий пунш, или ты хочешь что-нибудь еще?

— Нет, благодарю.

— Тогда спокойной ночи. Пойду. Надеюсь, к утру тебе станет лучше.

Я выключил ночник и немного полежал с открытыми глазами.

Было слышно, как Лоусон вышел из ванной комнаты и закрыл за собой дверь спальни.

Как я говорил, по ночам мне обычно не спалось. Однако эта ночь принесла настоящее страдание.

Я метался и ворочался, сильно вспотел, сбросил пижаму, потом снова надел ее. Холод пробрал меня до костей. Тяжелый сон налег на грудь и липкими пальцами давил голову. Фантастические фигуры, мрачные и зловещие, проплывали перед глазами. Казалось, они наполнили собой всю комнату. Отрываясь от пола, они плавно поднимались к потолку, кривляясь и корчась, зависали над головой и стремглав обрушивались на меня. Постепенно каждая фигура теряла бесформенность и обретала жуткий, узнаваемый облик. Одна из теней выросла в гигантскую летучую мышь и кружила, кружила над головой, изредка задевая и царапая мне лоб перепончатой лапой. Что-то шевелилось в ее зубах, но я, как ни напрягал зрение, не мог разглядеть ее жертву.

Потом из мрака вышла женщина. Она приветливо раскинула руки и, улыбаясь, подходила все ближе и ближе. В двух шагах она остановилась и рассмеялась; я в ужасе отшатнулся — из ее рта прыгнула на постель мокрая от крови, жирная крыса; одна, другая: из ноздрей стрелой выскочили две тонкие змеи и с шипением, свиваясь упругими кольцами, подняли к моим глазам сплюснутые морды. Они трогали жалами мое лицо, падали на меня, холодные, липкие... Третья фигура появилась надо мной: огромный зловонный слизень. Он медленно опускался, набухая сочащейся слизью. Слизь стекала с него, и капли обжигали меня. И когда казалось, сил уже не будет терпеть, он взорвался удушливой вонью и ошметки его тела рухнули и похоронили меня.

Я в ужасе закрыл глаза. Не видеть, убежать — прочь, прочь от омерзительных призраков, но услышал глухой и властный голос:

— Открой глаза! Открой!

Я повиновался. Гигантская летучая мышь кружилась надо мной — и теперь я увидел, что она держала в зубах: в ее пасти корчился в муках Бен Лоусон. С перекошенным от ужаса лицом, обливаясь кровью, он взывал ко мне. Я схватил его руки и потащил что было сил, но они выскользнули, и мышь улетела.

— Петер! Петер! — услышал я слабеющий крик.

Я принялся молить Господа о спасении моего друга, взывал к милосердию, к Его всемогуществу.

Потом стал мерзнуть. Мне становилось все холоднее и холоднее...

Очнулся я слабым и опустошенным. Одеяло валялось на полу. Меня неудержимо била дрожь. Господи! Это был всего лишь сон!

Я повернулся на бок, стараясь поднять одеяло и укрыться от холода, как вдруг снова тот же призывный и слабый голос позвал меня: «Помоги, Петер! Помоги мне!» Казалось, он исходил издалека. Он умолял и просил. Во мне все перевернулось: «Сплю ли я?» Губы шептали молитвы. Неужели я пропал, безвозвратно погиб? Нет, я слышал знакомый стук маятника, видел темные полосы оконного переплета. Нет, я не спал. Тогда что это?

— Помоги мне!— отчетливо прозвучал голос.

Я вскочил, бросился в комнату Лоусона. Она была пуста; постель стояла нетронутой.

— Бен! Бен!— кричал я.

— Иди к Каменным Языкам, Петер, к Каменным Языкам!— чуть слышный шепот Лоусона, как дыхание ветра, донесся до слуха.

Чертовы Языки! Я не медлил ни минуты.

Я кинулся обратно в спальню, схватил одежду, какая попала под руку, и выбежал из дома.

Первые две сотни ярдов я бежал со всей скоростью, на какую был способен, но вскоре стал задыхаться и перешел на шаг. Я весь горел, рубашка от пота прилипла к телу, даже пронизывающий северный ветер с холмов не мог остудить меня. Темные тучи набегали на светлый лик луны одна за одной, как стаи изголодавшихся мышей на кусок сыра. Высокие, стройные деревья вдоль дороги низко склонялись ко мне и будто просили: «Помоги, помоги».

Не прошло и четверти часа, как я добрался до Чертовых Языков. Три огромных камня зловеще оскалились в ночной темноте. Кругом стояла мертвая тишина. Лоусона нигде не было.

Я уже повернул назад, укоряя себя за глупость, когда услышал тихий, шепчущий голос Лоусона и легкий женский смешок. Я было открыл рот, чтобы окликнуть его, но вовремя спохватился. Как объяснить свое присутствие? Лоусон примет меня за сумасшедшего, когда узнает, что я поверил ночным кошмарам и примчался сюда в морозную ночь за полмили от дома. И что я спрошу: кто эта женщина и что они тут делают?

Я направился домой, но не сделал и дюжины шагов, как увидел Лоусона, появившегося из-за деревьев. Рядом с ним шла женщина. Я осторожно отступил в тень одного из камней.

Мне было неприятно, что я оказался невольным свидетелем и тайком наблюдаю за ними.

Насколько я был глуп! Один Бог знает, как долго они здесь встречаются. Теперь я знал причину ночных отлучек Лоусона; оставалось незаметно уйти, но этого я и не мог сделать.

Женщина стояла лицом ко мне, и было хорошо видно, как она смотрит на Лоусона. Я убежденный холостяк и достаточно холоден к женщинам, чтобы судить о них, но красота избранницы Лоусона была несомненна. И вместе с тем в ее чертах было что-то до странности чуждое и отталкивающее. Я долго вглядывался, прежде чем понял, что красота этой женщины таилась в мертвенном лунном свете. Луна словно просвечивала ее насквозь, наполняя лицо восковой бледностью.

— Да, дорогая, скоро пойду,— сказал Лоусон,— но почему ты всегда остаешься здесь?

— Ты знаешь почему,— ответила женщина.— Мне нравится гулять одной, ночью тут так красиво, и потом... я чувствую себя спокойной. Ненавижу дневной свет. Мужчина не поймет этого: мне кажется, что солнце раздевает меня.

— Да, трудно понять,— признался Лоусон.

Они обнялись. Я уже был готов выйти из укрытия и прервать мучительное для меня положение, как женщина вдруг сказала:

— Пора расставаться. Ты придешь завтра?

Ветер глухо взвыл, по-волчьи, вздохнул; воздух наполнился холодом и с пронзительным свистом закружил вокруг нас.

Женщина повернулась и пошла к холму. Лоусон смотрел ей вслед, я смотрел на Лоусона.

Неожиданный пронзительный крик, долгий, леденящий душу, заглушил шум ветра. Выражение ужаса пробежало по лицу Лоусона, он бросился вдогонку за женщиной. Невольно подавшись вперед, я увидел на фоне неба два силуэта. Навстречу женщине, угрожающе размахивая топором, шел мужчина исполинского роста. Он занес топор над головой женщины и дико завопил:

— Шлюха! Грязная шлюха!

— Стой! Стой! — кричал Лоусон, карабкаясь вверх по холму.

Он был уже недалеко от них, когда на голову женщины с размаху обрушился топор. Широкое лезвие блеснуло в лунном свете, и топор, рассекая кость, глубоко погрузился в мякоть мозга. Гигант снова поднял топор и, примериваясь, снова ударил. Блеснуло лезвие — голова раскололась надвое.

Лоусон был уже рядом, когда убийца обернулся.

— А, прелюбодей! — зарычал он и, размахивая топором, пошел прямо на него.

Я с ужасом видел, что, если не поспешу на помощь, Лоусона не минует судьба несчастной женщины. Однако мое тело словно одревенело: я не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Глаза, уши видели и слышали, но ноги были неподвижны. Невидимые силы, которые привели сюда, приковали к проклятому камню. Единственное, что мне оставалось, — смотреть и молиться.

Топор уже падал на голову Лоусона, но он, увернувшись, отскочил в сторону. Лезвие просвистело над правым плечом и воткнулось глубоко в землю. С поразительной отчетливостью я увидел, как мокрые от пены губы убийцы растянулись в торжествующей ухмылке. Он легко подхватил топор и с рычанием набросился на безоружного Лоусона. Я зажмурился, чтобы не видеть неминуемой гибели друга, но сила, которая пригвоздила меня, принудила наблюдать и это мучительное и невыносимое зрелище.

Каким-то чудом Лоусон избег сокрушительного удара и, отбежав, стал кружиться вокруг врага, сохраняя дистанцию. Он искал хоть какой-нибудь камень. Наконец под ногами оказался булыжник. Лоусон быстро нагнулся и с силой швырнул его в противника. Вскрикнув от боли, убийца выпустил из рук оружие. В отчаянном прыжке Лоусон попытался достать топор, но чудовищным ударом ноги был далеко отброшен в сторону. Казалось, Лоусону не подняться, настолько силен был удар, но он как ни в чем не бывало вскочил и помчался вниз по склону холма. Убийца, непристойно бранясь и спотыкаясь, побежал за ним.

Сердце мое бешено заколотилось, когда безумец огромными прыжками стал настигать Лоусона. Неожиданно Лоусон развернулся и бросился в мою сторону. Его преследователь оказался менее ловок: поскользнулся и

упал прямо на изуродованное тело жены. В приступе ярости он схватил ее труп и швырнул вниз. Пролетев несколько ярдов, тело ударилось о землю, перевернулось и съехало со склона к моим ногам. У меня потемнело в глазах от вида изрубленного лица.

Когда я пришел в себя, в двух шагах от меня стоял Лоусон. Он рыдал. Я попытался позвать его, но не мог разжать губ. Он не видел ни меня, ни своего врага, который находился сейчас почти рядом. Топор снова качнулся, но в спешке убийца потерял равновесие, и оружие выпало из его рук. Быстрым движением Лоусон подхватил топор и обухом вдребезги разнес ему череп. Алый фонтан крови ударил струей вверх. Тяжелые капли падали на мой плащ. Обезумев, Лоусон бил топором по лицу еще и еще, до тех пор, пока оно не превратилось в кровавую кашу из раздробленных костей и дымящегося мяса. Потом он обмяк, привалился к камню и замычал, вначале тихо, будто напевая, потом все громче и громче.

• • •

Следующее, что я помню, было пробуждение после четырехдневной комы. У моей постели сидел доктор Фишер и с беспокойством вглядывался в мое лицо.

— Вы совершенно не заботитесь о своем здоровье, молодой человек,— первое, что сказал он, когда я очнулся и стало ясно, что кризис миновал.— Благодарите судьбу, что не подхватили пневмонию. Надо же, придумали: разгуливать по ночам.

— Где вы меня нашли?— спросил я.

— Возле дома. Вы были в горячке, и неудивительно. Бормотали о языках да о бедняге Лоусоне.

При упоминании имени моего друга воспоминания ужасной ночи нахлынули на меня.

— Где Лоусон?

— В госпитале, где еще ему быть. Свихнулся, как шляпник.

— Сошел с ума?!

— Да. В ту же ночь, когда вас принесли, явился в участок, уверяя, будто видел, как у Каменных Языков зарубили женщину; на себя напраслину нес: сам, говорит, тем же топором убийцу и порешил.

— Но это так и было, прямо на моих глазах.

— Да, да,— успокоительно зажужжал Фишер,правляя мне подушку.

— Но я сам видел... Лоусон прав,— запротестовал я. Неожданная мысль пришла мне в голову.— Так вы были там?

— Конечно, первое, что сделал,— туда сбегал.

— И что?

— Да ничего, голубчик, ровным счетом ничего. Раскопали даже чью-то могилу: два скелета вынули, мужской и женский. Да им лет уж за полста; и еще вот, чуть не за-был, топор ржавый нашли. Может быть, пошутил кто. Так-то, молодой человек, теперь отдыхайте, набирайтесь сил,— сказал Фишер и поднялся, давая понять, что уходит.— Завтра будете молодцом, наговоримся.

Я сильно сомневался в искренности Фишера, но сделал вид, что удовлетворен его объяснениями.

Через десять дней я уже был на ногах. Фишер сообщил мне, что Бен Лоусон совсем плох и переведен в психиатрическую клинику. Я пошел навестить его, но мне сказали, что он буен и посетителей к нему не допускают. Доктор, с которым я разговаривал, сказал, что я его сейчас не узнаю: он страшно изменился и постарел.

Идет время, я не сижу сложа руки: езжу по соседям, собираю сведения о женщине, вылепленной точно из воска, и уже побывал в Бриджпорте. Пока что никто не смог помочь мне, но я не теряю надежды.

Меня по-прежнему мучит бессонница, и в жутких кошмарах я неизменно вижу Бена Лоусона размахивающим, подобно дровосеку, огромным топором.

В моем шкафу висит плащ, который я надевал в ту ночь. Я чистил его раз шесть, но пятна крови до сих пор видны и не счищаются. Иногда мне хочется его выбросить, но я не решаюсь. Это единственная вещь, которая помогает мне сохранить рассудок и напоминает, что возвращение Лоусона к Каменным Языкам не приснилось мне.

МОЙ МАЛЬЧИК

Мой мальчик любит меня. Он говорит мне об этом снова и снова. Каждую ночь.

Не запирайте меня. Умоляю вас, не отнимайте моего мальчика. Пусть он останется здесь.

Но они не выносят его присутствия. Они не хотят, чтобы он оставался со мной,— им лишь бы запереть меня одну на целый день в этой гадкой, зловонной комнате, с запахами плесени и чердачной сырости, где я живу уже долгие месяцы и которую знаю, как собственное тело.

Но однажды мы убежим.

Для этого нужно пробраться по темной, сырой лестнице мимо желтоватых стен с обеих сторон, выбежать в гостиную, покрытую ярко-красным ковром, а оттуда через прихожую прошмыгнуть на улицу с людьми и деревьями — и мы будем свободны! Там они не смогут изводить меня своими придирками и запирать нас с мальчиком одних в этой проклятой дыре.

Я очень красива, говорит мне мой мальчик. Его-то, увы, красивым не назовешь! Сейчас я достану кисточки и альбом и нарисую его портрет. Несчастное лицо! Я сама виновата, что уронила его на пол и так изуродовала. Но тут уж ничего не поправишь...

Сегодня я одна, совсем одна. Вторник, третье февраля. Между решетками окон я вижу белую стену булочной и больше ничего: никаких предметов. Идет дождь, и его капли растекаются по мокрой стене, как кровь. Очень красиво!

Анна — такое прекрасное имя, говорит мне мой мальчик, и я с ним согласна. Мне очень к лицу это имя, и я готова носить его хоть целый год.

К чему лишать людей удовольствия? Если бы я была Анной вчера или сегодня, а то я не была ею уже целую неделю! Любое другое имя, пусть даже самое красивое, не до-

ставит мне такого удовольствия, и свою маленькую дочку, если бы она у меня была, я назвала бы Анной.

Сегодня четверг, четвертое февраля.

Вчера, хрустальным зимним вечером, я принялась рисовать. Достала коробочку с красками, сняла кисти с большого буфета и нарисовала рожицу моего мальчика, как будто с ним ничего не случилось. Хорошенькая картинка! И какой чудный подарок ко дню рождения!

Скоро ему три года — не правда ли, замечательно!

Если мне разрешат, я устрою волшебный праздник для нас двоих, с апельсиновым соком в бокальчиках и мороженым в тонких ледяных вазочках.

Не разрешат — буду петь всю ночь напролет.

Но мисс Эвинстон может рассердиться на меня за недозволенное в ночное время пение, и в таком случае мне сделают укол, чтобы я потише себя вела.

Мне исполняется двадцать три года, и мое имя с сегодняшнего дня — Анна, хотя это и не настоящее имя. Настоящее имя — Конни, сокращенное от Констанция; Констанция Мария Рэйтак меня зовут все остальные. Мой папа, Альфред Дурр, — большой человек в этом маленьком городе.

• • •

Моего мужа зовут Робин Рэй, он живет внизу и заходит ко мне лишь изредка: вот уже три дня, как его нет, наверное, занят своими делами. Я боюсь, что он вот-вот разлюбит меня, иначе он непременно заглянул бы побеседовать или поиграть, но его нет уже так долго! А хуже всего то, что он кричит. И притом так страшно! Я слышу голоса! Когда я сплю, все, кто внизу, за исключением разве что мисс Эвинстон, заходят в мою комнату и начинают кричать. И мой муж тоже.

Сначала я не верила этому.

Теперь я знаю наверняка. Никогда не слышала ничего ужаснее!

Они сгрудились вокруг моей кровати с резиновыми, налитыми злобой лицами и стали вопить. Сначала я не могла разобрать, кто из них под какой маской, но, приблизив к лицу, сжала ладонями одну из этих омерзительных физиономий, чтобы убедиться, что это мой муж, Робин Рэй.

Удивление мое возросло до предела!

И до чего же это было гадостно — как будто дотрагиваешься рукой до чего-то холодного и бесформенного, как липкое тесто; один мой палец увяз в этом тесте, а за ним и все остальные. Не в силах их вытащить, я вздрогнула и ткнула другой рукой в глаз. Оттуда полезла какая-то дрянь, густая кровавая масса, и, выйдя на поверхность, запачкала мне все платье. Я продолжала ковырять пальцем все быстрее, и это гадостное все лезло, а комнату разрывал чей-то крик, похожий на мой собственный... Наконец принесли шприц...

. . .

На лестнице слышались чьи-то шаги. Чьи?

Вошла мисс Эвинстон с подносом, опустила его на убранный черной материей стол и, звякнув ключом, исчезла.

Я затаила дыхание, ожидая новых шагов, и они не заставили себя ждать. Дверь открылась, и с перекошенным от страха лицом я увидела, что вошел Робин Рэй.

Что-то выкрикнув, я побежала навстречу и... через минуту очутилась в кресле. А Робин стоял надо мной и что-то говорил... Я смеялась.

Дверь захлопнулась, и мы стали играть в игры.

В лесенки и змейки я легко обыгрывала Робина, и он вскоре признал себя побежденным. Ему ничего не оставалось, как сесть и закурить. А я, вздрагивая от ужаса прошедшей ночи, спрашивала его, зачем он приходил пугать нас с мальчиком. Он отмалчивался, и я стала настаивать: зачем он приходил ночью, в ужасающей мягкой маске, пугал нас и не давал уснуть? Он смотрел на меня и курил, а я кричала все сильнее и сильнее.

Тогда он взял мою руку в свою, очень крепкую, и сказал, глядя в глаза, что скоро все это кончится, и мы уедем, когда я поправлюсь.

Я поправлюсь?

Эта мисс Эвинстон выводит меня из себя! Всякий раз, как Робин видится со мной, она тут как тут и торопится услатить его куда-нибудь подальше! Всем рассказывает, как она приглядывает за мной. Если бы я только могла поговорить с Робертом наедине — я уверена, он не стал бы приходить и пугать нас с мальчиком по ночам!

Но что же мне делать?

Какая она толстая и нечистоплотная, эта мисс Эвинстон. Хочет заполучить Робина — это ясно как божий день. Но пусть не надеется: ей уже не ко времени виться вокруг него, да и красавица она не из первых, это точно.

Мальчик ее ненавидит; я это узнала, когда спросила его: не хочет ли он иметь мисс Эвинстон своей мамочкой?

Побыстрее скажу Робину, что мальчик думает о мисс Эвинстон. Даже если он разлюбит и бросит меня, все равно я должна позаботиться о ребенке. Они ничем не повредят ему, пока я жива!

• • •

Солнце светит ярко-ярко. Я вижу темную тень на стене булочной, и это значит, что на улице встало солнце и все вокруг счастливы.

Мой мальчик со мной. Я хотела бы взять его в парк, где он увидел бы детей и резиновых уток.

Накануне мисс Эвинстон заявила, что мне придется с ним «распрощаться», если я буду «орать по ночам». Неслышанно!

Попробуйте сами не кричать, когда вокруг вас соберется столько страшных уродов!

Если я пою моему мальчику, когда он испуган,— что же, ради всего святого, в этом плохого? Но мисс Эвинстон хочет, чтобы я прекратила пение. Она говорит, что меня не должно быть слышно, что я должна затаиться на своем чердаке, как маленькая мышка. Совсем как мышка!

Она добивается наверняка, чтобы все обо мне забыли и не мешали ей выйти замуж за Робина. Тишина и покой в моей комнате докажут всем, что я умерла, и мой мальчик тоже. Тогда она закроет эти опостылевшие мне двери навсегда, возьмет Робина и уедет. А люди, омерзительные чудовища с дикими рожами, останутся здесь, кроме Робина, конечно. И тогда нам придется плохо!

• • •

Шестое февраля, суббота.

Сегодня моему мальчику исполняется два года, восемь месяцев и одиннадцать дней. Я нарисовала для него чудную картинку — как он обрадуется, когда проснется!

Когда они придут кричать еще раз, я всего лишь рас-

крою глаза пошире, буду смотреть на них и не испугаюсь. Вот и все!

Мой мальчик меня любит. Он единственный в этом мире, кто взаправду меня любит, и я люблю его всем сердцем!

• • •

Сегодня я спросила у мисс Эвинстон, зачем она желает мне скорой смерти. Что она задумала — выйти замуж за моего мужа Робина Рэя? Пусть не надеется, что я умру, пока мой мальчик жив и нуждается в заботе!

Но мисс Эвинстон никогда не выдаст своих планов! Она хитра и коварна: хочет притвориться, что ухаживает за нами, но в один прекрасный день пошлет своих людей в масках, и тогда все кончится! Те будут кричать истошными голосами, а нас никто не услышит и не придет на помощь!

Мисс Эвинстон не знает, что я нашла средство против ее козней: я заткну пальцами уши и не услышу ничего. Ничего!

Пусть приходят — я никому не отдам моего маленького мальчика.

Вот толстый, зеленый, липкий человечек, который ползет ко мне, извиваясь, на животе. Я слышу звук его движения — мягкий, тягучий, прерывающийся стонами и вздохами; такой же, как и его тело. Сейчас он переползет длинный ковер — и будет здесь!

Я села на кровать и попробовала лягнуть его ногой, а в это время черви, которыми кишели его руки и ноги, переползли на меня и начали взбираться по моим ногам. Я кричала, зажав руками рот от страха, что они могут заползти туда, и пытаюсь собрать их в копошащуюся кучу. Но у меня ничего не вышло. Их обрывки забивались в складки белья, и вытащить их оттуда было невозможно. Они изводили меня всю ночь, а я не могла даже позвать мисс Эвинстон, потому что боялась ее гораздо больше этих тварей!

Сегодня я останусь под простынями — пусть-ка он ползет!

Я слышу сопение, и если протяну ногу, то могу дотронуться до него, сидящего у изножья моей кровати.

Я боюсь этого толстяка.

Одна из гнусных тварей забралась в постель и лазает у меня по спине, ощупывая тело кольчатými сочленени-

ями волосатой плоти. Вот еще одна забралась под рубашку, еще и еще. Я изнемогаю от гадливости и муки. Не могу больше терпеть: они едят меня поедом, такие мягкие, мохнатые, колышущиеся. Бугры вздымаются здесь и там, и я начинаю кричать от страха. Мой крик о спасении, хотя бы и от рук ненавистной мне мисс Эвинстон, далеко разносится по дому. Злобный зеленый человечек робко улыбается!

• • •

Мисс Эвинстон спешит ко мне, все бросив и забыв даже свой шприц...

Но где же Робин? Неужели он оставил меня одну? Кто защитит мальчика?

Мисс Эвинстон приближается. На ней большая красная кофта, которой она, должно быть, спугнула того зеленого человечка!

Я не хочу, чтобы она подходила, сотворив такое!

Она говорит: «Бедная малышка!»

Зачем она подслала зеленого толстяка? Зачем она хочет уехать с моим мужем Робинот Рэем? Зачем? Зачем?

Сейчас она уйдет за шприцем. А потом... мы вырвемся отсюда по темной, сырой лестнице, мимо желтоватых стен, и дальше, на улицу, минуя красный ковер, где мы уже будем свободны, живя втроем: я, мальчик и Робин — в счастье и без печали.

Я сделаю так — и это будет хорошо.

Вот, я уже делаю! Она просит обнажить руку. Хватаю ее повыше локтя и с размаху, проворачивая, погружаю шприц в белое, барахтающееся тело, глядя, как эта дрянь переливается в нее, и она в конце концов затихает. Иголка выходит наружу из ее беспомощного тела.

Иголка опускается.

Еще. И еще раз. Множество.

Мой мальчик все видит и понимает меня.

Противная, липкая мисс Эвинстон!

• • •

Воскресенье, седьмое февраля.

Сегодня мы уезжаем отсюда, и навсегда.

Я надела ослепительно голубое платье, а Робин Рэй

понес мой чемодан. Сейчас они с мальчиком как раз поднимаются по лестнице, чтобы помочь мне спуститься.

Я сказала Робину, как я счастлива сегодня и как мы прекрасно заживем в той стране, куда лежит наш путь!

Он промолчал. Но я видела, что он прекрасно понимает меня.

Они принесли мое новое пальто. Он помог мне надеть его. Оно так узко!

Какое смешное пальто! Оно все обвернуто вокруг меня, как куколка вокруг гусеницы. Но оно очень милое, и мне в нем удобно.

Мой муж, Робин Рэй, хороший и добрый. Я люблю его и моего мальчика.

Кто-то открывает дверь. Вот и лестница! Гостиная! Прихожая! Улица! О, меня дожидается экипаж!

Сейчас мы уедем в новые страны. Надо только устроиться поудобнее и смотреть в окно. Жаль, что ничего не видно. Когда же отправление?

Мы ждем Робина, который вот-вот принесет мальчика: малыш еще не научился ходить.

Вот и он. А где же мальчик?

Что он сделал с моим мальчиком? Его с ним нет!

«Мы его похоронили, — говорит он. — Не задерживайтесь!»

ПОЛНОЧЬ ВОЛШЕБНИКА

Услышав крики, Карнади остановился. Холодные пальцы стиснули сердце. Конец был близок, и он понял, что проиграл. Крики усиливались, иголками вонзаясь в барабанные перепонки. Неимоверным усилием он заставил себя обернуться.

— Проклятье! — выдохнул он.

Птицы. Пара ворон, дерущихся за место на крыше телефонной будки. Как можно спутать карканье с криком? Тихо выругавшись, он вытер испарину со лба. Почему он так боится? Это Фарроу должен дрожать, но старый болван еще ни о чем не догадывается.

Одна из ворон взлетела и, теряя перья, скрылась из виду; Карнади двинулся дальше по тротуару. Знамение не испугало его: за свою жизнь, продолжительность которой исчислялась четырьмя долгими столетиями, Симон Карнади поднимал из могил мертвецов, обращал свинец в золотые слитки и посещал Луну, однако в душе все равно оставался скептиком. Вещи, которых он не понимал или, наоборот, понимал чересчур хорошо, не возбуждали в нем веры. Символические толкования поражали своей глупостью, но еще большей глупостью была психиатрия. Оскорбительный намек на душевное нездоровье, отпущенный в разговоре Фарроу, переполнил чашу его терпения.

Шагая тускло освещенными переулками, Карнади вспоминал подробности последнего разговора. Обрывки газет, мусор похрустывали под его подошвами, и кровь снова вскипала в жилах, когда в памяти всплывало хищное лицо Фарроу, его вкрадчивый голос...

— Симон, тебе обязательно нужно показаться хорошему психиатру. Я говорю совершенно серьезно, твоя мания преследования начинает беспокоить меня.

— Это не мания. Меня действительно преследуют, и это твоих рук дело.

— Глупости! Будь благоразумным, Симон: зачем мне преследовать тебя? Что я выиграю от этого? У меня есть все, что только возможно желать: богатство, бессмертие, власть. Что можно желать еще?

— Одиночества, Фарроу. И известности. Кроме нас, на Земле не осталось волшебников, но для тебя даже один соперник слишком большая роскошь. Черная зависть гложет тебя. Будь я слабее, все было бы не так плохо; ты был бы старшим из нас двоих. Однако наше могущество одинаково, и этого ты не в силах перенести.

— Полно, Симон. О чем ты?

— О чем? Вчера вечером меня чуть не сбила машина, сегодня я чудом не угодил в открытый колодец. Это случайности, Фарроу?

— Конечно! Почему ты не веришь мне, старина? Если бы я в самом деле хотел разделаться с тобой — разве я стал бы действовать так грубо?

— Не знаю...

— Поверь мне. Симон, тебе просто необходимо сходить к хорошему психиатру. Волшебное могущество не спасает нас от человеческих слабостей, не забывай об этом. У меня есть знакомый врач, которому можно довериться. Я пришлю тебе его адрес...

На следующий день пришло письмо. Без всякого адреса.

Карнади вытащил из кармана конверт и свирепо уставился на его содержимое. Ничем не примечательный кусок пергамента со странной рунической надписью по диагонали; разрушительная мощь, притаившаяся в угловатых буквах, в миллиарды раз превосходила весь бомбовый арсенал планеты.

— Проклятый Фарроу! — вырвалось у него очень некстати — в любом случае, они были прокляты оба. Подмеченная тонкость растянула его губы в улыбке.

На какое-то время его способность к действию была парализована ужасом. Руны давали ему три дня срока, и он безуспешно пытался избавиться от них, переправив обратно. Фарроу умело противостоял этим попыткам: не принимал ни телеграмм, ни заказных писем; не реагировал на крики: «Пожар! Горим!», не прикасался к газетам и не выходил из дому. Между тем установленный срок приближался с каждым часом. И тогда на Карнади снизошло озарение: на этот раз Фарроу едва ли удастся отвертеться.

По шатким, зловонным ступеням он поднялся на второй этаж, толкнул скрипучую дверь. Сквозь облако сигаретного дыма на него смотрел неприятный коротышка с двойным подбородком и маленькими, цепкими глазками.

— Мистер Брайан?

— Угу.

— Меня зовут Карнади. Я звонил вам.

— Угу.

— Не будем играть в прятки. Мне говорили, мистер Брайан, что вас считают одним из лучших детективов штата. Среди судебных исполнителей вам просто нет равных. Если это так, вы можете заработать состояние за несколько часов работы. Если нет, мы попусту тратим время.

Коротышка пожал плечами, прищурился и выдохнул очередную порцию дыма.

— Откровенность за откровенность, приятель. Неудачники редко задерживаются на четверть века в моей профессии. Улавливаешь?

— Неплохо сказано. А сколько в вашей практике было... э-э, случаев, когда клиенты отказывались принимать порученные вам бумаги?

— Ни одного.

Карнади нахмурился.

— Сегодняшнее поручение будет не из легких,— предупредил он.

— В моей профессии других не бывает, приятель. Каждый поросенок норовит захлопнуть дверь перед моим носом,— он хрипло рассмеялся,— но у меня на всех хватает хитрости. В конце концов они получают все, что им причитается.

Карнади довольно потер ладошки.

— Превосходно, значит, вы согласны работать на меня?

— Я согласен работать на кого угодно и когда угодно.

— Хорошо, остается одна деталь, мистер Брайан. Бумага должна быть доставлена и вручена из рук в руки сегодня, не позднее двенадцати ночи. Это основное условие сделки. Вы справитесь?

Брайан равнодушно пожал плечами.

Не отрывая взгляда от его лица, Карнади выложил на покрытую стеклом поверхность стола пачку стодолларовых банкнот.

— Вы справитесь? — повторил он свой вопрос.

Коротышка задумчиво покосился на пачку, вздохнул и накрыл ее рукой.

— Давайте вашу бумагу.

Бросив последний взгляд на руническую надпись, Карнади вложил пергамент в конверт с адресом Фарроу и протянул его детективу.

— Он прячется дома, — сказал он. — Я буду ждать вас здесь.

Брайан молча кивнул и вышел из комнаты.

Откинувшись на спинку засаленного, разваливающегося от старости кресла, Карнади вознес благодарственную молитву демонам Внешнего Круга, затем демонам Внутреннего Круга и наконец самому Властелину Тьмы. Поднявшись на ноги, он подошел к окну, распахнул створки и посмотрел на застывшую, словно глаз великана, луну.

Пробило девять вечера. Десять. В одиннадцать по спине Карнади заструились ручейки холодного пота. Сжав кулаки, он размеренным шагом вымерял каморку, изредка поглядывая в сторону луны.

Тихо скрипнула дверь, и в комнату вошел детектив.

— Ну? — задыхающимся шепотом прохрипел Карнади.

Коротышка ухмыльнулся:

— Мне показалось, что вы назвали эту работу трудной.

— Разве... это не так?

— Ни на йоту. Он продержался пару часов, но сдался, когда я устроил ему головомойку номер шесть. Номер шесть никогда не подводит.

Карнади одновременно испытал прилив облегчения и тревоги. Низкое мнение Фарроу о его умственных способностях в первый раз за четырехлет не вызвало в нем раздражения. Старый болван оказался застигнут врасплох, как мальчишка. Нанять детектива, чтобы вручить руны, — что можно придумать проще и гениальнее? Он покосился на луну, гигантской сферой нависшую над домом, и взялся за дверную ручку.

— Одну минутку.

Карнади обернулся:

— Что еще?

Детектив улыбнулся и ловким движением сунул в руку волшебника конверт.

— Вы забыли расписку.

— А-а.— Карнади кивнул, повернулся и перешагнул порог, когда внезапно сердце в его груди свернулось в ледяной комок. Надорвав конверт, он с ужасом заглянул вовнутрь.

— Я же предупреждал вас,— Брайан меланхолично пожал плечами,— что работаю на кого угодно и когда угодно.

За окном зловеще прищурилась луна.

МЫ ВМЕСТЕ, МИЛЫЙ

— Ты обещал пить по стакану в час,— напомнил я Бену, когда он во второй раз за десять минут потянулся к бутылке.

— Правильно, обещал,— пробормотал он заплетавшимся языком.— Этот стакан я выпью в счет следующего часа.

Он поднес граненый ободок к губам и запрокинул голову.

— А этот,— он снова ухватил бутылку за горло,— пойдет за час после следующего.

Несколько капель виски пролилось на скатерть. Бармен за стойкой отложил тряпку и посмотрел в нашу сторону.

— Этого хватит до десяти вечера,— успокоил меня Бен.— Торопиться нам ни к чему, а подстраховаться не помешает. Кто знает, вдруг я забуду про свой стаканчик. Что мне прикажешь тогда делать?

— Протрезветь для разнообразия,— я отобрал у него бутылку.

— Лучше подохнуть.— Бен измерил глазами содержимое своего стакана.— Пожалуй, это единственное, чего я не могу себе позволить. Стать трезвым.

Его обветренное лицо выглядело помятым, просевшим, словно походный бурдюк. Признаки прежней твердости и силы с трудом угадывались в расплывшихся чертах; странно пустые глаза, казалось, смотрели вовнутрь, но не на собеседника. Когда-то мы вместе ходили в школу. Если мне не изменяла память, сейчас Бену было около тридцати пяти. Восемь лет назад, когда я переехал из Элши в Фолривер, ему принадлежал небольшой деревообрабатывающий заводик за городом. Сегодня у него не осталось ни гроша. По слухам, которые передавались в городе, за прошлый год он попросту пропил все свое состояние.

— Послушай, Джо,— сказал он.— Ты всегда был моим лучшим другом. Если я пропущу еще малость этой микстуры,— он кивнул в сторону наполовину пустой бутылки,— мне будет легче рассказать тебе все с самого начала.

— А без этого ты не сможешь? — язвительно поинтересовался я.

— Нет.— Бен тяжело вздохнул.— Она не позволит.

— Кто «она»? Твоя подруга?

На этот раз он наполнил стакан до краев; выпил залпом и через стол посмотрел на меня. Глаза снова казались знакомыми, на лице появилось живое выражение.

— Ты неверишь мне, Джо,— проговорил он.— Никто не верит. Чарли Ньюфилда спроводили в дом для умалишенных, когда с ним случилось то же, что и со мной.

Он помолчал, потом неожиданно спросил:

— Как ты думаешь, сколько я вешу?

— Килограммов семьдесят, может быть, восемьдесят, если учесть, сколько в тебя влито спиртного.

— Я вешу ровно полтора центнера,— спокойно сказал он.— Без одежды.

— Похоже, ты перебрал, старина.

— Как бы не так! — он встрепенулся на стуле.— Я пью почти четырнадцать месяцев и не пьянею. Кто-то заливает вином свои неудачи, как, например, Джад Томас, когда его бросила подруга. Меня не бросала подруга... Клянусь Богом, нет!

Он обхватил голову руками и замер, прислушиваясь, словно кто-то кричал на него. Резко встряхнувшись, он снова сгреб горлышко бутылки.

— Кажется, маловато. Нужно добавить,— обреченным голосом сообщил он, наливая себе лошадиную порцию виски.

Спиртное неожиданно протрезвило его; Бен выпрямился на стуле.

— Ты помнишь Софи Ламберт, Джо?

Я вспомнил пятнадцатилетнюю девочку, невысокую, пухлую, с большими черными глазами. Для своих лет она была изумительно сложена, и все мальчишки глазели на нее, когда проходили мимо Черного холма, где стоял ее дом. Однако Софи Ламберт была крепким орешком: отец не отпускал ее ни на шаг; сам провожал в школу и грозно хмурился, встречая многочисленных поклонников дочери.

Однажды она исчезла; мы больше не видели ее, проходя мимо Черного холма. Ее отец говорил, что Софи поехала навестить тетку в Чикаго.

— Ее отъезд вызвал множество толков,— сказал Бен.— Некоторые утверждали, что видели, как она сбегала с каким-то коммивояжером. Остальные были убеждены, что Ламберт зарезал дочь и закопал около дома. Шериф Мозли осмотрел холм, обнюхал каждый куст, каждую травинку, но ничего не обнаружил. Лет пять назад, живая и здоровая, Софи вернулась в Эшли.

Такую потрясающую девушку, какой она стала, ты вряд ли встречал в своей жизни, Джо. Огромные глаза и лицо, по форме напоминающее сердце. Убранные в пучок на затылке волосы придавали ей чужеземный облик. Никакой косметики, кроме помады: губы Софи были пунцово-красными, как спелые вишни. Бог мой, а ее фигура! У этой девицы хватало и спереди и сзади: у меня слюнки текли, когда я смотрел на ее ноги. Талию можно было перехватить пальцами, а грудь... Знаешь, Джо, я в жизни не встречал девушки, от которой бы так терял голову. Как-то на улице она посмотрела на меня... как будто тоже была равнодушна ко мне.

Однажды вечером я надел свой лучший костюм и отправился на Черный холм в гости к Ламбертам. Думал, может быть, навестив старика, сумею перекинуться парой слов с Софи. Пошел только третий день, как она вернулась в город, так что можешь представить мое удивление, когда я нашел ее в тени на крылечке рядышком с Чарли Ньюфилдом.

У меня все внутри перевернулось. Я едва не выругался на крылечке, однако сдержался, кивнул Чарли и вошел в дом.

Ламберт сидел в кресле-качалке в полутемной прихожей; ухо наставлено на дверь, так что он слышал все, что происходит снаружи. Я чуть не растянулся, наскочив на него. Жара в тот вечер стояла не хуже чем в преисподней, но Ламберт сидел одетый в черный сюртук и белую сорочку. Помню, я еще подумал, что он довольно молодо выглядит для своих лет. По всему, ему выходило где-то под шестьдесят пять, однако на вид ему можно было дать не больше сорока. Если старик обрадовался, увидев меня, то очень хорошо скрыл это обстоятельство. Даже не пошевелился. Просто сидел и смотрел на крыльцо, словно важнее не было ничего на свете.

— Добрый вечер, мистер Ламберт,— поздоровался я очень вежливо.

Он не ответил; хмуро покосился в мою сторону и отвернулся. Итак, я уселся на свободный стул и завел разговор о том да о сем — о погоде, о ценах на удобрения и кукурузу, о том, как трудно нанять хороших работников на завод. Его ответы были односложными: «да», «нет», «может быть» и все в том же духе. Неожиданно мне в голову пришла очень странная идея.

Этот Ламберт был здоровым, крепким мужчиной. Суровое лицо, большие, сильные руки. Не знаю, как объяснить... но мне вдруг показалось, что он ненастоящий — словно одна из теней в полумраке.

Почувствовав себя неуютно, я поднялся, попрощался со стариком — «Спокойной ночи» и все такое прочее,— однако никогда я не испытывал такого сильного желания убраться подальше, как сейчас. Софи и Чарли уже ушли с крыльца. Когда я вышел на дорогу, они рука об руку огибали угол старого дома, направляясь к палисаднику. Это был жестокий удар...

Бен прикончил бутылку и принялся откупоривать следующую. Наполнив стаканы, он вцепился в свой, словно хотел раздавить его. После нескольких безуспешных попыток ободок стакана встретился с его губами и был осушен в мгновение ока. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы человек пил так много. Бен снова заговорил.

— В действительности я получил целых два предупреждения,— сказал он.— Первое — в тот вечер, когда сидел у Ламбертов и почувствовал, что старик не совсем из плоти и крови. Второе предупреждение пришло позднее: в тот день, когда я помог перенести Чарли Ньюфилда из грильбара у Багла в санитарную машину. Я не прислушался ни к одному из них. Не скажу, чтобы мне доставило огромное удовольствие надеть на Чарли смиренную рубашку, но я хорошо помню, как предвкушал новую встречу с Софи. Да, пожалуй, для меня это был грандиозный миг, когда я уселся на грудь Чарли Ньюфилда в фургоне для умалишенных. Если бы я исполнил то, о чем он просил меня тогда, сейчас я был бы счастливым человеком. Пару месяцев спустя Чарли загнулся в психиатрической клинике: говорят, отказала печень. Как бы не так! У него отказали все внутренности, уж я-то знаю!

— Что сказал тебе Чарли в тот вечер? — спросил я.

— То же самое, что собираюсь сказать тебе я, до того как кончится этот вечер,— ответил Бен, закрывая глаза.

Его челюсти напряглись. Помолчав, он снова стрёб бутылку.

— После этого я стал ухаживать за Софи, как ни за одной девушкой до нее. В том, что касается женщин, меня нельзя назвать желторотым, однако на этот раз мне попался действительно крепкий орешек. Я съездил на ярмарку и купил превосходную кобылу ореховой масти; достал костюм, который купил в Чикаго, надел самую модную нейлоновую рубашу, запонки и отправился в гости к Ламбертам. Софи только вернулась от своей тетки.

Стоял жаркий летний вечер, когда я подошел к их дому с купленной лошастью в поводу. Из дверей навстречу мне вышла сама Софи.

— Софи,— сказал я,— тебе нравится моя лошадь?

— Очень,— кокетливо отозвалась она.— Приятно видеть вас в хорошей компании.

— Это подарок тебе и твоему отцу,— объяснил я.

Естественно, она захлопала в ладоши, а ее глаза зажглись, как две большие звезды. Я понял, что она догадалась, чего я добиваюсь. Она вбежала в дом и минуту спустя появилась со своим стариком. Тот посмотрел на кобылу, потом на Софи и повернулся ко мне.

— Поднимайтесь,— пригласил он.— Выпьем немного пива.

После чего взял кобылу и отвел ее в сарай.

Мы с Софи просидели весь вечер на крыльце, но у меня ничего не вышло, потому что прямо за дверью я слышал, как со скрипом покачивается кресло — взад и вперед, взад и вперед...

Голос Бена стал хриплым. Казалось, виски совершенно не действовало на него; только в движениях появилась некоторая замедленность и онемелость.

— Она сказала мне, что старик плохо слышит,— продолжал Бен.— Разбирает голоса, но с трудом угадывает смысл слов. Я тут же обнял ее и поцеловал, однако она высвободилась и объяснила, что если старик заметит, что голоса смолкли, то выскочит словно молния на крыльцо.

Фигура у нее была как спелое яблоко,— вздохнул Бен.— Гладкая, упругая. Лицо слегка загорело, на носу собралась веснушка, но ниже выреза платья кожа напоминала свежеччищенное яблоко. У меня голова кружилась,

когда я глядел на нее. Мы целыми вечерами просиживали на крылечке и потели на солнце. Вероятно, в один из таких вечеров я понял, что уже не могу без нее. Она разрешала обнимать себя за талию, гладить руки... кожа у нее была восхитительная. И все время — долгие вечера — за дверью не переставало со скрипом покачиваться кресло.

Однажды я не мог больше сдерживаться. Сказал, что не могу без нее, что она должна быть моей. Предложил вместе уехать в мою охотничью хижину на Орлиной горе и провести там неделю-другую; запереть окна и двери, лечь на кровать и никуда не выходить. Лежать в полутьме, вдвоем, при свете свечи.

И пока я рассказывал, проклятое кресло, не останавливаясь, продолжало поскрипывать.

— Когда-нибудь я изрублю это кресло на мелкие кусочки, — пообещал я ей. — Его скрип выведет меня из терпения.

Она ничего не ответила... только кокетливо глянула на меня и захихикала. Но было видно, что мои слова тронули ее, и неожиданно мне стало ясно, что следует предпринять дальше.

С самого первого вечера, когда я пришел навестить Софи, я приносил им разные подарки: ветчину, рыбу, домашний хлеб и прочую снедь. Ламберт был ленивым работником, ферма его разваливалась, и мне казалось, что я правильно поступаю, поддерживая их.

На следующее утро я отправился к Элмеру Куперу, адвокату, и выправил кой-какие бумаги. Все имеет свою цену, и я собирался предложить неплохую сделку за девушку, руки которой добивался. При виде запустения на ферме Ламбертов и их зависимости от моих подарков, я полагал, что старику будет невыгодно отказываться от моего предложения. Разумеется, я понимал, что это не самый достойный способ добиться желаемого, однако те двое тоже вели себя не лучше.

Тем же вечером я отнес бумаги на ферму Ламбертов и выложил их на стол перед стариком. После получасового объяснения на повышенных тонах мне наконец удалось вбить в башку этого тетерева, что если он подпишет бумаги, то получит десятую долю прибыли от моей лесопилки. Это принесло бы ему пару тысяч ежегодно плюс достаточную сумму для покрытия расходов на ферме. Однако он с каменным лицом выслушал меня, затем сгреб бумаги,

швырнул ими в меня, не говоря ни слова, и вышел из комнаты. Бог мой! Я вылетел на улицу, словно бешеный шершень. Пронесся мимо Софи, окликнувшей меня ласковым голосом. «Лучше сгнуться в борделе,— сказал я себе,— чем возвратиться к ним».

Я и в самом деле не собирался возвращаться...

В тот вечер мне было одиноко и тоскливо. Я вышел на улицу, смотрел на проходящих женщин, но все они мало что значили для меня. Бесцельно слоняясь по дому (тогда у меня был собственный дом), я совсем сдался. Снова сходил к Элмеру Куперу и выправил новые бумаги. На этот раз Ламберт становился равноправным партнером в моем предприятии. Равным во всем. Я понимал, что именно этого он ждет от меня, и уступил.

После обеда я навестил Ламбертов, полный решимости сделать Софи моей. Если бы старик вздумал отказать мне на этот раз, я бы прикончил его.

Однако все обошлось. Он подписал бумаги, как только я выложил их перед ним. Даже не читая. Не заглядывая. Он знал, что написано в них. В следующую секунду из кухни показалась Софи, сияющая и счастливая. Ее губы сверкали ярко-красной помадой, она была обворожительна. Подойдя, она поцеловала меня и сказала:

— Ах, Бен, мы ждали тебя целый день. Где ты пропадал?

Мне стоило бы задуматься тогда, как она узнала, что я вернусь, и откуда ее отец знал, что написано в бумагах, даже не читая их. Стоило бы, но я не стал...

Уже минут двадцать Бен не притрагивался к своему стакану. Широко раскрытые глаза уставились в пространство за моей спиной.

— Старик вышел из дома,— проговорил он,— и Софи присела на кушетку. Неожиданно до меня дошло, что происходит. Все безумные желания, что кипели внутри, ударили мне в голову. Отвесив по дороге добрый пинок старому креслу, я подошел к Софи, сел рядом и крепко обнял ее. Она резко отодвинулась от меня.

— Не хватай меня так,— сказала она.— Я хочу принадлежать тебе.

Она улыбнулась, обвила мою шею руками. Я подхватил ее и сжал так, что почувствовал все ее тело, от губ до ступней.

— Ты хочешь меня? — прошептала она.

— Как никогда,— прошептал я в ответ и сжал ее еще крепче.

— Ты в самом деле этого хочешь? — повторила она.

— Что за глупый вопрос?

— Будь внимательнее к своим словам,— прошептала она.— Ты должен желать только меня. Всю без остатка. Навсегда.

— Черт побери! — взорвался я.— Ты знаешь, как я хочу тебя!

— Повтори.

— Я хочу тебя. Хочу! Всю без остатка!

— Мы вместе! — прокричала она что было сил.— Мы вместе!

Я впился в ее губы, чувствуя, как в поцелуе сливаются наши тела. На мгновение мне показалось, что я ощущаю ее зубы позади моих зубов, ее губы возле самого горла. Обхватив меня руками, она прижималась до тех пор, пока ее грудь не прожгла мои ребра. Я уже не мог определить, где кончается ее тело и начинается мое. Все время Софи, не переставая, продолжала кричать: «Мы вместе! Мы вместе!» — словно потеряла голову от страсти.

Все поплыло у меня перед глазами, с минуту или больше я ничего не соображал, а когда пришел в себя, то не поверил своим глазам. Джо, я стоял посреди комнаты, обнимая самого себя!

Софи исчезла. Не помня себя, я обыскал весь дом.

— Софи! Софи! — кричал я.

— Я здесь, милый,— отозвался ее голос. И она снова начала кричать: — Мы вместе! Мы вместе!

Я метался по комнатам как сумасшедший. С крыльца на кухню, с кухни обратно в спальню. В доме не было ни души, Джо! Однако я отчетливо слышал ее голос.

— Где ты, Софи? — крикнул я.

И она ответила:

— Я здесь, милый. Внутри тебя. Теперь я твоя, навеки!

Бен медленно поднялся из-за стола; на лбу и шее набухли синеватые вены.

— Внутри меня.— прохрипел он.— Она сидит там с того самого дня. Я хочу, чтобы ты застрелил нас обоих, пока она пьяна. Чарли Ньюфилд умолял меня сделать то же самое в тот вечер. Убей меня и ее, пока она не протрезвела и не свела меня с ума!

Он выхватил из кармана пистолет и со стуком бросил его на стол.

— Убей нас! — приказал он, глядя мне в глаза.

Меня окатило холодным потом. Бен издал короткий хрип и свалился на пол. Спиртное наконец подействовало на него.

Когда я приложил ухо к его груди, то едва различил удары сердца. Позвонив доктору Троттеру, я вернулся, чтобы перетащить Бена на кушетку.

Мое телосложение никак не назовешь хрупким, однако могу поклясться, что мне с трудом удалось сдвинуть Бена с места. Словно его прибили гвоздями к полу. В этот момент я вспомнил, что он говорил мне о своем весе. Если из полутора центнеров вычесть восемьдесят пять килограммов (ровно столько на первый взгляд весил Бен), останется шестьдесят пять — вес молодой женщины... потрясающей девушки вроде Софи Ламберт...

В эту же ночь я уехал из города. В мои планы входило вернуться на следующий день обратно, однако я так и не решился это сделать.

А вчера я получил письмо от Джесси Армстед, бывшей домохозяйки Бена. Она пишет, что две недели назад Бен скончался в государственной психиатрической клинике, а его лесопилка отошла старому Ламберту. Софи снова вернулась в город.

Говорит, что гостила у родственников в Чикаго.

ВЕЛЬЗЕВУЛ

В полусне Говард слышал жужжание. Это был тонкий, неуловимый шум, еле достигавший порога сознания. Какое-то мгновение Говард сомневался, возник ли звук из сна или из яви. В последнее время ему часто мерещились странные шумы. Да он и сам производил их. Его кашель по ночам раздражал Аниту, но ее все время что-нибудь раздражало, а бесшумно кашлять он не мог.

Звук нарастал, и теперь Говард знал наверняка, что бодрствует. Влажные простыни облепили тело; руки, шея онемели от долгой неподвижности.

«З-з-з-з».

Говард открыл глаза и огляделся. В комнате серел полумрак, нарушаемый яркими лучами калифорнийского солнца, проникавшего через щели в жалюзи. Воздух прогрелся, достигнув температуры включенной духовки. На креслах рассыпалась скомканная одежда, сквозь дверной проем была видна немытая посуда, горой сваленная в мойке на кухне. Потемневший от времени платяной шкаф, словно гильотина, навис над кроватью. Говард перевернулся на другой бок. Анита тревожно пошевелилась рядом. Среди разбросанных на письменном столе бумаг на него неприятно оскалилась пишущая машинка: темный зев пустой каретки и пыльные ряды клавиш-зубов.

— Клавиш-зубов.— Говард удовлетворенно хмыкнул.— Да ты настоящий писатель, старина, когда проснешься!

Сон больше не шел. Говард поворочался, проклиная жужжащее насекомое. Чертова муха! Как она влетела сюда через закрытые окна? Наверное, Анита опять открывала форточку после душа? Сколько раз просил ее не делать этого! Такая духота на улице.

Говард присел на кровати. Жужжание раздавалось совсем рядом. Он осмотрелся. Солнечные лучи поблески-

вали на металлических бигуди на голове Аниты, от ее волос пахло яблочным шампунем. Полоска света оттеняла морщинки на шее, выделяя сидевшую там жирную муху.

Вначале он принял ее за родинку, однако родинки не ползают и не шевелят лапками. Тем более родинки не могут жужжать! На шее Аниты сидела самая настоящая жирная муха, без сомнения. Без особо теплого чувства он оглядел жену: сварливое создание, вечно лезет в его дела, требует к себе внимания, а теперь еще эта дрянь на шее...

Он осторожно приподнял ладонь. Хлоп! Говард не почувствовал удара. Солнечный свет за окном померк перед вспышкой Анитино гнева:

— Негодяй! Ты хотел убить меня!

Анита настолько разъярилась, что наградила мужа парой супружеских оплеух, после чего в слезах заперлась в ванной. У Говарда онемели челюсти от бесконечных оправданий, что он и в мыслях не держал ничего плохого. Скандал постепенно утих, однако утро было непоправимо испорчено. Оставалось только одно: одеться и выйти из дому. Если он пропустит вдобавок назначенную на десять часов встречу, этот день станет самым черным днем в его жизни.

Возникла новая проблема: пойти перекусить в ближайшей пиццерии или побриться, пока еще есть время? После двухминутного раздумья он выбрал второе; стрелки часов неумолимо приближались к цифре десять, и от внешнего вида очень многое зависит.

Машина, к счастью, завелась без фокусов, и через две минуты Говард уже сидел в глубоком кресле перед зеркалом в парикмахерской. Из-за перегородки царапало нервы радио, со стен смотрели портреты голливудских знаменитостей.

«Интересно,— подумал Говард,— почему в каждом подобном заведении обязательно висят поблекшие фотографии поблекших актеров? Дурацкая традиция. Лучше бы почаще проветривали помещение».

Когда парикмахер уже заканчивал процедуру, Говард внезапно отбросил салфетку.

— Откуда здесь столько мух? — Он порывисто поднялся с кресла. — Ползают как у себя дома.

Действительно, на потолке была муха, вспоминал он позже, садясь в машину. Он долго наблюдал за ней из глубокого кресла. Но почему он вспылил? Проклятая духота!

Нервы совсем расшатались. Пожалуй, к этому парикмахеру больше не стоит ездить. Ничего, в городе хватает его собратьев по ремеслу. Если бы столько было кинопродюсеров... Возможно, тогда не было бы проблем с заключением контракта.

У него поднялось настроение при этой мысли. Пересекая вестибюль маленького офиса, где была назначена встреча, он, словно букетом цветов, одарил секретаршу широкой улыбкой. Улыбку поменьше Говард преподнес охраннику возле входа, а самая большая — от уха до уха — ожидала продюсера, мистера Джозефа Тревора. Для нее он приберег оставшиеся силы.

Все продюсеры, по мнению Говарда, были одного поля ягоды. Он прекрасно изучил их повадки: предстояло получасовое томительное ожидание сверх назначенного срока. Такая история повторялась в приемной каждого офиса, где ему приходилось бывать.

Этот Тревор тоже порядочная крыса. «Да, да. Завтра. Приходите ровно к десяти. Я оставлю для вас пропуск, страница. Не опаздывайте!» И вот... Торчишь, не переменяя позы, в маленьком кресле. Мимо проносятся какие-то фигуры, гремят звонки. Иногда видишь агентов, на цыпочках рвущихся в святая святых. Волосы их тщательно напояжены, улыбки, того и гляди, обломаются по краям. Острые воротнички рекламируют жизненный успех и бросают вызов всему старому и отжившему. Древняя развалина с дипломатом в руках их не очень занимает.

— Мистер Говард, — прошепел голосок секретарши, — вас ждет мистер Тревор.

Войдя в кабинет на полчаса позже назначенного срока, Говард задержался там не более чем на пять минут. Еще через две минуты он стоял в телефонной будке, непослушными пальцами набирая номер доктора Бланшара. Прервав бессвязные объяснения, он неожиданно замаяхнулся трубкой на маленькое наскокомое, застывшее в будку, уронив трубку и зарыдал.

Проклятый доктор! — выдал он в истерическом порыве. — Как же так! — он презрительно махнул рукой.

Милая моя, доктор Бланшар, вы же знаете...

— Доктор Бланшар, вы же знаете...

сказал доктор Бланшар, когда Говард опустился в мягкое, глубокое кресло с кожаной обивкой.

За прошедшие двадцать минут он совершенно успокоился. Конечно же, сейчас он все расскажет. Иначе не стоило звонить доктору Бланшару, нарушать его распорядок; незачем было приезжать сюда в такую жару, в этот современный, защищенный от зноя офис, где ничто не мешает расслабиться, никто не действует на нервы.

Этот офис разительно отличался от офиса мистера Тревора — об этом и рассказывал доктору Говард: о кричащих современных картинах, развешенных вокруг в беспорядке, об огромном столе с высоким креслом позади и о маленьком креслице, в котором приходится ютиться посетителю, глядя снизу вверх на хозяина кабинета. Пустая поверхность стола свидетельствует о том, что перед вами находится деловой человек, не способный тратить время на глупости, вроде чтения книг или их писания. Вы смотрите на телефакс и телефон с дополнительными номерами, говорящими, какой занятой человек перед вами; на серебряный поднос под графином с водой, показывающий, что этот продюсер преуспевает. Вот фотография жены и детишек — по всему видно, что он добропорядочный семьянин и образцовый налогоплательщик (при этом он не преминет рассказать вам, как он интервьюировал в свое время лидеров всеамериканского феминистского движения)... Приглядитесь к нему!

Но вам не с руки смотреть на Джозефа Тревора, потому что он уже обозрел вас с высоты своего положения.

— Ну, что у вас там?

Вы открываете дипломат, достаете рукопись сценария и начинаете читать. Чтение перебивается непрерывными замечаниями в стиле Микки-Мауса: «Мне понятен смысл этих реплик...», «Здесь не хватает действия...», «Вы потеряли нить сюжета. Мне нужна нить, больше действия, дружище!», «Вот это пойдёт, да-да, это годится».

Что ему до авторского тщеславия и вложенных в рукопись ценностей? Это геничайший абстракционист, зануда! Он горится за строчкой — строчка оплачивается, это понятно даже ему. Ясно, что лучший способ заработать деньги — делать бессмыслицу... «З-з-з-з».

Именно в тот момент, когда вы пытаетесь загнать Тревора в угол, заставить его купить ваш сценарий, раздается проклятое жужжание, заглушающее голос.

«З-з-з-з».

Муха примостилась на краешке серебряного подноса. Шевелит крылышками и осторожно потирает лапками округлое брюшко. С довольным видом жужжит... скотина! Под микроскопом она, наверное, грязная тварь — как посуда в мойке у Аниты.

— Я не совсем понимаю это место, — Тревор потирает крылышками, то есть руками, зеркальную поверхность стола. Лапки его покрыты грязью и оставляют сальные следы. Он дует вам в уши, потрясая измятой рукописью.

«З-з-з-з».

Его глаза впиваются вам в лицо.

Какое он имеет право держать в офисе мух? Почему их не прогоняют? Такой жаркий день, ничего невозможно расслышать! Как он смеет критиковать рукопись? Разве он не знает, что есть еще Анита, которая постоянно слоняется по дому в несвежем белье и ждет, когда вы заработаете денег?..

Лицо Тревора багровеет, становится ужасно похожим на физиономию парикмахера, уже успевшего превратиться в большую жирную муху. С протяжным жужжанием, напоминающим рев машины, он взлетает из-за стола.

«З-з-з-з».

Но, кажется, вы сболтнули что-то лишнее. Тревор встает, и вы вылетаете из кабинета; идете звонить доктору. В стеклянной будке, куда вы зашли, сидит муха — маленькое, ничтожное существо с миллионом глаз, от которых не скрыться. Она сидит на стекле и шевелит лапками. Теперь ей известно, о чем вы разговаривали с доктором и продюсером, и конечно же, она последует за вами, расталкивая по пути прохожих, пачкая их своими грязными лапками.

— Успокойтесь, Говард, — голос доктора располагает к доверию. — Когда вы заметили этих мух в первый раз?

В его глазах понимание, которого не найти во взгляде продюсера, Аниты или этих... летучих тварей.

Голос доктора вытесняет громкое жужжание.

— Вам нужен покой, Говард, — срываются с губ слова. — Ваше расстройство происходит от мнительности. Когда людям мерещится то, чего нет, надо сопротивляться сознательно...

На голове доктора сидит живая муха и судорожно потирает лапки друг о друга. Глаза ее глубоки и мутны. К несчастью, доктор не видит ее.

«Он не поможет мне,— пронеслось в голове Говарда.— Он ничего не понимает. Никто не понимает, сколько грязи на этих мухах и как они опасны!»

Муха тихонько зажужжала. Жужжание, словно сверло, начало ввинчиваться в мозг. Доктор неожиданно осекся и пристально, как до этого продюсер, посмотрел на Говарда, который в этот момент поднимался с кресла.

— Большое спасибо, доктор. Очень, очень вам признателен!

• • •

Говард остановился у машины. Он задыхался, по лбу катился пот, сердце бешено колотилось.

— Нужно успокоиться,— прошептал он, захлопывая дверцу.— Теперь мне не на кого положиться. Доктор считает, что это галлюцинации. Тревор ничего не видит. У Аниты мухи разгуливают по шее. Неужели все сошли с ума?

Он внимательно осмотрел всю машину. Никаких следов мух. В салоне становилось душно, рубашка взмокла от пота, однако у него уже начал складываться план дальнейших действий. Первым делом...

«3-3-3-3».

Муха сидела на ветровом стекле. Говард изогнулся и ловко прихлопнул ее. Хрупкие членики неприятным пятном растеклись по стеклу, повисла звенящая тишина.

«Откуда она взялась?»

Говард нервно закурил и нажал педаль газа. Он не знал, с какой скоростью могут летать мухи, но был уверен, что с машиной, пусть и старой, им не тягаться. Если только они не посланники ада. Он прибавил скорость. Машина летела по автостраде, обгоняя грузовики и сторонясь новых спортивных машин. Говард ощущал необычайную легкость и свободу. Теперь ему ничто не угрожает, у его ног целый мир. Где-то далеко в синеве неба показалась темная точка, постепенно увеличилась, перекрыв дорогу. Перед радиатором мелькнула отвратительная физиономия и скрылась.

— Вельзевул,— содрогнулся Говард и испуганно вгляделся в ровное асфальтовое покрытие дороги.

Внутри на стекле сидела муха. Говарду показалось, что он узнает ее. Мутные, мириадно-таинственные глаза

осматривали внутренность салона с недовольством и явной брезгливостью. Муха сложила крылышки и потеряла друг о друга лапки, от которых начали, кажется, отваливаться кусочки грязи. Весь вид ее говорил о величайшем презрении к людям и, возможно, о желании уничтожить человеческий род, чтобы он не занимал планету, отведенную для более совершенных существ — мух.

Их глаза встретились. Вельзевул мгновение смотрел на Говарда, исполненный высокомерного презрения, — в это короткое мгновение, вглядываясь в бесконечную сложность его волосков и сочленений, Говард все понял и почувствовал дрожь. Затем дьявол оторвался от стекла и тихонько произнес:

— 3-3-3-3.

Говард наклонился, правая рука его поднялась, корпус подался вперед. Секунду он смотрел на Вельзевула, пытаясь прочитать в его глазах свою судьбу и понять, что тот думает перед смертью...

Дром-д! Низкое бетонное ограждение приняло на себя удар вильнувшей в сторону машины. Салон заполнила густая красноватая темнота. Последнее, что расслышал Говард в скрежете стекла и железа, было громкое «3-3-3-3».

• • •

Сержант Пауэлл наклонился над лежавшим среди обломков мужчиной. К приезду патрульной машины пробка на дороге достигла громадных размеров. Пощупав пульс, Пауэлл выпрямился, пробормотал:

— Бедняга! — поморщился и пошел прочь.

Тело Говарда укладывали на носилки. С его головы взлетела жирная муха и, жужжа, уселась на густую шевелюру блюстителя порядка. Мириады глаз хищно поблескивали в ярком свете калифорнийского солнца.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Утром в четверг, когда он выходил из дома, Аделина подошла к дверям:

— Ты все еще чувствуешь привкус?

Норман укоризненно взглянул на нее.

— Ответь мне,— жена требовательно перехватила взгляд.

Он молча обнял ее, прижался к золотистым прядям щекой.

— Я спросила тебя,— сказала Аделина.

— Может быть, забудем об этом? — умоляюще проговорил он.

— Но ты уже сказал это, милый. В первую годовщину нашей свадьбы!

— Извини,— он уткнулся носом в ее плечо.— Иногда у меня вырываются глупости.

— Ты не ответил мне. Мои губы отдают кислым?

— Кислым? Что ты, конечно нет.— Он крепче обнял жену, вдохнул аромат ее пышных волос.— Ты прощаешь меня?

Она с улыбкой поцеловала его в кончик носа, и Нортон снова, в который раз, поблагодарил судьбу, подарившую ему такую замечательную жену. Второй год их супружества протекал, словно второй день медового месяца.

Приподняв ее подбородок, он поцеловал жену в губы.

— Проклятье,— вырвалось у него.

— Что случилось? Снова привкус?

— Нет.— Он смущенно опустил голову.— Теперь я совсем не чувствую твоего вкуса.

• • •

— Теперь вы совсем не чувствуете ее вкуса,— повторил доктор Филлипс.

Норман виновато улыбнулся:

— Я понимаю, что это звучит немного странно, но это так.

— Я бы назвал ваш случай уникальным,— доктор Филлипс задумчиво поправил на носу очки.

— Но самое странное не в этом,— прибавил Норман, его улыбка стала натянутой.

— А в чем же?

— Я чувствую вкус всего остального.

Доктор Филлипс внимательно посмотрел на него, поскреб переносицу, снова поправил очки.

— Запах ее тела вы чувствуете?

— Да.

— Вы уверены?

— Да. Но какое отношение это имеет...— Норман осекался.— Вы считаете, что чувство обоняния и вкус как-то связаны?

Филлипс кивнул:

— Если вы можете чувствовать ее запах, вы должны чувствовать и ее вкус.

— Возможно,— пробормотал Нортон,— но я не могу.

— Интересно,— доктор Филлипс недовольно хмыкнул.— Подозреваю, что у вас в некотором роде аллергия. Навряд ли что-нибудь серьезное. Надеюсь, скоро мы выясним причину вашего недомогания,— успокоил он встревоженного Нортон.

• • •

Когда он зашел на кухню, Аделина подняла голову от плиты, на которой разогревался обед.

— Что говорит доктор Филлипс?

— Что у меня аллергия на тебя.

— Он не мог сказать такого,— она нахмурилась.

— Однако сказал

— Будь серьезнее, с такими вещами не шутят

— Меня обещали протестировать, чтобы выяснить причину аллергии.

— Он считает, что это опасно? —спросила Аделина.

— Нет.

— Ох, слава богу,— ее лицо просветлело.

— Слава богу, как же,— пробормотал он.— Вкус

твоего тела был одним из немногих удовольствий, доступных мне в этой жизни.

— Перестань,— она ласково убрала с его плеч руки и повернулась к кастрюлям на плите.

Норман обнял ее за талию и потерся носом о ее затылок.

— Если бы я снова мог чувствовать тебя,— проговорил он.— Мне нравится твой аромат.

Аделина протянула ладонь и погладила его по щеке.

— Я люблю тебя,— прошептала она.

С испуганным вскриком Норман пошатнулся, отступая на шаг.

— Что случилось? — Аделина пристально смотрела на него.

Он потянул носом воздух.

— Что это? — встревоженно обвел глазами кухню.— Ты вынесла мусор?

Терпеливо, как ребенку, она ответила:

— Да, Норман.

— Здесь чем-то жутко воняет. Может быть...— Заметив выражение ее лица, он оборвал фразу на полуслове. Аделина поджала губы, и неожиданно он понял.— Дорогая, ты ведь не думаешь, что я хотел сказать...

— В самом деле? — ее голос дрожал.

— Аделина, прошу тебя...

— Сначала тебе показалось, что у меня кислый привкус, теперь...

Он остановил ее долгим поцелуем

— Я люблю тебя,— прошептал он,— ты понимаешь? Я люблю тебя. Неужели ты думаешь, что мне хочется ранить тебя?

Она затрепетала в его объятиях

— Ты уже ранишь, милый

Норман крепче прижал ее, погладил волосы. Нежно поцеловал ее в губы, щеки, в глаза. И повторял снова и снова, как сильно любит ее, стараясь не обращать внимания на отвратительный запах.

* * *

Открыв глаза, он замер, приставиваясь. Сосредоточившись, он ощутил на темноте. Почему он проснулся? Неужели, он протянул руку и, дрожа, пощуповал

Аделина легко пошевелинулась во сне от его прикосновения.

Откинув одеяло, он переполз на ее половину, прижался к теплому телу. Уткнувшись лицом в спину жены, снова попытался заснуть.

Неожиданно его глаза раскрылись. В страхе он приложил ноздри к ее коже и потянул воздух. Ледяные иглы пронзили мозг; боже мой, что происходит? Он снова втянул в себя воздух, на этот раз сильнее. Аделина пробормотала что-то во сне. Он замер. Обливаясь холодным потом, осторожно отодвинулся, укрылся одеялом.

Если бы его обоняние и вкус атрофировались полностью, это можно было бы понять, объяснить. Но они не атрофировались. Лежа в постели, он чувствовал терпкий привкус кофе, выпитого накануне вечером; чувствовал слабый душок раздавленных в пепельнице на столе окурков. Запах шерстяного одеяла беспрепятственно проникал в ноздри через накрахмаленный пододеяльник. Тогда почему? Она была самой большой ценностью в его жизни. Было мучением наблюдать, как она ускользает от его чувств.

• • •

До свадьбы это был их любимый ресторан. Им обоим нравилось, как здесь готовят; нравились спокойная атмосфера и маленький оркестр, под музыку которого можно было потанцевать. Норман долго раздумывал, прежде чем выбрал его в качестве места, где они могли бы обсудить накопившиеся проблемы. И горько пожалел об этом, потому что никакая атмосфера не могла облегчить напряжение, которое он ощущал последние дни.

— Что же это такое? — Он с убитым видом отодвинул от себя тарелку с нетронутым ужином. — Что-то действительно происходит с моей головой.

— Почему ты так думаешь, Норман?

— Если бы я знал, — он печально вздохнул.

Аделина погладила его руку.

— Пожалуйста, не волнуйся.

— Тебе легко говорить. Это какой-то кошмар. Я теряю тебя по частям, Ади.

— Милый, пожалуйста, не надо, — умоляюще проговорила она. — Я не могу видеть тебя таким несчастным.

— Но я действительно несчастен,— сказал он. По-скреб пальцем скатерть.— Мне только что пришла мысль сходить к психоаналитику.— Он поднял глаза.— Я должен сходить, иначе мы никогда не узнаем причины...

Заметив страх в ее взгляде, он натянуто улыбнулся:

— А-а, к черту проблемы. Схожу к аналитику, и все придет в норму. Давай потанцуем.

Она с видимым усилием ответила на его улыбку.

— Ты просто восхитительна, моя леди,— прошептал он, когда они вышли на круглую площадку перед оркестром.

— Я так люблю тебя,— тоже шепотом отозвалась она.

Где-то в середине танца Норман почувствовал, как кожа жены меняется под его руками. Крепко обняв ее, он прижался щекой к ее шее, чтобы она не заметила, как побелело его лицо.

• • •

— И теперь совершенно исчезло? — закончил доктор Бернстром.

Выдохнув облачко дыма, Норман наклонился и с силой вдавил окуроч в пепельницу.

— Да,— раздраженно ответил он.

— Когда?

— Этим утром,— на лице Нормана натянулась кожа.— Ни вкуса, ни запаха,— он передернул плечами.— А теперь я ничего не чувствую, когда прикасаюсь к ней.

В его голосе появились умоляющие нотки.

— Что происходит, доктор? Что со мной?

— Думаю, ничего опасного.

Норман с подозрением посмотрел на него.

— Что же это тогда? Я чувствую все вокруг, но когда прикасаюсь к жене...

— Я понимаю.— Доктор Бернстром передвинул на пару дюймов пепельницу.

— Тогда что это?

— Вам не приходилось слышать о слепоте, вызванной нервным срывом?

— Приходилось.

— А о нервической глухоте?

— Да, но при чем тут...

— Почему бы нам не предположить, что нервный срыв может отключать не только эти чувства?

— Предположим. И что тогда?

Доктор Бернстром улыбнулся:

— Полагаю, вы уже получили ответ на ваш вопрос.

• • •

Рано или поздно он должен был догадаться. Никакая любовь не могла остановить его. Разгадка пришла, когда Норман сидел в гостиной, тупо уставившись в разбегавшиеся на газетных страницах буквы.

Взглянем в лицо фактам. В прошлую среду он поцеловал ее и, нахмурившись, сказал: «У тебя кислый привкус, Ади». Она поджала губы, отстранилась от него. Тогда он воспринял ее реакцию как естественное проявление чувств: замечание оскорбило ее. Теперь же он пытался вспомнить до мельчайших подробностей ее последующее поведение.

Потому что в четверг утром он уже не мог чувствовать ее вкуса.

Норман виновато покосился в сторону кухни, где Аделина занималась уборкой. Кроме ее приглушенных шагов, в доме не раздавалось ни звука.

«Взгляни в лицо фактам», — настаивал кто-то невидимый в его мозгу.

Откинувшись в кресле, он вновь принялся перебирать воспоминания. Следующей была суббота, когда появился зловонный сырой запах. Естественно, Аделину обидело бы его предположение о том, что она является его источником. Он промолчал, осмотрел кухню, спросил, вынесла ли она мусор. И она немедленно отнесла этот вопрос на свой счет.

Проснувшись ночью, он не почувствовал ее запаха.

Норман прикрыл глаза. Действительно, что-то не в порядке с его головой, если в ней рождаются подобные мысли. Он любит Аделину, она нужна ему. Почему ему так хочется верить, что именно она каким-то образом связана со случившимся?

Потом был ресторан, — неумолимо всплывали в мозг воспоминания, — где во время танца ее кожа вдруг стала холодной. Он чувствовал, как его пальцы погружаются в рыхлую массу. А сегодня утром...

Норман с раздражением отшвырнул газету. «Сейчас же перестань!» Сдерживая дрожь, он сжал голову руками. «Это во мне, это я сам, я! Не позволяй своим ощущениям уничтожить самое прекрасное существо в своей жизни!» Он не позволит...

Его тело словно окаменело, губы разжались, глаза широко раскрылись, пустые от ужаса. Медленно, вслушиваясь в движение каждого мускула, он повернул голову к кухне. Аделина продолжала уборку.

Однако теперь слышались не только ее шаги.

Едва сознавая, что происходит, Норман поднялся. Тихо прокрался по мягкому ковру и замер у дверей кухни с выражением отвращения на лице, прислушиваясь к шуму, производимому женой.

Все стихло. Собравшись с силами, Норман толкнул дверь. Аделина стояла возле раскрытого холодильника. При виде мужа на ее лице появилась улыбка.

— Я как раз собиралась принести тебе... — она замолкла и неуверенно посмотрела на него. — Норман?

В горле у него пересохло. Замерев в дверях, он стоял и смотрел на нее.

— Норман, что происходит?

Тело его сотрясала крупная дрожь.

Отставив блюдо с шоколадным пудингом, Аделина поспешила к нему. Не в состоянии скрыть своего отвращения, он с криком отшатнулся, лицо исказила гримаса ужаса.

— Норман, в чем дело?

— Н-не знаю, — жалобно простонал он.

Аделина снова шагнула к нему, и снова ее остановил вскрик Нормана. Ее лицо напряглось, потяжелело, словно от внезапной догадки.

— Что еще? — спросила она. — Я хочу знать.

Норман бессильно помотал головой.

— Я хочу знать, Норман!

— Нет, — его голос прервался хриплым дыханием.

Аделина поджала прыгающие от волнения губы:

— С меня довольно, ты слышишь, Норман?

Вжавшись в стену, он пропустил ее; повернув голову, наблюдал, как она поднимается по лестнице. Выражение ужаса не сходило с его лица, пока он прислушивался к шуму, который, шагая, издавала Аделина. Закрыв уши ладонями, он стоял, сотрясаемый произвольной дрожью.

«Это во мне, это я!— твердил он себе, пока слова не начали терять свое значение.— Это я, все это внутри меня!»

Наверху с треском захлопнулась дверь спальни. Норман опустил руки и, пошатываясь, двинулся к лестнице. Она должна знать, что он любит ее; он искренне хочет поверить, что все это происходит только в его воображении. Она должна понять.

Открыв дверь в спальню, он ощупью пробрался в темноте и присел на кровать. Послышался шорох, и он почувствовал, что Аделина смотрит на него.

— Извини,— проговорил он,— наверное, я действительно... болен.

— Нет,— ее голос был безжизненным.

Норман напряженно всмотрелся в темноту.

— Что?

— Этих проблем не возникает с другими людьми, с нашими знакомыми, с продавцами из супермаркета...— ответила Аделина.— Они мало видят меня. С тобой все по-другому. Мы слишком много времени проводим вместе. Мне тяжело прятаться от тебя час за часом, каждый день, целый год. Моей силы не хватает, чтобы контролировать твой мозг; я потеряла власть над тобой. Все, что мне остается,— одно за другим отключать твои чувства.

— Ты хочешь сказать...

— Да, твои чувства не обманывают тебя. Этот привкус, запах, осязание и то, что ты услышал сегодня, существуют на самом деле.

Он сидел неподвижно, глядя на темные очертания ее тела.

— Мне следовало сразу отключить все твои чувства,— сказала она.— Тогда все было бы легче. Теперь слишком поздно.

— О чем ты говоришь? — Норман с трудом различил звук собственного голоса.

— Это несправедливо! — Аделина заплакала.— Я была тебе хорошей женой. Почему я должна возвращаться обратно? Я не хочу обратно, слышишь! Почему мне нельзя найти кого-нибудь еще и попытаться снова?

Трясущимися пальцами Норман нащупал кнопку ночника возле изголовья. Привстал и вдавил ее.

— Не смей зажигать свет! — приказал голос.

Тусклая лампа осветила спальню. Неприятный треск

и похрустывание за спиной заставили Нормана резко обернуться. Крик застыл у него в горле: с кровати поднималась полуистлевшая, бесформенная масса. Лохмотья кожи, пыль сыпались из прогнившего остова.

— Хорошо же! — слова взрывались в его мозгу, создавая иллюзию звука. — Теперь ты видишь меня!

Все чувства разом вернулись; воздух был пропитан запахом разложения. Норман отпрянул; потеряв равновесие, упал. Мертвая, просевшая фигура поднялась с постели и шагнула к нему. Норман не помнил, как выбежал из спальни. миновал темную прихожую, преследуемый умоляющим голосом, без конца повторявшим:

— Пожалуйста! Я не хочу возвращаться обратно! Никто из нас не хочет возвращаться обратно! Позволь остаться, я хочу быть с тобой... милый!..

РАНДЕВУ

Когда утонула Элен, друзья пытались уговорить меня отправиться в путешествие, однако в конце концов согласились, что больше, чем отдых, мне необходима работа, которая поможет забыться. Шесть месяцев спустя они вспомнили свое предложение. На вечеринке в загородном доме Штоков, под Лондоном, Фредди и Паула снова убеждали меня взять отпуск на продолжительное время. Мое состояние вполне объяснимо, соглашались они, однако человеческий организм, как и мозг, имеет свои пределы выносливости, поэтому не следует перегружать его работой, как это делаю я. Все мои достижения, мягко заметила Паула, ограничатся парой инфарктов и старостью в инвалидной коляске. Полгода достаточно долгий срок, и рана, когда-то такая болезненная, постепенно подживала. Остались лишь ноющая тоска и воспоминания. Фредди сообщил, что купил мне билет в десятидневный круиз до мыса Доброй Надежды, и я не стал спорить с ним.

Путешествие началось в мрачном одиночестве, которое ограждало меня от дружеского участия остальных пассажиров, не позволяя воспоминаниям вспыхнуть с новой силой. После гибели Элен я избегал новых знакомств, ограничивая свой круг общения чисто деловыми связями. Мне никак не удавалось поверить, что кто-то из окружающих способен понять меня, понять мое горе. Целыми днями я просиживал за стойкой корабельного бара, напивался до бесчувствия каждый вечер и трезвел к полудню следующего дня. Из холодных серых морей мы двигались навстречу теплу и голубым далям, но эти перемены мало волновали меня. Когда мы останавливались в портах, я не сходил на берег вместе с остальными.

Бармен пытался разговорить меня, рассказывал об интересных уголках Южной Африки, однако вскоре оставил

эти попытки, видя мою безучастность. По всей видимости, ему и раньше приходилось сталкиваться с такими пассажирами.

Мы возвращались обратно в Лондон, когда я встретил Цинтию Паркер. Сидя на своем обычном месте у стойки, я достал из пачки сигарету, поднес спичку. Пожилая дама справа от меня вздрогнула и отпрянула от огонька.

— Извините.— Я затушил спичку.

— Ничего, пустяки.— Голос у нее был сильный, с приятной глухотой.— С детства боюсь огня. Даже спичек.

Я заказал для нее порцию виски, и через четверть часа мы уже болтали, как двое старых знакомых. Ей удалось пробить брешь в стене холодной вежливости, преграждавшей путь остальным. Она держалась с уверенностью, доступной весьма немногим. Вдобавок ей были свойственны рассудительность и остроумие — качества, редко встречающиеся вместе, особенно в женщине. Ослепительная улыбка согревала остатки былой красоты; как она сообщила мне в первые пятнадцать минут, ей было шестьдесят шесть лет.

Для постороннего взгляда, даже по судовым меркам, это было необычное знакомство. В дополнение к тридцати годам разницы в возрасте нас не связывали никакие общие интересы.

Долгие часы работы в молодости сделали из меня рядового бизнесмена, привыкшего всего добиваться своими руками. Лишь с Элен моя жизнь перестала быть пресной и скучной, однако все кончилось через три до боли коротких года.

Что касается Цинтии, то она выросла в роскоши и пользовалась всеми благами, которые могут предоставить деньги.

Она трижды выходила замуж, с одним мужем развелась и пережила остальных двух. У меня создалось впечатление, что все они были состоятельными людьми, как и она сама. К тому же она неплохо разбиралась в финансовых вопросах, и мы как-то целый вечер проговорили о фондовых ставках и биржах. Ко мне снова вернулось ощущение жизни.

Цинтия оказалась превосходным собеседником; тактичность же, с которой она разрушила воздвигнутые мной барьеры, много прибавила к ее обаянию. В ней чувствовалась настоящая женственность, отделенная от секса,—

идеальное утешение для мужчины в моем положении. Трудно было определить, что привлекало ее во мне. Во всяком случае, это не было бегством от одиночества.

Спиртное меньше воздействовало на нее, хотя по количеству выпитого она не уступала мне. Часто она выволакивала меня из бара, и многие часы, которые я мог бы просидеть в пьяной полудреме у стойки, мы загорали на палубе в шезлонгах, глядя на море и разговаривая. В первые два дня я рассказывал о своей работе, о детстве. На третий я рассказал ей об Элен. Она выслушала и неожиданно произнесла:

— Так вот в чем дело. Мне с самого начала было интересно, что заставляет вас уединяться.

Она сказала это тоном врача, поставившего диагноз тяжелобольному. Странно, но отсутствие привычных слов утешения подбодрило меня. Цинтия же, насколько возможно было судить по ее реакции, никогда не испытывала горечь человеческой утраты.

Мои воспоминания для нее были чем-то любопытным, вроде истории о призраках.

• • •

В тот же вечер, после ужина, она рассказала мне о своем собственном призраке.

Мы спустились в бар. Цинтия была в превосходной форме, отпускала язвительные замечания по адресу сидевших за соседними столиками. После напряженной, сверкающей красками жизни на берегу наше затнувшееся плавание было для нее настоящим испытанием.

Пустое времяпрепровождение было незнакомо ей. Она не могла различить между элегантно одетой женщиной публичной и женщиной, которая в детстве утратила отца. Но она была женщиной, которая в детстве утратила отца. Она была женщиной, которая в детстве утратила отца.

Естественно, я поинтересовался, почему она предпочла паром самолету; вместо нескольких дней она в считанные часы могла приземлиться в аэропорту Хитроу.

Она помолчала, прежде чем ответить. Кивнула бармену, который поставил перед нами по новой порции виски.

— Я никогда не летала на самолете, — голос ее был серьезен, — и никогда не полечу.

Разумеется, всегда можно встретить пожилых дам, которым трудно привыкнуть к новшествами, вторгающимися в нашу жизнь, однако к Цинтии Паркер такое объяснение едва ли подходило. По ее словам, она держала дома гоночный автомобиль и была влюблена в собственную моторную яхту. Твердое неприятие воздушных перелетов возбудило во мне любопытство. Я спросил ее:

— Почему?

Взяв в руки бокал, она подняла его и поверх ободка посмотрела на меня.

— Я боюсь высоты. — Поверхность жидкости не шелохнулась в ее руках.

— В это трудно поверить, — я с сомнением покачал головой.

Снова наступило молчание; мне показалось, что ей не хочется продолжать разговор. Однако я ошибся; после минутного раздумья она начала рассказывать, тихим голосом. Мне оставалось сидеть и слушать.

• • •

Это произошло почти столетия назад, во время первой мировой войны, когда Цинтия была восемнадцатилетней девушкой. Многочисленные поклонники окружали ее еще со школы, и будущее обещало новые радости. Война была досадным недоразумением. Хотя, с другой стороны, с фронта прибывало постоянное пополнение в армию поклонников Цинтии — brave молодые люди в военной форме, присутствие которых на вечерах и балах приятно согревало патристические чувства их устроителей. Для состоятельных людей, умевших управлять обстоятельствами, жизнь не затихала и не теряла красок даже в 1917 году.

Перед глазами Цинтии прошли десятки молодых офицеров; кого-то ей было жаль провожать на фронт, кого-то

нет, однако ни один из них не оставил в ее памяти такого заметного следа, как Тони Андерсон. Сомневаюсь, чтобы она любила его; она не могла до такой степени потерять контроль над своими чувствами, однако он очаровал ее, и это очарование через сорок восемь лет было все еще заметно, когда она рассказывала о нем

Тони Андерсон был высоким и загорелым, с черными усами, слегка крючковатым носом и темно-синими, глубокими глазами. Его поразительную физическую силу и магнетизм Цинтия ощутила с первым рукопожатием. Помимо этого, он обладал и другими замечательными качествами. Его дедушка был английский герцог, отец — сталепромышленник с миллионным состоянием. Для родителей Цинтии, как и для нее самой, Тони был подходящей парой. Через шесть недель после знакомства отпраздновали помолвку, оставив месяц на приготовления к свадьбе.

В Тони Андерсоне чувствовалась необузданность, широта характера, и это особенно привлекало Цинтию, однако лишь со временем она осознала, насколько глубоко простирается эта необузданность. Он не жалел денег на исполнение своих желаний. Однажды, посреди ночи, он решил подарить ей браслет с бриллиантами, и владельцу ювелирного магазина на Бонд-стрит пришлось подниматься с постели, брать такси и обслуживать своего покупателя. Когда они вдвоем выехали на пикник и пристали на лодке к пустынному речному острову, воздух наполнили мягкие звуки музыки: для них играла струнная секция Лондонской королевской оперы в полном составе. Такое внимание волновало и льстило самолюбию Цинтии, но в то же время немного пугало. Потому что, отдавая себя полностью, Тони требовал того же и от нее. Они принадлежат друг другу, сказал он, навеки. Мысленно вздрогнув от этих слов, она улыбнулась в ответ:

— Для английского сердца это чересчур романтично, милый. К тому же в Библии сказано, что смерть разлучает нас.

Темно-синие глаза пристально смотрели на нее, губы сомкнулись, отяжеляя подбородок. Он медленно проговорил:

— Я хотел рассказать тебе одну историю.

— Тоже романтическую?

— Называй ее как хочешь. Она связана с моей фамилией и со смертью.

Мать моей матери была дочерью пэра и обручена с герцогом. Ее отец получил назначение посланником ко двору императора в Вене, и она отправилась с ним. Никто не знает, как это произошло, но там она встретила одного молодого венгра. Высланный из страны, изгнанник, он был, в дополнение к этому, цыганского происхождения. Они полюбили друг друга. Назначенная свадьба с герцогом приближалась, когда девушка обнаружила, что беременна. Ее возлюбленный пришел в восторг, узнав об этом. Они собирались убежать вместе и поселиться в какой-нибудь спокойной стране. Молодой человек верил в нее и в их любовь.

Но девушка испугалась того, что случилось с ней. Она призналась во всем отцу, а тот передал эту историю герцогу. Герцог был реалистом. Ко всему прочему, он был небогат для герцога, тогда как отец девушки, хотя всего лишь барон, располагал значительным состоянием. С грехопадением приданое невесты, и без того внушительное, заметно увеличилось. Свадьба состоялась в назначенное время, и довольные молодожены переехали в тихую деревушку в горах Швейцарии. Там родился внебрачный ребенок: дочь. Все складывалось как нельзя лучше.

Будущее благополучие семейства было в безопасности, и оставалось время для того, чтобы произвести на свет законных наследников. Вернее, могло бы остаться... если бы герцогиня не умерла.

Ее отец продолжал исполнять обязанности королевского посланника. Весной супруги посетили Вену, спустя почти год как девушка покинула этот город и своего возлюбленного. Они остановились в маленькой охотничьей хижине, затерянной в лесу. Люди герцога нашли и схватили бывшего любовника; уложили на супружескую постель; двое крепко держали его за руки, пока герцог вонзал в грудь несчастного отточенный нож. Рассказ о совершенной мести он приберег до следующего утра, ибо — как и все реалисты — весьма гордился собственным чувством юмора. В тот вечер герцогиня рано отправилась спать, оставив мужа наслаждаться горячим глинтвейном возле потрескивающего камина. Когда он вошел в спальню, она была мертва: кровь слабо сочилась из колотой раны в ее груди.

В этом месте Цинтия прервала свой рассказ, и я заказал новую порцию виски.

— Печальная история.— Я поднял бокал.— Она покончила жизнь самоубийством?

— Нет. С какой стати? Она ведь не знала, что ее возлюбленного больше нет в живых. В тот день она отдала распоряжение горничной навести справки о его судьбе. Снова оказавшись в безопасности, она могла позволить себе воспоминание о былом романтическом увлечении. К тому же она панически боялась вида крови.

— Значит, ее зарезал муж.

— Едва ли. В брачном контракте был пункт, по которому львиная доля приданого отходила к дочери. Хотя герцог долгое время находился под подозрением. Полиции так и не удалось найти орудие убийства.

— Значит, это мог быть...

— Грабитель — так решили в полиции. Кто-то неизвестный прокрался в дом, наткнулся на герцогиню и убил ее, когда она попыталась поднять тревогу. Потом убежал.

Я отпил из своего бокала.

— Звучит достаточно правдоподобно.

— Мне тоже так кажется.

— Но ваш... ваш жених был не согласен с такой версией?

— Он был на четверть цыган, не забывайте. Эта часть фамильного наследства сказывалась в нем больше, чем все остальное. Он путешествовал по Венгрии, некоторое время жил вместе с цыганским табором, изучил их предания, легенды. По одной из них, насильственная смерть привязывает душу погибшего к месту, где произошло убийство. Душа возвращается к месту преступления, когда смерть бывает вызвана любовью или сильной ненавистью. Цыгане искренне верят этому. Когда в таборе случается убийство, подозреваемых связывают и оставляют лежать на земле в месте, где пролилась кровь. Никто не удивляется, если некоторых из них находят мертвыми на следующее утро.

— Действительно, ничего удивительного.— Я поставил бокал на стойку.— Значит, он полагал, что его предок вернулся, чтобы наказать свою неверную любовь? И заколол ее призрачным кинжалом?

— Да. Он в это верил.

— Гм... Но вы так и не рассказали мне, почему боитесь путешествовать по воздуху.

— Он был пилотом королевского воздухоплавательного отряда. В те дни Лондон бомбили немецкие цеппели-

ны. Однажды ночью он атаковал один и сбил его. Это была безрассудная атака. На пределе храбрости. Его самолет упал вниз, объятый пламенем, вместе с цепелином. Командование посмертно присвоило ему крест Виктории.

— Простите, Цинтия, но даже теперь мне непонятно, какая тут связь?

Голос ее стал глухим:

— Он сказал мне, что мы не расстанемся после смерти. Я должна принадлежать ему. Его рассказ о цыганских предках был предупреждением, что он придет за мной, если я изменю ему. А я изменила. — Ее огромные голубые глаза уперлись в меня. — Я тоже была беременна, но через месяц после того, как был сбит его самолет, отдала себя и его сына другому мужчине.

— Разве это можно назвать изменой? — возразил я. — Что же вам оставалось делать после его смерти?

Она пожала плечами:

— Смерть мало что значила для него. Его гордость не может смириться с тем, что я отвергла его любовь. Он оставил завещание на случай своей смерти. По нему я должна была вырастить сына и продолжать жить как вдова, пока смерть не соединит нас. Вместо этого я вышла замуж. Изменила ему.

Я покачал головой:

— И вы думаете, что из-за этого.

— Он погиб в воздухе. Если он ждет меня, то только там. Погибнуть не страшно, но сгореть в падающем самолете... Увидеть, как он входит в салон.. — Она вздрогнула.

— Прошло почти пятьдесят лет, — улыбнулся я. — А сама история так же стара, как человечество.

— Что такое пятьдесят лет? — Она смотрела на ряды винных бутылок, выстроившихся за спиной бармена. — Я помню его лучше, чем буду помнить вас после того, как мы сойдем с парохода.

• • •

Мы распрощались в Саутхемптоне, не ожидая встретиться снова. Я вернулся к своей работе, иногда вспоминая о Цинтии в долгие ночные часы, когда, не в силах заснуть, я спускался вниз пообщаться с бутылкой виски.

Больше всего меня поражала необычность причины, сделавшей возможным наше знакомство. Двое людей, не имеющих ничего общего, кроме ожидания смерти. Страх возвращения умерших, в одном случае, и страстное желание — вместе с осознанием невозможности — вернуть их, в другом.

Просматривая газеты, я случайно наткнулся на имя Цинтии Паркер и прочел заметку, в которой оно появилось. На следующий день я бросил работу и переехал сюда.

В ливерпульской гостинице у меня снят номер, но я почти не бываю там. Купленная мной лодка небольшая, но прочная, и я каждый день выхожу на ней в море. Элен утонула недалеко от выхода из бухты — не больше мили от берега. Внезапный порыв ветра, волна — и друзья Элен не смогли справиться с лодкой.

Рулевому, который сидел на корме, удалось добраться до берега, после того как они перевернулись. Остальным — нет.

Я до сих пор не могу заставить себя найти его и поговорить с ним. И вряд ли когда смогу.

Но теперь по крайней мере у меня есть надежда. В газетной заметке сообщалось о смерти Цинтии: она сгорела в гостиничном номере. Полиция полагала, что она заснула с сигаретой в постели. Владельцы гостиницы поспешили заверить газетчиков, что с их стороны не было допущено никакой оплошности. Каждый этаж, каждый номер располагал противопожарной сигнализацией, электрическая проводка изолирована. Ко всему прочему, это было совершенно новое здание.

И все же Цинтия погибла от огня.

Я помнил ее страх даже перед зажженной спичкой. Полиция могла думать что угодно, но я знал, что она никогда не курила. Единственное, о чем она могла забыть, было то обстоятельство, что за прошедшие пятьдесят лет земля изменила свой облик, приблизившись к небесам «Метрополитен Тауэрс» очень новый отель; его бетонные стены возвышаются над частоколом крыш старого Лондона. Сорок пять этажей; ее номер находился на сорок втором. Приблизительно пятьсот футов. Я смотрел старые выпуски «Иллюстрированных лондонских ведомостей». Немецкий цепелин был поврежден и терял высоту, когда пилот истребителя пошел на таран. Столкновение произошло в пятистах футах над городом, к западу от Мэйфайра.

Тони Андерсон ждал почти пятьдесят лет, пока Цинтия вернется к месту его гибели.

Мои средства позволяют мне ждать бесконечно долго. Каждый день, каждый прилив я сажусь в лодку и плыву к выходу из бухты.

Время идет, сезон сменяет сезон, и я надеюсь, что море тоже меняется.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Ла-Пас расположен в двенадцати тысячах футов над уровнем моря; чуть выше — и уже нечем дышать. Тут ламы, индейцы, засушливые плато, вечные снега, города-призраки, орлы, а внизу, в тропических долинах, бродячие золотоискатели и гигантские бабочки, порхающие над цветами.

Шоненбаум мечтал о Ла-Пасе, столице Боливии, почти каждую ночь в течение двух лет, которые он провел в концлагере Торенберг, в Германии. И когда американские войска открыли наконец ворота, как ему казалось, в другой мир, он начал бороться за получение боливийской визы с упорством, на которое способен лишь настоящий мечтатель.

Шоненбаум был портным из польского города Лодзи, наследником династии портных, которую прославили пять поколений еврейских мастеров. Он поселился в Ла-Пасе и после нескольких лет упорного труда смог встать на ноги, открыв скромную мастерскую с громким названием: «Шоненбаум, парижский портной». Заказы потекли рекой, и вскоре он был вынужден искать себе помощника. Это было нелегким делом, потому что искусство обращения с иглой — экзотическое ремесло для индейцев Анд. Шоненбаум проводил много времени, пытаясь обучить подмастерьев, однако нельзя сказать, чтобы их сотрудничество было плодотворным. После нескольких попыток он сдался, оставшись в одиночестве среди гор заказов и материала. Его проблемы решила одна неожиданная встреча, словно ниспосланная судьбой, которая благоволила к нему с тех пор, как из трехсот тысяч польских евреев он оказался одним из немногих уцелевших.

Мастерская Шоненбаума располагалась на холме, откуда был виден весь город, и караваны лам с рассвета до ночи проходили под ее окнами. Стремясь придать столице

современный вид, правительственные чиновники издали указ, запрещающий этим животным появляться на городских улицах, но так как ламы представляют собой единственное средство передвижения по горным дорогам, то вереницы их, покидающие с первыми лучами солнца городские окраины с грузом корзин и тюков, по-видимому, надолго останутся обычным явлением для этой южноамериканской страны.

Каждое утро по пути в магазин Шоненбаум встречал эти караваны. Он любил лам, даже не понимая почему. Может быть, просто из-за того, что их не было в Германии. Двадцать или тридцать животных, несущих поклажу, зачастую превышающую собственный вес, обычно сопровождали два или три индейца.

В одну из таких встреч Шоненбаум остановился и протянул руку, чтобы погладить проходившее мимо животное. Он никогда не ласкал собак или кошек, которых было полно в Германии; никогда не слушал пения птиц — по одной и той же причине: без всякого сомнения, пребывание в концлагере наложило отпечаток на его отношение ко всему немецкому или связанному с Германией.

Оборванный погонщик с посохом в руке проковылял следом за караваном. Его желтоватое, изможденное лицо показалось знакомым Шоненбауму; что-то давно забытое, близкое и в то же время кошмарное, всплыло в памяти. Странное волнение охватило его при виде индейца. Этот беззубый рот; добрые карие глаза, открытые в мир, словно две незаживающие раны; длинный унылый нос; выражение постоянного упрека — полувопрос-полуобвинение — на лице человека, шагавшего рядом с ламой, буквально нахлынули на портного, когда он уже собирался повернуться спиной к каравану.

— Глюкман! — окликнул он незнакомого индейца. — Что ты здесь делаешь?

Не отдавая себе отчета, Шоненбаум произнес эти слова на родном идише. Человек, к которому он обратился, отпрянул как ужаленный и бросился бежать прочь от дороги, преследуемый Шоненбаумом. Ламы с высокомерным выражением, застывшим на высоко поднятых мордах, продолжали свой путь.

На повороте Шоненбаум поймал человека, схватил за плечи и заставил остановиться. Это действительно был Глюкман. Убеждало не столько внешнее сходство,

сколько выражение немого страдания, застывшее на лице.

— Глюкман! Это ты! — закричал Шоненбаум, все еще на идише.

Глюкман затряс головой.

— Это не я! — прохрипел он на том же языке. — Меня зовут Педро, индеец Педро. Я не знаю вас, сеньор!

— А где же ты выучился говорить на идише? — поинтересовался Шоненбаум. — В школе для бедных в Ла-Пасе?

У Глюкмана отвисла челюсть. Он дико взглянул на уходящих лам, как бы ища у них поддержки.

Шоненбаум отпустил его.

— Чего ты испугался, идиот? — спросил он. — Мы вместе сидели в концлагере. Кого ты пытаешься обмануть?

— Меня зовут Педро, — на идише пробормотал Глюкман. — Мы не знакомы.

— Рехнулся, — сказал Шоненбаум с жалостью. — Итак, теперь тебя зовут Педро. А это что?

Он схватил руку Глюкмана, на пальцах которой не было ни одного ногтя.

— Это индейцы вырвали тебе ногти?!

Глюкман попытался вырвать руку; съжившись, медленно попятился.

— Вы не вернете меня туда? — пробормотал он, задыхаясь.

— Вернуть? Куда? — переспросил Шоненбаум. — Куда я должен тебя вернуть?

Внезапная судорога сотрясла тело Глюкмана; несчастный задыхался от страха, на лбу выступили крупные капли пота.

— Все кончилось, — словно глухому, прокричал ему Шоненбаум. — Все кончилось пятнадцать лет назад! Гитлер мертв и лежит в могиле!

Кадык на длинной, худой шее Глюкмана спазматически задвигался, губы растянула хитрая улыбка:

— Они всегда говорили это, но я не верю их обещаниям!

Шоненбаум глубоко вздохнул. Высота в двенадцать тысяч футов затрудняла дыхание, однако это была не единственная причина.

— Глюкман, — торжественно проговорил он. — Ты всегда был идиотом, но это уж слишком. Очнись! Все кончилось, нет больше Гитлера, нет СС и газовых камер; все

в прошлом. У нас теперь есть собственная страна, Израиль, с армией, судом и своим правительством! Не надо больше прятаться! Идем!

— Ха-ха-ха,— мрачно отозвался Глюкман.— Этот номер у них не пройдет.

— Какой номер? — удивился Шоненбаум.

— Израиль,— заявил Глюкман,— такой страны не существует!

— Что ты несешь? Она существует! — возмутился Шоненбаум и даже топнул ногой.— Существует! Ты не читаешь газет?

— Ха,— Глюкман неопределенно хмыкнул.

— Даже здесь, в Ла-Пасе, есть израильский консул. Ты можешь получить визу и поехать туда.

— Со мной этот номер не пройдет. Еще одна немецкая штучка,— решительно отрезал Глюкман.

У Шоненбаума мурашки побежали по коже от уверенности, прозвучавшей в его голосе.

«Что, если это правда? — мелькнула неожиданная мысль.— Немцы вполне способны на такую подлость. Всем собраться в определенном месте с документами, подтверждающими еврейское происхождение. Все собираются, садятся на корабль, плывут в Израиль — и что же? Снова оказываются в лагере смерти... Бр-р... Такое возможно. Глюкман прав! Израиля быть не может. Это провокация. Боже мой,— подумал он,— неужели я тоже схожу с ума?»

Вытерев платком выступивший на лбу пот, он попытался улыбнуться. Словно издалека до него доносилось похожее на баранье блеяние бормотание Глюкмана:

— Израиль — это ловушка, чтобы собрать вместе всех, кто сбежал, и уничтожить. Немцы не дураки, они знают, как делаются такие вещи! Хотят собрать нас всех вместе, как в прошлый раз, и сбросить атомную бомбу. Я их знаю.

— У нас есть собственное еврейское государство,— терпеливо, словно ребенку, попытался втолковать собеседнику Шоненбаум.— Имя президента Бен-Гурион. У нас есть армия, мы представлены в Организации Объединенных Наций. Все прошло.

— Нет,— убежденно затряс головой Глюкман.— Я на своей шкуре изучил их уловки.

Шоненбаум обнял друга за плечи.

— Идем,— сказал он,— ты останешься со мной. Мы сходим к доктору...

• • •

Два дня ушло на то, чтобы из бессвязных воспоминаний жертвы составить некоторое представление о перенесенных им страданиях. После освобождения, которое, по мнению Глюкмана, было результатом временных разногласий между антисемитами, он укрылся в предгорьях Анд, искренне убежденный, что скоро все придет «в норму» и только индейский погонщик сможет избежать пристального внимания гестапо.

Шоненбаум не оставлял попыток объяснить другу, что больше нет никакого гестапо; что Гиммлер, Штрайхер, Розенберг принадлежат далекой истории, тогда как Германия превратилась в демократическую республику, но Глюкман только пожимал плечами и хитро улыбался: старая лисица не попадается в капкан дважды. Когда же Шоненбаум, исчерпав все доводы, показал ему фотографии израильских школ и армейских подразделений — счастливых молодых людей со спокойными лицами,— Глюкман гнусавым голосом начал читать заупокойную молитву по евреям, которых вражеское коварство собрало вместе, чтобы стереть с лица земли, как в дни варшавского гетто.

То, что Глюкман был туповат, не составляло для Шоненбаума особой тайны. Рассудок несчастного оказался менее вынослив, чем его тело. В концентрационном лагере его любил истязать помощник коменданта Айхмана, эсэсовский штурмфюрер Шульц. Мало кто верил, что Глюкман вырвется живым из рук этого звероподобного наци.

Как и Шоненбаум, до войны Глюкман работал портным. И хотя его пальцы утратили былую сноровку, он довольно быстро освоился с иглой, и мастерская «Парижский портной» начала наконец справляться с заказами, которые продолжали течь рекой.

Глюкман работал в темном углу, плотная сатиновая занавеска скрывала его от посторонних глаз. На улицу он отваживался выходить лишь поздно вечером, когда затворялись двери в домах, стихали шаги случайных прохожих. Постоянно думая о чем-то своем, он изредка непонятно улыбался; его глаза таинственно поблескивали, словно из-

лучая сияние некоего недоступного знания, приносящего несчастье его обладателю.

Дважды он пытался бежать; первый раз это случилось в шестнадцатую годовщину падения рейха. Боливийская полиция вскоре вернула беглеца. Во второй раз отлучка была продолжительнее. По возвращении Глюкман напился, бродил по улице и кричал, что с гор сойдет великий вождь и устроит всем кровавую баню.

Прошло полгода, и Глюкман заметно остепенился: перестал прятаться за занавеской, охотно отвечал на вопросы заказчиков и даже изредка выходил прогуляться в город. Однажды утром, войдя в мастерскую, Шоненбаум услышал невероятное: Глюкман напевал, энергично работая иглой.

После трудового дня Глюкман оставался в мастерской, ложился в клетушке-подсобке на вытертый тюфяк и пытался заснуть. Приступы бессонницы перемежались с кошмарами; прошлое упрямо не желало выпускать из когтей свою жертву, и наутро подмастерье имел довольно изможденный вид.

Однажды, вернувшись в мастерскую за забытым второпях ключом, Шоненбаум с удивлением обнаружил, как его друг складывает в плетеную корзинку съестные припасы. Забрав ключ, портной вышел, однако вместо того, чтобы идти домой, подождал поблизости, наблюдая, как его подмастерье, крадучись, выходит из дверей и с корзинкой под мышкой растворяется во мраке. На следующий день Глюкман имел довольный вид, словно только что заключил отличную сделку.

Странные отлучки продолжались каждый вечер в течение двух недель. Портного раздражало любопытство, однако, зная скрытную натуру друга, он не решался спросить о таинственном получателе корзинок с провизией. В один из вечеров после работы Шоненбаум снова терпеливо подождал на улице; ближе к восьми часам в окне мастерской погас огонек свечи и из дверей бесшумно выскользнул подмастерье со своей неизменной корзинкой под мышкой. Шоненбаум осторожно последовал за ним; Глюкман шел торопливо, держась стен, иногда оборачиваясь, словно пытаясь уйти от возможных преследователей. Все эти предосторожности только усиливали любопытство портного, перебежавшего от дома к дому, замиравшего возле стен, когда шаги впереди стихали. Безлунная ночь благоприят-

ствовала ему. Несколько раз он терял из виду своего друга, однако нагонял и, несмотря на одышку и слабое сердце, все-таки следовал за ним. На улице Революции Глюкман свернул в одну из подворотен. Выждав несколько минут, портной прокрался следом.

Он оказался в одном из караван-сараев рынка Эстасьон, откуда нагруженные товарами ламы каждое утро отправлялись в горы. Индейцы вповалку спали на ворохах соломы, в навозной вони; длинные шеи лам высывались среди тюков с товарами. Арка в противоположном конце двора вела в большую темную аллею. Глюкмана нигде не было видно, однако в подвальном окошке одного из домов слабо мерцал свет керосиновой лампы. Подобравшись ближе, Шоненбаум опустил на корточки и заглянул вовнутрь. Возле грубо сколоченного стола, в полутемной комнате стоял Глюкман и выкладывал из корзинки принесенную еду. На столе по очереди появлялись колбаса, пиво, каравай хлеба. Сидевший спиной к Шоненбауму человек отдал короткое приказание, и из корзинки появилась пачка сигарет.

С заискивающей улыбкой Глюкман отступил от света. Выражение его лица было ужасно: так мог улыбаться только безумец. В этот момент человек, сидевший спиной к окну, повернул голову, и Шоненбаум почувствовал, как на голове у него приподнимаются волосы. Перед ним сидел штурмфюрер Шульц из лагеря Торенберг.

Какую-то долю секунды портной цеплялся за мысль, что это, возможно, галлюцинация. Однако ошибиться было невозможно. На него смотрело лицо чудовища.

После войны Шульц исчез. Кто-то говорил, что он умер, кто-то — что он скрывается где-то в Южной Америке. Теперь он видел его собственными глазами — тяжелая, надменно выпяченная челюсть, коротко подстриженные волосы, прежняя хищная улыбка. Однако самым страшным был вид Глюкмана, застывшего рядом, угодливо склонившегося перед человеком, который ради садистского наслаждения оставил беднягу без ногтей. Не безумие ли видеть это? Почему он каждую ночь приходит сюда кормить своего палача, вместо того чтобы убить его? Выдать, наконец, полиции?

Недоумение Шоненбаума возрастало. Увиденное не укладывалось в его сознании. Он попытался закричать, позвать на помощь, но все, что смог сделать, — беззвучно

открыть рот и молча наблюдать за происходящим в подвале. Услужливо изогнувшись, Глюкман наполнял пивом стакан своего мучителя. Абсурдность этой сцены ошеломила Шоненбаума, он стоял и смотрел, не в силах пошевелиться, не воспринимая происходящего. Из прострации его вывел короткий оклик за спиной. Рядом стоял Глюкман

Мгновение оба молча смотрели друг на друга: один — беспомощно, другой — с хитрой, почти жестокой ухмылкой, с сияющими безумным блеском глазами. Шоненбаум заговорил, едва узнавая собственный голос:

— Ведь он же пытал тебя! Каждый день, почти два года! А ты приносишь ему еду, унижаешься, вместо того чтобы вызвать полицию и покончить с ним навсегда!

Хитрая улыбка на лице Глюкмана стала торжествующей. Словно из мрака прошлого долетели слова, от которых на голове Шоненбаума зашевелились волосы и заколотилось сердце:

— Он обещал обращаться со мной лучше... в следующий раз.

Призрачные гости
Мэри Дэнби и Р.Четвинда-Хэйеса

НЕВИДИМКИ

— Чем занимаетесь, мистер Патсон? — доктор Смит оторвал свою замечательную чернильную ручку на несколько дюймов от бумаги.

— Экспортные поставки, — счастливо улыбаясь, ответил мистер Патсон.

Действительно, все складывалось не так уж и плохо. Во-первых, ему удалось попасть на прием к доктору Смигу, а не к его коллеге, доктору Мейенштейну. Не то чтобы он имел что-нибудь против доктора Мейенштейна: он никогда до этого не встречал его, однако мистер Патсон мог выбирать, а доктор Мейенштейн — нет. Если визит к психиатру неизбежен, то лучше иметь дело с врачом, носящим простую и успокаивающую фамилию Смит. И действительно, во внешности доктора Смита — круглолицего пятидесятилетнего мужчины — не было ничего необычного, настораживающего; при желании его можно было принять за самого обыкновенного бухгалтера, адвоката или зубного техника. Отпечаток доверительности чувствовался во всей обстановке его кабинета — так выглядит вестибюль в хорошем отеле. А его чернильная ручка! Она была просто восхитительна! Мистер Патсон мысленно напомнил себе, что следует поинтересоваться у доктора Смита, где тот приобрел такую ручку. Ну разве может человек, который на приеме у врача способен замечать подобные мелочи, быть психически ненормальным?..

— Это семейное дело, — продолжал мистер Патсон, улыбаясь. — Его основал мой дед. Первоначально для дальневосточных импортеров; иностранные фирмы, особенно в удаленных местах, заказывали через нас оптовые партии необходимых им товаров. Конечно, сейчас это уже не то, что было лет пятьдесят назад. Но с другой стороны, все эти торговые ограничения и система экспортных лицензий нам здорово помогли. Иностранцам трудно про-

биться сквозь такие барьеры, так что мы улаживаем все дела за них. Работа достаточно нервная, но небезынтeресная. В целом она мне нравится.

— У меня складывается именно такое впечатление,— проговорил доктор Смит, делая пометку в своем блокноте.— Полагаю, ваши финансовые дела в полном порядке? В наше время у многих предпринимателей возникают сложности в отношениях с банками. У меня, например. Это естественно.

Как усталый актер в затянувшейся пьесе, он выдал механический смешок, и мистер Патсон отозвался ему, как другой усталый актер. После этого лицо доктора Смита приняло серьезное выражение. Прицелившись, как из пистолета, он наставил на мистера Патсона свою ручку.

— Значит, нам не стоит обсуждать этот вопрос, не так ли, мистер Патсон?

— Ах да. Разумеется, разумеется,— поспешно проговорил мистер Патсон, теперь уже не улыбаясь.

— Отлично,— доктор Смит не опустил ручку,— расскажите мне, что вас беспокоит.

Мистер Патсон задумался.

— Прежде чем рассказывать, могу я задать вам один вопрос?

Доктор Смит нахмурился, как будто его спросили о чем-то неприличном.

— Если вы думаете, что это может помочь...

— Да, я думаю, это поможет,— сказал мистер Патсон.— Прежде чем начать объяснять, мне необходимо узнать ваше мнение.

Он нерешительно поерзал в кресле.

— Доктор, вы верите в существование дьявольского принципа? В некое объединение злых начал, которые стремятся уничтожить человечество; их агенты — а на самом деле демоны и бесы низшего ранга — живут среди нас в оболочке людей. Вы верите в это?

— Разумеется нет,— доктор Смит отвечал без малейшего колебания.— Это обычное суеверие, не подтвержденное научными данными. Хотя и объяснимое — мы не будем сейчас вдаваться в подробности,— когда человек подвержен эмоциональным стрессам. Конечно же, все это чистая фантазия, субъективная по своей природе. Но ваше замечание о том, что среди нас живут агенты дьявольского принципа, само по себе может представлять опас-

ность. Такое убеждение может повлечь за собой серьезные асоциальные последствия, вы понимаете меня, мистер Патсон?

— А... да, понимаю. Я хотел сказать, иногда... м-м... когда я смотрю на это, как вы, доктор, мне кажется, что я понимаю. Но чаще мне это не удается. Вероятно,— добавил мистер Патсон с вымученной улыбкой,— поэтому я и сижу здесь.

— Так, так,— пробормотал доктор Смит, делая какие-то пометки в блокноте.— Думаю, вы правильно поступили, решив обратиться к психиатру. Подобные отклонения могут стремительно прогрессировать, хотя в данном случае речь может идти скорее о регрессе. Не буду утомлять вас терминами, мистер Патсон, просто скажу, что вы — или это была инициатива миссис Патсон? — очень своевременно предприняли этот деликатный шаг. Теперь, когда вы знаете мое мнение, я думаю, вам лучше рассказать все с самого начала. И пожалуйста, ничего не опускайте; не бойтесь показаться смешным. Вы можете рассчитывать на мою помощь только в том случае, если будете полностью откровенны, мистер Патсон. По ходу разговора я буду задавать вам вопросы, чтобы лучше понять некоторые детали. Да, я забыл предупредить, что у нас не практикуются психоаналитические методы. Однако, если вы почувствуете, что вам будет легче говорить, не видя моего лица...

— Нет, все нормально.— Мистер Патсон с облегчением обнаружил, что ему не придется лежать на кушетке и бормотать, обращаясь к стене напротив.— Мы можем просто продолжать наш разговор. Во всяком случае, я попытаюсь.

— Хорошо. И помните, мистер Патсон, постарайтесь рассказать мне все, что находите важным. Можете курить, если это поможет вам сосредоточиться.

— Благодарю, немного попозже.

Мистер Патсон помолчал, перебирая воспоминания. Наконец он решился.

— Это началось около года назад. Мой кузен работает в издательской фирме, и как-то раз он пригласил меня пообедать с ним в его берлингтонском клубе. Наверное, он думал, что мне будет приятно провести вечер среди писателей и художников, которые там собираются. Так вот, после ужина мы час или два поиграли в бридж, потом зашли

в гостиную, где взяли по коктейлю, перед тем как уйти. Мой кузен разговорился с другим издателем, и где-то с четверть часа я был предоставлен самому себе. Вот тогда я и услышал, что говорил Фарбрайт — вы знаете, известный художник. Очевидно, он здорово выпил, хотя пьяным его нельзя было назвать, и разглагольствовал перед небольшой компанией по другую сторону камина. Насколько я понял, он недавно вернулся из Сирии и пересказывал услышанное там, хотя, по его словам, это лишь подтверждает то, о чем он уже долгое время догадывался сам.

Доктор Смит одарил мистера Патсона иронической улыбкой.

— Вы имеете в виду дьявольский принцип?

— Да,— сказал мистер Патсон.— Фарбрайт утверждал, что старое представление о пурпурно-угольном Сатане, дышащем серой и соблазняющем священников, в корне неверно. Хотя он мог являться таким в средневековье. Демоны тогда целиком состояли из энергии и огня. Фарбрайт цитировал Блейка — я тоже его читал,— чтобы показать, что это были ненастоящие дьяволы, а их преисподняя — ненастоящая преисподняя. По словам Фарбрайта, Блейк самым первым предположил существование дьявольского принципа. Но в те века он еще только начинался. Как сказал Фарбрайт, этот чудовищный план только в последние несколько лет серьезно взялся за нас.

— Взялся за нас? — доктор Смит приподнял брови.— И каким же образом?

— Насколько я понял из рассуждений Фарбрайта,— с некоторой горячностью объяснил мистер Патсон,— дьявольский принцип старается направить человечество по пути общественных насекомых; превратить людей в автоматы: существа, лишённые индивидуальности; в бездушные машины из плоти и крови.

Беседа, казалось, начинала развлекать доктора Смита.

— И в чем же кроется цель этого дьявольского плана?

— В уничтожении человеческой души,— произнес мистер Патсон, не отвечая на улыбку.— Из человеческой природы собираются вычеркнуть те свойства, которые принадлежат Богу. Дьявольский принцип сметет с лица земли любопытство, радость, все глубокие чувства, желание творить и наслаждаться жизнью. Не забывайте, что я повторяю слова Фарбрайта.

— Но вы ему верите?

— Даже тогда я не мог отделаться от ощущения, что в этом что-то есть. Раньше мне никогда не приходилось задумываться о подобных вещах — я самый обыкновенный человек, занимаюсь своим делом и не влезаю в философские рассуждения, но с некоторого времени у меня складывается впечатление, что дела идут как-то не так; кажется, что каким-то образом они вышли из-под нашего контроля. Я согласен, в теории мы сами отвечаем за образ жизни, который ведем. Однако на практике оказывается, что мы глубже и глубже увязаем в жизни, которая нам не нравится. Это напоминает огромную серую прачечную,— несколько возбужденно продолжал мистер Патсон, избегая внимательных глаз собеседника,— куда нас всех заставляют сдавать белье, и каждый раз мы получаем его обратно все более и более блеклым, бесцветным, пока краски, наконец, не исчезают совсем.

— Если я правильно понял,— проговорил доктор Смит,— сейчас вы передаете ваши собственные ощущения, а не то, что рассказывал этот Фарбрайт?

— Про прачечную — да. И о том, что все идет как-то не так. Да, это мои ощущения. Как будто все вещи вокруг непрерывно теряют форму, вкус, цвет. Вы понимаете меня, доктор?

— О да. Знакомая картина. Может быть, некоторую роль тут играет ваш возраст...

— Я так не думаю,— твердо возразил мистер Патсон.— Тут совершенно другое. Я в этом уверен.

— Насколько вы можете быть в этом уверены,— спокойный голос доктора Смита не выражал ни тени сочувствия.— Не забывайте, что английский средний класс, к которому, очевидно, принадлежите и вы, не так давно пережил тяжелейшие экономические и социальные потрясения. Следовательно, любой представитель этого класса — я сам отношусь к нему — не может не чувствовать, что ритм жизни изменился и уже не тот, что был, скажем, до войны.

— Все это я слышу каждый день, доктор.— Мистер Патсон взглянул ему в лицо.— Моя жена и ее подруги не могут говорить ни о чем другом. Нет, здесь что-то другое. Как либерал, я всегда верил в социальную реформу, и классовая борьба для меня пустой звук. Страдать оттого, что пирог разделен так, а не иначе, просто бессмысленно. Я го-

ворю о других вещах, и всевозможные реформы входят сюда только потому, что их используют.

— Простите, не совсем понимаю вас, мистер Патсон.

— Сейчас попробую объяснить. В тот вечер мне никак не удавалось избавиться от мысли, что в словах Фарбрайта что-то есть. Может быть, в первый раз кто-то назвал мне причину, из-за которой все так происходит. — Он с надеждой взглянул на собеседника.

Доктор Смит, иронически улыбаясь, покачал головой:

— Гипотеза о загадочном и вездесущем дьявольском принципе? Пожалуй, этого маловато для объяснения, мистер Патсон.

— Это только начало, — ответил мистер Патсон довольно воинственно. — Сейчас мы подошли вплотную к агентам принципа.

— Ах да... агенты. — Доктор Смит постарался придать лицу серьезное выражение. — Это Фарбрайт подсказал вам такую идею?

— Да. Признаться, самому мне и в голову такое не приходило. Существуют два способа, которым дьявольский принцип может воспользоваться, чтобы превратить нас в насекомых. Первый — посредством внешнего контроля: возможно, какой-нибудь радиопрограммой, которая постоянно вертится у нас в мозгу, заставляя бросать начатое, больше заботиться о собственной безопасности, не питать иллюзий и не тратить энергию и время на пустое любопытство и размышления.

— Фарбрайт говорил, что нечто подобное уже происходит?

— Да, но это не его наблюдение. Человек, с которым он встретился на Ближнем Востоке, очень определенно утверждал, что безостановочная пропаганда уже работает. Но есть и второй способ — прямой контроль с использованием агентов принципа: что-то вроде «пятой колонны» Дьявола. Их с каждым годом становится все больше и больше.

— Кого? — с добродушной улыбкой поинтересовался доктор. — Дьяволы?

— Это название как нельзя лучше отражает их сущность, — без улыбки проговорил мистер Патсон, слегка нахмурившись. — Правда, может сложиться неправильное представление о них: рога, хвосты и тому подобное. На самом деле они ничем не отличаются от нас, но они не люди.

Они не такие, как мы. И не любят нас. То, что они делают, направлено против нас. К тому же они держатся вместе: продвигают друг друга по служебной лестнице, постепенно завоевывают все большее влияние и власть. Что мы можем противопоставить им? — мистер Патсон почти выкрикнул свой вопрос.

— Если бы такие силы существовали,— спокойно отозвался доктор Смит,— думаю, мы очень скоро оказались бы в их власти. Однако они живут лишь в мире фантазии, хотя и там способны наделать вреда. Вероятно, последнее время вы много или — будет лучше сказать — излишне много размышляли об этих демонических созданиях. Все признаки налицо. Как, кстати, вы называете их? Мы сэкономим время и избежим возможных неточностей, если дадим им имя.

— Их зовут Невидимки,— не раздумывая ответил мистер Патсон.

— Ага, Невидимки! — Доктор Смит снова нахмурился и плотно сжал губы, возможно, чтобы продемонстрировать неудовольствие таким поспешным ответом.— Вы в этом уверены?

— Почему нет? Вы спрашиваете, как я называю их — я отвечаю. Конечно, мне не известно, как они зовут себя сами, но это имя придумано не мной.

— Угу... снова Фарбрайт?

— Да, я слышал, как он называет их, и мне показалось, что это удачное имя. Им доставляет удовольствие, когда мир лишается красок. И что-то еще в них самих... ничего похожего на раскрашенных чертиков из сказки. Спокойные, прозрачные человечки, занятые вымысливанием красок.

— Вы в самом деле так думаете? Хочу прояснить ситуацию, мистер Патсон. Как я уже говорил в начале нашей беседы, идея так называемых Невидимок может иметь серьезные асоциальные последствия. Одно дело — открыть загадочный дьявольский принцип, который затягивает нас в свои дьявольские сети, и совсем другое — отыскивать среди добропорядочных граждан переодетых демонов. Вы понимаете?

— Разумеется,— мистер Патсон сделал нетерпеливый жест рукой.— Я не настолько болен, чтобы вы напоминали мне об этом. Что касается Невидимок... наверное, эта идея кажется вам слишком хорошо знакомой, не так ли?

Вот и они, скажете вы, сидят по углам, выставив рожки.

Доктор улыбнулся:

— И все-таки вы не встретили ни одного из них. Разве это не доказывает беспочвенность ваших предположений? Может быть, именно отсутствие доказательств и побуждает вас отыскивать истину в этой абсурдной теории? Получается, что... — он поднял указательный палец.

— Кто говорит, что я не встретил ни одного из них? — негодуя перебил мистер Патсон. — Откуда вы это взяли, док?

— Вы хотите сказать...

— Естественно. Я знаю по меньшей мере дюжину Невидимок. Брат моей жены — один из них.

По виду доктора Смита нельзя было сказать, что он шокирован или удивлен. Минуту или две он просто смотрел перед собой, потом быстро набросал какие-то заметки в блокноте. С этого момента строгого, но снисходительного учителя сменил врач, занятый тяжелобольным.

— Вот так, значит, мистер Патсон. Вы говорите, что знакомы по меньшей мере с дюжиной Невидимок и один из них — брат вашей жены. Правильно? Ну что ж, давайте с него и начнем. Когда и как вы обнаружили, что он Невидимка?

— Я несколько лет наблюдал за Гарольдом, — медленно проговорил мистер Патсон. — Не знаю почему, но он никогда не внушал мне симпатии. И постоянно представлял для меня какую-то загадку. Один из тех людей, которых трудно понять, да они и не стремятся, чтобы их понимали. Во всяком случае, их поступки невозможно объяснить обычными человеческими чувствами. Такое ощущение, что внутри у них ничего нет. Как заводные машинки, вы понимаете?

— Будет лучше, если вы перестанете задавать вопросы. Не отвлекайтесь. Рассказывайте о своих мыслях и чувствах... в отношении Гарольда, например.

— Да, Гарольд. Он оказался одним из них. Без мыслей, без чувств, без мотивов. Из-за жены я пытался ближе узнать его: мы беседовали, иногда вместе прогуливались. Его нельзя назвать необщительным; когда я говорил, он внимательно слушал. Если я задавал вопрос, он что-нибудь отвечал. Холодно, бесцветно. Понимаю, у каждого своя манера поддерживать беседу — в этом нет ничего плохого,

на меньше чем через полчаса мной овладевала смертельная усталость, даже если речь шла о моей работе. Я не представлял, о чем говорить дальше, и между нами образовался вакуум. Он пользовался приемом, который я часто замечал у других: человек намеренно не поощряет вас продолжать, просто стоит и ждет, пока вы не сморозите какую-нибудь глупость. Сейчас это можно объяснить характером его деятельности. Когда мы познакомились, он работал помощником мэра в городском совете. Естественно, что человек в такой должности должен тщательно следить за своими поступками. Он не может позволить себе уйти раньше времени с работы, должен слишком многим угодить и никого не обидеть. Казалось, такая позиция должна была сделать его мягче, человечнее, но этого почему-то не случилось. Сейчас он занимает пост мэра, и надо отдать ему должное, у него были амбиции, желание сделать карьеру. Вы меня понимаете? Ах да, забыл, никаких вопросов. Что ж, таким он был.

Однако я заметил еще одну особенность его характера. Даже жена согласилась со мной. Он был, что называется, скучным человеком. Если пойти вместе с ним, например, в цирк, он не только не улыбнется сам, но каким-то образом умудрится сделать так, что и у вас пропадет всякое желание смеяться. Мне очень нравятся хорошие спектакли, и я ничего не имею против, если приходится посмотреть один и тот же во второй раз, но если рядом Гарольд — неважно, как называется спектакль, мне он уже не нравится. Он не критикует, не отворачивает нос, но каким-то непостижимым образом одним своим присутствием лишает представление оживления и красок. Потом только диву даешься, зачем истратил вечер и деньги на такую серую постановку. То же самое произойдет, если взять его на футбол или матч по крикету: сонное времяпрепровождение вам обеспечено. Приглашать его в гости равносильно самоубийству. Он будет вежлив, полезен, исполнит все, о чем его ни попросят, но вечер пойдет насмарку. Как будто он неощутимо опрыскивает нас особым дьявольским составом, от которого мы устаем, скучаем и впадаем в депрессию. Однажды мы с женой были настолько неосторожны, что пригласили его провести вместе отпуск. Мы планировали объехать на машине Францию и Италию. Это был худший из наших отпусков. Гарольд убил его. Все, на что он ни смотрел, казалось меньше и невзрачнее, чем на

самом деле. Шартрез, Лувр, Прованс, итальянская Ривьера, Флоренция, Сиена — все они съезжались и поблекли. Оставалось только удивляться, зачем мы отправлялись в путешествие, вместо того чтобы провести лето в Торки или Борнмауте.

Мистер Патсон печально посмотрел на свои руки и продолжал:

— Пока меня не научил горький опыт, я часто разговаривал с Гарольдом о различных планах по развитию моего предприятия. Но стоило только выложить ему все детали, и я чувствовал, что мой энтузиазм улетучивается как воздух. Я чувствовал — или он заставлял меня чувствовать, — что никакое новшество не стоит риска. Лучше работать по-старому. Я, вероятно, разорился бы, если б не перестал говорить с Гарольдом о своих делах. Сейчас, когда он спрашивает меня о новых планах, я отвечаю, что у меня их нет. К сожалению, тогда я еще не знал о Невидимках. Однако Гарольд не выходил у меня из головы, может быть, потому, что он был моим родственником. Когда он стал мэром, я начал больше интересоваться муниципальными делами, просто чтобы понять, как работает Гарольд. Это напоминало детективное расследование. Например, одно время у нас работал молодой, предприимчивый инспектор по образованию. Однако он ушел, и на его место назначили хмурого, нерасторопного парня. Через некоторое время я обнаружил, что все это провернул Гарольд. Потом был энергичный советник, инспектировавший развлекательную индустрию. После общения с ним все вокруг начинало сверкать разноцветными огнями, но Гарольд избавился и от него. Вместе со своим приятелем, казначеем, который тоже один из Невидимок, Гарольд умудрился положить конец всему, что добавляло немного цвета и искр городской жизни. Естественно, у них всегда находился благовидный предлог: экономия средств и прочая чушь. Однако я заметил, что оба они экономят лишь в одном направлении — в том, которое мешает Невидимкам. На остальное — официальные рауты, приемы, помпезные торжества — они не жалеют денег. Вы и сами могли заметить, что в этих направлениях вообще не принято жалеть денег, будь то муниципальные или национальные дела, и то, что происходит в нашей мэрии, происходит по всей стране, да и в других странах, насколько я могу судить, тоже.

Доктор Смит подождал минуту или две, затем до-вольно резко сказал:

— Пожалуйста, продолжайте, мистер Патсон. Если мне понадобится сделать замечание или задать вопрос, я остановлю вас.

— Я уже говорил,— мистер Патсон поерзал в кресле,— что экономические и политические реформы просто используются. У меня никогда не проходило ощущение, что за всем этим что-то стоит. Все последние реформы бессмысленны, если предположить, что мы делали их ради себя. Но ответ в том, что это не так: кто-то попросту манипулирует нами. Возьмите коммунистические страны. В некоторых из них Невидимки почти завершили свою работу; едва ли им придется побеспокоиться! Хорошо, нам коммунизм не подходит, и мы обязаны защищаться от него. Но что происходит? Все больше Невидимок оттуда перебегают к нам. Это их шанс, и они побеждают, а мы проигрываем. Мы не в состоянии свернуть с дороги, по которой никто не хочет идти. Но мы идем и с каждым днем приближаемся к пчелам, муравьям, термитам. Потому что нас подталкивают. Боже мой, доктор, неужели вы этого не чувствуете?

— Нет. Обо мне не беспокойтесь. И пожалуйста, поменьше общих рассуждений. Вы говорили о вашем родственнике, Гарольде. Когда вы решили, что он Невидимка?

— Как только задумался над тем, что сказал Фарб-райт,— ответил мистер Патсон.— До этого мне никак не удавалось понять Гарольда, сколько я ни пытался. А тут я вдруг увидел, что он один из них. Конечно, он не был таким, когда родился. Это происходит немного иначе. Мне кажется, что в молодости кто-то вынул из него душу настоящего Гарольда Сотерса, а вовнутрь забрался Невидимка. Наверное, это непрерывный процесс, ведь их становится все больше. Они дисциплинированы, помогают друг другу. Каждый из Невидимок знает, что он делает. Против нас действует тайная, хорошо отлаженная организация, и единственная возможность, которая нам осталась,— объявить Невидимкам настоящую войну.

— И как вы предполагаете это сделать? — спросил доктор Смит, слегка улыбаясь.— Ведь их организация тайная.

— Я много думал об этом,— с горячностью отозвался

мистер Патсон.— Все не так безнадежно, как кажется. Со временем вы начинаете отличать некоторых из них. Гарольда, например. Или городского казначея. Я уверен, что он тоже Невидимка. Есть еще дюжина подобных им, о которых я точно знаю, что они Невидимки. Вас, наверное, интересует, все ли они чиновники? Нет, только семь или восемь из них, и вы можете догадаться почему: Невидимки повсюду, они расширяют свою власть. Двое других — преуспевающие политики, причем принадлежат к разным партиям. Еще один — банкир, которого мне приходится встречать в сити*. Я не смог бы распознать их, если бы не проводил столько времени с Гарольдом. У всех Невидимок одинаковый взгляд — пронзительный, мертвящий; у всех цепкое рукопожатие. Стоит посмотреть, когда они собираются на свою конференцию...

Мистер Патсон неожиданно замолчал, как будто почувствовав, что сболтнул лишнее.

Доктор Смит удивленно приподнял брови; как две большие мохнатые гусеницы, они зашевелились над стеклами очков.

— Может быть, вы закурите, мистер Патсон? Попробуйте мои; сам я не курю, но мне говорили, что они превосходны. А, у вас зажигалка? Отлично! Теперь расслабьтесь и отдохните минуточку-две. Мне кажется, вы немного утомились. Очень важно, чтобы вы закончили ваш рассказ об этих... э-э... Невидимках без истерических преувеличений. Нет, нет... мистер Патсон... я совсем не хотел сказать, что какие-то преувеличения были. Пока вы держитесь молодцом, если учитывать ситуацию. Сегодня вообще нелегкий денек, не правда ли?

Он натянуто рассмеялся, складывая перед собой пухлые белые ладони. Продолжая улыбаться, он тяжело взглянул из-за толстых стекол очков и наконец произнес:

— Итак, мистер Патсон, вы остановились на том, что присутствовали на конференции Невидимок. Было бы интересно узнать об этом поподробнее, вы не считаете?

Мистер Патсон казался встревоженным.

— Если вы не возражаете, я предпочел бы не рассказывать об этом. Видите ли, если все это — мои фантазии, то не стоит и говорить о них. Если же нет...

— Да,— подбодрил его доктор Смит после секундного молчания,— что тогда?

* Сити — деловая часть города

— Тогда я рассказал слишком много.— Пытаясь скрыть смущение, мистер Патсон принялся осматриваться в поисках пепельницы.

— Рядом... возле вашего локтя, мистер Патсон. Теперь посмотрите на меня и вспомните, что я уже говорил вам. Сами по себе ни безумные теории, ни психические отклонения меня не интересуют. Все, что мне нужно — этого требует мой профессиональный долг,— понять ваше душевное состояние, мистер Патсон. Очевидно, что в этом случае абсурдно говорить о несдержанности. Если вы не будете полностью откровенны, мне будет очень нелегко помочь вам. Итак, мы договорились. До сих пор вы точно следовали моим указаниям. Сейчас я прошу вас о несколько большем — о небольшом сотрудничестве. Вы действительно присутствовали на так называемой конференции Невидимок?

— Да,— с неохотой отозвался мистер Патсон.— Хотя я прекрасно понимаю, что доказательств у меня нет. Может быть, и в самом деле что-то было игрой воображения, но если вы настаиваете... Однажды, находясь по делам в мэрии, я услышал, как Гарольд и городской казначей договариваются о совместной поездке в Мондбай-Холл — это в пятнадцати милях от моего дома. Обычно там проводятся всевозможные летние школы, рауты и конференции. Может быть, вы знаете это место, док?

— Приблизительно да. Как-то я читал там доклад. Уединенный особняк в стиле ранневикторианской эпохи: высокие потолки, огромные помещения.

— Правильно. Так вот, Гарольд и его приятель собирались поехать на конференцию, которую проводила Ассоциация новой эры социального планирования. Когда я услышал это название, то не испытал ничего, кроме облегчения, что меня не пригласили. Потом подумал и понял, что если кому-то необходимо устроить тайную встречу, на которой не будет никого из посторонних,— ведь на подобных собраниях едва ли кто пойдет по доброй воле,— то невозможно придумать ничего лучше загородного дома и такого названия. Если бы кто-нибудь предложил мне: «Поедем на денек, послушаем, что говорят в Ассоциации новой эры социального планирования», я придумал бы массу предлогов, чтобы остаться дома и никуда не ехать. Конечно, люди, подобные Гарольду, не способны испытывать скуку. Невидимки никогда не скучают, и это одна из при-

чин, почему они смогли проникнуть повсюду. Для них не существует понятия интересной или нудной работы. Однако нельзя было отмахиваться и от возможности, что эта Ассоциация новой эры окажется самым обыкновенным сборищем канцелярских крыс и пустозвонов. Как бы то ни было, конференция должна была начаться в субботу.

Утром я зашел в свой офис, просмотрел почту, на случай если обнаружится что-нибудь неотложное, потом вернулся домой. После обеда я наконец решился: влез в машину; немного не доезжая до места, припарковался и осмотрелся. За домом росла небольшая роща, и это помогло мне пробраться туда незамеченным. Когда я вошел через служебный вход, внутри разгуливали какие-то люди, но на меня никто не обратил внимания. Уже на лестнице меня привлекли голоса, доносившиеся из-за плотно закрытой двери в коридоре. Она была заперта, но я где-то читал, что нужно делать в подобных случаях. Под дверь нужно подсунуть листок бумаги и вытолкнуть ключ из замочной скважины так, чтобы он упал прямо на листок. Затем можно вытаскивать бумагу обратно уже вместе с ключом. Итак, этот трюк сработал, и я осторожно отпер дверь. За ней находился широкий балкон, нависающий над огромным залом. Поблизости никого не было, и мне без труда удалось пробраться к самому ограждению. Внизу, в зале, на откидных креслах сидело человек триста или четыреста. Все выглядели как Невидимки, но у меня еще не было уверенности. Вначале для меня было загадкой, куда я попал — на заседание Ассоциации или на тайную встречу Невидимок. Доклады выступающих с равным успехом могли подойти к обоим. Для Невидимок это родная стихия; приняв облик серьезных, облеченных властью людей, им удобнее исполнять свою дьявольскую работу. Так я сидел и слушал, не понимая ни слова из их выступлений. Вероятно, Невидимки собрались в каком-то другом месте — что ж, такое было вполне возможно. Вдобавок у меня сильно затекли ноги; я уже хотел выбираться обратно в коридор, когда внизу что-то изменилось.

Он замолчал и с сомнением посмотрел на собеседника.

— Да, мистер Патсон,— ободряюще кивнул ему доктор Смит.— И что же изменилось?

— Вы можете сказать, что это приснилось мне, но, доктор, от долгого сидения на корточках у меня болело все тело, я просто не мог заснуть. Первое, что я заметил, была

резкая перемена в атмосфере собрания. Как будто на встречу прибыл почетный гость, хотя я не видел, чтобы кого-нибудь встречали. Ощущение было такое, что настоящее собрание вот-вот должно начаться. И второе — теперь я точно знал, что внизу сидят Невидимки. Как именно мне удалось это узнать, я не могу ответить, однако через минуту или две я заметил еще кое-что. У собравшихся в зале Невидимок постепенно начинали проступать их собственные черты. Не то чтобы они выглядели отталкивающе, не по-человечески, как они выглядят обычно. Нет. Теперь из их тел исходило какое-то странное, холодное свечение, как будто холод преисподней просачивался сквозь них. Хочу предупредить вас, доктор, что с этого момента мой рассказ будет сбивчивым и малопонятным. С одной стороны, положение балкона не располагало к свободному наблюдению, а с другой стороны, я был безмерно напуган. Да, док, я был просто в ужасе. Сидеть, скорчившись над несколькими сотнями существ, собравшихся здесь из холодных глубин преисподней... Эта дьявольская холодность, казалось, волнами накатывала на меня. Ощущение можно сравнить разве что с прыжком в шахту в миллион миль глубиной. Я чувствовал их дьявольское присутствие не только снаружи, но и внутри, как будто кто-то пытался пройти сквозь меня. Какая-то минута, провал в памяти — и я представляю себя охранником в концентрационном лагере, выбирающим образцы человеческой кожи для ламповых абажуров.

В этот момент кто-то или что-то возникло на сцене, прямо подо мной. Я безошибочно угадал его появление, однако был не в состоянии разглядеть что-либо. Все, что я мог разобрать, — сотрясение воздуха и органный вой на сцене. Прозвучал голос — того, кого ожидали. Он прозвучал не в зале, а внутри. В моей голове, и я не мог сопротивляться. Тихий, отчетливый голос, от которого мороз продирает по коже. Признаюсь честно, я не хотел больше оставаться там и слушать, какие секретные планы они собираются обсуждать; поскорее убраться с балкона было моим единственным желанием. Однако от испуга я не смел даже пошевелиться.

— Значит, вы слышали, что говорил этот... э-э, голос? Так, мистер Патсон? — спросил доктор.

— Частично да.

— Превосходно! Это очень важно. — И доктор Смит

нацелил свою чернильную ручку в левый глаз мистера Патсона.— Он сообщил вам что-нибудь новое, чего вы не знали раньше? Пожалуйста, отвечайте.

— Вы не поверите, что стало с этими Невидимками! — воскликнул мистер Патсон.— Да-да, о голосе я еще скажу. Но, пока он говорил, я рискнул выглянуть вниз и едва не упал в обморок от того, что там увидел. Невидимки больше не пытались притворяться людьми: все до единого приняли свой настоящий облик. Огромные полупрозрачные жабы — вот как они выглядели, их глаза напоминали сотни лампочек, горящих под водою: зеленые, немигающие, излучающие сияние преисподней.

— Что говорил голос? — тон доктора Смита стал требовательным.— Мне необходимо знать, что вы запомнили. Говорите же.

Мистер Патсон провел ладонью по лбу, потом с удивлением посмотрел на пальцы, словно только сейчас обнаружил, что истекает потом.

— Эта тварь поблагодарила их за верную службу от имени Адараграффа — господина пресмыкающихся. Да, наверное, мне все это приснилось. Поверить не могу, что это галлюцинация...

— Что еще... что еще вы слышали?

— В западный регион должны переселиться еще десять тысяч Невидимок. Отличившимся на службе предстоит повышение. От насильственного проникновения следует перейти к социальному воздействию на молодые особи обреченных видов. На нас, вы понимаете? На нас! Если не начать защищаться немедленно, у человечества не останется никаких шансов. Невидимки везде. И приходят все новые; вселяются в нас, подталкивают и сминают, сминают...

Неожиданно мистер Патсон обнаружил, что его запястья крепко зажаты в руках у доктора, который оказался довольно сильным мужчиной. В следующую секунду доктор Смит медленно усаживал его обратно в кресло.

— Мистер Патсон,— строго произнес он,— вам не следует так волноваться. Обещайте сидеть спокойно, пока я буду разговаривать с моим коллегой, доктором Мейенстейном. Это делается для вашей же пользы. Обещайте мне.

— Ладно, только не задерживайтесь.— Мистер Патсон неожиданно почувствовал смертельную усталость.

Проводив доктора взглядом, он мысленно попытался оценить итог разговора. Хорошо, если его приняли за чувствительного бизнесмена, которого периодически тревожат невротические фантазии. Но чем оправдать то жуткое возбуждение, которое охватило его в конце разговора? Без сомнения, сейчас доктор Смит и доктор Мейенштейн весело смеются над историей о Невидимках. Может быть, им все же удастся убедить его, что это была шутка? Он с удовольствием посмеется вместе с ними.

— Ну, мистер Патсон... — проговорил доктор Смит, подтянутый и серьезный, входя в кабинет в сопровождении двух незнакомых мужчин. Один из вошедших, очевидно, был доктор Мейенштейн; другой — мощного телосложения, в белом халате — скорее всего, медбрат. Пока доктор Смит говорил, все трое медленно приближались к нему. — Должен сообщить вам, что вы серьезно больны. Вам следует полностью довериться нам.

Когда он кивнул в подтверждение своих слов, мистер Патсон понял то, о чем должен был догадаться раньше. Доктор Смит был Невидимкой, как и двое его спутников. На какую-то долю секунды, когда все трое навалились на него, чтобы заглушить крик, он снова увидел перед собой тварей из Мондбай-Холл: трех огромных полупрозрачных жаб — шесть глаз, как электрические лампы, горящие под водой: зеленоватые, немигающие, торжествующе излучающие холодный свет преисподней.

ГУБЫ

Невольничий барк «Корчмарь Саул» под командованием капитана Люка Мартина, прибывший из Картахены, встал на якорную стоянку в гавани Сент-Томаса, столицы Датской Вест-Индии. С мартиникской шхуны, пришвартовавшейся с подветренной стороны, спустили шлюпку; первый помощник отправился к начальнику гавани с просьбой разрешить переменить место стоянки. Шлюпка Мартина отстала ярдов на пятьдесят, и тот прокричал сошедшему на берег офицеру:

— Эй, передайте Лоллику, что я охотно поменяюсь с вашим капитаном местами. Что у вас на борту? Бренди? Беру шесть ящиков!

Офицер, французский мулат, кивнул и что-то пометил в своей записной книжке, не замедляя шага. Соседство рабовладельческого барка не располагало к радушию, и на лице француза, несмотря на выгодную сделку, было написано отвращение. Он коротко бросил через плечо: «Хорошо, капитан».

Мартин спрыгнул на берег, когда офицер уже исчез за углом какого-то портового строения, и отправился вслед, бормоча вполголоса: «Эге, красавчик! Болтаешь по-английски, на языке мореплавателей, а думаешь как? Не твои ли родственники набились у меня в трюме, а, красавчик?»

Поискав глазами фигуру мулата, Мартин никого не увидел, повернулся и направился по своим делам в форт. Колония нуждалась в черных рабах. Недавнее восстание на острове Сент-Ян изрядно поубавило численность темнокожего населения: французские и испанские войска не пожалели пороха. Этим вечером капитану Мартину представлялась удобная возможность выгодно сбыть часть своего груза.

Верный американской натуре, Мартин немедленно получил требуемое разрешение и к четырем часам уже был

на судне, где всюду шли приготовления к торгу. Брандспойты с забортной водой разбивали черную человеческую массу, под присмотром белых матросов выползавшую на свет из темных провалов люков.

Темнокожих, щурящихся под яркими лучами июльского солнца рабов окатывали мыльной водой, затем специальными щетками на длинных рукоятках наспех скребли тела и прогоняли под струями мощных брандспойтов. Вокруг корабля кружили местные лодчонки, переполненные любопытными папуасами. Ругань и угрозы третьего помощника побуждали их держаться на почтительном расстоянии.

К семи часам к барку причалили несколько яликов, в которых сидели солдаты, вооруженные карабинами с примкнутыми штыками. Сто семнадцать африканских рабов должны были пополнить западные плантации острова.

Разгрузка началась уже при свете ламп. Вдоль бортов разместился конвой, исключавший возможность побега. Портовый чиновник подсчитывал черных невольников, и плотно набитые, неповоротливые лодки усилиями других рабов медленно отваливали, направляясь к месту выгрузки.

В последней группе измученных африканцев шла стройная, высокая негритянка, прижимавшая новорожденного младенца к груди. Отстав от соплеменников, женщина укачивала плачущего ребенка и, кажется, мало обращала внимания на происходящее вокруг. Побагровевший от злобы Люк Мартин с силой подхлестнул ее. На стройных бедрах отпечатались кровавые рубцы. Не поворачивая головы, она произнесла несколько слов на диалекте або. Мартин бесцеремонно подтолкнул ее к трапу и грубо выругался, еще раз опустив плетью на блестящие голени.

Женщина с кошачьей гибкостью повернулась, проговорила те же слова и словно для ласки склонилась к плечу капитана. Ругательство застряло в глотке у Мартина; в следующую секунду он взвыл от боли: рука, выпустив плетку, зажимала рану на шее. Дюжина негров оттеснила его от женщины, которая скользнула в толпу, пока он мычал и тряс головой, не помня себя от боли. Не отважившись на преследование, он быстро спустился в каюту, чтобы перевязать рану. Мысль о возможных последствиях укуса приводила его в трепет; после крысиного человеческий укус

самый опасный, и, если не обработать рану, легко может начаться заражение крови. Большие мышцы на шее были расплосованы, как ножом.

Когда он появился, перевязанный на скорую руку обрывками полотенца, корабль покидал последний ялик, нагруженный рабами. На борту оставались двое жандармов и портовый чиновник с сумкой денег. Запершись в кормовой каюте, чиновник с капитаном целый час считали и перекладывали стопки монет, пока пузатая бутылка с ромом, не переставая, прохаживалась между двумя стаканами на столе.

В два ночи при бликах луны «Корчмарь Саул» направился к выходу из бухты. Следующим по курсу лежал Норфолк, штат Вирджиния, откуда, распродав оставшийся груз, корабль отправлялся вверх вдоль побережья, в родной Бостон.

Через пару часов, после трудностей, сопряженных с выходом даже из такой простой бухты, как Сент-Томас, Мартин передал штурвал вахтенному офицеру и спустился в каюту. Страшная рана на шее распухла — капитан послал юнга за первым помощником, Мэттью Паундзом, чтобы тот промыл наконец и перевязал ее как следует. Было неудобно — проклятая тварь! — заниматься этим самому.

Размотав неумело положенную повязку, Паундз побледнел и отступил на шаг, пробормотав что-то невнятное. Куски бинтов, пропитанные кровью, остались лежать на полу. Видя его замешательство, Мартин выставил помощника за дверь и сам обработал рану.

В эту ночь Мартину не спалось. Его одолевали мысли о сделке, которую он заключил с короткоруким датчанином. Можно было продать всех невольников — пусть попотеют на сахарных плантациях. Однако приходилось соблюдать прежние договоренности. Духота и болезни изрядно порастрясли его груз за время долгого путешествия по Карибскому морю, между тем как предстояло доставить партию рабов в Норфолк. С каким удовольствием он утопил бы их всех и со спокойной душой повернул бы к родным берегам, в Бостон, где его ждала невеста и пышная свадьба, на следующий день после прибытия! Лидия! Капитана обуревало нетерпение, несмотря на то что «Корчмарь Саул» под всеми парусами стремительно продвигался к цели под попутными ветрами торговых широт

Рана нестерпимо ныла. Боль не утихала ни на минуту. Капитан ворочался, ругаясь в теплоту ночи, но только перед рассветом впал в непродолжительное забытие.

Утром на шее пылал настоящий очаг изнуряющей, мутной боли. Люк Мартин проснулся и осторожно выпрямился, опираясь на обе руки. Шея не гнулась и не поворачивалась. перевязка была мучительной, но он не стал звать помощников, кое-как справившись сам. Не было зеркальца, чтобы рассмотреть рану; капитан отпуская бороду во время плавания. Откупорив бутылку, он осторожно прижег больное место ямайским ромом; жгучая боль вызвала новый поток ругательств.

Стюард, занятый сервировкой стола, взглянул на него с удивлением, когда капитан появился на палубе. Ничего удивительного: от ноющей боли в шее он двигался боком, наподобие краба. Приказав поднять стаксели и убедившись, что они держат ветер, Мартин снова вернулся в каюту.

Обед застал его в дьявольски скверном расположении духа. Несмотря на попутный ветер, который с каждой минутой приближал корабль к родным бостонским берегам и к Лидии, никто из команды не осмеливался попадаться на глаза капитану. Распределив между тремя помощниками ночные вахты, без видимой причины обругав подававшего ему ужин стюарда, он заперся в каюте, где, сорвав рубашку и куртку, смочил саднящую рану маслом кокосовой пальмы. Боль распространилась до локтя левой руки; пронизала, казалось, каждое волокно, каждый нерв его мускулистой шеи, сотрясая пульс, словно пойманное животное.

Процедура принесла некоторое облегчение. Он вспомнил, что сказала ему негритянка. Слова не походили на язык або, этот полудиккий лингва франка, служащий для общения работорговцев с их черномазым скотом. Скорее, это был диалект какого-то континентального африканского племени. Значение слов оставалось непонятно, но несколько гортанных слогов напоминали пение жрецов вуду, совершавших кровавые жертвоприношения своим черным богам. Измученный перевязкой, Люк Мартин почти тотчас же заснул.

Во сне незнакомые слова бесконечно повторялись в его мозгу, и он понял, что они означают. По пробуждении в четыре утра, при свете зловещей луны и звуках корабельного колокола, рубашка капитана оказалась пропитанной

холодным потом, капельки блестели на лбу и в густой бороде.

Страдая, он зажег свечу и выругал себя за то, что в течение дня не удосужился найти зеркальце. Герр Самнер, третий помощник, брился. Еще двое или трое матросов тоже. На борту по меньшей мере полдюжины зеркал. Завтра нужно забрать одно. Что там болтала эта черная обезьяна? Он вздрогнул. Значение слов растворилось в темных глубинах памяти. Что толку вспоминать негритянскую болтовню... В эту минуту он с удовольствием содрал бы кожу с той женщины. Черт, ну и повадки! Как с такой раной он покажется Лидии?

Задув свечу, он с трудом вполз в постель. Приподнялся и влажным от пота пальцем придавил чадающий фитиль.

Слова Они возникали из зыбких туманов сна; их угрожающий смысл колыхался, обступал, редая с рассветом. Солнечные лучи снова заслонили значение. Капитан беспокойно метался, обливаясь потом, а слова продолжали двигаться, сотрясать его мозг.

К полудню он сбросил с себя остатки кошмарного впечатления. Голова шумела, словно огромная морская раковина, приложенная к уху. Боль толчками ползла по всему телу; казалось, его молотили цепами. Нога, спущенная на пол, задела ящик с виски, приобретенный в порту Сент-Томаса. Глоток спиртного освежил Мартина; огненная струя приятно обожгла желудок. Вот так будет получше! Отставив бутылку, он безуспешно попытался приподняться с постели; невидимый молот продолжал крушить полушария мозга, гудящего не хуже сотни осиных роев.

Полуоглушенный, слабый, Люк Мартин откинулся обратно на подушку; жуткие, непонятные образы проносились перед его глазами, жили в теле; взрывались болью, бурлили, переливались, словно тело не принадлежало ему одному. Фокус чужого присутствия пульсировал в поврежденных мышцах шеи, там, где их разорвал укус.

Его обнаружил стюард; после осторожного, но настойчивого стука он отважился приотворить дверь и заглянул в щелку. Переменившись в лице, он немедленно поспешил к Паундзу.

После короткого совещания с дежурным офицером, Самнером, Паундз в одиночку спустился по штурмтрапу и остановился перед дверью капитанской каюты. Будучи человеком не робкого десятка, он тем не менее не решался

сразу войти. В присутствии капитана Мартина никто на «Сауле» не чувствовал себя спокойно. Паундз приоткрыл щелку и заглянул вовнутрь, после чего осторожно переступил порог каюты.

Мартин лежал на боку, одеяло сползло на пол. Из-под лохмотьев повязки виднелась кровоточащая рана. В изумлении Паундз пристально всмотрелся; его лицо приняло мелово-белый, испуганный оттенок. Не говоря ни слова, помощник поднялся на палубу и позвал Самнера. После короткого разговора Самнер исчез в своей каюте, но через некоторое время снова появился, испуганно озираясь. Приблизившись к борту, он украдкой достал из-за пазухи какой-то блестящий предмет и, с силой размахнувшись, по высокой дуге швырнул в море. Падая, предмет перевернулся, дважды сверкнув в лучах, прежде чем его поглотила бездна. Это было зеркало.

В четыре дня Паундз снова спустился в каюту. На этот раз на стук отозвался голос Мартина.

— Как ваше здоровье, сэр? — спросил Паундз.

— Лучше, — отозвался капитан. — Проклятая болячка! Всю ночь не давала заснуть. Полагаю, кризис уже миновал.

Наступила томительная пауза. Говорить больше было не о чем. После нескольких ничего не значащих фраз Паундз повернул разговор к корабельным делам, надеясь отвлечь капитана от скверных воспоминаний. Хитрость удалась: Люк Мартин выслушал своего помощника, отдал необходимые распоряжения, и Паундз покинул каюту.

Что касается Мартина, он не зря сказал, что ему уже лучше. После обеда он проснулся с чувством, что все худшее осталось позади. Рана слегка болела, но не так сильно, как раньше. Капитан застелил постель, рассеянно оделся и крикнул юнге подать кофе в каюту.

Все же, когда через десять минут он появился на палубе, его нельзя было принять за выздоравливающего человека. Черты заострились, высокие скулы обтянула кожа; что-то в его лице заставляло людей замолкать при приближении капитана. Не пропуская ни одной мелочи, он обошел корабль, однако в этот день его интерес был чисто поверхностным; каждодневные заботы помогали приглушить резкую, пульсирующую боль. Но стоило ей затихнуть — и незнакомый голос снова нашептывал три варварских слога, произнесенных женщиной на неизвестном на-

речи. Как только туман боли опадал, он слышал таинственное «А-кун-ду», словно чьи-то губы двигались, шепча это слово в горячечных сумерках его сознания.

«Проклятое привидение», — подумал он, сидя в каюте по окончании осмотра. В полдень снова предстояло идти на палубу, но он остался, прислушиваясь, что шепчет странный голос в ухе над раной.

Тишина в капитанской каюте удивила стюарда. В том, что неожиданная рана измотала нервы капитана Люка, его догадка была совершенно правильна. Но дальше грубый рассудок стюарда не мог проникнуть. Истинная причина повергла бы его в величайшую растерянность: дело в том, что капитан Люк, кровожадный охотник за неграми, испугался.

Он почти не прикоснулся к обеду; когда стюард спустился, чтобы забрать поднос, капитан молча вышел из каюты и направился на ют. Корабль под всеми парусами неся со скоростью двенадцати кабельтовых в час. Задремав голову, Мартин посмотрел на верхние реи, однако Самнеру, стоявшему рядом, показалось, что взор капитана блуждает где-то внутри. Вопрос, последовавший за созерцанием, застал его врасплох.

— Я хотел одолжить у тебя зеркальце для бритья, — негромко проговорил Мартин.

Самнер покраснел: именно об этом его предупреждал Паундз.

— Прошу прощения, сэр, у меня нет зеркала. До Сент-Томаса было, а там... пропало, — с этими словами он поскреб смуглой рукой двухдневную щетину.

Вместо обычного рева и взрыва проклятий капитан Мартин безмолвно повернулся и двинулся в сторону полубака. Самнер с любопытством проводил его взглядом до двери матросского кубрика. Неожиданно его обожгла мысль: «Черт! Он же достанет зеркало у Дэйва Слоуна!»

Помощник бросился разыскивать Паундза, чтобы предупредить его. Смысл всей истории был выше его понимания; когда он попытался узнать причину, Паундз просто ответил, что капитан не должен видеть своей раны.

— Она так страшно выглядит? — отважился спросить Самнер.

— Кожа омертвела... — Паундз поежился от воспоминания — Почти фиолетовая. Похожа на негритянские губы.

Запершись у себя в каюте, Мартин начал разматывать бинты, скрывавшие рану. Болезненная перевязка близилась к завершению, когда послышался стук в дверь. Поспешно застегиваясь, как будто его застали за каким-то неблаговидным занятием, капитан поднялся на палубу. Паундз продержал его с корабельными делами почти двадцать минут. Отдав приказания непривычным для моряков тихим голосом, Мартин возвратился к себе.

Кусочек зеркала, добытый у Слоуна на баке, бесследно исчез со столика. Он тщательно обыскал каждый уголок, каждую щелку в полу. Случись подобное раньше, стюарда ждала бы буря проклятий. Теперь капитан сидел, обессилев, и обводил каюту невидящим взором. Его мозг, слух... Вместо бессмысленного «А-кун-ду» незнакомый голос на чистом английском твердил ему: «За борт! В воду!»

В бесплодном ожидании прошел час. В розовых сумерках умирающего заката, в полном одиночестве, капитан с поспешностью загнанного в угол животного принялся стягивать с себя рубашку.

Размотав бинты, он осторожно коснулся шеи рукой. И тут же почувствовал холод и слабость. Пальцы, ощупывая поджившую кожу вокруг раны, коснулись ее.

Двумя часами позже Паундз нашел капитана, ничком лежавшего на полу в ворохе тряпья, без сознания.

Старый верный Паундз перенес обмякшее тело капитана, рост которого превышал шесть футов, в кресло и влил сквозь сжатые зубы глоток рома. Обмотал сброшенной рубашкой распухшую шею. Еще через полчаса растираний, крепких похлопываний и новых порций рома Люк Мартин, похоже, очнулся.

Его ответы звучали невразумительно; казалось, он видит кого-то еще, кроме Паундза, перед собой; какой-то неслышимый голос задавал ему вопросы.

— Да,— устало отвечал капитан,— да, нет сил.

Недоуменно глядя на капитана, помощник вздрогнул, наткнувшись взглядом на его изуродованную руку.

На месте трех средних пальцев торчали окровавленные обрубки. Кровотечение остановилось, и из-под корки подсохшей крови выглядывали начисто спиленные куски кости, словно рука побывала в пасти акулы.

Обработав раны, Паундз снова принялся тормошить Мартина, однако глаза последнего не становились осмысленнее; казалось, он прислушивается к каким-то потусто-

ронним звукам. Время от времени он согласно кивал, а один раз проговорил, обращаясь к кому-то: «Хорошо, я иду».

Паундз навестил его через час. Капитан сидел все в том же положении, сгорбившись, ко всему безучастный.

— Ужин готов,— доложил Паундз, однако Люк Мартин даже не поднял глаз.

Губы его двигались; наклонившись, Паундз разобрал странное бормотание.

— Да, да... иду,— повторилось раз за разом.

Растерянный помощник на цыпочках выскользнул из каюты.

— Капитан болен, Мак-Гвайр,— обратился он к маленькому стюарду.— Можешь забрать поднос.

— Хорошо, сэр.

Когда стюард удалился, помощник вернулся в каюту, откуда только что вышел. Перед дверью он приостановился.

Внутри разговаривали двое. Люку Мартину отвечал тихий негритянский голос, его обладателем вполне могли быть женщина или ребенок. Не зная, что подумать, Паундз слушал, приложив к двери ухо. Вне всякого сомнения, в каюте велась беседа; на вопрос капитана следовал тихий ответ; вопрос — и снова ответ. Откуда появился второй голос? Детей на судне не было. Дюжина-другая женщин были надежно заперты в трюме и вряд ли без посторонней помощи могли выбраться из зловонного ада. К тому же еще пятнадцать минут назад в каюте капитана не было никого постороннего. Паундз поднял руку и замер, не решаясь постучать.

Ледяной холодок пробежал по его спине, когда он различил слова, которые Мартин шептал при перевязке. Он содрогнулся при воспоминании. «Корчмарь Саул» — дрянное судно! Мало кто знал это лучше помощника, внесшего изрядную лепту в репутацию плавучей преисподней, где вместо чертей были матросы, а вместо грешников — черные рабы. Однако шепот, доносившийся из-за двери... превосходил привычные ужасы плавучей тюрьмы.

— Да, да. Иду! — словно стон, звучало внутри каюты, и незнакомый голос вторил ему — беспрестанно, не останавливаясь ни на секунду, пульсируя во все ускоряющемся темпе.

Неожиданно голоса смолкли. Как будто опустился звуконепроницаемый занавес. Паундз выпрямился, одернул сюртук и постучался.

Дверь распахнулась, и из нее вывалился Люк Мартин, ~~невидяще~~ глядя перед собой воспаленными глазами. Отступив на шаг, Паундз наблюдал, как капитан, пошатываясь, взбирается по трапу; еще секунда — и он исчез на палубе. За минувшие часы одежда капитана превратилась в лохмотья: брюки порвались, рубашка лоскутом повисла на теле. Каюта была пуста. Окинув ее быстрым взглядом, Паундз выбежал на палубу.

Припав к борту, капитан созерцал катящиеся волны. Диск субтропического солнца окончательно закатился за линию горизонта. Тишину нарушал звук форштевня, взрывающего метровые волны на тысячемильном пути в Вирджинию.

Старый Паундз едва успел преградить дорогу Мартину, направившемуся к грот-мачте. Самоубийство! Капитан решил прыгнуть с мачты. Проклятый шепот!

Словно обрадованный возникшим препятствием, Мартин бросился на подоспевшего человека. Препятствие?! Без малого двадцать лет никто не отваживался перечить ему ни на суше, ни на море. Люди отступали перед его огромными кулаками и голосом, похожим на раскат грома. Схватка была короткой и жестокой.

Поле сражения освещал ровный свет звезд, нарушаемый скудными отблесками чадной лампы с китовым жиром, подвешенной возле люка. Паундз тщетно пытался оторвать Мартина от мачты, к которой тот привалился, и каждый раз его резкие движения оставляли все меньше одежды, в темноту летели лохмотья, бинты, закрывавшие шею.

Еще один клоч материи улетел в темноту, и Паундз зажмурился, чтобы не видеть того, что открылось его глазам...

Ибо на шее, где только что был размотан последний лоскут, шевелились превосходнейшие, совершенные, припухлой формы негритянские губы... Белые зубы сверкнули в дьявольской усмешке, р́азжались, и, прежде чем ужас заставил Паундза отвернуться, розовый язык облизал губы.

Когда Паундз, скованный холодом этого дьявольского видения, постепенно пришел в себя под теплым вест-индским бризом и огляделся, Люка Мартина не было ни на палубе корабля, ни в зеленых волнах убежавшего за кормой моря.

ПОМЕСТЬЕ СОРВОРТ

Имя старинной шотландской крепости Сорворт овеяно очарованием преданий, напоено ароматом минувшего. Много англосаксонских ратников и отважных клансменов — Кемпбеллов, Мак-Артуров, Мак-Грегоров — полегло под ее стенами. Для английского слуха это имя не менее звучно, чем знаменитый Куллоден*.

Словно в противоположность этому, Сорворт сегодня — грязноватый, унылый городок, покрытый сетью каменноугольных копей. С тех пор как появились первые шахты, пятно неопрятных шахтерских домиков стало расползаться по городку. Многие дороги, подъездные пути наполовину заброшены, поскольку копи истощены. Кое-где на пути к верхним улицам — среди неразберихи заборов, рыбных ресторанов и гофрированных железных крыши — до сих пор высятся руины старинных шотландских укреплений.

Мистер Ральф Бэйн, кавалер ордена Боевого Креста, приехал в Сорворт после месяца скитаний по полупустым сельским гостиницам и тавернам. Февраль прошел в бессодержательных разговорах со случайными попутчиками в автобусах и поездах, в выпивках и карточной игре. В памяти осталось лишь несколько красивых пейзажей, украшенных старинными церквями. В банке Сорворта, который отставной капитан выбрал наугад для своего пребывания в начале марта, его ожидал следующий пенсионный чек.

Прибыв в городок, Бэйн остановился в гостинице «Кингз армз» и уже на следующее утро сидел у открытых дверей, разглядывая прохожих. На нем был старый военный китель, прожженный на рукаве сигаретой и аккуратно

* Место, где произошла битва саксов с кельтами, решившая судьбу Шотландии

заштопанный; вытянув длинные ноги, капитан лениво развалился в кресле. Обычный захоластный городишко Бэйн зажег новую сигарету, хотя выкурил уже на три больше, чем обычно позволял себе, исходя из возможностей пенсина.

Через площадь в направлении «Кингз армз» двигалась стройная девушка, обходя стороной рыночный перекресток. Подняв голову от язычка зажигалки, Бэйн замер с сигаретой в руке. Незнакомка была прекрасна.

Можно проделать большой путь и ни разу не встретить лица, подобного этому. Очень бледное, с маленьким твердым подбородком, пламенно-алыми губами и черными волосами, тяжелыми завитками ниспадающими на изящные плечи. Выражение тяжелого раздумья, казалось, возвышало ее над обыденностью Сорворта. Миновав «Кингз армз», она заметила Бэйна. Их глаза на мгновение встретились; знакомка опустила ресницы и прошла мимо.

— Миссис Ларлин, — старый Мак-Леод, владелец «Кингз армз», подойдя к дверям, проследил за долгим взглядом Бэйна. — Другой такой красавицы не сыскать во всей Шотландии.

Мак-Леод покачал головой. В молодости он служил садовником в семействе Ларлинов и на всю жизнь сохранил глубокую почтительность к фамилии лорда. Напротив, рабочие-пикетчики, посещавшие его бар, вызывали у него раздражение.

— Должно быть, она недавно замужем? — Бэйн вспомнил наконец о своей сигарете.

— Она вдова, сэр. В прошлом году похоронила мужа. Содержать такое поместье в одиночку — нелегкое дело. Не все на такое способны. Поэтому, наверное, в графстве скоро не останется старых домов. — И Мак-Леод принялся рассуждать на свою любимую тему: распад старинных семейств и распространение социалистических идей.

— Вдова? — Бэйн лениво прикрыл глаза. — А кто был этот Ларлин?

— О мертвых не принято говорить плохо, сэр. Этот человек уже год как в могиле, и дай бог ему лежать там покойно, — с этими словами Мак-Леод отвернулся и направился к стойке бара.

Удивленный внезапной замкнутостью хозяина, Бэйн последовал за ним.

— Он погиб на войне?

— Нет, сэр.— Припертый к стенке, Мак-Леод был вынужден продолжить: — Какая-то странная смерть... вино, карточные долги. Прошу прощения, мистер Бэйн, но Ларлины были благородными и порядочными господами, а этот мистер Алистер... он приходился им дальним родственником. Никто не слышал о нем. Мистер Хэммет Ларлин, старый хозяин, умер семь лет назад. Его сыновья погибли в Ливии: сначала Александр, потом Хьюго. После трех смертей появился мистер Алистер, но в прошлом году и он умер странной смертью. До войны Ларлины владели двадцатью акрами земли и старинным замком, теперь остался только замок. Можно подняться наверх, и старый Сорворт предстанет таким, каким он был раньше.

Из окна мансарды открывался вид на крыши из гофрированного железа и черепицы, простиравшиеся на несколько миль к западу, к холмам. На склоне ближайшего холма виднелся силуэт замка, окруженного зарослями вереска и дрока.

— Самое древнее строение в графстве,— заметил Мак-Леод.

Спустившись вниз, Бэйн несколько минут стоял в фойе, глядя на догорающие угли в камине. Потом, повинуясь необъяснимому импульсу, вышел из дверей гостиницы и пересек городскую площадь по направлению к местному почтовому офису. В записке на имя миссис Ларлин он представился любителем шотландской старины, желающим осмотреть замок, если, конечно, это не причинит неудобств хозяйке. После некоторого раздумья поставил в конце письма инициалы и рядом: «кавалер ордена Боевого Креста» — это была единственная ниточка, которая связывала его с благородным обществом.

Запечатав конверт и опустив его в ящик, Бэйн вернулся в свой номер, почистил старый твидовый костюм и посмотрел в зеркало: усталые голубые глаза, правильные черты лица. Он улыбнулся своему отражению, и шрам на щеке — напоминание о ранении, из-за которого он получал пенсион,— уродливо вытянулся, исказив лицо.

• • •

На следующий день, в полдень, пришел ответ на письмо. На тонком листке бумаги округлым почерком была написана дата, когда можно посетить замок: четверг, пол-

день. Внизу стояла подпись: «Энн Ларлин». Изящный росчерк пера живо напомнил Бэйну стройную фигуру незнакомки; остаток дня и все утро следующего он не мог избавиться от навязчивых воспоминаний о прошедших и давно забытых привязанностях: о людях, которых он оттолкнул от себя по небрежности или по неосмотрительности; о женщинах, которые показались ему пустыми или сами нашли его пустым. Мало кто из них вспоминал о нем. Да и зачем?

Наступил четверг. После обеда Бэйн размеренно шагал по пустынной дороге к дальним холмам. Достигнув высоких каменистых склонов, дорога запетляла, переходя в тропинку. Все большие деревья были срублены, и среди куч опавшей листвы торчали безобразные пни. Пройдя по аллее, Бэйн оказался перед массивными стенами замка Сорворт.

Две квадратные башни высились по бокам, а между ними — протянувшись по склону — сморщился, сжатый каменными исполинами, фасад ветхого здания. Острые коньки крыш, башенки, узкие окна и трубы каминов придавали замку угрюмый вид, столь характерный для старинной шотландской архитектуры.

Лестница из грубо вытесанных каменных ступеней вела к дверям. Остроконечные башни по углам здания украшали стрельчатые амбразуры, частью замурованные кирпичом, частью застекленные. В углублении фундамента, рядом со входом, находилась небольшая железная дверь с зарешеченным оконцем. Чуть поодаль возвышалась полуразвалившаяся часовня. Из-за каменной ограды, окружавшей замок, доносилось журчание ручья. Лужайка перед домом была запущенной и больше походила на пастбище. В одной из башен в лучах полуденного солнца сверкнуло разбитое оконное стекло — все вокруг несло на себе печать запустения, которое было бы заметнее, не будь каменные стены столь суровы. Большое окно над входной дверью несколько нарушало строгость фасада; на истертой дождями стене слабо угадывался выложенный красноватым песчаником фамильный герб. От латинской надписи осталось лишь два слова, составлявшие последнюю строку: «...LARVA RESURGAT». Пробуждение кокона? Почему кокона, а не духа? Надо признать, что шотландские лорды до неузнаваемости умели коверкать любые языки. Не найдя звонка, Бэйн кулаком застучал в дубовую дверь.

После томительного ожидания дверь отворилась. Полная служанка проводила его через прихожую, по широкой лестнице поднялась на следующий этаж, и они оказались в хорошо освещенной сводчатой зале, служившей гостиной. Шелковая обивка мебели и стен потускнела, выпцвела от времени. Каменную поверхность сводов украшали геральдическая символика и коллекция старинного оружия. Угли едва тлели в камине, холодный воздух придавал бодрости. После некоторых колебаний Бэйн присел на старинный диван. Служанка исчезла в лабиринте коридоров.

Через несколько минут из-за бархатных портьер появилась миссис Ларлин. Слабая улыбка тронула ее губы, когда она увидела Бэйна; ему показалось, что в суровом интерьере замка она выглядит еще красивее.

— Добрый день, мистер Бэйн,— произнесла она низким, грудным голосом с приятным выговором, характерным для людей с западного побережья.— Если вы готовы терпеть пыль и сырость, мы можем приступить к осмотру.

Через некоторое время они молча поднимались на смотровую площадку одной из башен. С высоты открывался превосходный вид на море; дым из труб рыбацких коптилен заволок от глаз прибрежную деревушку. Замок окружал полуприсыпанный ров, по дну которого звонко бежал ручей. У подножия башни ров расширялся и подходил к самому дому; в мрачную эпоху средневековых войн владельцы Сорворта позаботились об укреплении замка.

— Вы не боитесь высоты, мистер Бэйн? — молодая женщина с любопытством взглянула на своего спутника.

— Нет,— ответил он.

— И все-таки мне кажется, что вы немного побаиваетесь.

Бэйн пожал плечами, не зная, что ответить.

— Два дня назад я видела вас на площади,— с очаровательной улыбкой она повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза.— Мне показалось, что вы были в форме?

— Во время войны я был капитаном,— он грустно вздохнул.

— Ранснис?

— Да,— он поморщился при воспоминании.— Временами начинает болеть голова... словно что-то находит.. Люди считают меня странным.

Он не хотел доверять ей этих мыслей, однако призна-

ние помимо воли слетело с его губ. На какой-то момент ему показалось, что, кроме них двоих, нет никого в мире.

— Меня тоже считают странной, — тихо проговорила молодая женщина. — Жители деревни боятся заходить в поместье. Из прислуги у меня осталась одна служанка, остальные взяли расчет на прошлой неделе. Но даже Маргарет уходит на ночь к сыну в деревню. Вам ни о чем не рассказывали в «Кингз армз»? Люди любят сплетничать. Моя последняя служанка, Жаннет, жаловалась, что слышит шепот в подвале. У бедняжки разыгралось воображение.

Она помолчала. Подошла к винтовой лестнице.

— Хотите посмотреть сад?

Выйдя из дома, они по заросшей травой тропинке приблизились к развалинам часовни.

— Заглянем вовнутрь? — предложил Бэйн.

— Там нет ничего интересного, — в голосе молодой женщины прозвучало напряжение, однако Бэйн уже переступил порог.

Вдоль стен стояло несколько потемневших статуй; слой опавшей листвы покрывал пол. Расчистив ногой свободный участок, Бэйн обнаружил квадратную каменную плиту с выступающим бронзовым кольцом. Взявшись за кольцо, он потянул. Массивная плита подалась неожиданно легко и, когда Бэйн отпустил кольцо, с глухим стуком встала на место.

— Ради бога, не делайте этого!

Он повернулся к миссис Ларлин. Ее бледное лицо стало мертвенно-серым. Чтобы не упасть, ей пришлось опереться о стену. Бэйн поддержал ее под руку и повел к дому.

— Что с вами?

Чувство тревоги странно смешивалось с ощущением близости к этой женщине.

— Прошу вас, больше не прикасайтесь к плите. Это развалины фамильного склепа.

Боже! Бэйн совершенно забыл, что у молодой женщины только недавно умер муж. Пытаясь загладить оплошность, он пробормотал:

— Я думал... простите, мне показалось, что все тут так запущено. Эти листья сверху; мне и в голову не пришло, что...

— Нет, нет. Извините меня за резкость, — от бывшего волнения не осталось и следа. — Идемте, чай уже готов, капитан Бэйн.

За чайным столом в угловой комнате одной из башен миссис Ларлин была несколько холоднее, однако ее очарование и ум от этого лишь выигрывали. Впечатление от беседы омрачали горькие складки, пролегли в уголках рта, словно какая-то невысказанная тайна притаилась под прекрасной внешностью хозяйки замка.

Незаметно прошел день. Прощаясь возле дверей, Бэйн с удивлением услышал новое приглашение:

— Если хотите, можете приходить завтра.

Заметив нерешительность гостя, хозяйка поспешно добавила:

— Если у вас есть дела...

— У меня нет никаких дел, миссис Ларлин,— ответил он, улыбкой прикрывая свое смущение.— Если быть до конца откровенным, меня несколько удивило ваше приглашение. Какой-то импульс... Я совсем не ожидал получить ответ на мое письмо.

Хозяйка пристально посмотрела на него:

— У меня нет друзей, капитан Бэйн, а здесь так одиноко. Мне страшно оставаться одной.

— Мне показалось, что вы не робкого десятка, миссис Ларлин. Не испугались пригласить незнакомого человека...

— Я боюсь не людей.— Она подошла ближе, вскинула голову.— Я боюсь мужа.

— Мужа? — Бэйн непонимающе взглянул на нее.— Я думал, что он умер.

Где-то в глубине дома скрипнула половица, ветер с силой сотряс оконный переплет.

— Вы чувствуете? — прошептала хозяйка.— Вы чувствуете? Кто-то рядом...

• • •

Каждое утро Бэйн покидал «Кингз армз» и отправлялся в гости в поместье Сорворт. В обществе Энн Ларлин он гулял по окрестностям, дышал воздухом, наслаждался природой. Однажды они поднялись на вершину холма Лорм, откуда открывался вид на поместье. На полпути между холмом и крепостной стеной стоял огромный дуб, не покрывшийся еще листвой; его черные ветви вырисовывались подобно пальцам на фоне серой громады замка. В долине виднелись черепичные крыши домов; чуть дальше —

деревенский рынок и заброшенные отвалы угольных копей.

В последние дни миссис Ларлин ни словом не обмолвилась о прощальном признании, сделанном в первый вечер. Ее настроение заметно улучшилось с той встречи, и Бэйн был доволен этим. Память о прошлом, казалось, не омрачала мыслей Энн... но так только казалось.

Стоя на вершине холма, она пристально вглядывалась в невысокую насыпь возле дуба.

— Вы... — она запнулась, — вы доверяете моим чувствам, капитан?

Бэйн удивленно пожал плечами.

— Я хочу подвергнуть ваше доверие испытанию. — Уголки ее рта прорезали две глубокие морщинки. — Вы ничего не видите возле того дуба?

Бэйн внимательно оглядел вересковую пустошь. Ни малейшего движения. Он прикрыл глаза рукой, защищаясь от солнца. На долю секунды какое-то существо выглянуло из-за кочки и снова скрылось. Бэйн вздрогнул.

— Не знаю... может быть, там собака?

— Вы не уверены в этом? — она заглянула ему в глаза. — До сих пор я сомневалась, способен ли кто-нибудь еще увидеть это. Может быть, виной этому ваше ранение, но тогда... извините, Ральф.

Она мягко коснулась его руки, желая загладить вырвавшуюся у нее фразу.

— Мы можем спуститься вниз, — продолжала она, немного помолчав. — Но мне кажется, что то, что мы видели, не совсем материально. Что-то из других сфер...

Они вернулись на землю. Бэйн молча ожидал продолжения разговора.

— Вы читали Троллопа, Ральф? — внезапно спросила она. — Возможно, вы помните, как он описывает сэра Флориана в «Брильянтах Эстаса». Сэр Флориан обладал лишь двумя недостатками: он был порочен и он умирал. Но Лиззи Эстас, выходя за него замуж, знала об этом, чего нельзя сказать о моем замужестве. Алистер при всей его болезненности даже тогда имел светские манеры.

— Вам тяжело вспоминать это, Энн. К чему ворошить прошлое, если в него невозможно вернуться? — Бэйн попытался улыбкой прикрыть смущение.

Словно не слыша его, Энн Ларлин продолжала:

— Наедине от его лоска не оставалось и тени. Он всех

пытался сделать подлецами, всех без исключения... Я сопротивлялась, и это приводило его в ярость. Даже перед смертью он отказался от причастия. Запретил пускать на порог пастора Хелмски. Я видела, как он умирает. Это было ужасно — словно греховная жизнь не желала выпустить его из когтей. Задыхаясь, бранясь, он все же расставался с ней... Однажды вечером я принесла лекарства; мне показалось, что он силится что-то произнести. Когда я склонилась к постели, он отвратительно улыбнулся и прошептал: «Ты думаешь, что освободилась, Энн? Нет. Подожди год. Я снова приду...»

— Год,— эхом повторил Бэйн.

— В пятницу истекает срок. Простите меня, Ральф, но я вынуждена открыться вам,— она твердо посмотрела ему в глаза.— Когда я в первый раз увидела вас на площади, то подумала: «Вот человек, который создан для того, чтобы рисковать». Признаюсь, у меня возникла мысль искать вашей защиты... Мне хотелось, чтобы вы приходили ко мне. Наверное, это неприятно сознавать, Ральф, но я действительно боюсь, что мой муж вернется.

— Он не может подняться из могилы,— неуверенно проговорил Бэйн.

— Как человек — нет. Но что-то во мне призывает его; возможно, какие-то импульсы двигают его телом. Он так много говорил об этом... Если бы это было игрой воображения, Ральф, это не было бы так страшно,— Энн Ларлин слабо улыбнулась.

Опасаясь, что она упадет в обморок, Бэйн поддержал ее под руку.

— Вы можете уехать отсюда, Энн.

— И где тогда жить? — Она кивнула в сторону серой громады замка: — Это все, что у меня есть в этой жизни. К тому же это ничего не изменит; он последует за мной, куда бы мы ни уехали. Только моя смерть может остановить его.

Она замолчала. Свежий ветерок шевелил пряди волос, придававшие ее лицу беспомощное, почти детское выражение. Ее ладонь замерла в ладони Бэйна.

— В эту пятницу я могу остаться в Сорворте, Энн,— он нежно сжал ее пальцы.— Вы хотите этого?

— Да,— Энн Ларлин заметно покраснела.— Мне жаль, что я не могу обещать вам ничего, кроме страха.

Она попыталась улыбнуться, однако силы изменили

ей. Бэйн помог своей спутнице спуститься с холма, поддерживая под руку, проводил в дом.

Теперь, когда соглашение было заключено, дни потянулись медленной чередой — неторопливые, словно перелетные птицы. Вечерние чаепития, возвращения в «Кингз армз», долгие прогулки на воздухе отодвинули в прошлое грустные воспоминания. Гибельная неизбежность, казалось, перестала наполнять мрачные коридоры старого замка. Настроение Энн переменялось: она была оживленнее, уравновешеннее, чем при первой встрече.

Пятница наступила неожиданно.

После чая, накрытого в гостиной, разговор сам собой оборвался. Между гостем и хозяйкой повисла гнетущая тишина. Гулкие своды усиливали малейший шорох, движение сквозняка. Густеющий сумрак за окном темными клубами wpłyвал в комнату. В шелесте гобеленов на стенах чудился зловещий шепот.

Час проходил за часом; нетронутый чай стоял на столе; наконец снизу донеслись шаркающие шаги служанки. С гулким эхом захлопнулась входная дверь, щелкнул замок. Энн и Бэйн остались вдвоем в пустом доме. Энн зажгла свечи, и по стенам заметались угловатые тени. Настенные часы пробили десять. Бесконечная ночь ожидания началась.

— Вы все еще вольны уйти,— мягко проговорила Энн.— Нас ничто не связывает, Ральф. Поймите меня, кончится эта ночь, и мы расстанемся. Слово никогда не были знакомы. Если мне казалось, что я испытываю к вам приязнь, участие, то в этом виновато мое желание выглядеть лучше, чем я есть на самом деле. После замужества что-то умерло в моем сердце. Я больше не могу любить и быть любимой... никогда. Мы расстанемся, Ральф... но что побуждает вас защищать меня, если не любовь?

— Моя гордость, честь. Другие чувства тут ни при чем.

Он был рад, что Энн не может разглядеть в сумраке выражение его лица, так болезненно отозвалось в нем ее признание.

Обойдя коридоры, осмотрев лестничные пролеты, он убедился, что дом пуст. Проверил прочность запоров на дверях, выглянул в окно: серое небо мохнатым пауком оплело замок. Ни звездочки, ни шороха в угнетающей тишине. Бэйн вернулся в гостиную.

Оставшись в одиночестве, Бэйн почувствовал прилив смелости.

— Приходи, если хочешь, Алистер Ларлин, эсквайр,— пробормотал он.— Я не боюсь тебя.

Стрелки часов приближались к двенадцати. В холодной тишине струились сквозняки. Гобелены на стенах распахивались и хлопали в этих струях, словно крылья гигантской летучей мыши. Бархатные драпировки отгораживали неприметную дверь, за которой находилась спальня Энн. Умирающие свечи отбрасывали длинные тени от предметов, стоящих на столе: сахарница, остывший кофейник, чашки... Странно, Бэйн хорошо помнил, что их было две, когда Энн уходила из гостиной. Третья чашка стояла на краю стола; тот же сервиз, однако эмаль потрескалась и в мелкую паутину трещин плотно набилась пыль. Высохшие комочки земли покрывали дно; от них поднимался неприятный запах разложения, могилы. Бэйн протянул руку, чтобы взять чашку, когда за спиной отчетливо скрипнула дверь.

Очертания человеческой фигуры призрачно забелели в темноте, возле бархатных портьер. Опрокинув стул, Бэйн вскочил из-за стола и решительно шагнул вперед. Фигура тонко вскрикнула и бросилась к дверям из зала.

В несколько прыжков Бэйн оказался рядом, сжимая в руках беглеца. Это была Энн Ларлин.

В тонкой ночной рубашке, босая, молодая женщина дрожала от холода. Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять, что она на грани безумия: расширенные зрачки, онемевшие губы. Бэйн с силой встряхнул ее, пытаясь привести в чувство. Прошло несколько томительных минут, прежде чем она смогла заговорить.

— Мне страшно...— шепот ее прервался от волнения.— Хочется выйти из дома и бежать, бежать...

Она беспомощно прикинула к его плечу. Подняв ее на руки, он двинулся к укрытой бархатной портьерой двери.

— Оставайтесь в спальне, Энн. Я рядом.

Коснувшись его щеки холодными пальцами, она умоляюще подняла на него глаза. Возле двери он опустил ее, и она медленно вошла в комнату. Изнутри щелкнул замок, Бэйн вздохнул с облегчением.

Снова потянулось томительное ожидание. Свечи дого-

рели, и зал освещала луна. Бэйн неподвижно сидел за столом, разглядывая третью чашку. Тяжелый рой мыслей лениво переваливался, плыл в голове, наполняя незримым шепотом окружающую темноту. Шум дождя снаружи приглушал шорохи, убаюкивал. Бэйн отчаянно боролся со сном, когда ночь за окнами прорезал новый пугающий звук: кто-то ходил под окнами.

Когда Бэйн выбежал под струи холодного весеннего дождя, возле дома никого не было. Мрачные развалины часовни высились в черной пустоте. Внутри было темно. Листья, покрывавшие пол, пропитались сыростью; ноги по щиколотку увязали в их влажном ковре. Когда глаза освоились с темнотой, Бэйн различил скульптуры святых, треснувший алтарь, поднятую плиту с кольцом... Она была открыта. Спотыкаясь, он подбежал к ней, вгляделся в зияющую пустоту...

Во дворе слышались шаги. Захрустел гравий. Застыв от неожиданности, в следующее мгновение Бэйн спрятался за плитой. В сером провале окна возникло лицо: отвратительная маска мертвеца. Нос расплющился по стеклу, когда мертвец заглянул вовнутрь часовни. Веки медленно поднялись, обнажив пустые глазницы; покрытый лохмотьями кожи череп повернулся, оглядывая темные стены. С облегчением Бэйн понял, что остался незамеченным. Лицо отодвинулось от окна, и в следующую секунду Бэйн снова услышал похрустывание гравия под ногами.

Прошло несколько минут, прежде чем он нашел в себе силы выбраться из укрытия. Шаги мертвеца затихли по направлению к дому.

В темноте сквозь шелест дождя слышался лязг запора: ночной гость пытался открыть двери в здание. Начав со входа в подвал, мертвец перешел к кухонной двери, затем к запасному выходу. Бэйн с ликованием прислушивался к его неудачным попыткам.

— Давай, давай. Пробуй, покойничек, — пробормотал он и в этот момент вспомнил о парадном, оставшемся открытым.

Когда он, пригибаясь, подбежал к крыльцу, дверь тихо затворилась за спиной могильного гостя.

«О Боже! Ларлин проник в дом!» — эта мысль горячей иглой пронзила мозг, но времени на раздумья не оставалось. Ради спасения Энн следовало опередить мертвеца. Взбежав по ступеням, Бэйн с силой рванул дверь и

бросился вверх по лестнице, ведущей в покинутую незадолго до этого залу. Сильный могильный запах, мокрые следы и комья грязи на полу безошибочно отмечали направление, выбранное ночным гостем. Ворвавшись в полутемную залу, Бэйн остановился как вкопанный.

Посредине комнаты, возле стола, стоял мертвец и держал в руках третью чашку. Лунный свет отбрасывал зловещую тень от его остова; комья глины, лоскуты одежды не могли скрыть выступающих наружу костей. Холодный пот заструился по спине Бэйна, когда он встретил взгляд ввалившихся глазниц мертвеца. Изуродованное тлением лицо бесстрастно мерцало в призрачном сиянии восшедшей луны.

Бэйн заставил себя сделать два шага по направлению к зловещему остову. Преодолевая отвращение, он протянул руку, однако не решился дотронуться. В горле пересохло, губы пылали огнем, когда он хрипло произнес, обращаясь к пришельцу:

— Возвращайся в могилу, Ларлин!

Ни звука в ответ.

Бэйн напрягся, но не смог заставить себя двинуться дальше. На него взирала бледная маска смерти: высохшая, безжизненная, словно неведомые токи, управлявшие телом, умерли вместе с ним. Как долго продолжалось противостояние, Бэйн не помнил. Наконец мертвец неуклюже покачнулся; шатаясь, перешагнул порог и исчез в темноте коридора.

Хлопнула дверь в соседней комнате; шторы на окнах взметнулись, подхваченные ветром. Вспышка молнии прорезала мрак, осветила зубчатые стены замка, и неожиданно Бэйн понял, что собирается сделать мертвец.

Стрельчатые окна башен приходились вровень с крепостными стенами; в минувшие столетия защитники замка передавали из окон порох, ядра, припасы на площадки возле бойниц. Пройти по стене, разбить стекло и проникнуть в спальню Энн Ларлин — что могло быть проще для существа, когда-то жившего в замке?

Бэйн подбежал к распахнутому окну, выглянул наружу. Тяжелая пелена дождя застилала тьму; внизу, у подножия каменных стен, пенился бурный поток, в который превратился ручей на дне рва. Раскаты грома, вспышки молний следовали одна за другой, заливая бледным сиянием окрестности. Новая вспышка — и в мертвенном

блеске Бэйн различил темную фигуру, крадущуюся мимо осыпавшейся бойницы. Еще несколько осторожных шагов — и до слабо освещенного окна спальни можно будет дотянуться рукой...

Бэйн явственно ощутил волны ужаса, исходящие от мертвого тела. Алистер Ларлин неуклюже пробирався под его окном. Несколько футов разделяло их, когда Бэйн решился. Что побудило его прыгнуть, сцедиться с врагом — отвага, любовь... может быть, долг чести? Никто не узнает об этом.

Неожиданное нападение застигло врасплох Ларлина; мертвец пошатнулся, его нога потеряла опору, руки тщетно царапали камень, отыскивая расселину, чтобы уцепиться. Мокрые плиты не оставляли надежды: оба противника — живой и мертвый — сорвались вниз, теряя клочья одежды, орошая кровавыми каплями и прахом древние камни. Мрачные громады бойниц равнодушно наблюдали падение, оборвавшееся всплеском и ропотом волн разлившегося ручья. Сверкнула молния, осветив пустые стены...

• • •

Ранним субботним утром одинокий рыбак направил нос своего суденьшка в устье сорвортского ручья. Станный предмет, выброшенный морем на прибрежные скалы, привлек его внимание; опутанные клубками морских водорослей, на темных камнях покоились два тела. Подводные буруны не позволяли приблизиться к берегу. К тому же вид одного из утопленников напомнил рыбаку старинные предания, которые он часто слышал в детстве, сидя с матерью в долгие зимние вечера у натопленного камина. Охваченный суеверным страхом, он развернул лодку и принялся грести обратно, в сторону бухты.

Когда несколько часов спустя в сопровождении пристава и двух полицейских он вернулся к своей находке, то обнаружил лишь спутанные клубки морских водорослей. Начавшийся отлив унес человеческие тела, покрыв их судьбу мраком тайны.

Владелец и гость сорвортского поместья исчезли: один из жизни, другой из смерти; оба нашли свой конец в бурных морских волнах.

ПОЖЕЛАЙ МНЕ УДАЧИ

Стенные ходики отсчитывали двенадцатый час ночи. Праздничная суeta воскресенья улеглась, оставив усталых и сонных людей перед каминами своих спален. Умиротворенная праздником, старая Алис Помероу глядела на полыхавший в камине огонь, сидя в кресле уютной комнатки «Счастливого приюта», время от времени прикладываясь к кружке с можжевельным пуншем. Изредка она перебрывалась парой слов с невесткой — молоденькой, румяной толстушкой, нетерпеливо ожидающей припозднившегося мужа.

Большая полосатая кошка вертелась в ногах старой Алис и, жмурясь от удовольствия, терлась о ее подагрические ноги. Огонь в камине пылал жаром. Пощелкивая и отдуваясь, он принялся за новую порцию дров, то и дело брызгая во все стороны горячей слюной. Свисающая с потолка лампа, казалось, не давала света, в стеклянном чреве ее корчился пеньковый фитиль, словно змей, попавший в бутылку. Отблески огня ложились кровавыми пятнами на фаянсовую посуду, сверкали острыми, колкими лучами в хрустальных подвесках, и казалось, что парусник, заключенный в бутылку, миниатюрный и хрупкий, там и погибнет, охваченный тропическим штормом.

Как ватага резвящихся дельфинов, скользили и прыгали тени по низкому потолку, кривляясь и строя рожи, висающим по стенам портретам, а те оживали и учтиво раскладывались друг перед другом. На выскобленном столе хозяев поджидал ужин: ломтики холодного мяса и хлеба, кружочки маринованных и соленых огурцов, поджаристый сладкий пирог и вместительная бутылка, возвышающаяся над яствами подобно сторожевой башне.

Все ждали хозяина, Дана Помероу: и старуха мать, тихо шепчущая себе что-то под нос, и Сюзанна, и долгие годы работающая прислугой в трактире немая Мэг.

Дан Помероу объявился несколько лет назад, приехав из Америки с чемоданами, до отказа набитыми хрустящими долларами, и с золотым самородком в кармашке для часов. Узнав о внезапной смерти отца и по настоящему желанию матушки, он, не раздумывая, как и подобает сыну, поспешил домой. Покойная и добропорядочная жизнь ждала его тут. Да и где бы он нашел столько тепла и любви, как не в «Счастливом приюте» на побережье Таффранда? Место воистину благословенное: добротный каменный дом, основательный и прочный, как панцирь морской черепахи, солнце и море, сияющие пески, стаи крикливых чаек, величественные утесы и вересковые луга, полные зайцев и пернатой дичи. Не прошло и года, как он уже стал женихом прелестной девушки с хорошим приданым. Как весело сыграли свадьбу, так и стали жить: душа в душу.

Однако нет, видно, такой бочки меда, чтобы не нашлось к ней ложки дегтя. Стоило Помероу появиться на побережье, как пошли гулять разного рода насмешки и рассказы. Непривычные манеры, всегдашняя расположенность к знакомству и чрезмерная словоохотливость, а главное, аккуратная черная борода, точь-в-точь такая же, как у местного помещика Хаддикота, были на устах у всей округи. Мелочь, подумаете вы? Как бы не так — Хаддикот таких мелочей не жаловал.

Не то чтобы Помероу сам хотел этого или задибался, нет, он был человек терпимый и образованный, чтобы принимать подобные вещи всерьез, однако знал о сходстве и зачастую пользовался этим. Уж очень его смешила непосредственность местных жителей, с какою они, обманувшись, прятали невольную улыбку при одном только его появлении.

Хаддикот дважды посылал нарочного с записками к Помероу, чтобы тот избавил его от насмешек. Но Дан не видел причины, которая могла бы заставить его изменить свою внешность. Если Хаддикоту не нравится, в его распоряжении всегда есть ножницы. Как и следовало ожидать, такой ответ не на шутку рассердил Хаддикота. Обладая значительным состоянием, он редко сталкивался с людьми, признающими за собой право поступать так, как им заблагорассудится. К тому же с той поры, как семейство Помероу скупилло все лучшие вина на двадцать миль в округе, Хаддикоту оставалось только рвать на себе волосы и проклипать ненавистное семейство.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Хаддикота, была обыкновенная повозка, на которой в последнее время стал ездить Помероу. Дело в том, что Помероу, по-видимому так ему было удобнее, не пользовался лошадью, а запрягал в свою повозку осла, из тех, что местные жители выгуливают на прибрежных лугах. Хаддикот же щеголял изящным кабриолетом и статной, породистой кобылой. Впрочем, у него было много хороших лошадей. Когда он узнал, что вытворяет Помероу, то был вне себя от гнева и на следующий день учинил в церкви форменный скандал, требуя от священнослужителей сурово наказать негодяя. Но у тех не нашлось никаких претензий к Дану, как они ни старались. Единственно, за что можно было его осудить, так это за проповеди, которые он изредка, по своей словоохотливости, произносил перед рыбаками, убеждая их, что красота земная доступнее бедным и сирым и что излишнее богатство ослепляет человека. Но эти мысли были слишком невинны и не могли считаться достаточным основанием для публичного осуждения. Выходило, что Помероу совершенно безнаказанно выставлял сквайра Хаддикота на посмешище.

Старая Алис почти осушила свою кружку пунша, пока выкладывала невестке свежие сплетни, которых вдоволь наслушалась за день. Седые волосы стянуты в серебряную чашечку, на затылке жиденький хвостик, над сморщенной губой мелкая щетинка усов. Сюзанна слушала ее внимательно, краснея от возмущения.

— Какое право он имеет так издеваться над Даном?

— Никакого конечно,— поддакнула старая Алис, расстроенная безрассудством своего сына.— Люди препираются, лишь бы от скуки не сдохнуть.

— Как жаль, что он привязался именно к Дану.

Старая Алис закивала ей в ответ.

— Жаль, что и говорить, но, помани мое слово, Хаддикот не обойдется одной руганью. Он в церкви что кричал: «Те, кто насмежаются, будут растоптаны, так возгласил Господь», а священник, наш Парсон, даже и слова не сказал. Все за свою мошну боится... Черта с два что-нибудь станется с этим Хаддикотом, не надо волновать Дана.

Сюзанна пожала плечами, со вздохом встала, подошла к окну и, отодвинув тяжелую штору, посмотрела на залив.

— Побейте же вы его, когда он возвращался,— прошептала она.— Так поздно, он уже должен был приехать.

— Не волнуйся, милая,— улыбнулась ей Алис, думая про себя, однако, что Дан мог бы и поторопиться

Сюзанне луна показалась очень большой и яркой. Полнолуния и добродушная, она скользила сквозь кружева пробежавших мимо облаков и заливала море бледным колеблющимся сиянием; словно тончайшая поблескивающая паутина шевелилась в ее лучах. Где-то далеко, почти на горизонте, дрожали крошечные огоньки, и на отполированных морем утесах лежали лунные блики.

Мрачная тень тянувшихся вдоль побережья скал нависла над морем, как огромная библейская волна, словно встали во весь рост из-под земли глубокие шахты оловянного рудника. Тишина — какая всегда бывает после рождественских штормов; только и слышно, как дышит сонное море и волны, выбегающие на берег, с шумом перекачивают гальку. Уже осталось недолго ждать, когда ветер принесет запах мимозы, запах долин, вересковых лугов и открытого моря; даже камни, что, как сторожевые великаны, высматривают что-то в волнах, к весне зацветут и покроются мхами.

Весна уже в сердце Сюзанны, уже распускаются в ее душе клейкие почки; она улыбается Дану, спешащему по пустынной дороге к своему счастью. «Он, должно быть, чувствует то же, что и я», — думает Сюзанна и улыбается. Его шляпа сползла на затылок, губы высвистывают незатейливый мотив. Может быть, он остановился у слепого Пинделля, у его магазинчика, перекинуться парой слов... Благослови его, Господи!

Сейчас, возбужденная любовью, она легко представила себе магазин Пинделля, стоящий на перекрестке дорог, словно спасительный Ноев ковчег, приглашающий одиноких путников заглянуть на огонек, обогреться и отдохнуть. В молодости Пинделль был корабельным плотником, почти всю жизнь провел в плаваниях. Однажды его корабль, застигнутый в тропиках штормом, наскочил на острый зуб подводной вершины и пропорол себе брюхо. Только чудо, а может, и страстная вера в Бога спасли Пинделля от верной гибели. Он вернулся домой и через многие годы часто вспоминал тот день: скалистый остров, дно моря во время отлива, усталое мелким серебристым песком, через который, бурля и пузырясь, уходила вода, словно под ее поверхностью пряталось неведомое чудовище и от его дыхания песчинки носились в немыслимом

танце. Ночью окна разбитого корабля, запорошенные песком, желтовато поблескивали под луной, словно огни корабля-призрака.

Плотник Пинделль, тщательно подбирающий краски для шлюпок и колыбелек, для дверей и гробов — и гробам полагается краска, — какой выберешь цвет ты для гроба Хаддикота? Черный. А для Дана? Голубой или солнечно-красный...

Сюзанна улыбнулась — страшные мысли уже не страшны; она легонько коснулась шеи, в том месте, куда Дан любил целовать ее, и старая Алис, наблюдая за ней, не могла сдерживать улыбки. «Пора идти спать, — подумала она. — Пусть подождет одна, любовь в ожидании крепнет». Ходики мерно постукивали, и Алис почувствовала ток убегающих минут; она попросила Бога поторопить Дана. С трудом опершись на трость, она поднялась; ее разбухшая, как колода, нога волочилась. Алис кивнула портрету своего мужа, как делала всегда; ее продолговатое испанское лицо сморщилось в гримаску жалости. Она еще не вышла из комнаты, когда Сюзанна, насторожившись, приникла к окну. В тишине, словно подпрыгивающие по мостовой камешки, зацокали копыта

— Это Дан наверстывает упущенное время, — шепнула Сюзанна и выбежала открывать. А Алис все еще вслушивалась, склонив голову набок: ее не проведешь.

— Слишком прытко для осла, — проворчала она себе под нос, набрасывая на плечи шаль. Беда никогда еще не заставляла ее врасплох. Скачущая ночью лошадь в ее жизни всегда означала неприятность: тяжелую болезнь, спешащего по вызову доктора или что-нибудь в этом роде. От страха у нее похолодело в груди, но она справилась, как всегда. Вот совсем близко раздался хруст колес по щебенке. и сразу же послышался нетерпеливый стук в дверь. Глухо забрежал ценный пес, прямо у самой стены; мужской голос грубо выругался.

— Эсквайр Хаддикот!

Полная страха, Алис поспешила за Сюзанной, следом шла зевающая Мэг. Взмыленная лошадь отпрянула и пошла задом, когда Сюзанна отперла дверь; гневный окрик Хаддикота остановил лошадь. Он сидел в коляске, поигрывая хлыстом.

— Что случилось? — спросила Алис.

— Несчастный случай, — Хаддикот оскалился. в чер-

ной бороде блеснули зубы.— Моя лошадь сбила вашего сына, там, на холме. Я не смог остановить ее.

Сюзанна замерла; глаза от страха широко раскрылись. Схватив за руку Мэг, она кинулась со всех ног на холм. Старая Алис не шелохнулась. Только покрепче оперлась на трость и сурово сжала губы. Перед ее глазами стояло лицо сына. Она вспомнила, как рожала его, вспомнила все до мельчайших подробностей: и час, когда начались схватки, и невыносимые мучения, когда он выходил на свет. Ее мысли сплетались в сумасшедшем верчении прялки, потом выправились, потекли спокойнее и застыли. Сила вернулась к ней, словно ее муж вдруг ожил и встал рядом. «Несчастный случай? Как бы не так»,— подумала она.

Хаддикот забавлялся, глядя на нее. Ему давно не терпелось разделаться с дерзким сыном старухи.

Оправившись, Алис невесело покачала головой:

— Благодарим вас за участие. Такие события не проходят бесследно. Я принесу вам бренди...

На кончике языка Хаддикота вертелись ругательства; послать бы ее ко всем чертям — хорошо, что раздавил сына, он того заслуживал; пусть знают, что с Джеймсом Хаддикотом шутки плохи, однако нельзя допустить, чтобы старуха догадалась; надо быть осмотрительным.

— Если вам не составит труда, милейшая,— с циничной вежливостью произнес он.

Хотя добрый стаканчик винца сейчас не помешал бы — не каждый день приходится давить мерзавцев, а жаль. Дьявольская усмешка растянула его губы. Теперь никто не отважится обвинить его в преступном намерении, как-никак, а он первым позаботился о несчастном: принес в дом страшную весть.

Старая Алис заковыляла в дом; через некоторое время вернулась с бутылкой бренди и стаканом в руках. Наполнив стакан, она протянула его помещику.

— Пожелай мне удачи! — громко сказала она Хаддикоту.

Помещик не заставил себя ждать: насмешливо пожелав ей удачи, он большими глотками принялся осушать стакан. Когда голова его запрокинулась, выпятив острый кадык, трость старой Алис обрушилась на его голову. Захрипев, Хаддикот повалился навзничь; стакан выпал из рук и разбился.

Алис не мешкала. Она плеснула на обмякшее тело Хаддикота из бутылки и всунула ее в карман плаща. Потом, размахнувшись, ударила тростью по крупу лошади, та рванулась и как бешеная понеслась вскачь прямо к обрыву. Разогнавшись, лошадь уже не могла свернуть и с грохотом рухнула вниз на камни, увлекая за собой потерявшего сознание Хаддикота. Потом наступила мертвая тишина. Старая Алис не шелохнулась; уж кто-кто, а она-то знала, как круто обрывается в этом месте берег. Тщательно протерев набалдашник трости, она прошла в дом и встала перед портретом своего мужа. Он смотрел на нее как всегда, с одобрительной и спокойной уверенностью. Бескровные щеки ее слегка порозовели. Спohватившись, она заторопилась в деревню. Третий дом от дороги; она проковыляла к дверям и с силой постучалась, разбудив доктора и переполошив всю его семью.

— Скорей! Скорей! Хаддикот спяну задавил нашего Дана, а сам с обрыва сорвался.

Когда принесли Дана, он неподвижно лежал с окровавленным лицом. Сюзанна побелела как полотно; пальцы ее одеревенели, не слушались. Мэг возбужденно квохтала и мычала. Алис налила в кружку немного бренди, разбавила водой. Приподняв отяжелевшую голову пострадавшего, Сюзанна ложкой разжала плотно сжатые зубы... Дан пошевелился и открыл глаза. Господи, ты не оставил нас! Едва касаясь губкой, Алис обмыла ему лицо, нашептывая и мелко кивая головой:

— Вот и хорошо, все обошлось. Бог милостив!

Потом поднялась с постели и заковыляла к креслу у камина, утомленная и благодарная Богу. Еще несколько глотков бренди, и Дан, глубоко вздохнув, пришел в себя. Он попытался поднять голову и оглядеться. Сюзанна и Мэг хлопотали рядом.

— Немного не повезло, — виновато прохрипел Дан.

— Не повезло? — Алис с улыбкой обернулась к нему.

— Да, пожалуй, так не скажешь. — Дан опустил голову на подушку и стал смотреть на причудливые тени, бегущие по потолку.

Старая Алис умиротворенно и тихо смотрела на остывающий огонь: в суматохе забыли подбросить углей. Она подняла глаза на портрет: Дан — вылитый отец, такой же честный, как и он. Никогда слова дурного не скажет. Она вспомнила, как Хаддикот пожелал ей удачи, и улыбнулась.

Приятный подарок Теперь в деревне будет мир и покой.
Она тихо засмеялась, наклонив голову и прикрыв ладонью рот. Потом, успокоившись, поднялась и, благословив сына, заковыляла в спальню.

КОМНАТА В БАШНЕ

Наверное, многие из тех, кому часто снятся сны, хотя бы раз в жизни испытали на собственном опыте, что случаи или ситуации, пережитые когда-то во сне, повторяются позднее в действительности. По-моему, в этом нет ничего удивительного: было бы более удивительно, если бы сны никогда не исполнялись, ведь связаны они с людьми и местами, с которыми мы сталкиваемся наяву, при свете дня. Естественно, что смысл сна очень часто бывает затенен какой-нибудь нелепой, фантастической подробностью, которая не может произойти наяву, однако выглядит вполне правдоподобно, что иногда, по случайности, подтверждает и сон. Недавно я сам пережил нечто подобное и не считаю происшедшее со мной чем-то загадочным или имеющим отношение к области психологии.

Первый случай был связан с моим хорошим приятелем, жившим за границей. Письма от него я получал достаточно часто: примерно раз в два или три дня. Когда же истекли четырнадцать дней, а от моего приятеля не было никаких вестей, я помимо воли стал — сознательно или подсознательно — ожидать письма. В одну из ночей мне приснился сон, что по пути на кухню, проходя через гостиную, я слышу знакомый стук почтальона в парадную дверь. Подхожу и среди корреспонденции обнаруживаю письмо от моего приятеля. В этом месте во сне появляется фантастический элемент; распечатав конверт, я нахожу внутри бубновый туз, на котором знакомым мне почерком нацарапано: «Посылаю тебе на хранение этот бриллиант*»; как ты знаешь, подобные вещи весьма рискованно держать при себе в Италии». Только мне это приснилось, как следующим же вечером по дороге на кухню я услышал знако-

* Игра слов diamond в английском языке означает как бриллиант, так и карточную масть — бубны

мый стук в парадную дверь. Дальнейшее происходило, как и в моем сне: я подошел к двери и среди прочей корреспонденции обнаружил письмо от приятеля. Правда, в конверте не оказалось туза бубен; возможно, я не счел бы это за обычное стечение обстоятельств, если бы нашел его там... Без всякого сомнения, ожидание письма подсказало мне этот сон; приятель же, в свою очередь, не переставал думать, что должен написать мне.

Но не всегда так легко можно отыскать причину подобных явлений, как в этом случае. Сейчас я хочу рассказать историю, которая так и осталась для меня загадкой: возникла из мрака и канула во мрак.

Всю свою жизнь я относил себя к людям, которым очень часто снятся сны; с трудом припоминаю ночи, когда по пробуждении мог бы с уверенностью сказать, что мне ничего не снилось. В сновидениях со мной случались разнообразные приключения, иногда даже целые сериалы приключений — как правило, довольно обычных и в целом спокойных и приятных, — за исключением единственного случая, о котором я хочу рассказать.

Первый раз этот сон приснился, когда мне было шестнадцать лет. Я стоял перед дверями большого особняка из красного кирпича; каким-то образом я знал, что должен переночевать в нем. Слуга, отворивший мне дверь, сообщил, что чайный столик накрыт в саду, и проводил меня через низкую, обитую темными панелями прихожую. Ухоженный газон во внутреннем дворе украшали клумбы цветов. За столиком, накрытым для чаепития, сидело несколько человек, совершенно мне незнакомых, кроме одного — моего школьного товарища по имени Джек Стоун. Как сын хозяина особняка, он представил меня матери, отцу и двум сестрам. Я слегка удивился, почему оказался здесь, так как никогда не был с ним в дружеских отношениях и даже испытывал неприязнь, зная о некоторых его поступках. К тому же он окончил школу на год раньше меня.

Стояла послеполуденная жара, изнуряющий зной пропитывал воздух. У края газона возвышалась стена из красного кирпича, окружавшая сад, с чугунными воротами посредине. Снаружи, за оградой, покачивались ветви грецкого ореха. Мы расположились в тени дома напротив фасада с высокими окнами, через которые угадывались контуры накрытого стола, отражались блики хрусталя и сто-

ловых приборов. С одной стороны дом упирался в трехэтажную башню, по виду значительно превосходившую его возрастом.

По прошествии некоторого времени леди Стоун, обычно хранившая глубокое молчание, обратилась ко мне:

— Джек покажет комнату, которую я приготовила для вас в башне.

Не знаю отчего, но при этих словах у меня тревожно забилось сердце. Казалось, я наперед знал, что предстоит ночевать в комнате в башне, и меня охватило какое-то недоброе предчувствие. Джек сразу же встал, и я понял, что должен идти с ним. В молчании мы миновали прихожую, подошли к лестнице и по большим дубовым ступеням поднялись на третий этаж, где находились две двери. Отворив одну из них, Джек пропустил меня вовнутрь; сам же не переступил порог, закрыв дверь за моей спиной. Предчувствие не обмануло меня: неведомый страх притаился в комнате, превращая мой сон в настоящий кошмар. Я чувствовал нарастающий ужас, пока наконец не проснулся в холодном поту.

В течение последующих пятнадцати лет этот сон посещал меня в различных вариациях, непременно совпадающих в общей схеме: прибытие в дом из красного кирпича; чай на подстриженном газоне перед фасадом; гробовая тишина, прерываемая единственной фразой, которая на фоне общего молчания звучала подобно могильному стону. Потом мы с Джеком шли в комнату в башне, где притаился страх, и сон неизменно кончался ощущением надвигающейся опасности, хотя я так и не мог понять, что было пугающего в той комнате. Временами мне снились совершенно разные вариации этой схемы. Например, все собиравшись за столом в гостиной, и я смотрел через высокие окна, те самые, которые видел из сада, когда первый раз был в этом сне. Но где бы мы ни сидели, за столом царила все та же зловещая тишина, и меня охватывало предчувствие чего-то недоброго. Причем я заранее знал, что леди Стоун обязательно нарушит эту тишину и обратится ко мне: «Джек покажет комнату, которую я приготовила для вас в башне». После этого я должен был вставать и следом за Джеком идти по дубовым ступеням в комнату, которой с каждым разом боялся все больше. Иногда случалось, что мы проводили время за картами в гостиной, ярко освещенной многочисленными свечами, но игра проходила в пол-

ном молчании. Гостиная всегда была ярко освещена в противоположность остальным комнатам, где царили тени и полумрак. Несмотря на роскошную иллюминацию, я с трудом разбирал карты, вглядываясь в каждую фигуру. Не имею ни малейшего понятия, что это была за игра, к тому же в колоде напрочь отсутствовали красные масти, а среди черных попадались аспидно-угольные карты, которых я боялся больше всего.

По мере того как сон повторялся, я знакомился с расположением частей дома. За гостиной, после небольшого коридора, обитые зеленым сукном двери вели в курительную. Обычно там было темно, и часто кто-нибудь выходил из дверей, хотя мне не удавалось разглядеть его лицо. Самое любопытное заключалось в том, что персонажи из сна претерпевали изменения, подобные тем, какие переживают люди в настоящей жизни. Например, леди Стоун, которая была брюнеткой, когда приснилась впервые, со временем поседела и уже не так живо вставала из-за стола, чтобы обратиться ко мне со словами: «Джек покажет комнату, которую я приготовила для вас в башне». Джек возмужал и превратился в статного молодого человека с темными усиками, тогда как одна из его сестер вовсе перестала появляться за чаем, из чего я сделал вывод, что она, по всей видимости, вышла замуж.

Однажды сон не возвращался ко мне почти полгода или даже дольше, и я уже лелеял надежду, что больше никогда не увижу дом из красного кирпича и не испытаю страха, с ним связанного. Однако по прошествии этого срока я снова сидел за чаем в саду, только на этот раз за столом отсутствовала леди Стоун; остальные собравшиеся были одеты в траур. Не скажу, чтобы это сильно опечалило меня, наоборот — сердце радостно забилося при мысли, что, возможно, уже не придется ночевать в комнате в башне. Чувствуя невыразимое облегчение и не обращая внимания на всеобщее молчание, я начал говорить и смеяться, чего до сих пор не позволял себе. Однако мое раскованное поведение несколько не повлияло на настроение собравшихся, которые продолжали хранить молчание, украдкой переглядываясь между собой. Вскоре поток моего красноречия иссяк и меня снова охватило предчувствие чего-то ужасного — более сильное, чем когда-либо.

Неожиданно тишину нарушил столь хорошо знакомый мне голос леди Стоун, который произнес:

— Джек покажет комнату, которую я приготовила для вас в башне.

Мне показалось, что голос доносится из-за кирпичной стены, окружавшей сад. Обернувшись, я посмотрел сквозь прутья решетчатых ворот в том направлении: в траве за оградой было тесно от надгробий. Странное бледное свечение, исходившее от них, позволило мне разобрать надпись на ближайшем камне:

НЕДОБРОЙ ПАМЯТИ ДЖУЛИЯ СТОУН

Джек, как обычно, поднялся из-за стола, и я отправился следом за ним через прихожую на лестницу с деревянными ступенями. В этот раз в комнате оказалось совсем темно, так что с трудом угадывались контуры мебели, расстановка которой была мне хорошо знакома по предыдущим посещениям. Стоило переступить порог, как в ноздри ударил удушающий запах трупного разложения, и я с криком проснулся.

Этот сон и его вариации, описанные выше, повторялись в течение пятнадцати лет. Иногда он снился мне несколько ночей подряд, иногда с долгими перерывами — до полугода, как я уже говорил, но в среднем его периодичность не превышала месяца. Начинаясь как полночный кошмар, сон неизменно завершался ощущением необъяснимой тревоги и страха, которые вместо того, чтобы потускнеть со временем, напротив, с каждым разом все больше завладевали мной. Поразительная логика присутствовала в этих ночных видениях: персонажи старели, выходили замуж, умирали. Я больше никогда не встречал леди Стоун с того дня, как она умерла. Однако ее голос неизменно сообщал мне, что комната в башне приготовлена для меня... Невзирая на то, пили ли мы чай в саду или в какой-либо из комнат, я всякий раз замечал через прутья чугунных ворот ее надгробие. В силу той же непоколебимой логики, дочь, которая вышла замуж, появлялась лишь изредка, а два или три раза — в сопровождении мужчины, в котором я угадал ее мужа. За столом он молчал, как и остальные.

С течением времени я привык к этому сну и перестал ломать голову над его странностями. Джек Стоун ни разу не повстречался мне за прошедшие пятнадцать лет, и я

нигде не видел здания, хотя бы отдаленно напоминавшего кирпичный дом из моего сна.

Пока не произошло событие, встряхнувшее мою жизнь...

В то время я находился по делам в Лондоне. Кончался июль, и я договорился с приятелем, что проведу несколько дней в доме, который он снимал недалеко от местечка Форест, в графстве Сассекс. Рано утром я выехал из Лондона. Джон Клинтон ожидал меня на станции в Форесте. Мы провели целый день, играя в гольф, наслаждаясь безоблачной погодой. У Джона был собственный автомобиль, поэтому мы отказались от фэйф-о-клока* в клубе и в пятом часу выехали, чтобы засветло добраться до дома, расположенного в десяти милях от города.

Через час езды погода решительно испортилась; легкий, освежающий ветерок, веявший днем, утих, сменившись тяжелой неподвижностью воздуха. Тревожное волнение, словно в предчувствии грозы, угнетающе подействовало на мое настроение. Джон не разделял дурных предчувствий, приписывая мою невеселость двум партиям в гольф, с разгромным счетом выигранным им утром. Впоследствии оказалось, что я не ошибся насчет грозы, однако не ее приближение погрузило меня в глубокую депрессию.

Мы ехали по дороге, петлявшей между высоких холмов. Вскоре я задремал и пробудился лишь от толчка, вызванного резкой остановкой автомобиля. Трудно описать мое изумление, когда заспанным глазам предстал дом из моего сна! Легкая дрожь пробежала по спине, и одновременно я почувствовал неодолимое любопытство. С минуту я пытался удостовериться, наяву или во сне вижу его. Мы миновали низкую прихожую, обитую темными панелями, и оказались во внутреннем дворе, где на газоне, в тени дома, стоял стол, накрытый к чаю. На противоположном конце газона возвышалась стена из красного кирпича, с чугунными воротами посредине, а за стеной росли деревья грецкого ореха. Вытянутый фасад упирался с одной стороны в башню высотой в три этажа, по виду значительно более древнюю, чем остальное сооружение.

В следующую минуту сходство с ситуацией из сна исчезло, так как, вместо призрачного семейства, за столом

*Фэйф о-клок — вечернее чаепитие

собрались мои хорошие знакомые, встрече с которыми я был несказанно рад. Помимо страха, который обычно внушал мне сон, я не испытывал чувства надвигающейся опасности, хотя обстановка до мельчайших подробностей повторяла виденную раньше. Все опасения заглушило неодолимое любопытство, что же произойдет дальше.

Вечер мирно протекал за дружеской беседой, когда внезапно миссис Клинтон поднялась из-за стола, и я в ту же секунду понял, что она собирается сказать!

— Джон покажет комнату, которую я приготовила для вас в башне.

При этих словах волна ужаса окатила меня точно так же, как это бывало в моем сне. Однако страх быстро испарился, уступив место безудержному любопытству, которое очень скоро было вознаграждено.

Извиняющимся тоном Джон отозвался:

— Комната на самом верху: слишком много гостей. Может быть, хочешь взглянуть? Ого, как стемнело! Ты не промахнулся с предсказанием грозы.

Поднявшись со стула, я последовал за ним. Мы миновали прихожую и по знакомым ступеням поднялись на третий этаж башни. Джон отворил дверь и пропустил меня в комнату. Необъяснимый ужас снова охватил меня; как ни старался, я не мог определить, что именно вызывает мой страх: я просто боялся!

Как по мановению волшебной палочки, из глубин памяти всплыло забытое имя... леди Стоун, надгробная плита которой со зловещей надписью лишь однажды появилась в моем сне: за тем самым газоном, что сейчас простирался под моими окнами. Однако через минуту беспокойство снова отступило; чего опасаться в комнате, обстановка которой нисколько не изменилась за прошедшие полтора десятилетия?

Хозяйским оком я оглядел стены: практически никаких отличий от виденного раньше. Слева от двери стояла кровать, обок выстроились камин и книжный шкаф. Напротив двери тускло отсвечивали два небольших окна, между ними примостился умывальник. Тумба с полотенцами расположилась у соседней стены. Мои вещи оказались уже распакованы; туалетные принадлежности аккуратно расставлены на полке над умывальником; выглаженная пижама лежала поверх покрывала на кровати.

С удивлением я обнаружил две картины, которых во

сне никогда не видел: масляный портрет леди Стоун в полный рост, а также эскиз, изображавший Джека Стоуна таким, каким он приснился мне в последний раз, несколько дней назад. Молодой мужчина, лет тридцати, довольно отталкивающей наружности. Его изображение висело между окнами и через всю комнату смотрело на второй портрет, подвешенный над кроватью.

Я внимательно осмотрел портрет леди Стоун и по мере того, как вглядывался, снова начал ощущать былой страх.

Холст запечатлел ее в последние годы жизни: высохшей, седой, постаревшей. Но помимо очевидной телесной немощи от ее фигуры исходила неведомая живая сила, полная нескрываемой кипящей злобы. Сощуренные узкие глаза глядели насмешливо, губы исказила демоническая усмешка. Зловещей веселостью веяло от ее лица! Руки, сложенные на коленях, казалось, едва сдерживались, чтобы не прицелкнуть пальцами в такт дьявольской сарабанде.

В нижнем левом углу портрета проступала нечеткая надпись. Заинтригованный, я наклонился и с трудом разобрал слова: «Джулия Стоун, кисти Джулии Стоун».

Послышался стук в дверь, и в комнату вошел Джон Клинтон.

— Все в порядке? Ничего не нужно? — поинтересовался он.

— Если ты о мебели, ее здесь даже больше, чем нужно, — ответил я, показывая на портрет.

Клинтон рассмеялся.

— Старушка и впрямь выглядит неважно, — заметил он. — Насколько мне известно, это автопортрет, так что ее не упрекнешь в неточности.

— Тебе не кажется, — спросил я, — есть что-то нечеловеческое в ее лице? Как будто... она одержима дьяволом?

— Хм! — Джон подошел ближе к портрету. — Пожалуй, такому шедевру не место в изголовье кровати. Довольно неприятное соседство, если задуматься о природе ночных кошмаров. Прикажешь вынести?

— Если возможно. И поскорее! — взмолился я.

Джон позвонил слуге. Втроем мы сняли портрет и поставили его на лестничной площадке, лицом к стене.

— Тяжелая старушка, — Джон вытер со лба пот. — Должно быть, что-то лежит у нее на совести.

Меня тоже поразил необычайный вес портрета, и я

уже собирався ответить, когда, случайно взглянув на свою руку, заметил, что вся ладонь залита кровью.

— Наверное, поранился о гвоздь,— предположил я.

— Странно, и у меня,— с удивлением отозвался Джон.

Пока он говорил, слуга достал из кармана платок и вытер свою руку: на ткани явственно выделялись кровавые пятна. Вместе с Джоном мы вернулись в комнату, чтобы смыть кровь, однако ни он, ни я не обнаружили на коже ни малейшей царапины. Повинуясь какому-то невысказанному соглашению, мы не стали обсуждать это странное происшествие, хотя я видел, что Джон не перестает раздумывать о нем.

В саду было душно, в воздухе никакого движения. После ужина стало очевидным приближение грозы. Гости расположились за чаем в аллее, окаймлявшей лужайку. Джон и я присоединились к ним. Плотные тучи заволокли звезды и месяц, небо нахмурилось. Компания за столом постепенно редела: женщины удалились в свои комнаты, мужчины перешли в курительную и бильярдную. В саду оставались только мы вдвоем. Весь вечер меня не покидало ощущение, что его изводит какая-то мысль, однако лишь теперь он решился открыть ее.

— Помнишь слугу, который помогал нам снимать портрет? Я спросил, как он поранился, но он говорит, что промыл руку и не нашел никакой царапины. Откуда тогда кровь?

Не желая — особенно перед сном — возвращаться к разговору, который будил в моем сердце беспричинную тревогу, я попытался переменить тему.

— Не знаю,— я беспечно отмахнулся.— После того как леди Стоун покинула комнату, меня мало беспокоит остальное.

Джон поднялся.

— Все же довольно странно...— пробормотал он задумчиво, повернулся к дому и замер.— Смотри! Еще одна загадка!

Его пес, ирландский терьер, выбежал из дома и остановился в приоткрытых дверях. Светлая полоса от лампы в прихожей протянулась через газон до ворот, выхватывая из темноты пышную зелень и ореховые деревья за оградой. Вздвигив на загривке шерсть, пес яростно рычал, осердив зубы, на невидимого врага. Не обращая внимания на окрик хозяина, он пружинисто подскочил к решетке ворот, всем своим видом выказывая беспокойство, вглядываясь в

темноту и продолжая ворчать. Внезапно отвага покинула его, и он, прижав уши, попятился назад от ограды.

— Такое происходит с ним несколько раз в день,— заметил Джон.— Как будто он что-то чувствует за оградой.

Я подошел к воротам и посмотрел сквозь прутья решетки; что-то зашуршало в траве, и до моего слуха донесся звук, напоминающий мурлыканье. Горящая спичка осветила пушистого персидского кота, осторожно ступающего ко мне, с хвостом, задранным наподобие полкового знамени. Время от времени кот валился на спину и перекачивался в траве, играя; глаза его полыхали фосфоресцирующим блеском.

— Сдается мне, что у твоей загадки довольно простое объяснение,— пошутил я.— Если только в этого красавца не вселилась душа ведьмы.

— Дариуш часто сюда приходит,— отвечал Джон,— но это не объяснение, потому что Тоби с ним дружит. Загадка в том, что за причина влечет за ограду кота и одновременно вызывает страх у собаки? Что он тут ищет?

Это замечание напомнило мне жутковатую подробность из моих снов: в том самом месте, где кружил кот, обычно стоял белый надгробный камень со зловещей надписью. Но не успел я открыть рот, чтобы сказать об этом Джону, как внезапно хлынул дождь. Кот прыгнул между прутьями и потрусил к дому. Через минуту он уже сидел на крыльце, всматриваясь в темноту; когда Джон отпихнул его, чтобы закрыть дверь, Дариуш зацепил его лапой.

Теперь, когда портрет леди Стоун стоял возле стены на лестнице, комната перестала внушать мне страх, а происшествие с кровью на руках и странное поведение животных не вызывали у меня ничего, кроме любопытства. Укладываясь в постель, я бросил последний взгляд на темный квадрат в изголовье, заметно выделявшийся на фоне поблекших от времени обоев. Потом потушил свечу и моментально заснул.

Внезапное пробуждение наполнило мое сердце прежними страхами. Я сел на кровати и оглядел комнату, которой так боялся в своих снах. Над домом прогремел громовой раскат, но только ли вспышка молнии была причиной моего пробуждения? Странное ощущение чужого присутствия заставило меня поднять руки, словно в попытке защититься. Кончики пальцев коснулись края портретной рамы над изголовьем...

Опрокинув ночной столик, я вскочил с постели: часы, свеча и коробок со спичками разлетелись по комнате. Треск молнии разорвал мрачные тучи, и в мертвенном отблеске я увидел портрет леди Стоун на прежнем месте. В изножье постели застыла женская фигура в белом облегающем платье, перепачканном комьями земли и грязью. Наклонив голову, она не отрываясь смотрела на меня, и я узнал лицо с портрета!

Снова наступила темнота.

Рокот грома затих, и в гробовой тишине до меня дошел легкий шелест; ноздри с отвращением уловили смрад трупного разложения. Сухая рука дотронулась до моего плеча, над ухом послышалось неровное, тяжелое дыхание. Лишенное плоти и крови существо приближалось, и все мои чувства восставали против его близости. Знакомый голос прошептал:

— Знала, что ты придешь сюда, в комнату в башне! Долго ждала тебя... Этой ночью мы будем пировать и веселиться!

Тяжелое дыхание коснулось моей шеи, и страх, парализовавший меня, уступил место инстинкту самосохранения; с силой выбросив вперед кулаки, я устремился к двери. Не оглядываясь, я в несколько прыжков вылетел в коридор и с треском захлопнул за собой дверь. Уже на ступеньках лестницы услышал, как из своей комнаты этажом ниже выходит Джон. Через минуту он поднялся наверх, с фонарем в руке.

— Что случилось? — воскликнул он изумленно. — На тебя обвалилась стена? Такой грохот... Господи, у тебя кровь на плече!

Впоследствии он рассказывал, что я был бледен как полотно, пошатывался, а на плече виднелся отпечаток окровавленной ладони.

— Там, там... — бормотал я, показывая на комнату. — Она вернулась, ты понимаешь? И портрет снова на стене, на том же самом месте...

— Привидение, — снисходительно усмехнулся он, отодвинул меня в сторону и открыл дверь. Я стоял словно парализованный, не имея силы остановить его или пойти вместе с ним.

— Ну и запах! — Он потянул носом воздух и исчез в темноте, однако тут же высочил обратно побледневший. — Портрет снова висит... На полу... на полу что-то

жуткое... из гроба, перепачканное землей... Идем вниз, быстрее!

Меня била нервическая дрожь, к горлу подкатывала тошнота: сам не знаю, как смог сойти вниз по ступеням. Джон поддерживал меня, бросая беспокойные взгляды назад. Мы вошли в его комнату на втором этаже, и там я пересказал ему всю историю своих снов — такой, какой описал ее в этом рассказе.

Осталось добавить немного. Вероятно, многие из читателей слышали о загадочном происшествии на кладбище в Паули, когда несколько лет назад там трижды пытались похоронить останки женщины, совершившей самоубийство. Каждый раз гроб оказывался выброшенным из могилы при невыясненных обстоятельствах. В конце концов, чтобы избежать толков и пересудов вокруг этих событий, было решено тайно захоронить самоубийцу на освященной земле. Тело погребли вблизи чугунных ворот старого церковного кладбища, за стеной, огораживающей сад с домом, в котором когда-то жила эта женщина. Свое преступление она совершила в одной из комнат в башне, и звали ее... Джулия Стоун.

Однако и на новом месте ее душа не обрела покоя, ибо останки снова обнаружили выброшенными из могилы, между тем как извлеченный из земли гроб оказался полон свежей крови.

НОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА НА ЖЕЛЕЗНОМ РИФЕ

— Да, сэр,— проговорил хозяин переправы, снимая с крюка над камином старинные музыкальные инструменты,— они висят здесь еще со времен моего отца. Женщины не прикасаются к ним: боятся связанной с ними истории. Так вот они и болтаются, впитывая дым с пылью, пока не придет новый хозяин, который выбросит их за дверь, словно отслуживший хлам. Ого, как разыгралась непогода!

Он подошел к двери, открыл ее и постоял, оглядывая бушующую за стенами коттеджа стихию. Море ревело, окатывая пенистыми валами выступающие скалы Железного рифа. Несколько дождевых брызг залетели на кухню, сверкнув, словно золотые нити, в отблесках языков пламени. Устроившись в кресле возле камина, я с любопытством поворачивал в руках ветхие реликвии. Металлические части потемнели от времени, матерчатые ремешки пообтрепались и пропылились, но все не распадались на нити. Поблекшая перевязь старинной кавалерийской трубы до сих пор сохраняла первоначальную расцветку. На боку большого полкового барабана под слоем копоти с трудом угадывались королевские цвета и вытисненный девиз «ПО МОРЮ КАК ПО СУШЕ» — символ морской пехоты. Кожа, хотя и побуревшая от старости, пропитавшаяся кухонным дымом, оказалась мягкой и податливой; я принялся подтягивать регулирующие ремни, под которые были подсунуты барабанные палочки, с праздным намерением попробовать извлечь звук из дряхлого инструмента.

Однако, поворачивая барабан на коленях, я обнаружил, что он намертво скреплен с трубой необычным замком цилиндрической формы, и наклонился, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Цилиндр составляли полдю-

жины медных колец, плотно подогнанных краями друг к другу; протерев медь рукавом, я разобрал темные контуры букв, выгравированных вдоль каждой из окружностей.

Хитроумная вещица. Когда-то подобные замки пользовались большой популярностью: их можно открыть, лишь набрав на кольцах определенное слово, которое при покупке продавец сообщает на ухо.

Мой хозяин закрыл дверь, опустил засов и вернулся к камину.

— Ветер с юго-востока. В тот раз он тоже принес бую, а вместе с ней и то, что у вас в руках. Да, давно это было; отец часто рассказывал мне эту историю... Вижу, вы пытаетесь разомкнуть кольца. Никогда не угадаете слово. его придумал патер Кендалл и запер им пару призраков, которым не спалось в их могилах. Когда же подошло его время, сам лег в могилу и прихватил слово с собой.

— Что за призраки, Мэттью?

— А-а, по глазам вижу, что вам не терпится услышать всю историю. Отец рассказывал ее лучше, чем я. В то время он был моложе меня, еще не успел жениться и только-только выстроил этот дом, где мы сидим с вами. Так что все произошло почти под самым его носом.

Хозяин пододвинул кресло к огню, закурил короткую трубку и тихим голосом поведал давнюю историю, не отрывая взгляда от пританцовывающих язычков фиолетового пламени.

— Да, в тот январь ему исполнилось почти тридцать, так давно это было. В ночь на двадцать первое разразился небывалый шторм. Отец поднялся задолго до рассвета: покойник не любил попусту валяться в постели, к тому же ветер был такой, что крыша шевелилась над головой. По осени он отгородил участок земли возле Нижней поймы и теперь собирался проверить, что там успели натворить дождь и ветер. Тропинка вела через Канонирское поле: несколько дней спустя там похоронили почти всех выловленных утопленников. Ветер всю дорогу дул ему в лицо, а в одном месте (он часто говорил мне об этом) из темноты вылетел клубок водорослей и скользнул по его щеке, подобно холодной руке. Однако отец держался молодцом, пока не достиг низины; там пришлось опуститься на четвереньки и ползти, цепляясь пальцами за гальку; он утверждал, что камни, некоторые величиной с человеческую голову, катились и прыгали мимо него: впечатление было такое, что

весь берег медленно сползает в море, ревущее за его спиной. Изгородь, разумеется, снесло; не осталось ни колышка на месте, где она стояла. Вначале отец подумал, что пропустил свой участок. Надо сказать, что мой родитель был очень набожный человек, и если ему показалось, что конец света близок — посреди мрака и ветра, в окружении перекатывающихся камней, — вы можете быть уверены, что грохот пушечного залпа и внезапная вспышка, мертвенно высветившая берег, лишь утвердили его в этом предположении. В ту минуту он не нашел ничего лучше, как поменять подходящий кусок из Священного писания, забормотав: «Вот и второй Ангел вострубил... восшел Агнец в брачных одеждах, и был низвергнут Проклятый в пылающую геенну...» Не поднимаясь с колен, он попросту склонил голову и ждал, снова и снова повторяя свою молитву.

Прошло немного времени; ничего не происходило, и в перерыве между двумя залпами он отважился поднять голову и взглянуть в сторону моря. Новая вспышка голубоватого сияния осветила побережье до Железного рифа, где среди адских бурунов отчаянно боролся за жизнь экипаж военного шлюпа. Это они жгли огни и стреляли из пушек. От парусов остались лишь хлопающие на ветру клочья: капитан пытался развернуть нос судна к морю при помощи кормового якоря и пары уцелевших на верхних реях обрывков. Пока отец наблюдал за его маневрами, якорная цепь лопнула, как натянувшаяся нитка, и фут за футом обреченный шлюп потащило к скалам Каирн-Дю и Варсес. Море пенилось и кипело вокруг; шлюп подбросило, когда его борт проломил подводный бурун. Что было дальше, отец не видел, потому что в этот момент огонь потух.

Так вот, сэр, повернулся он в темноте и побежал в Коверак за помощью — хотя прекрасно понимал, что ничем тут уже не поможешь. Только он повернулся, ветер подхватил его и швырнул наземь, словно Проклятого из давешней молитвы. Должно быть, вы заметили, что даже днем это непростое дело — пробираться среди тамошних камней, так что мой отец изрядно поранился да понасобирал в темноте синяков и шишек. Однако уже светало, и к тому времени, когда он добрался до мыса Норд, можно было без свечи читать газету. По дороге он не оглядывался ни на море, ни на Коверак; сразу направился к первому коттеджу — он до сих пор стоит на мысе. Тогда в нем жил рыбацк по имени Билли Эд, и когда мой отец влетел на кухню

с криком: «Кораблекрушение!», то увидел жену Билли Эда — Энн, стоящую у очага в башмаках, с шалью на голове и в насквозь промокшей одежде.

— Господи Боже! — сказала она. — К чему так кричать?

— Кораблекрушение! Я только что с берега...

— Я тоже, — оборвала она отца и показала рукой за его спину. Он обернулся: у косы Долор, в паре миль от Коверака, терпело бедствие другое судно: его палуба почернела от высыпавших людей, подобно муравьям снующих взад и вперед в утреннем свете. Пока отец смотрел, на борту послышался сигнал трубы; звуки, как птицы, затрепетали в порывах ветра — слабые из-за расстояния и бури, хотя последняя уже начинала стихать.

— Это военный транспорт, — объяснила жена Билли Эда Энн, — полный кавалеристов, высоких, сильных мужчин. Когда корабль налетел на риф, им пришлось утопить своих лошадей, чтобы облегчить осадку. Несколько мертвых лошадей прибило к берегу, когда я была там полчаса назад. С ними вынесло трех или четырех солдат: высокие, стройные мертвецы в белых бриджах и расшитых золотом голубых мундирах. Я поднесла фонарь к одному. Такой красивый мужчина.

Отец спросил ее о звуках трубы.

— Это самое странное, — отвечала Энн. — Они жгли огни, когда мы с мужем спустились к косе. На корабле не осталось мачт: смыли их волны или срубила команда, чтобы не перевернуться, — не знаю. Корабль лежал на подводных скалах с голыми палубами. Пробоина находилась у самого киля, и, когда волны стащили его со скал, он стал погружаться прямо, словно наседка на яйцах, — легкий крен на правый борт не мешал передвигаться его команде. Поперек палубы они натянули канаты и выстроились в шеренги, держась за них, пока морские валы перекашивались над их головами. Они вели себя как герои. Капитан и офицеры стояли на юте, в своих золотых мундирах, встречая конец, словно короля Георга — при полном параде. Мы пытались добросить до них веревки, но все безуспешно: слишком велико было расстояние. Они продолжали погружаться, и среди них был трубач — огромного роста мужчина, — который между ударами волн подносил к губам свой инструмент и трубил сбор; на каждый сигнал остальные отзывались дружным «ура!».

Тише, — она наклонила голову, — он снова трубит! Однако «ура» больше не слышно: почти не осталось людей, чтобы отвечать ему, и их голоса слабы. Их руки онемели от волн и пронизывающего ветра: когда муж отправил меня домой приготовить завтрак, они один за другим срывались в кипящее море. Вы говорите, еще одно кораблекрушение? Боюсь, их уже нет в живых, если шлюп понесло к Железному рифу. Лучше идите на помощь к тем, что гибнут у нашей косы; хотя что можно там сделать? Море отдает одних мертвецов. Говорят, они не продержатся больше часа...

Действительно, корабль погрузился по самые борта, когда мой отец добрался до берега. Шестерых выбросило живыми — вернее, подающими признаки жизни, — одного моряка и пятерых кавалеристов. Моряк оказался единственным, кто мог говорить: пока его несли в город, он рассказал, что транспорт назывался «Деспатч» и направлялся домой из Корунны с частями Седьмого гусарского полка, сражавшегося там под командованием сэра Джона Мура. К этому времени волны отогнали корабль далеко от берега; его палуба накренилась, однако дюжина людей еще оставалась на борту: семеро держались за канаты около обрубка грот-мачты, двое находились возле шканцев и трое — на юте. Из этих троих один определенно был шкипер, рядом с ним стоял офицер в парадной форме — капитан Дунканфилд было его имя, как мы потом узнали; чуть поодаль держался высокий трубач. Вы не поверите, но этот отважный малый играл на своей трубе «Боже, храни короля». Более того, он дошел до строки «Ниспошли нам победу», когда налетел вал и смыл их с палубы — всех, за исключением одного из двоих на шканцах; тот отпустил канат со следующей волной, вероятно, оглушенный ударом. Море немедленно поглотило свои жертвы, однако трубач, как я уже говорил, был мужчиной необычайно мощного сложения и словно утка вынырнул на поверхность. Он миновал пару бурунов, и собравшиеся на берегу с ужасом наблюдали, как его несет прямо на гребень третьего. Когда волна схлынула, он лежал лицом вниз на уступе под нашими ногами. По счастливой случайности один из мужчин обвязался веревкой — забыл, как его звали, если вообще помнил, — он спрыгнул вниз и схватил трубача за щиколотку. Обоих подтащили к краю скалы, где волны не могли причинить им вреда. Следующий вал вынес их на траву.

Все случилось в мгновение ока; раны трубача оказались не смертельными — всего лишь трещина в черепе и три полomанных ребра. Через двадцать минут он лежал в постели под наблюдением доктора.

• • •

Теперь пришло время — на судне не осталось никого в живых — моему отцу рассказать о шлюпе, который на его глазах вынесло на Железный риф. Его выслушали, и, хотя большинство отправилось на поиски выброшенных с транспорта припасов, нашлось с полдюжины добровольцев, согласившихся пойти с ним к обломкам шлюпа. Они миновали Нижнюю пойму; ни в море, ни возле Железного рифа не было видно следов крушения. Кто-то назвал моего отца лжецом. «Потерпите до Дин Пойнт», — сказал он. Действительно, на дальней стороне этой косы они наткнулись на корабельную мачту с дюжиной мертвых моряков, привязанных к ней, — все в красных мундирах, с легкими, полными морской воды. Немного дальше трех или четырех утопленников вынесло на песчаный берег: один из них маленький барабанщик, совсем мальчик, с полковым барабаном, в мундире; а рядом с ними — обломки корабельной шлюпки с надписью «Примроуз» на фальшборте. С этого места весь берег усеивали обломки и мертвые тела — большинство мертвецов в красных мундирах морской пехоты. В бухте Рождества плавали части обстановки капитанской каюты и среди них — водонепроницаемый ящик, не сильно поврежденный и полный судовых бумаг, из которых — как выяснилось на следующий день — явствовало, что крушение потерпел восемнадцатипушечный шлюп «Примроуз», направлявшийся из Портсмута с караваном транспортов для испанской кампании. Говорили, что всего вышло тридцать судов, однако я не слышал, что стало с остальными. Ведомые капитанами торгового флота, они имели больше шансов устоять против шторма в открытом море, нежели легкий шлюп, встретивший гибель у берега. Капитану «Примроуза» не следовало приближаться к рифам, хотя... Сейчас легко рассуждать о чужих ошибках.

Да, сэр, «Примроуз» был превосходным судном: для своего класса он был одним из лучших во всем королевском флоте. Перед походом его заново оснастили в Плимутских доках. Жители Коверака подобрали много доб-

ротной утвари после кораблекрушения: инструменты, крепкие доски, даже бочонки с провизией, не сильно подпорченные морской водой. Они забрали сколько смогли унести и отправились домой, намереваясь совершить по второму заходу до того, как о крушении проводят шериф и его помощники. Нагруженный, словно вьючный мул, отец шагал вдоль косы и случайно взглянул на тела на песке. «Эге,— сказал он и опустил свою ношу,— никак, нога шевельнулась?» Спустившись на берег, он склонился над барабанщиком, о котором я уже рассказывал вам. Лицо бедняги покрывали синяки, ссадины; глаза были закрыты, но нога его снова дрогнула, сместившись на дюйм или два; с губ слетел едва уловимый вздох. Отец достал нож, перерезал веревку, которой барабан был привязан к своему хозяину, после чего поднял его на руки и принес сюда в комнату, где мы сейчас сидим с вами. Бочонок и доски пришлось оставить, а когда он вернулся, их уже перехватили люди шерифа, которыми кишел берег. Ничего не оставалось, как удовольствоваться незначительной мелочью, что, согласитесь, несправедливая награда для человека, который первый принес известие о катастрофе.

Через неделю провели расследование, мой отец дал показания. Однако в остальном законникам пришлось полагаться на судовые записи, потому как со шлюпа не спаслось ни души, кроме барабанщика, да и тот метался в жару после ледяной купели. Моряк и пять кавалеристов засвидетельствовали крушение «Деспатча». Гигант трубач, когда у него зажали ребра, тоже предстал перед судьей и присягнул на Библии, однако что-то повредилось в его голове с той ночи: слова его были бессвязны, и всем стало ясно, что он уже никогда не будет прежним человеком. Его товарищей отвезли в Плимут, и там их пути разошлись, между тем как трубач остался в Коверাকে. Король Георг, найдя его непригодным к строевой службе, через некоторое время определил бедняге пенсию — достаточный, чтобы отставной солдат мог оплатить постой и еду, да еще покупать табак для своей трубки.

Прошло больше месяца, когда кавалерист — Вильям Таллифер называл он себя — впервые повстречал барабанщика. Мальчик окреп достаточно, чтобы доктор разрешил ему небольшую прогулку, и, поверите ли, сэр, он отправился на нее в полном военном облачении, так гордился он своей формой! Его мундир сильно подпортило морской

водой, но он наотрез отказался надеть обычные пиджак и брюки, заявив, что предпочтет ходить голым остаток жизни, однако не унизит себя ношением гражданской одежды. Отец мой, будучи от природы человеком покладистым и хозяйственным, достал иглу с ниткой и как мог зачинил порванные места заплатами, используя для их изготовления мундир одного из утонувших морских пехотинцев. Итак, в тот день бедный малый отправился на Канонирское поле, где были похоронены его товарищи. Стояло ясное мартовское утро, и навстречу барабанщику поднялся инвалид-трубач, который тоже вышел подышать свежим воздухом.

— Эгей! — окликнул он барабанщика. — Превосходное утро! Что привело тебя на это поле?

— Мне грустно, — отвечал мальчик, — что мои папочки унесло море. Моих друзей погребли здесь без барабанной дроби, без мушкетного залпа: не по-христиански так хоронить королевских солдат.

— Фью! — присвистнул трубач и сплюнул на траву. — Горстка мертвых морских пехотинцев!

Барабанщик глядел на него секунду или две, потом отчетливо произнес:

— Жаль, что мне недостает сил заткнуть тебе рот могильной землей, кавалерист. Это научило бы тебя уважать чужую смерть. Морские пехотинцы славно исполнили королевскую службу!

Трубач посмотрел на него с высоты своего двухметрового роста и спросил:

— Они умерли храбро?

— Все до единого. Вначале была паника, кто-то начал кричать, некоторые сбрасывали одежду. Когда же корабль получил роковую пробоину, капитан Мейн повернулся и о чем-то посоветовался с майором Гриффитсом, командиром морских пехотинцев. Майор подозвал меня и приказал играть построение: его голос был весел, словно мы готовились к параду перед королевским семейством. Каждый получил приказ надеть парадную форму: солдаты приводили себя в порядок, как женихи перед походом в церковь. Двое даже успели побриться в последнюю минуту. Майор надел свои ордена. Один из матросов, видя, как тяжело мне держать барабан — ремень был велик, да и ветер, ты должен помнить, — привязал его к моей талии куском веревки. Этот добрый поступок спас мне жизнь: бара-

бан держался на поверхности не хуже чем пробка. Я продолжал отбивать дробь, пока все до последнего не собрались на палубе. Майор построил нас и призвал умереть, как подобает британским солдатам. Капеллан прочитал молитву — никто не шелохнулся, мужество одного поддерживало мужество других. Молитва не кончилась, когда корабль с треском переломился, ударившись о скалы. В десять минут все было кончено. Вот так они приняли смерть, кавалерист.

— Это была славная смерть, барабанщик морской пехоты. Как твое имя?

— Джон Кристиан.

— Меня зовут Вильям Джордж Таллифер, трубач Седьмого гусарского полка Его Королевского Величества. Я играл «Боже, храни короля», когда мои товарищи по оружию тонули. Капитан Дунканфилд приказал играть сбор, чтобы вселить отвагу в сердца, но «Боже, храни короля» я сыграл по собственному желанию. Не принимай мои слова близко к сердцу; морские пехотинцы славные ребята, даже если их рост меньше шести футов. Что же касается подков и человеческих ног — в бою все решают мужество и стойкость. Мы смело сражались от Саагана до Корунны, грудью принимали удары под Майоркой, Руэдой и Бенн-вентой. (Мой отец выучил наизусть эти названия, так часто рассказывал о них трубач. Поэтому-то я так бойко повторяю их вам, сэр.) Мы прикрывали тылы армии генерала Пэйжета, отбивали любые атаки французов во время отступления; пехота при этом прохлаждалась в пивных или занималась разбоем среди местного населения. Однако в Корунне мы поменялись местами; наших лошадей погрузили на шаткие посудины, и с борта своего корабля я видел, как сражались пехотинцы. Они стояли насмерть под пулями и картечью; особенно отличились Четвертый полк, Сорок второй шотландский и Добровольческий. О да, это превосходные полки, все три стояли насмерть, не хуже королевских гусар, клянусь Богом! Так, значит, ты играл построение, когда шлюп тонул среди скал? Барабанщик Джон Кристиан, за твой мужественный поступок я раздобуду для тебя новые барабанные палочки.

Да, сэр, на следующий же день трубач пешком отправился в Хелстон, где заказал тамошнему плотнику выточить для него пару деревянных палочек. И это было началом самой необычной дружбы, о которой вам приходилось

слышать. На лодке моего отца они часто отправлялись к скалам, где разбились и затонули «Примроуз» и «Деспатч». В спокойные дни с Железного рифа долетали звуки их музыки: оба неизменно прихватывали с собой свои инструменты. Барабанщик отбивал дробь, а трубач трубил, заставляя черные скалы раскалываться хрустальным эхом. Когда погода портилась, они вместе бродили по берегу и разговаривали; по крайней мере, младший слушал, пока его товарищ распространялся о кампании сэра Джона в Испании и Португалии, рассказывая о сражениях, в которых участвовал его полк, о самом сэре Джоне, о генерале Байрде и генерале Пэйжете, о своем командире полковнике Вивьене и товарищах по знамени, наконец, о кровавом отступлении из Корунны и о многом другом — его воспоминаниям не было конца.

Но все кончается, и ближе к осени друзьям пришлось расстаться. Джон Кристиан выздоровел, набрался сил и должен был отправляться в Плимут на военную службу. Это было его собственное желание (уверен, что король Георг напрочь забыл о его существовании), но друг не удерживал его. Что касается самого трубача, отец согласился, что тот поселится у нас в доме после отъезда Джона. В условленный день он стоял у дверей с полковой трубой через плечо и маленьким саквояжем в руке, в котором уместились все его пожитки. Было воскресное утро, и после завтрака он собирался проводить своего друга до Хелстона, где находилась станция дилижансов. Оставив их наедине, отец вышел по делам в огород. Когда он вернулся, барабанщик сидел за столом, а трубач стоял возле камина с трубой и барабаном, скрепленными вместе.

— Взгляни,— сказал он, показывая замок отцу.— Я приобрел его у одного оружейника в Лиссабоне. Это не ваши замки, которые в любой момент открывает одно и то же слово. Чтобы закрыть мой замок, нужно придумать слово — шесть букв — и защелкнуть дужку. Ни одна живая душа не откроет его до тех пор, пока не придет тот, кто знает слово. Джонни решил оставить свой барабан. Он неплохо звучит, но морская вода и непогода перетянули его кожу, так что в Плимуте барабан все равно забракует и выдадут новый. Что до меня, я не смогу играть на трубе, когда уйдет Джонни. Мы вместе выберем слово и запрем наши инструменты: я повешу их на крюк над камином. Может быть, Джонни вернется; может быть, нет. Может

быть, когда он вернется. меня уже не будет в живых: пусть он разъединит замок и сыграет сбор на моей могиле. Но если он никогда не придет, никто не сможет разъять наши инструменты, потому что никто не будет знать слово. На случай если ты женишься, Мэттью, и у тебя вырастут сыновья, скажи им, что здесь висят запертые вместе души Джона Кристиана, барабанщика морской пехоты, и Вильяма Таллифера, бывшего трубача королевских гусар. Амен.

С этими словами он повесил оба инструмента на крюк; юноша встал из-за стола и тепло попрощался с отцом, после чего друзья направились в Хелстон. Где-то по дороге они расстались: никто не видел их прощания; никто не слышал, что они сказали друг другу. Часа в три дня трубач вернулся домой; к этому времени отец ушел на рыбную ловлю, на плите стоял вскипяченный чайник, коттедж сиял, словно новенькая булавка. С этого дня отставной гусар прожил пять лет у моего отца: присматривал за домом, ухаживал за деревьями в саду. С каждым годом он все больше слабел, его странности становились заметнее, как в манерах, так и в движениях. Отец с болью наблюдал это медленное угасание, однако молчал. С первой и до последней минуты он ни словом не помянул барабанщика Джона Кристиана. В свою очередь, от того не было ни писем, ни вестей.

• • •

Остальному вы вольны верить или нет, как вам будет угодно, сэр. Мой отец клялся, что готов подтвердить истинность этой истории перед судом присяжных. Еще он говорил, что никогда бы не смог придумать что-либо подобное сам, и начисто отвергал разные здравые объяснения. Ну, вам судить.

• • •

Отец рассказывал, что как-то в три утра четырнадцатого апреля тысяча девятьсот четырнадцатого года они вместе с Вильямом Таллифером сидели в этой комнате, совсем как мы с вами. Отец только встал и при свете газового рожка чинил сеть, с которой собирался отправиться днем на рыбную ловлю. Трубач еще не ложился. Последнее

время он все чаще проводил ночи (да и дни тоже), подремывая в высоком кресле, в котором сейчас сидите вы, сэр. Опустив голову на грудь, он дремал, когда послышался стук в дверь и в дом вошел молодой человек в военной форме.

За время отсутствия он вырос и возмужал; лицо его было пепельно-серым, однако это был наш барабанщик, Джон Кристиан. Форма его отличалась от той, которую он носил раньше, в петлице тускло мерцала медная цифра «38».

Барабанщик прошел мимо отца, словно не замечая его, остановился возле кресла и произнес:

— Трубач, друг, ты идешь со мной?

В тот же момент старый гусар открыл глаза и отвечал:

— Как я могу не пойти с тобой, барабанщик Джонни. Джонни-дружиче? Солдаты терпеливы; я ждал, когда ты придешь. Пока ты сражался, я считал дни до твоего возвращения.

— Я вернулся сегодня, — проговорил барабанщик, — и наше слово отныне не «Коруна».

Шагнув к камину, он снял с крюка инструменты и начал поворачивать кольца замка, проговаривая вслух слово: «К-О-Р-У-Н-А». Когда он установил последнюю букву, замок распался в его руках.

— В Плимуте меня определили в пехотный полк, старина.

— Тридцать восьмой — превосходный полк, — своим обычным глуховатым голосом отозвался старый гусар. — Я прошел с ними от Саагана до Корунны. В Корунне они защищали правый фланг, вместе с дивизией генерала Фрезера. Они храбро стояли.

— Мое сердце осталось с морем, — печально сказал барабанщик, протягивая товарищу трубу. — Тебе предстоит сослужить последнюю службу своему королю Мэттью! — Он неожиданно повернулся, и мой отец увидел тонкую струйку крови, вытекавшую из круглого отверстия в его груди. — Мэттью, нам понадобится твоя лодка.

Как во сне, мой отец поднялся, пока они прилаживали свои инструменты: один — свой барабан, другой — трубу. С фонарем в руке он вышел из дома и начал спускаться к берегу, а они тяжело дышали за его спиной. Все трое сели в лодку, отец отчалил.

— К косе Долор-Пойнт, — приказал барабанщик, и

отец послушно налег на весла, оставляя далеко за кормой белые домики Коверака. Возле косы он перестал грести, и трубач Вильям Таллифер поднес к губам свой инструмент. Сигнал общего сбора раскатился в воздухе подобно горному потоку.

— Они придут,— проговорил барабанщик.— Мэттью, греби к Железному рифу.

Возле Железного рифа они причалили лодку к скале Каирн-Дю; барабанщик достал свои палочки. Сухая дробь пронеслась над волнами, словно боевая колесница.

— Они услышали и придут,— сказал он, опуская на дно лодки свой инструмент.— Мэттью, нас ждут на Канонирском поле.

На берегу все трое вышли из лодки и стали подниматься по полю; возле ограды барабанщик остановился, снова достал свои палочки.

У отца перехватило дыхание, когда прогремели первые звуки дробы. Из темноты, со стороны моря, потянулись вереницы мертвецов, пеших и конных, в красных и голубых мундирах; они выходили на берег и строились среди могил. Другие поднимались среди надгробий, пошатывались и вставали в строй — утопшие моряки с бледными лицами и гусары, словно тени, скользящие на своих лошадях. Не раздавалось ни бряцанья оружия, ни стука копыт, но все время слышался мягкий шелест, как от движения крыльев птиц. Барабанщик стоял на могильной насыпи внутри кладбищенской ограды; рядом замер трубач, руки по швам, глаза наблюдают за построением. Отец спрятался за их спинами, возле ограды. Когда мертвецы построились и тени перестали появляться из темноты, барабанщик перестал играть дробь. Вперед выступил трубач.

— Старший сержант Томас Айронс! — выкликнул он стоявшего первым в шеренге гусара.

— Здесь! — прошелестел тихий ответ.

— Старший сержант Томас Айронс, как принял ты свою смерть?

— Как принял смерть? — голос мертвеца терялся в шепоте волн.— Мне довелось обмануть девушку, предать друга в прошедшей жизни, и за эти преступления мне придется держать ответ. Но смерть я принял, как подобает мужчине. Боже, храни короля!

Трубач вызвал следующего.

— Рядовой Генри Бакингэм!

И следующий мертвец отвечал:

— Здесь!

— Рядовой Генри Бакингэм, как принял ты свою смерть?

— Как принял смерть? Я пьянствовал, воровал в прошлой жизни; в винном погребке в Луге я проткнул ножом человека. Но я умер и принял смерть, как подобает мужчине. Боже, храни короля!

Трубач обошел весь строй, и, когда закончил, его место занял барабанщик. Тот же вопрос был задан каждому из морских пехотинцев. Каждый отвечал: «Здесь», когда выкрикивали его имя, и каждый заканчивал словами: «Боже, храни короля!»

Завершив перекличку, барабанщик снова поднялся на могильную насыпь и произнес:

— Мы скоро вернемся, и расчет будет полным. Ждать осталось совсем немного.

После этого он повернулся к отцу и приказал везти их обратно в дом. Шеренги мертвых солдат колыхались, мутнели, провожая их дружным «Боже, храни короля!», пока наконец все мертвецы не слились с темнотой, растворившись в ней, словно пленка дыхания на поверхности зеркала.

На кухне отец поставил фонарь на стол, безуспешно попытавшись возобновить прерванную починку сети. Его спутники, казалось, забыли о нем. Барабанщик подкрутил поярче фитиль — кровь продолжала сочиться из круглого отверстия в его груди, — тщательно установив внутри замка буквы. Закончив, он сказал:

— Вместо «Коруны» пусть будет «Байона». Ты выбросил «н» из Корунны, я выбрасываю «н» из Байонны.

Перед тем как защелкнуть замок, он медленно проговорил это слово: «Б-А-Й-О-Н-А». Молча повернувшись, он повесил инструменты обратно на крюк, затем взял трубача под руку, и оба шагнули в темноту, не оглядываясь по сторонам.

Отец был готов последовать за ними, когда услышал чей-то вздох за спиной: в кресле возле камина сидел трубач, который только что вышел из дома! Можете себе представить, что почувствовал в этот момент мой отец. Приблизившись к креслу, он наклонился над спящим. Перед ним был трубач во плоти и крови: телесная оболочка сохраняла тепло, сам же трубач был мертв.

Похоронили его три дня спустя. Поначалу отец и не думал рассказывать о той ночи: сказать по правде, он счел ее сном. Однако на следующий день после похорон ему повстречался патер Кендалл, возвращавшийся с хелстонского рынка. Священник окликнул отца:

— Слыхали новость, которую привезли с сегодняшней почтой?

— Что за новость? — вежливо поинтересовался отец.

— Союзники заключили мир.

— Долго же они раскачивались,— пробормотал мой родитель.

— Даже слишком, особенно для наших ребят в Байонне.

— Байонна! — Отец чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Ну как же! — И патер Кендалл рассказал ему об успешной вылазке французов, которую они предприняли в ночь на 14 апреля.

— Скажите, в боевых действиях не участвовал Тридцать восьмой полк? — спросил отец.

— Эге,— удивился священник,— я и не знал, что вы так внимательно следите за этой кампанией. Могу уверить вас, что этот полк точно участвовал, ведь благодаря их стойкости французы не пробились дальше.

Тут мой отец прикусил язык; неделю спустя он сам сходил в Хелстон, купил «Британский вестник» и упросил хозяина тамошней книжной лавки прочитать ему вслух список убитых и раненых, среди которых оказалось и имя Джона Кристиана, барабанщика Тридцать восьмого пехотного полка.

После такого известия для набожного человека было вполне естественно облегчить на исповеди свою душу. Отец отправился к патеру Кендаллу и рассказал ему всю историю. Тот выслушал, задав пару вопросов и наконец поинтересовался:

— С той ночи вы не пытались открыть замок?

— Даже не прикасался,— отвечал отец.

— Тогда идемте и попробуем.

Когда они пришли в коттедж, патер снял инструменты с крюка и повертел в руках замок.

— Он говорил «Байонна»? В слове семь букв.

— Попробуйте выбросить одно «н», как это сделал он, — посоветовал отец.

Патер Кендалл набрал «Б-А Й-О-Н-А»: послышался щелчок, дужка замка открылась.

— Эге! — Патер повертел пальцами кольца, посмотрел на отца. — Вот что я вам скажу. На вашем месте я не стал бы попусту болтать об этой истории. Поверить вам вряд ли кто поверит, а славу пустомели вы точно приобретете. Если хотите, я запечатаю замок святым словом, которое никто не будет знать, кроме меня, и ни трубач, ни барабанщик — ни мертвые, ни живые — не смогут больше воспользоваться моими инструментами.

— Огромное вам спасибо, если только это удастся, — обрадовался отец.

Патер подобрал свое слово, замкнул замок и повесил барабан с трубой обратно на их место. С тех пор прошло много лет, священник давно умер, прихватив с собой в могилу слово. И кроме как силой, никто не разлучит этих близнецов.

ПРИЗРАЧНЫЙ ЖЕНИХ

Корнуэльское предание

Давно, очень давно в Корнуэльсе, в Боспоне, жил один фермер по имени Ленайн. У него был единственный сын, Фрэнк. своим своенравным характером обязанный обоим родителям. Среди работниц на ферме выделялась одна молодая девушка, Нэнси Треновет, в основном помогавшая миссис Ленайн в различных хлопотах по дому.

Нэнси Треновет была очень хороша собой и совершенно необразованна в том смысле, как мы понимаем это теперь. Однако природа щедро одарила ее, и она в совершенстве усвоила все тонкости работы, тем более что и ее личным желанием было когда-нибудь завести небольшую ферму. Как и родители, ни разу не выезжавшие дальше окрестностей родного Пензанса, она представляла себе мир ограниченным несколькими милями неподалеку от края земной тверди. И хотя привычная ей карта мира была невелика, она поражала ее необычайно. Пустынные берега; маленькие, но плодородные долины; изрезанные холмы с коронами каменных пирамид; торфяные болота, заросшие дроком и лиловыми цветами вереска; омытые водой морские утесы и посеребренные солнечным светом пески — были страницами книги, которую она изучала под руководством матери, глубоко убежденной, что каждая вещь в мире есть пристанище какой-то души. Сердце девушки наполнялось глубокой религиозностью от рассуждений ее матери, вера которой была скорее ощущением того неизведанного мироздания, что начинается сразу вслед за нашим. Старшая Треновет обладала заметным влиянием среди соседей-крестьян; ее доброта и отзывчивость пользовались заслуженным уважением в приходе.

Хотя молодая Нэнси и работала прислугой, гордость ее нисколько не страдала от этого. В характере молодой

девушки было так много хорошего, что она стала во многих отношениях вроде дочери для своей хозяйки. В те дни не было тех условностей обращения, принятых в наше время между господами и простолюдинами, и поэтому не было ничего удивительного в том, что Фрэнк и Нэнси сблизились и полюбили друг друга. И хотя всем было известно, что Фрэнк и Нэнси посвятили себя друг другу, родители молодого человека, казалось, не замечали этого и очень удивились, когда однажды он попросил их благословения.

До сих пор Ленайны позволяли своему сыну поступать, как тому заблагорассудится, списывая все на молодость и неопытность, однако теперь, в деле, затрагивавшем их достоинство, они рассердились на него за непослушание. Старик отец заявил, что будет унижением для Ленайнов породниться с Треноветами, и без дальнейших объяснений запретил свадьбу.

Нэнси в тот же день отправили в Элши-Милл к ее родителям, а Фрэнку последовал строгий наказ никогда больше не встречаться с девушкой.

Когда речь идет о сердечных делах, подобные запреты старших обычно не выполняются. Так было и в этом случае. Редко встречавший сумерки дальше ограды отцовского сада, Фрэнк теперь целые вечера проводил неизвестно где. Дом Ленайнов странно изменился. Мрак укрыл все предметы. Отец почти не разговаривал с сыном. Ссоры и перебранки вспыхивали все чаще. Мать больно переживала за сына, не послушавшегося отцовских слов.

Редко когда вечерний сумрак не заставлял Нэнси и Фрэнка вдвоем. Святой источник Холи-Велл стал излюбленным местом их свиданий. У его вод они поклялись хранить верность друг другу; в подтверждение обменялись локонами; кольцо, снятое с руки мертвеца, было разъято на две половинки, скрепив навеки их союз. Однажды ночью они поднялись на скалу Логон-Рэк у Трерина и там повторили свою страшную клятву.

Так не очень счастливо протекало время, и в результате попыток подавить чувство силой оно лишь ширилось и становилось сильнее, подобно потоку, перегороженному плотинной.

И наконец случилось то, что должно было случиться: родители Нэнси обнаружили естественное следствие встреч двух порывистых молодых людей; с этого момента их старания женить Фрэнка на дочери удвоились.

Однако уговорить старого Ленайна не было ни малейшей возможности: он упрямо стоял на своем. Месяц спустя дела потребовали его присутствия в Плимуте, куда он забрал и сына, намереваясь отправить его поплавать по белу свету, чтобы таким образом отучить его от любовной глупости. Фрэнк был не в силах далее сопротивляться родительской воле и в конце концов уступил отцу. В Плимуте он нанялся на корабль, направлявшийся в Индию, и сказал последнее «прости» родным берегам.

Домой писать он не мог, ведь история случилась в те дни, когда письма доходили с величайшими трудностями, и потому Нэнси ничего не могла знать о своем возлюбленном.

Родился ребенок, и в этом полном тревог и опасностей мире он стал утешением для своей матери. Забыв все печали, старшая Треновет радовалась его лепету, а Нэнси с грустью вспоминала о его отце. Горе придало сил девушке, и она часто говаривала, что, где бы ни был ее Фрэнк, она всегда с ним в своих мечтах. Какие бы испытания ни ждали его — ее любовь будет ему поддержкой. Ее не покидала уверенность, что никакие расстояния не смогут разъединить их души и время не властно разрушить их клятву, скрепленную кольцом мертвеца.

Шли дни, и вновь в дом Треноветов постучала нужда, заставив Нэнси покинуть дом и наняться в прислуги. Заботу о ребенке ее мать взяла на себя и перебралась с ним в деревню Кимьялл, что в приходе Святого Павла.

Как и мать, Нэнси обладала сильным характером и вскоре ужилась на новом месте. У нее появилось много подруг среди дочерей местных фермеров, однако эти знакомства так и не переросли в подлинную привязанность. Надо сказать, что новые подруги Нэнси полностью разделяли предрассудки и суеверия тех лет и тех мест.

Пошла третья зима с тех пор, как Фрэнк Ленайн покинул родную деревню. От него не приходило никаких вестей; ни родители, ни Нэнси не знали, что с ним, и всех печалило его отсутствие. Теперь Ленайны были не против видеть у себя его сына, однако Треноветы не хотели расстаться с мальчиком. Ленайны пытались уговорить Нэнси, но девушка гордо отказалась.

В канун Дня всех святых подружки уговорили Нэнси — не очень трудное дело — пойти гадать на семенах конопли.

В полночь они тайно пришли в местечко Кимьялл, чтобы там совершить необходимый обряд. Подружки оказались более робкими, чем Нэнси, и ей выпало бросать семена первой. Она смело шагнула вперед и проговорила, разбрасывая семена:

Конопляное семя, сею тебя,
Конопляное семя, расти для меня;
И тот, кем будет любовь моя,
Предстань предо мной, покажи себя!

Заклинание было повторено трижды, после чего, обернувшись, Нэнси посмотрела через левое плечо и увидела молодого Ленайна; он так сердито глядел на нее, что от испуга девушка вскрикнула и тем нарушила волшебство. Еще одна девушка решила произнести слова, но не увидела ничего, кроме белого гроба... Всем стало страшно, и девушки убежали с берега.

...Пришел ноябрь с его жестокими штормами, и однажды в грозовую ночь на скалы в Берновол-Клифф море выбросило огромный корабль. Сокрушаемый бурными волнами, он вскоре разлетелся в щепки. Среди тел, пригнанных волнами к берегу, был и Фрэнк Ленайн. Последние слова, которые он произнес перед смертью, были просьбой послать за Нэнси Треновет и священником, чтобы обвенчаться.

Быстро теряющего силы Фрэнка перенесли на носилках в Босшон, однако несчастный скончался прежде, чем увидел городскую окраину. Родители, потрясенные горем, позабыли известить Нэнси о возвращении ее возлюбленного, и бедный Фрэнк, так и не простившись с Нэнси, упокоился на последнем ложе за церковной оградой.

Минул день. Вечером, после похорон, Нэнси вышла во двор, чтобы запереть двери. Как всегда, она постояла недолго на крыльце, вглядываясь в ночной полумрак.

Неожиданно ее окликнул подсакавший к дому всадник; при звуке его голоса кровь всколыхнулась в жилах Нэнси. Это был Фрэнк! Она не могла забыть его голос! И лошадь под всадником была ее любимицей; Ленайн часто приезжал на ней в Элши. Густой сумрак скрывал лицо всадника; вид его был печален и угрюм, как смерть.

Он сказал ей, что лишь на днях возвратился домой и, как только позволили дела, прискакал к возлюбленной, чтобы отправиться с ней под венец.

Радость Нэнси была так велика, что не составило большого труда убедить ее сесть позади всадника, чтобы к утру, после ночи бешеной скачки, прибыть в дом будущих родителей.

Холодный озноб пробежал по ее телу, когда она коснулась плеча Фрэнка. Рука онемела и стала холодной как лед, когда она обняла всадника за талию, чтобы удержаться в седле. Язык отказывался повиноваться ей; неизвестно почему девушку охватил страх. Взошла луна, и поток света, до тех пор скрытый тяжелыми тучами, хлынул на землю, озарив все вокруг. Лошадь мчалась с невероятной быстротой, а когда усталость заставляла ее умерять свой бег, глухой голос всадника подстегивал ее, возвращая утраченные силы.

Ни слова не было произнесено с того момента, как Нэнси устроилась за спиной возлюбленного. Они подъехали к Троув-Боттом, где в те времена еще не построили моста, и в облаке брызг въехали прямо в поток. Луна ярко освещала фигуры седоков; в сверкающем отражении Нэнси увидела, что жених ее облачен в саван. Девушке стало ясно, что везет ее не человек, а неупокоенный дух, однако у нее не оставалось сил сопротивляться.

Бешеным галопом скакали они дальше, пока не достигли кузницы неподалеку от церкви. По отблескам раскаленного горна Нэнси поняла, что, несмотря на поздний час, кузнец еще занят работой. Дар речи снова вернулся к несчастной девушке.

— Спасите! Спасите! — закричала она что было сил.

С раскаленным железным прутот в руке кузнец выскочил из дверей и, когда лошадь пронеслась мимо, схватил девушку за платье и стащил наземь. Однако мертвец тоже не дремал: ухватил одной рукой за локоть Нэнси, и хватка его была, надо сказать, словно стальные тиски.

Лошадь мчалась как угорелая и протащила Нэнси с кузнецом до самой церковной ограды. Здесь она на секунду замедлила бег. Выбрав момент, кузнец выжег прутот кусок платья, зажатый холодной рукой мертвеца, и тем спас девушку — скорее мертвую от пережитого, чем живую — от верной гибели. Всадник перемахнул через ограду и скрылся в могиле — в той самой, где несколько часов назад был похоронен Фрэнк Ленайн.

Кузнец отвел Нэнси в мастерскую, сбегал за соседями, которые отвезли девушку обратно в Элши. Мать уложила

Нэнси в постель, вызвала доктора. Лишь перед самой кончиной девушка попросила послать за сыном и наказала отдать мальчика родителям Ленайна после ее смерти. Сама же пожелала быть похороненной в могиле рядом с Фрэнком. Солнце еще не взошло, а с губ Нэнси Треновет слетел последний вздох...

Лошадь, словно ружейная пуля перелетевшая через кладбищенскую ограду, в ту же ночь была найдена мертвой в стойле в Берновол-Клифф: шкура ее пропиталась пеной, язык распух, а глаза вывалились из орбит. В могиле Ленайна нашли лоскут платья Нэнси, опаленный раскаленным прутом.

Говорят, что один или два моряка уцелели во время того кораблекрушения; они рассказали после похорон Ленайна, что в ночь на первое ноября тот вел себя словно безумный; с остекленелым взглядом он бродил от борта к борту, однако после невероятного возбуждения замертво рухнул и проспал десять часов кряду. Когда же пришел в сознание, то рассказал, что побывал в деревне Кимьялл, добавив, что если когда-нибудь женится на женщине, наложившей на него заклятье, то заставит ее полностью выстрадать тот бесконечно долгий день, когда она вызвала душу из его тела...

Бедную Нэнси похоронили в одной могиле с Фрэнком, а рядом с ней — не прошло и года с той страшной ночи — упокоилась ее подруга по гаданью, увидевшая тогда белый гроб.

ПТИЦЫ

В ночь на третье декабря переменился ветер и наступила зима.

Ушедшая осень выдалась мягкой и теплой. Багряные листья еще не успели облететь с деревьев, и живая изгородь полей сохраняла свои краски. Комья земли жирно отблескивали там, где их отвалил плуг.

Нат Хокен за фронтовое ранение получал инвалидный пенсион и на ферме работал не все время, а только три дня в неделю. Семейная жизнь, дети не ограничивали его в выборе круга общения, и все же порой его тянуло к уединенности. Ему доставляли удовольствие поручения подправить берег или починить воротца на дальнем конце полуострова, где море окружало поля с трех сторон. Ближе к полудню Нат останавливался и подкреплялся мясным пирогом, который ему выпекала жена. Потом, сидя на скалистом утесе, Нат наблюдал за птицами.

Осенью их огромные стаи наводнили полуостров: неугомонные, беспокойные, проводящие все время в движении; то кружащие в облаках, то опускающиеся на свежеспаханное поле, чтобы покормиться. Однако даже тогда они склевывали корм без спешки, без видимого желания, как будто не испытывали голода.

Беспокойство снова поднимало их в небо. Кричащие, посвистывающие, зовущие, они проносились над спокойным морем и покидали берег. Что заставляло их спешить, суетливо перелетать, взмывать и скрываться из виду? Куда и зачем летели они? Осенняя пора, печальная, скоротечная, околдовывала, подгоняла птиц, и, пока не пришла зима, они должны были рассеиваться в движении.

Возможно, думал Нат, осень принесла какое-то известие, какое-то предупреждение птицам. Зима приближается. Многие из них погибнут. И как люди, предчувствующие преждевременную смерть, занимают себя весельем или ра-

ботой — точно так же вели себя и птицы: их поведение словно говорило — завтра мы все умрем.

Птицы и в самом деле казались более беспокойными, чем обычно в этот сезон года. Их возбуждение было тем заметнее, что день стоял спокойный и тихий. Среди западных холмов вверх и вниз прокладывал свой путь трактор мистера Тригга, и Нат, сидя на уступе, видел, как на очередном круге и машина, и человек в ней на мгновение скрылись в огромном облаке кружащихся, галдящих птиц.

Когда рабочий день закончился, Нат напомнил о происшествии мистеру Триггу.

— Да, — отвечал фермер, — сейчас птиц и впрямь больше, чем обычно. Совсем не боятся людей; наверное, погода скоро изменится. Зима будет суровой, поэтому птицы и беспокоятся.

Фермер оказался прав. Этой же ночью погода переменялась.

Окна спальни Ната выходили на восток. Около двух часов ночи он проснулся и услышал, как в каминной трубе завывает ветер. Сухой и холодный ветер с востока. Пустота в дымоходе глухо отвечала его порывам; отставшая черепица колотила по крыше. В бухте вдали ревело море. В маленькой спальне стало заметно прохладнее; Нат подтянул одеяло и теснее прижался к спине спящей жены. Однако сон не возвращался; вместо него в сердце заползали странные, беспричинные предчувствия.

Вслед за тем он услышал постукивание по оконной раме — негромкое, настойчивое. Раздраженный звуком, Нат поднялся с постели и подошел к окну. Как только он открыл створки, что-то скользнуло по его руке, царапая пальцы, сдирая кожу. Послышалось хлопанье крыльев, и черная тень взмыла над крышей коттеджа.

Это была птица. Какой породы, Нат не мог определить. Должно быть, ветер заставил ее искать укрытия в доме.

Захлопнув окно, он отвернулся и подошел к кровати. Почувствовав странную теплоту на руках, поднес пальцы к губам. Птица поцарапала его до крови. Испуганная, предположил Нат, ищущая укрытия птица не разобралась и клюнула его в темноте. Он снова попытался заснуть.

Постукивание повторилось — на этот раз более сильно, более настойчиво. Теперь проснулась жена и, приподнявшись на локте, легко потрясла за плечо Ната.

— Что-то шумит за окном. Посмотри.

— Я уже смотрел,— отозвался он.— Там какая-то птица. Пытается залететь к нам.

— Прогони ее,— сказала жена.— Она мешает мне спать.

Когда Нат во второй раз подошел к окну и открыл его, на голконнике сидела не одна, а целая дюжина птиц; они летели прямо в лицо ему.

Он закричал, отбиваясь от птиц руками, разбрасывая их; как и первая, они взмыли над карнизом и скрылись.

Нат крепко закрыл окно и проверил задвижку.

Неожиданно из комнаты, где спали дети, донесся испуганный крик.

— Это Джил,— проговорила жена, присев на постели.

Последовал новый крик, на этот раз кричали оба ребенка. Спотыкаясь, Нат добежал до их комнаты, распахнул дверь и услышал хлопанье крыльев над головой. В широко распахнутое окно влетали птицы, ударяясь сначала в потолок и стены, затем разворачиваясь и устремляясь к детским кроваткам.

— Все в порядке, я здесь! — прокричал Нат, и дети, крича, бросились под его защиту, между тем как птицы продолжали взлетать и пикировать в темноте, стараясь добраться до них.

— Что там случилось, Нат? — окликнула его жена.

Нат быстро вытолкнул детей из комнаты в коридор и захлопнул за ними дверь, оставшись один на один с птицами. Схватив с ближайшей кровати одеяло, он словно дубиной принялся размахивать им направо и налево. В темноте слышались глухие удары птичьих тел, шелестели крылья; однако птицы не собирались сдаваться; раз за разом они возвращались и снова нападали, обдирая в кровь руки, голову Ната своими маленькими, острыми, как зубцы вилки, клювами.

Постепенно одеяло превратилось в оружие защиты. Нат обмотал его вокруг головы и после этого в крошечной тьме молотил птиц голыми кулаками. Отступить к двери и открыть ее он не решался, боясь, что птицы станут преследовать его.

Невозможно было определить, сколько длилось сражение; наконец хлопанье крыльев вокруг стихло, и через плотную ткань одеяла Нат различил свет. Он подождал, прислушиваясь: не раздавалось ни шороха, только испу-

ганно плакал малыш в соседней спальне, где осталась жена.

Нат снял с головы одеяло и огляделся. Холодное, серое утро освещало комнату. Рассвет и открытое окно позволяли уцелевших птиц, мертвые остались лежать на полу. Потрясенный, Нат смотрел на крохотные тела: воробьи, малиновки, синицы и дрозды — около полусотни птиц осталось лежать в спальне. Некоторые растеряли в сражении свои перья, тела других покрывала кровь. Человеческая кровь подсыхала на их коготках и клювах.

Почувствовав неожиданную слабость, Нат подошел к окну и посмотрел на поля вдаль. В холодной дымке земля выглядела как сплошной черный валун, замороженный восточным ветром. Море, волнуемое приливом, — беспокойное, с белыми барашками на гребнях — с грохотом обрушивалось на берег. Птиц нигде не было видно.

Нат закрыл окно и дверь маленькой спальни и по коридору возвратился в свою комнату. Жена сидела на постели, дочь спала рядом. Малыш лежал с забинтованным лицом.

— Он только заснул, — прошептала жена. — Что-то порезало ему кожу у самых глаз. Джил говорит, что это птицы.

Она с тревогой посмотрела на мужа, отыскивая подтверждение своим словам на его лице. Нату совсем не хотелось пугать ее, и он торопливо отвел глаза.

— Да, — проговорил он, — в спальне их с полсотни, все мертвые.

Он опустил голову на кровать рядом с ней.

— Должно быть, погода очень холодная, — его голос звучал непривычно, словно в раздумье. — Этих птиц могло занести к нам с материка.

— Но погода изменилась только сегодня ночью, — возразила жена. — Они еще не успели проголодаться. К тому же корма достаточно на полях.

— Это все погода, — повторил Нат. — Похолодало, вот они и летят...

Его лицо, как и у жены, осунулось от усталости. Некоторое время они без слов смотрели друг на друга.

— Пойду приготовлю чай, — сказал Нат.

Вид кухни придал ему уверенности. Он склонился над очагом, выгреб старые угли и развел огонь. Потрескивание горящих сучьев возвращало душевное спокойствие, закипающий чайник делал окружающую обстановку уютнее и безопаснее.

Нат подошел к окну и выглянул наружу. Над полями нависло низкое, свинцовое небо, коричневые холмы, блестящие на солнце накануне, теперь выглядели мрачно и голо. Суровая зима опустилась в одну ночь.

• • •

Дети уже проснулись. Джил без умолку болтала, а маленький Джонни снова плакал. Нат слышал голос жены, успокаивавшей их. Наконец все собрались внизу на кухне. Нат приготовил завтрак, и начался новый день.

— Пап, ты прогнал птиц? — спросила Джил, усаживаясь за стол поближе к отцу.

— Они сами улетели, — ответил он. — Их занесло с материка восточным ветром. Наверное, они испугались и искали где бы укрыться.

— Они хотели заклевать нас, — возразила дочь. — Расцарапали лицо Джонни.

— Это они от страха, — сказал Нат. — В темноте не разобрались, куда попали.

— Нужно поставить на подоконнике кормушку, — нашлась Джил, — тогда они не будут залетать в комнату.

Она закончила завтрак и стала собираться в школу. Нат посмотрел на жену и тоже поднялся из-за стола.

— Пойду провожу ее до автобуса, — сказал он. — Сегодня у меня выходной на ферме.

Джил, казалось, забыла о прошедшей ночи. Она пританцовывала вокруг отца, собирала упавшие листья; ее щеки покраснели под капюшоном, придававшим ей сходство с эльфом.

Всю дорогу Нат не отрывал взгляда от кустов и деревьев, опасаясь появления птиц; вглядывался поверх живой изгороди в дальние поля; ощупывал глазами небольшую рощицу за фермой, где гнездились грачи и галки. Он не замечал никого.

К остановке на холме подъехал автобус. Нат посадил Джил, помахал на прощание рукой, повернулся и зашагал обратно к ферме. Несмотря на выходной, стоило удостовериться, все ли в порядке.

Подходя к крыльцу, он услышал, как внутри напевает миссис Тригг; работающий приемник создавал фон для ее пения.

— Вы дома, миссис? — позвал Нат.

Хозяйка подошла к двери — улыбчивая, полная, добродушная.

— Доброе утро, мистер Хокен,— сказала она.— Вы, часом, не знаете, откуда такой холод? Может быть, из России? Не припомню, чтобы за ночь погода так резко менялась. И будет еще холоднее, передавали по радио. Что-то там с Полярным кругом.

— Мы сегодня не слушали радио.— Нат замялся в нерешительности.— Ночью у нас были неприятности.

— Что-нибудь с малышом?

— Нет.— Нат не знал, как это объяснить. Сейчас, при дневном свете, сражение с птицами казалось невероятным.

Он попытался все же рассказать миссис Тригг, что произошло ночью, но по глазам видел, что она склонна приписать его рассказ кошмарным снам, вызванным плотным ужином.

— Это и в самом деле были птицы? — спросила она улыбаясь.

— В спальне осталось с полсотни их, поверьте мне, миссис Тригг,— сказал он,— малиновки, крапивники. Они напали на меня и пытались выклевать глаза маленькому Джонни.

Миссис Тригг с сомнением посмотрела на него.

— Ну, если так,— голос ее звучал менее уверенно,— может быть, их занесло непогодой; они не разобрались, куда попали, и залетели в спальню. Наверное, перелетные птицы, откуда-нибудь из-за Полярного круга.

— Нет,— сказал Нат.— Этих птиц вы видите каждый день.

— Интересно,— проговорила миссис Тригг.— И в самом деле, сразу не объяснишь. Вам нужно послать письмо в «Гардиан», они наверняка знают. Ну, мне пора готовить обед, извините

Она кивнула и, улыбаясь, вернулась на кухню

Недовольный собой, Нат вышел за ворота. Если бы не мертвые тела на полу в спальне, которые следовало вынести и закопать, он сам бы счел свой рассказ преувеличением. Мимо вспаханных полей, по дороге он добрался до своего коттеджа. Жена сидела на кухне с маленьким Джонни на коленях.

— Кого-нибудь видел? — спросила она.

— Миссис Тригг,— ответил Нат.— Не думаю, чтобы она поверила мне. У них все спокойно.

— Выброси этих птиц,— попросила жена.— Я боюсь заходить в комнату, пока они там. Мне страшно.

— Теперь-то чего их бояться,— сказал Нат.— Они ведь мертвые.

Однако сходил за мешком и, поднявшись наверх, одно за другим сложил в него окоченевшие птичьи тела. Да, их и в самом деле было пятьдесят. Самые обычные птицы: ни одной крупнее дрозда. Должно быть, испуг заставил их напасть на него.

Нат вынес мешок в огород и столкнулся с новой проблемой. Земля замерзла, лопата не брала ее. Снег еще не успел выпасть. В прошедшую ночь не произошло ничего, кроме прихода восточного ветра. Это было противоестественно, странно. Наверное, сводки погоды правы, и холода действительно как-то связаны с Полярным кругом.

Ветер пронизывал до костей, свистел в ушах. Нат посмотрел на белые барашки волн в бухте и решил закопать птиц в песке на берегу.

Спустившись на пляж, он едва устоял на ногах, так силен стал восточный ветер. Был полный отлив; похрустывающая галькой, Нат прошел к обнажившейся полосе песка и там, стоя спиной к ветру, развязал мешок.

Выдолбив каблуком ямку, он опрокинул мешок. Внезапный порыв ветра подхватил и поднял мертвых птиц в воздух. Их тела разлетелись по берегу, рассыпавшись словно ворох перьев.

«Прилив смоев их»,— подумал Нат.

На море волновались серые пенные гребни. Они вздымались, свивались в барашки и рассыпались вновь. Отлив приглушал шум воды; рокот терялся в удалении.

В этот момент Нат заметил чаек, вдалеке на волнах.

Вместо пенных брызг море усеивали чайки — сотни, тысячи, десятки тысяч... Они поднимались и опускались в такт волнам, клювы против ветра, как мощный флот, на якоре ожидающий прилива.

Нат повернулся спиной к морю и начал подниматься по тропинке к дому.

Нужно сообщить о происходящем... Что-то случилось из-за восточного ветра и принесенного им холода, но что именно, Нат не понимал. Хотя кто поверит его словам? Городская полиция? Диспетчер на телефонной станции? А если поверят, то что они смогут сделать?

У дверей коттеджа его встретила жена.

— Нат,— голос у нее дрожал,— по радио только что передавали специальный выпуск. Что-то случилось с птицами. В Лондоне, по всей стране. Сейчас будут повторять, идем.

Они вместе прошли на кухню, где стоял радиоприемник.

— Говорит Лондон, одиннадцать часов утра. Передаем заявление министерства внутренних дел Великобритании. По поступающим сообщениям, по всей стране наблюдаются необычайно большие скопления птиц. Их стаи, собираясь вблизи городов и населенных пунктов, вызывают помехи в передвижении транспорта, причиняют ущерб близлежащим строениям. Отмечены несколько случаев нападения птиц на людей. Предположительно, такое необычное поведение птиц объясняется холодным арктическим циклоном, вызвавшим резкое понижение температуры на Британских островах. Холодная погода и ветер заставляют популяции птиц мигрировать к югу. Предполагается также, что вызванный похолоданием голод побуждает птиц совершать нападения на людей. Всем домовладельцам следует проверить и укрепить оконные рамы, двери, а также каминные и принять разумные меры предосторожности для безопасности детей. Дополнительное сообщение будет передано позднее.

Ната охватило непонятное возбуждение.

— Вот видишь,— он торжествующе посмотрел на жену,— я все утро знал, что здесь что-то не так. На пляже сидит несколько тысяч чаек; такое впечатление, что они чего-то ждут.

— Но чего они могут ждать? — удивилась жена.

— Не знаю,— Нат медленно опустил глаза.

Он подошел к ящику, в котором хранился столярный инструмент.

Жена напряженно всматривалась в его лицо.

— Что ты собираешься делать?

— Проверю каминные и окна.

— Ты думаешь, они смогут разбить окна? Воробьи и галки?

Нат промолчал. Воробьи и галки не занимали его; в воображении угрюмо покачивались на зеленых волнах полчища чаек.

Он поднялся наверх и работал остаток утра, заколачивая досками окна спален, баррикадируя дымоходы ками-

нов. Работа напомнила ему дни войны, когда он помогал строить бомбоубежища в родном Плимуте. Интересно, как отнеслись к сообщению на ферме? Скорее всего, приняли его за шутку.

— Обед готов,— позвала с кухни жена.

— Хорошо, иду.

Осмотрев плоды утренних трудов, он остался доволен. Доски крепко сидели поперек оконных рам и каминов.

Когда обед был закончен и жена стала мыть посуду, Нат включил приемник в надежде поймать свежую оводку. В час дня повторили утреннее сообщение, которое теперь дополняли новые подробности.

— Огромные скопления птиц создали чрезвычайную обстановку во всех районах страны,— прохрипел потрескивающий динамик.— Сегодня в десять часов утра их плотность в Лондоне была так велика, что они покрыли город сплошным черным облаком. Птицы гнездятся на крышах, карнизах, на трубах домов. Это дрозды, стрижи, жаворонки; к ним присоединяются обычные для больших городов стаи голубей, воробьев и черноголовых чаек, которых можно часто наблюдать в устье Темзы. Из-за необычности происходящего на улицах остановлен транспорт, учреждения и офисы закрыты, улицы и площади переполнены людьми, наблюдающими за странным поведением птиц.

Голос диктора звучал ровно, уверенно: у Ната сложилось впечатление, что он воспринимает происходящее как хорошо отрепетированный предновогодний розыгрыш. Вероятно, так считают и остальные, не испытывавшие еще, что это такое — сражаться в темноте с птицами.

Нат выключил приемник, поднялся и начал заколачивать окно на кухне. Жена смотрела, как он работает; маленький Джонни играл рядом с ней

— Почему они не вызовут армию? — проговорила она. — Пусть разгонят птиц

— Если бы все было так просто! — Нат наклонился за очередной планкой.— Ты представляешь, как это сдаться?

— Нет,— честно призналась жена.— Но что-то же надо делать

Про себя Нат подумал, что кто-нибудь обязательно размышляет сейчас над этой проблемой, однако, что бы ни решили в Лондоне и других больших городах, это едва ли поможет им здесь, в трехстах милях, на побережье. Каж-

дый домовладелец обязан самостоятельно заботиться о сохранности своего жилища

— Как у нас с едой? — спросил он.

— Завтра нужно съездить на рынок. Свежих продуктов почти не осталось. Мясника не будет до послезавтра, но я постараюсь что-нибудь купить.

Возможно, завтра вообще не придется никуда выезжать, но Нат не хотел пугать жену. В кладовой стояли жестяные банки с продуктами. Мука и рис. Что ж, пару дней они смогут продержаться.

Он снова принялся приколачивать доски поперек кухонного окна. Свечи. У них почти не осталось свечей. Еще один предмет, который следует купить завтра. Сегодня придется лечь спать пораньше, и если ничего не произойдет.

Нат отложил молоток, вышел на крыльцо и постоял в саду, глядя на море. Солнце не показывалось целый день, и сейчас, в три часа дня, было совсем темно. Тяжелое небо нахмурилось, затянутое облаками, бесцветными, как соль. С моря доносился шум волн, с яростью разбивающихся о скалы.

На полпути к пляжу Нат остановился. Начинался прилив. Скалы, обнажившиеся днем, теперь скрывала вода, однако не это привлекло внимание Ната. Чайки взлетели и кружили над волнами, твердо расправляя крылья против ветра.

Небо потемнело от их стай. Крупные белые птицы безмолвно парили над морем, взлетая и опускаясь, пробуя силы против потоков ветра. Нат повернулся и по тропинке взбежал обратно к коттеджу.

— Пойду встречу Джил, — бросил он с порога жене.

— Что случилось? — спросила она. — На тебе лица нет.

— Не пускай Джонни на улицу, — предупредил Нат. — Запри двери. Разведи в камине огонь и занавесь окна.

— Автобус будет только в четыре часа, — сказала жена.

— Ничего, я подожду.

В сарае с инструментами Нат нашел мотыгу и заспешил по дороге к автобусной остановке. Чайки за его спиной поднялись выше; их круги стали шире, огромные стаи заполнили небо. Нат ускорил шаги.

До четырех оставалось еще полчаса. Восточный ветер

плетью проносился над полями, пронизывая до костей. Вдалеке высились глинистые холмы, белые и чистые на фоне тяжелого, бледного неба. Громадное черное пятно поднималось из-за холмов, расплываясь и наполняясь глубиной. Постепенно его клубы сложились в тучу, которая тут же разделилась на пять рукавов, протянувшихся вниз и в разные стороны света. Огромные стаи птиц разлетались гигантским крестом в двух или трех сотнях ярдов от дороги, где стоял Нат. Судя по скорости, они направлялись в глубь острова: здесь, на побережье, у них не осталось дел. Улетали грачи, вороны, галки, сороки и сойки — все птицы, живущие охотой на мелких зверьков. Сегодня вечером их ждала добыча покрупнее.

Нат подошел к телефонной будке, снял трубку. Пусть диспетчер на станции решает, куда передавать его сообщение.

— Алло, я нахожусь на шоссе,— сказал он,— около автобусной остановки. В глубь острова летят огромные стаи птиц. На побережье собираются чайки.

— Спасибо,— усталый женский голос был лаконичен.

— Вы передадите мое сообщение?

— Да, да,— нетерпеливые нотки показывали, что телефонистка сыта по горло разными сообщениями. В трубке слышались длинные гудки.

«Они еще ни о чем не догадываются,— подумал Нат.— Им безразлично».

К остановке, громокая, подъехал автобус. Из него выбралась Джил.

— Зачем тебе мотыга, пап?

— Забыл положить на место.— Нат взял ее за руку: — Холодно, идем скорее домой. Посмотрим, как быстро ты умеешь бегать.

Чайки были совсем близко. Беззвучно, словно тени, они кружили над полями.

— Смотри, пап, сколько чаек!

— Да. Идем быстрее.

— А куда они летят?

— Наверное, на остров. Туда, где теплее.

Сжав руку дочери, он бросился бежать по дороге.

— Подожди, пап. Я не могу так быстро.

Чайки повторяли маневры грачей и ворон. Их огромная стая закрыла небо, и ленты, составленные из тысяч птиц, вытягивались по четырем сторонам света.

— Пап, что это?

В отличие от грачей и галок, чайки выстраивались не для полета. Их тени продолжали кружиться над головой, с каждым кругом опускаясь все ниже. Казалось, что птицы ждут какого-то сигнала.

— Пусть они улетают,— захныкала Джил.— Я их боюсь. Зачем они летят к нашей дорожке!

Нат побежал, увлекая за собой Джил. Около фермы возился мистер Тригг, ставивший в гараж машину. На бегу Нат окликнул его:

— Вы не подбросите нас до дома?

Мистер Тригг обернулся на сиденье и посмотрел на них. На его радостном, румяном лице появилась улыбка.

— Кажется, сегодня вечером что-то будет,— проговорил он.— Видели чаек? Мы с Джимом решили немного поохотиться. В городе все прямо помешались на птицах: ни о чем другом говорить не могут. Мне сказали, у вас были неприятности ночью. Хотите ружье?

Нат отрицательно помотал головой.

Маленький автомобиль был забит вещами, но на заднем сиденье оставалось достаточно места, чтобы туда втиснулась Джил.

— Спасибо за ружье,— поблагодарил Нат.— Я был бы очень признателен, если бы вы отвезли Джил домой. Она боится птиц.

— Хорошо,— фермер отклонился назад и открыл заднюю дверцу,— пусть садится. А почему бы вам не остаться и не поохотиться с нами? Мы подергаем их за перышки!

Джил забралась в машину, и фермер выехал из гаража на дорогу. Нат пошел следом.

Должно быть, Тригг сошел с ума. Что пользы от ружья, когда от птиц темнеет небо?

Описывая в воздухе широкие круги, чайки приближались к ферме. Она была их следующей целью. Нат затормозил на своем коттедже. Подходя, он видел, как автомобиль развернулся около крыльца и поехал обратно. Поравнявшись с Натом, он резко затормозил.

— Девочка дома,— сказал фермер,— твоя жена беспокоится. Ну, что ты обо всем этом думаешь? В городе говорят, что все это устроили русские. Накормили птиц какой-то дрянью.

— Как им это удалось? — вяло удивился Нат.

— Только меня не спрашивай. Сам знаешь, как выдуряются такие истории.

— Вы у себя на ферме укрепили окна? — спросил Нат.

— Глупости. У меня и без того хватает работы.

— На вашем месте я бы заколотил их.

— Чепуха! Бояться птиц? Если хотите, можете приходить всей семьей ночевать к нам на ферму.

— Нет, спасибо за предложение.

— Ну ладно. Увидимся завтра. Надеюсь попотчевать вас завтраком из жареных чашек!

Фермер ухмыльнулся и повернул машину к воротам.

Нат заторопился дальше. Мимо маленькой рощицы, мимо старого амбара и, наконец, через кусты, огораживающие оставшееся поле.

Перепрыгивая живую изгородь, он услышал шум крыльев за спиной. С высоты на него спикировала черно-головая чайка; промахнулась, поднялась и начала разворачиваться для нового захода. В ту же минуту к ней присоединились еще птицы: шесть, семь, дюжина. Нат отшвырнул мотыгу. Сражаться было бессмысленно. Прикрывая голову руками, он побежал к коттеджу.

Птицы продолжали атаковать — бесшумные, молчаливые. Только крылья со свистом рассекали холодный воздух — жуткие, хлопающие крылья. Предплечья, запястья, шея кровоточили от ударов.

Главное — не дать им добраться до глаз. Остальное не существенно.

С каждым заходом, с каждой новой атакой птицы становились смелее. И совершенно не думали о себе. Нацелившись слишком низко, они промахивались и разбивались, падали и простирались на земле.

Нат спотыкался об их тела, расшвыривал перед собой ногами. Добежав до двери, забарабанил в нее окровавленными кулаками.

— Откройте, — закричал он. — Это я. Откройте!

Над его головой застыл, изготавившись для атаки, крупный баклан. Чайки поотстали и теперь кружились в отдалении. Остался один баклан. Сложив крылья, птица камнем устремилась вниз. Нат закричал.

Дверь распахнулась. Пошатываясь, он перевалился через порог и налег на дверь изнутри.

Послышался глухой удар от падения баклана.

Жена перевязала ему раны. Они оказались неглубокими; больше всего пострадали кисти рук. Если бы не шапка, птицы добрались бы до головы, а баклан... он попросту раскроил бы ему череп.

Дети плакали. Они заметили кровь на руках отца.

— Все в порядке,— утешил их Нат.— Мне не больно.

Лицо жены было пепельно-серым.

— Я боялась выглянуть из-за чаек,— прошептала она.— Они стали собираться над домом, когда Джил вернулась с мистером Триггом. Дверь перекосило, и я не сразу смогла открыть ее, когда ты стучал.

— Слава богу, что они ждали меня,— сказал Нат.— Джил бы не добежала. Птицы летят на остров тысячами. Я видел их с автобусной остановки. Грачи, вороны — все крупные птицы. Летят к городам.

— Зачем, Нат?

— Чтобы уничтожить их. Сначала людей на улицах, потом тех, кто успел укрыться в домах.

— Почему молчит правительство? Разве нельзя вызвать авиацию?

— У них не было времени. Никто не ожидал такого. Послушаем, что передадут в шестичасовых новостях.

Нат прошелся по кухне. Жена смотрела на него. Джонни играл на полу. Только Джил выглядела встревоженной.

— Там птицы,— сказала она,— послушай, пап.

Нат прислушался. От окон, из-за двери доносился приглушенный шорох.

Крылья задевали стены, скользили, царапали деревянную поверхность, отыскивая путь вовнутрь. Тесная возня, шуршание долетали с карнизов. Временами слышался глухой удар, звук падения: какая-нибудь из птиц пикировала и разбивалась.

«Многие из них найдут свою смерть возле стен,— подумал Нат,— но не все. Их слишком много».

— Да, кто-то там возится,— проговорил он вслух.— На окнах крепкие запоры, птицам не удастся залететь вовнутрь.

Он прошелся по дому и проверил окна. Достал клинья, куски старой жести и укрепил прибитые доски.

Стук молотка помогал заглушить возню птиц, шурша-

ние, постукивание и — более зловещий звук — звон бьющихся стекол.

— Включи приемник, — попросил он жену.

Потом поднялся в спальню и укрепил окна там. Наверху хорошо различались возня птиц на крыше, царапанье их коготков: резкие, скрежещущие звуки.

Этой ночью придется всей семьей спать на кухне, подерживая огонь в очаге. Каминные в спальнях представляли определенную опасность. Закрывавшие их доски могли уступить натиску. На кухне будет безопаснее их-за разведенного огня.

Перед детьми нужно будет притвориться, что они играют в путешественников. Если произойдет худшее и птицы ворвутся через каминные в спальню, пройдут часы — возможно, дни, — прежде чем они одолеют двери. Нападающие окажутся заперты в спальнях, беспомощные, бессильные. Набившись вместе, они задохнутся и погибнут.

Нат начал сносить вниз матрацы с кровати. Глаза жены расширились: на мгновение ей показалось, что птицы уже заняли спальню.

— Ну, ребята, — бодро произнес Нат, — сегодня все вместе будем ночевать на кухне. Разведем огонь, запрем двери. Пусть себе птицы стучат наверху.

«Теперь мы в безопасности, — подумал он, — во всяком случае, в эту ночь. Единственное, что беспокоит, — еда. Еда и уголь для очага. Припасов хватит дня на два или на три, не больше. Но за это время...»

Какая польза загадывать так далеко вперед. К тому же есть радио; им должны передать, что делать дальше.

Только сейчас Нат заметил, что в эфире звучит одна музыка. Он знал причину. Программы отменяли в исключительных случаях. Последний раз так было в войну, во время массированного налета немецкой авиации. Иногда музыку транслировали во время выборов, однако не круглые сутки.

В шесть часов вечера музыка смолкла. Послышались сигналы точного времени, затем последовала пауза и заговорил диктор. Его голос был серьезным, почти торжественным — полная противоположность звучавшему в утренних сообщениях.

«Говорит Лондон, — сказал он. — Сегодня в четыре часа дня в стране введено чрезвычайное положение. В настоящее время предпринимаются усилия по обеспечению

безопасности граждан и сохранности имущества населения. Однако не следует ожидать немедленных результатов в связи с принимаемыми мерами из-за непредсказуемой и беспримерной природы возникшего кризиса. Всем домовладельцам следует принять дополнительные меры предосторожности в своих жилищах. В местах, где несколько человек проживают вместе, в квартирах и гостиницах необходимо объединить усилия, чтобы воспрепятствовать вторжению птиц. Настоятельно рекомендуем не покидать сегодня вечером своих квартир.

Птицы огромными стаями нападают на каждого выходящего на улицу и уже атакуют здания. Однако, если соблюдать меры предосторожности, им не удастся проникнуть внутрь.

Призываем население сохранять спокойствие. Ввиду исключительной природы возникшей перед нами опасности последующие радиопередачи прерываются до семи часов утра».

Проиграли национальный гимн, и динамик затих.

Нат выключил приемник. Посмотрел на жену. Она напряженно всматривалась в его лицо.

— Радио не работает из-за птиц? — спросила Джил.

— Нет, — ответил Нат, — просто сейчас все заняты. Нужно прогнать птиц из города. На Би-би-си перерыв, один вечер мы вполне можем обойтись без приемника.

— Жалко, что у нас нет проигрывателя, — сказала Джил, отворачиваясь к окнам, за которыми не утихало шумание и царапанье.

— Давайте сегодня поужинаем пораньше, — предложил Нат. — Поцросим маму что-нибудь приготовить, например сыр с тостами, а? Что-нибудь, что нам всем нравится.

Он подмигнул жене и направился к кладовке. Только бы выражение испуга исчезло с лица дочери.

Насвистывая, напевая, производя как можно больше шума, он помог приготовить ужин. Казалось, что шелест и постукивание стали не так настойчивы, как раньше. Нат ненадолго поднялся в спальни и прислушался. Возня на крыше прекратилась.

Возможно, они научились думать и оставили бесплодные попытки. Такая мысль пугала, потому что они обязательно попытаются пробиться внутрь в другом, менее защищенном месте.

Ужин прошел без происшествий. Когда убрали со стола, до слуха обитателей дома долетел новый звук: до боли знакомое гудение. Жена радостно взглянула на Ната.

— Это самолеты,— сказала она.— Против птиц вы-
слали самолеты! Кажется, стреляют? Ты слышишь
стрельбу?

Со стороны моря доносился похожий на выстрелы ро-
кот. Нат не мог определить точно. Если бы чайки сидели
на воде, корабельные орудия могли бы принести пользу.
Но сейчас все птицы собрались над островом, и выстрелы
по берегу не принесут ничего, кроме разрушений.

— Как здорово! Самолеты! — снова воскликнула
жена.

Ее возбуждение передалось Джил, и та запрыгала по
кухне вместе с маленьким Джонни:

— Самолеты прогонят птиц! Самолеты прогонят
птиц!

И сразу же послышался взрыв, примерно в двух милях
от дома. За ним второй, затем третий. Гудение стало отда-
ляться, потом затихло в направлении моря.

— Что это? — жена испуганно взглянула на Ната.

— Не знаю... — у Ната язык не поворачивался сказать
ей, что взрывы означали гибель самолетов.

Со стороны военного командования было безрассуд-
ством посылать против птиц авиацию: такое решение
было равносильно самоубийству. Что мог предпринять пи-
лот против врага, самоотверженно бросающегося на лобо-
вое стекло кабины, на лопасти пропеллера?

— Пап, куда полетели самолеты? — спросила Джил.

— Обратно на базу,— ответил Нат.— Самое время и
нам отправляться в постель.

Гудения моторов больше не было слышно. Морские
орудия тоже перестали стрелять.

«Трата жизней и трата усилий,— подумал Нат.— Так
мы не победим их. Слишком высока цена. Остается газ;
может быть, военные догадаются полить их ипритом? Ра-
зумеется, нас должны предупредить, когда начнется ата-
ка».

В спальнях наверху все было спокойно. За окнами
больше не раздавалось царапанья и стука. Затишье перед
бурей, хотя ветер и не думал стихать. Было слышно, как
он завывает в кирпичных трубах. Море с грохотом обру-
шивалось на берег бухты.

Неожиданная догадка поразила Ната Прилив кончился. Вероятно, затишье вызвано начавшимся отливом. Какой-то непонятный закон, связанный с восточным ветром и приливом, которому подчинялись птицы.

Он посмотрел на часы: почти восемь. Вода убывает уже час. Этим и объясняется тишина снаружи. Нат подсчитал оставшееся время: неполных шесть часов. Когда они истекут, птицы вернутся обратно.

Он тихо позвал жену и шепотом сказал, что должен сходить посмотреть, как обстоят дела на ферме. У Триггов был телефон; можно было узнать новости с телефонной станции.

— Ты никуда не пойдешь,— коротко отрезала жена.— Я не могу остаться одна с детьми, просто не выдержу.

— Хорошо,— согласился Нат.— Подождем до утра. К тому же в семь утра будут передавать сводку. Но на ферму сходить придется: нужно занять у них картошки и хлеба.

Его мозг был занят мыслями о предстоящем нападении. На ферме сегодня, наверное, никто не работал. Коровы стоят недоенные у ворот и ждут, между тем как люди прячутся в доме, забаррикадировавшись, как и они здесь, в коттедже.

Если у них оставалось время забаррикадироваться.

Дети спали в своих импровизированных постелях, жена молча сидела за столом. Нат осторожно открыл входную дверь и выглянул наружу.

На дворе стемнело. Ледяные порывы ветра стали сильнее, задувая через равные интервалы со стороны моря. Нат шагнул на крыльцо и остановился: доски были завалены птичьими телами. На ступенях раскинулись самоубийцы-пикировщики со свернутыми шеями. Глаза повсюду натыкались на мертвых птиц. Живые улетели к морю, когда начался отлив. Наверное, как и днем, чайки снова сидят на волнах.

Вдалеке, на склоне холма, догорали языки пламени: один из разбившихся самолетов. Пламя, раздуваемое ветром, жадно пожирало обломки.

Нат задумчиво оглядел птичьи тела. Если сложить их одно на другое поверх подоконника, это послужит дополнительной защитой во время следующего штурма. Не бог весть какая защита, но все-таки. Мертвые тела придется разрывать, расклеивать, сбрасывать с окон, прежде чем нападающие прорвутся и примутся за рамы.

В темноте он приступил к работе. Странное ощущение: стоило больших усилий заставить себя прикоснуться к птицам. Тела еще не успели остыть, и оперение было влажным от крови. Горло сжималось от отвращения, однако Нат продолжал работать, набивая кровоточащими телами разбитые рамы.

Закончив, он вошел в дом и подпер дверь на кухню посудным шкафом. Не спеша вымыл руки и переменял бинты, испачканные птичьей кровью.

Жена приготовила какао, и, выпив полную чашку, Нат почувствовал, как сильно устал за истекший день.

— Все в порядке, — улыбнулся он. — Больше нам не о чем беспокоиться.

Вытянувшись на матрасе, он прикрыл глаза. Сон был тревожен; мозг не покидала мысль о чем-то неисполненном. Каким-то образом это упущение было связано с догорающим на холме самолетом. Нат окончательно пробудился оттого, что его трясла за плечо жена.

— Они прилетели, — всхлипывая, прошептала она. — Уже целый час там царапаются. Не могу больше слышать... Еще пахнет... чем-то горелым.

Теперь Нат вспомнил: он забыл развести огонь. Очаг тлел, готовый погаснуть. Вскочив на ноги, он зажег лампу. За стенами не прекращалось постукивание, однако не это привлекло его внимание — на кухне пахло палеными перьями. Запах пропитал всю комнату, и Нат сразу понял, что случилось. Пытаясь проникнуть в дом, птицы залетели в дымоход.

Набрав в охапку сухих сучьев, он бросил их на тлеющие уголья и потянулся к канистре с керосином.

— Не подходи, — предупредил он жену и плеснул жидкость в очаг.

В дымоходе забушевало пламя; в костер начали падать обугленные, почерневшие тела птиц.

Проснулись дети и заплакали.

— Что там? — спросила Джил, размазывая по щекам слезы.

У Ната не было времени отвечать ей; вооружившись кочергой, он выгребал из очага птиц и сбрасывал их на пол.

Огонь прогонит живых птиц с трубы. Внизу было сложнее; птицы успели набиться в дымоход, и Нат, задыхаясь, боролся с их тлеющими, охваченными языками пла-

мени телами. На удары в окна и дверь не оставалось времени обращать внимание. Пусть ломают крылья, сворачивают шеи, теряют жизни в отчаянной попытке ворваться в дом. Им не удастся этого сделать.

— Перестаньте плакать,— сказал он детям.— Ничего страшного не случилось. Вытрите слезы.

Тлеющие, беспомощные тела продолжали сыпаться в огонь. Нат выгребал их кочергой. Огонь и тяга остановят уцелевших; пока дымоход чист, мы в безопасности.

Бой кухонных часов заглушил треск расщепляемых клювами досок. Странное сочетание звуков. Три ночи. Осталось немногим более четырех часов до начала отлива. Нат присел около очага. Пламя уменьшилось, из дымохода больше не падали почерневшие тела. Засунутая вовнутрь кочерга не встретила сопротивления. Все чисто, опасность миновала. Если постоянно поддерживать огонь, такое больше не повторится.

— Надо будет занять угля на ферме. Пока не кончится отлив, мы успеем перенести все необходимое. Придется привыкать к новому распорядку.

Они выпили чаю, съели немного хлеба. Осталось всего полбуханки, заметил Нат. Ничего страшного, но следует позаботиться о запасе. Если им удастся продержаться до семи утра, до выпуска новостей, это будет совсем неплохо.

— Ты не возражаешь, если я закурю?— спросил он жену.— Табак поможет отбить запах паленых перьев.

— В пачке осталось только две штуки,— сказала она.— Я собиралась купить тебе сигарет завтра.

— Хватит одной,— согласился он.

Обнявшись, они присели на уложенных на полу матрацах. Потрескивание сучьев в очаге, полутемное освещение создавали подобие уюта на кухне, однако его не переставали нарушать птицы. Постукивание не прекращалось, и новая, резкая нота задела слух осажденных. Чей-то более мощный клюв пришел на помощь чайкам.

Нат попытался вспомнить птиц, способных на такую работу. Нет, пожалуй, это не дятел. Тогда стук был бы легче и чаще. А эти удары расщепляли доски.

В этот момент он подумал о ястребах. Не они ли пришли на помощь? Ястребы, канюки, пустельги, соколы — он совершенно забыл об этих хищных птицах. Оставалось три часа до начала отлива, и люди беспомощно

ждали, прислушиваясь к треску расщепляемого дерева, скрежету когтей, раздражающих стены.

Нат огляделся, отыскивая, чем укрепить дверь. Окна защищал сербант, за них можно было не беспокоиться. Крепость двери вызывала опасения. Он поднялся наверх; прошелся по коридору, остановился и прислушался. В детской раздавалось легкое пошаркивание, царапанье когтей по полу. Птицы проникли вовнутрь. Вторая спальня оставалась свободной. Нат вынес из нее кровать и подпер дверь детской на случай, если та поддастся.

— Нат, ты где?— позвала жена.— Спускайся вниз.

— Сейчас,— прокричал он.— Только проверю двери

Домашним не обязательно знать о новых обитателях детской спальни. Нат тяжело вздохнул и направился к лестнице.

В половине шестого он предложил позавтракать. За скромной трапезой они снова прислушивались к шуму атаки за окнами, к треску разрываемых досок...

Неожиданно для себя Нат обнаружил, что не сводит глаз с медленно ползущих по циферблату стрелок. Если его предположение неверно и птицы не улетят с отливом, они обречены. Им не продержаться весь день без угля, без отдыха...

Мысли смешались; он чувствовал, что засыпает, когда его позвала жена.

— Что? Что случилось?— встрепнулся он.

— Сообщение,— сказала жена.— Уже почти семь.

Слабое потрескивание приемника принесло ощущение жизни.

Наступило томительное ожидание. Кухонные часы пробили семь часов. Потрескивание продолжалось. И больше ничего. Ни музыки, ни сигналов.

— Наверное, мы неправильно расслышали,— нарушил молчание Нат.— Сообщение будет в восемь.

Они оставили приемник включенным; Нат подумал о батарейках, надолго ли их хватит. Если мощность иссякнет, они не услышат инструкций.

— Светает,— прошептала жена.— Должно быть, солнце уже встало. И птицы стучат не так громко.

Она не ошиблась. Скрежещущие, рвущие звуки слабели с каждой минутой. Утихли пошаркивание, толкотня, борьба за место на крыльце, на подоконниках. Начинался отлив.

К восьми часам за стенами не раздавалось ни звука. Лишь завывание ветра и потрескивание приемника. Дети, убаюканные наступившей тишиной, наконец заснули.

В восемь тридцать Нат выключил приемник.

— Мы пропустили новости,— сказала жена.

— Новостей больше не будет,— ответил Нат.— Теперь все зависит от нас самих.

Он подошел к двери и медленно разобрал баррикаду. Вынул засов и ногами разбросал изувеченные тела на ступеньках. Вдохнул свежий морозный воздух. Впереди шесть часов напряженной работы, и нужно было беречь силы. Еда, свечи и топливо; следовало запастись всем необходимым.

Он вышел в сад и увидел уцелевших птиц. Чайки, как и раньше, улетели к морю; их бесчисленные стаи снова покачивались на волнах в ожидании прилива.

Сухопутные птицы вели себя иначе: молча сидели вокруг и наблюдали. Нат видел их на изгородях, на земле, на полях и деревьях — нестройные ряды, спокойные, выжидающие.

Он подошел к забору своего маленького сада. Птицы не двигались, однако их глаза продолжали наблюдать за ним.

Путь на ферму был свободен. Нат вернулся в дом. Осмотрел окна и двери; поднялся наверх и открыл дверь в детскую. Она оказалась пуста, за исключением нескольких мертвых птиц, оставшихся лежать на полу. Уцелевшие улетели через разбитое окно с рассветом. Нат спустился вниз.

— Схожу на ферму,— сказал он.

Жена испуганно прижалась к нему. Через открытую дверь она успела заметить стаи живых птиц.

— Мы пойдем с тобой,— в ее голосе слышалась мольба.— Лучше умереть, чем оставаться здесь одним.

— Тогда собирайтесь,— сказал Нат.— Захвати корзины и коляску Джонни. Мы сложим в нее продукты.

Одевшись теплее, они вышли из дома. Жена уложила Джонни в коляску, Нат взял за руку Джил.

— Птицы,— неуверенно прошептала дочь,— там, на поле.

— Они не нападут на нас,— успокоил ее Нат.— Днем они не опасны.

Через вспаханное поле они направились к ферме;

птицы не шелохнулись. Их глаза мертво уставились на людей, клювы обращены навстречу ветру.

У поворота на ферму Нат остановился. Дальше он должен был идти один.

— Но я хотела поговорить с миссис Тригг,— возразила жена.— Если они ездили вчера на рынок, мы можем занять у них массу вещей. К тому же...

— Подождите здесь,— прервал ее Нат.— Я скоро вернусь.

По двору, мыча, беспокойно переходили с места на место коровы. Овцы проломили брешь в ограде и теперь беспрепятственно бродили в саду перед домом. Из трубы не поднимался дымок, и Ната охватило дурное предчувствие. Жене и детям не стоило заходить на ферму.

Около ворот стоял брошенный с открытой дверцей автомобиль. Двери гаража были распахнуты.

Окна в доме оскалились разбитыми стеклами. Во дворе и вокруг крыльца землю усеивали мертвые тела чаек. Живые птицы сидели на деревьях за домом, наблюдая за Натом.

Около ступенек он наткнулся на Джима... Вернее, на то, что осталось от него. Ружье валялось рядом. Дверь дома была заперта на замок, однако не составило труда открыть разбитое окно и влезть вовнутрь.

Тригг рапластался на полу рядом с телефоном. Вероятно, перед гибелью он пытался связаться с телефонной станцией. Трубка лежала на полу, аппарат сорван со стены. Никаких следов миссис Тригг. Она могла находиться наверху, но стоило ли подниматься? Сдерживая тошноту, Нат представил, что найдет там.

Слава богу, подумал он, у них не было детей.

Он заставил себя подняться по лестнице, но на полпути повернул и спустился обратно. Из открытой двери спальни торчали ноги миссис Тригг. Рядом лежали тела мертвых чаек и сломанный зонтик.

«Тут уже ничем не поможешь,— подумал Нат.— У нас осталось всего пять часов, даже меньше. Тригги сами виноваты в своей гибели. Чтобы избежать их участи, нужно собрать все, что осталось на ферме».

Он пошел обратно к жене и детям.

— Нужно загрузить продуктами машину. Отгоним ее домой и вернемся за новым грузом.

— Что с Триггами?— спросила жена.

— Наверное, уехали в гости,— ответил Нат.

— Тебе помочь?

— Не стоит, там страшный беспорядок. Овцы перевернули изгородь. Подожди, я сейчас подгоню машину.

Он неуклюже вывел со двора автомобиль и притормозил у дороги, откуда не был виден истерзанный труп Джима.

— Побудьте здесь,— приказал он.— Коляску заберем потом, когда перевезем все продукты. Сейчас вернусь.

Жена не сводила глаз с его лица, пока он говорил, и, кажется, поняла. Больше она ни о чем не спрашивала.

Вместе они сделали три поездки на ферму и обратно, прежде чем Нат решил, что припасов достаточно. Удивительно, подумал он, как много вещей необходимо для жизни. Самыми важными оказались доски для окон. Нат обошел всю ферму, пока разыскал их.

В последнюю поездку он доехал до автобусной остановки, вышел из автомобиля и направился к телефонной будке. Снял трубку, подождал несколько минут. Телефон молчал. С вершины холма Нат оглядел окрестности: нигде ни признака жизни, лишь черные поля и застывшие в ожидании птицы. Некоторые из них спали, спрятав головы в перья.

Самое время напасть на них, подумал он. Неужели больше не осталось самолетов? Он посмотрел на небо, провожая взглядом серые, клочковатые облака. Облетевшие деревья за спиной казались съжившимися, почерневшими от восточного ветра. Только на живых птиц холод никак не влиял. Их стаи замерли на полях — насытившиеся, уставшие после минувшей ночи.

Нат вернулся к машине и сел за руль.

— Не задерживайся у второй калитки,— шепнула жена,— там почтальон. Джил может увидеть.

Было без четверти час, когда они добрались до дома. Оставался еще час.

— Пообедайте без меня,— сказал Нат,— я разгружу машину.

Припасы образовали огромную кучу на полу в прихожей. Позднее они разберут их; каждому найдется занятие в долгие часы ожидания. Однако сначала следует проверить прочность окон и дверей.

Нат методично обошел коттедж, осматривая каждое окно, каждую дверь; не поленился взобраться на крышу, где заложил досками все трубы, кроме кухонной. Холод

становился нестерпимым, сводил онемелые пальцы. Изредка Нат поднимал голову и вглядывался в горизонт, отыскивая в небе самолеты. Они не появлялись. Нат сколачивал доски и проклинал бездействие правительства.

Заколотив последнюю трубу, он остановился и посмотрел на море. Какие-то бледные пятна двигались среди волн.

— Старый добрый флот,— пробормотал Нат.— Ребята не подвели нас.

Он подождал, приглядываясь. К сожалению, к берегу приближались не корабли. С моря поднимались стаи чаек. Огромные стаи на полях со взъерошенными перьями, крыло к крылу, взлетали с земли и кружили высоко в небе.

Начинался прилив.

Нат кувыркком скатился по приставной лестнице, вбежал в дом. Семья обедала. Часы на кухне показывали третий час. Нат запер дверь, сложил баррикаду и зажег лампу.

— Уже ночь,— сказал маленький Джонни.

Жена включила приемник. Из динамика донеслось потрескивание.

— Все молчат,— удрученно проговорила она,— даже иностранные станции. Ничего, кроме треска.

— Наверное, у них те же неприятности,— вяло предположил Нат.— По всей Европе.

Они молча продолжали обедать.

За окнами, за дверью снова началось постукивание; зацарапали, заскребли острые коготки и клювы в толкотне за место на подоконниках. На крыльце раздались первые глухие удары чайк-самоубийц.

— Где же американцы?— словно очнулась жена.— Хороши союзники. Почему они ничего не делают?

Нат не ответил. Его занимали мысли о предстоящей ночи. Доски на окнах выдержат этот штурм. До утра они в безопасности. Дом полон еды, угля — всего, что может понадобиться им в последующие несколько дней. Нужно только разобрать привезенные припасы. Жена и дети помогут; надо занять их работой, пока не кончится прилив. Будет хорошо, если они устанут и лягут спать, когда все утихнет.

В девять вечера птицы улетят, и Нат осуществит свой план. На окнах нужно укрепить колючую проволоку: он привез целый моток с фермы. Неудобство заключалось в том, что приколачивать ее придется в темноте, во время за-

тишья между приливами. Жаль, что мысль о проволоке не пришла ему в голову раньше. Сегодня нужно обязательно протянуть ее.

Птицы помельче уже добрались до оконных рам. Нат различил легкую дробь их клювов, мягкий шелест крыльев. Ястребы и птицы покрупнее игнорировали окна, сосредоточив усилия на входной двери. Нат слушал треск расщепляющегося под ударами дерева и размышлял.

Сколько миллионов лет эта память дремала в маленьких головках; пряталась за острыми клювами, в черных бусинках глаз. Могучий инстинкт поднял птиц против человечества, и они следовали его зову с дьявольским усердием машины.

— Пожалуй, я выкурю последнюю сигарету,— сказал он жене.— Единственная вещь, которую мы забыли привезти с фермы...

Он достал сигарету, закурил, включил приемник. Бросил пустую пачку в огонь и смотрел, как ее сминают языки пламени.

ПЕЩЕРА

— Нервы у вас как струны у пианино, — врач внимательно посмотрел на Джеймса. — Мне бы не хотелось вас пугать, но излишнее волнение, и... вы понимаете?

Джеймс молча кивнул.

— Съездите куда-нибудь, отдохните. Только не перенапрягайтесь. Вы женаты?

Джеймс снова кивнул.

— Объясните ситуацию вашей жене: она должна понять, что сейчас вам необходим покой.

Джеймс улыбнулся, представив, как Лидия встретит такое известие: не волновать его, или он сойдет с ума от неправильного обращения.

— Мы собирались съездить на машине в Корнуэльс, — сказал он просто.

Врач нахмурился:

— Не уверен, стоит ли вам в таком состоянии садиться за руль.

— В Корнуэльсе все спокойно, — сказал Джеймс.

• • •

Машина сломалась вскоре после того, как они проехали Ланстон. Всю дорогу Лидия молчала и смотрела в окно. В Ланстоне она хотела остановиться и переночевать, но Джеймс наотрез отказался.

— Нам нужно успеть добраться до Лизарда, — сказал он. — В гостинице забронированы номера — разве ты забыла?

— Я ничего не забыла! — лоб Лидии прорезала негодующая морщинка. — Но мы уже целый день в дороге, и я устала. Я думала, это достаточная причина, чтобы изменить наши планы.

Машина выбрала тихое прелестное местечко. После

предупреждающего постукивания она замолкла и мягко съехала на обочину. Джеймс выбрался наружу, откинул крышку капота и с надеждой взглянул на заглохший двигатель.

— Ну, что там?— Лидия не скрывала своего раздражения.

— Не знаю.— Джеймс попытался нащупать свечу зажигания. Металлические части мотора раскалились, он отдернул руку.

— Сделай что-нибудь.— приказала Лидия.

— Дорогая.— Джеймс обогнул бампер и наклонился к опущенному стеклу.— я умею водить машину, но я представления не имею, как она работает. Каждый мужчина занимается своим делом: я художник, а не механик.

— Это заметно!— Узкое, бледное лицо Лидии потемнело, красивые голубые глаза смотрели с холодным презрением.— И что прикажешь нам делать?

— Ну.— он забрался обратно в машину, захлопнув дверцу.— по-моему, у нас есть два варианта. Первый: мы оставляем машину и идем пешком по дороге, пока не встретим какую-нибудь гостиницу или, еще лучше, заправочную станцию. Второй: мы остаемся здесь и ждем попутной машины, которая отбуксирует нас в Лизард. Мне больше нравится второй. Взгляни, какой собирается туман. Мне бы не хотелось заблудиться в нем.

— Ты хочешь сказать.— стройное тело Лидии напряглось. Джеймс чувствовал: протяни он руку, и она отиряет от его прикосновения.— что намерен сидеть здесь и ничего не делать?

— Ничего не делать не может ни один человек на свете.— он кротко посмотрел на жену.— Я буду спокойно сидеть и наслаждаться твоим теплым обществом.

Лицо женщины, наполовину скрытое длинными каштановыми волосами, застыло словно белая атласная маска. Джеймс знал, что ей хочется, чтобы он потерял терпение и бросил в нее обидные, грубые слова. Внезапно Джеймс почувствовал, как сильно устал. Отвернувшись к окну, он молча разглядывал плывущий над болотом туман: молочно-белое облако очень скоро скрыло вершины Рафтора и Коричневого Вилли. Джеймс сунул руку в карман пальто и достал пачку сигарет.

— Ради бога, не надо курить.— Лидия с раздражением обернулась к нему:— Здесь и без того душно.

— Извини.— Он убрал сигареты.

— Господи, как холодно. Ты не мог бы включить печку?

Он поднял воротник пальто и спокойно заметил:

— От этого едва ли станет теплее: мотор ведь не работает.

Джеймс болезненно вздрогнул, когда Лидия язвительно проговорила:

— Все из-за этих болванов и бюро путешествий. Поездка в Корнуэльс в ноябре! Должно быть, я сошла с ума, когда позволила уговорить себя.

— А мне показалось, тебя «уговорило» новое меховое пальто,— пробормотал он.

— Ах, помолчи!

Он включил фары, и в ту же секунду туман превратился в цветной экран, клубящуюся массу оранжевого шелка. В Джеймсе проснулся художник.

— Корнуэльс, земля легенд!— проговорил он.

— Что?— восклицание жены прозвучало как удар хлыста.

Джеймс обернулся, удерживая на лице улыбку:

— Если верить историкам, когда-то в Корнуэльсе жили лешие, привидения и великаны. Особенно много было великанов — здоровенных ребят от двадцати до шестидесяти футов ростом.

— Детские сказки.— Лидия уютно свернулась в широких складках своего мехового пальто.— Иногда мне кажется, Джеймс, что ты так и не вырос.

Из тумана медленно появилась фигура. Сначала возникло какое-то подобие тени, затем тень обрела форму, и в свет фар шагнула старуха. Маленькая, чуть выше ребенка, с опущенными плечами и причудливо изрезанным морщинами лицом, на котором, как пара отшлифованных пуговиц, блестели черные глаза. Грязная серая шаль покрывала ее голову, и свободно подвязанные концы болтались у подбородка. Длинное черное платье с головы до ног облегалo крошечную фигурку; неожиданно для себя Джеймс почувствовал, как на затылке у него приподнимаются волосы. Лидия сжала его руку, ее плохое настроение улетучилось.

— Старушка. Значит, где-то поблизости дом. Горячий суп, огонь...

Она потянулась к дверной ручке, но голос Джеймса заставил ее остановиться:

— Подожди.

— Что ждать?— Она обернулась.— Сидеть здесь и мерзнуть, когда у старой карги изверняка есть камин?

— Мне...— он внимательно разглядывал коричневое морщинистое лицо и черные, немигающие глаза старухи.— мне не нравится, как она выглядит.

— Плевать на ее вид.— Лидия уже сражалась с дверной ручкой.— Пусть она окажется бабушкой самого Дракулы, все равно плевать. У нее должен быть дом и камин.

В этот момент старуха высунула из складок своего плаща крошечную когтистую лапку и поманила их.

— Смотри, она хочет, чтоб мы пошли с ней.— Лидия никак не могла выбраться из салона.— Черт бы побрал эту дверь! Ты не мог купить машину попроще?

— Да, она хочет, чтобы мы пошли с ней.— Джеймс рассматривал фигурку в ветровом стекле.— Но почему она не подходит к окну, а стоит там и подзывает нас?

— Наверное, у нее с головой не все в порядке.— Лидия наконец распахнула дверь; вовнутрь вполз холодный туман.— Ну и что? Сообразит, как растопить камин и приготовить еду; большего от нее не требуется.

Джеймс с неохотой открыл свою дверцу и выбрался наружу. Легкие наполнил холодный воздух; он закашлялся — сильный спазм сотряс тело, ему пришлось опереться о крышку капота. Когда он собрался с силами, Лидия уже разговаривала со старухой.

— У нас поломалась машина, мы просто замерзаем от холода. Вы не пустите нас переночевать? Мой муж вам заплатит.

Маленькая, сгорбленная фигурка отступила назад, затем, не говоря ни слова, отступила еще и снова поманила их за собой.

Лидия шепнула на ухо стоявшему возле нее Джеймсу:

— Кажется, старая ведьма ничего не слышит.

— Лидия, мне все это не нравится. Давай останемся в машине. Туман скоро рассеется, и кто-нибудь подберет нас.

— Не говори глупостей,— Лидия плотнее запахнула свое меховое пальто.— Если боишься старух, иди и прячься в машине.

Она решительно двинулась следом за маленькой странной фигуркой, которая почти исчезла в густом тумане, и Джеймсу, потерянно пожавшему плечами, оставалось только последовать за ними.

Шагов через двадцать они сошли с дороги и стали пробираться среди обросших травой мшистых кочек. Несколько раз они натыкались на заросли можжевельника, и вскоре у Лидии упало настроение.

— Ради бога, не идите так быстро,— закричала она вслед едва различимой в тумане фигуре.

Старуха остановилась и терпеливо подождала, когда они поравняются, затем снова кивнула и двинулась дальше.

— Извини,— голос Лидии звучал приглушенно,— ты был прав, нам следовало оставаться в машине.

— Теперь уже слишком поздно,— мрачно заметил Джеймс.— Мы не найдем дорогу обратно. Увязем в болоте.

Прошло еще двадцать минут, и вокруг стало смеркаться. Туман сгустился. Внезапно старуха остановилась, сгорбилась чуть сильнее и принялась отыскивать что-то в полах своего одеяния. Послышался чиркающий звук, и когда она повернулась, то в руке у нее горел старинный свечной фонарь. Джеймс даже присвистнул от изумления.

— Если мне не изменяет память, это старинный каретный фонарь. Готов поклясться, что она зажгла его трутом.

— Сколько еще идти?— Лидия тяжело дышала.

Джеймс почувствовал, что она дрожит.

— Эй,— окликнул он старуху,— сколько нам еще идти? Моя жена очень устала.

Ответа не последовало, маленькая фигурка зашпешила вперед, и им едва не приходилось бежать, чтобы не потерять из виду подпрыгивающий далеко впереди огонек.

— Должно быть, она не только глухая, но и немая,— проворчал Джеймс.— Не понимаю, как старая развалина умудряется так быстро идти.

— Это все корнуэльский воздух,— Лидия отважно попыталась улыбнуться.

— Все равно, для своих лет она бежит слишком резко.— Он повысил голос и прокричал:— Пожалуйста, не идите так быстро.

Фонарь продолжал подпрыгивать вверх-вниз далеко впереди. Джеймсу послышался тихий, приглушенный смех.

Прошло около часа, и Лидия совершенно обессилела. Споткнувшись о кочку, она едва не упала; Джеймс поддерживал ее, обхватив рукой. Бережно опустив ее на землю, он закричал вслед быстро удалявшемуся огоньку.

— Моей жене плохо. Вернитесь назад, пожалуйста.

Крошечная искорка света замерла, затем — к огромному облегчению Джеймса — начала приближаться, и вскоре старуха склонилась над лежащей без сознания Лидией и осветила ее бледное лицо фонарем.

Ее резкий, скрипучий шепот не был человеческим. Он больше напоминал похрустывание прибрежной гальки под босыми ногами.

— Устала... Холодно... Нести...

Джеймс попытался поднять Лидию, однако все его силы отняла кошмарная прогулка. Легкие обжигал ледяной туман. Старуха издала скрежещущий звук, который вполне мог бы сойти за смех.

— Слабый... Держи...

Она протянула фонарь, однако мужское достоинство Джеймса потребовало, чтобы он возмутился.

— Не надо, я справлюсь сам.

— Держи.

Это был приказ, и он повиновался. Высоко подняв горящий фонарь, он с удивлением наблюдал, что собирается предпринять эта хрупкая вязанка костей. Готовый в любой момент вмешаться, он следил за действиями старухи, и его изумление возрастало. Затем он ощутил странное онемение, и его охватил беспричинный ужас.

Две клешни — невозможно было назвать руками обернутые в кожу кости — выскользнули из-под платья; затащив в тугую петлю пальто Лидии, старуха подняла ее. Одним движением, без видимого усилия, тело женщины поднялось над закутанной в шаль головой и опустилось на сгорбленные сухие плечи. Одна рука обвилась вокруг одетых в нейлон ног, другая обхватила белую шею. Старуха пустилась быстрой трусцой, и ошеломленному Джеймсу пришлось приложить все силы, чтобы от нее не отставать.

Болезненно ныла шея, и мысли вспыхивали в мозгу, как трассирующие пули. Страх, ненависть и любовь — каждое из этих чувств сливалось с другими и превращалось в один нескончаемый поток обжигающего мозг пламени.

В этом кошмаре была виновата Лидия. Ее глупый, беспричинный эгоизм заставил их покинуть безопасный автомобиль, и теперь он едва поспевал за маленьким высохшим монстром, с плеч которого свисали и покачивались в такт движению белые бедра Лидии. А доктор говорил, что ему нужен покой...

От его выносливости не осталось и следа, когда гуман стал рассердиться и перед ним вырос холм. Кينوобразная скала, заросшая вереском, выступала из склона; ее окружали заросли можжевельника, и здесь наконец старуха замедлила свой шаг. Не останавливаясь, она прошла сквозь кусты к самой скале, что-то толкнула ногой: что именно. Джеймс не видел, однако, к его удивлению, в скале отворилась дверь, обнаружив освещенную свечами комнату. Старуха просеменила вовнутрь и не останавливалась, пока не достигла узкой, заправленной одеялом кровати. Как зеленщик сваливает с плеч мешок с картошкой, так она уложила на кровать Лидию. Затем потерла руки и с плохо скрываемым презрением посмотрела на Джеймса, который отважился сделать несколько робких шагов от двери.

— Входи. Закрой дверь.

Они находились в пещере — в естественной, решил Джеймс, вероятно, расширенной и обжитой кем-то очень давно. Темные гранитные стены были испещрены неровными отметинами — возможно, следы долота или резца. Камин был выдолблен слева у стены; из него наружу уходила огромная труба. На старинной железной решетке ярко пылали торф и древесные сучья. Хотя дым покидал пещеру, в ней оставался какой-то непонятный запах — точнее, зловоние — странный, гнилостный душок, как будто старуха делила свое жилище со свиньей или, что было более вероятно, с каким-нибудь плотоядным животным, оставившим свой полусъеденный обед дозревать в темном углу. В этот момент стал осязаем едкий перечный аромат, исходивший из висевшего на каминном крюке котла. Он усиливал наполняющее пещеру зловоние, и Джеймс удивился, почему по дороге сюда им не повстречались призраки давно погибших заготовок для похлебок.

Пол в пещере покрывали соломенные циновки. Крепкий, потемневший от времени сосновый стол в центре должным образом обрамляла четверка трехногих стульев. В углу, у огня, стояло ветхое кресло-качалка. У стены напротив возвышался замечательный своими размерами кухонный шкаф, в котором красовался неровный строй оловянных кружек, стояли плетенные из ивовых прутьев тарелки и огромное серебряное блюдо для мяса. Большие сальные свечи, вставленные в собственные наплывы на маленьких глиняных блюдах, стояли на шкафу и на широ-

ком каменном выступе, служившем одновременно каминной полкой.

С двух сторон пещеру замыкали двери. Одна, через которую они вошли, была обычных размеров, шесть на три фута, тогда как в противоположном конце поднималось то, что было бы уместнее назвать башенными воротами. Возможно, это был остаток какого-нибудь королевского замка; камни, из которых были сложены стены, также могли остаться от него. Огромные, источенные ржавчиной гвозди выступали над поверхностью двери, и справа, прямо под железным кольцом, торчал огромнейший из ключей, какие когда-либо доводилось видеть Джеймсу.

Он подошел к кровати, которая располагалась рядом с камином, и осторожно пошлепал Лидию по бледной щеке.

— Еда.— Старуха заперла входную дверь, спрятала ключ в складках своего одеяния и теперь изучала содержимое висевшего над огнем котла.— Скоро проснется.

Лидия пошевелилась и открыла глаза. Секунду или две она глядела на Джеймса, не понимая, что происходит, потом застонала и села.

— Все в порядке, дорогая,— Джеймс постарался придать своему голосу беззаботность,— мы в безопасности. Это... это коттедж старой леди.

— Джеймс, мне холодно.

— Сейчас мы согреемся.— Он снял пальто и укутал ее.— Старуха готовит нам поесть.

Лидия обвела глазами причудливую обстановку и вздрогнула.

— Что это?

— Что-то вроде переоборудованной пещеры. Довольно разумное устройство, если подумать: крыша не протекает и нет сквозняков. Наши предки именно так и жили.

— Здесь жутко пахнет,— она наморщила носик.— Сколько мы собираемся здесь пробыть?

— До завтрашнего утра, потом пойдем обратно на шоссе и попытаемся поймать попутную машину. После еды постарайся заснуть.

— Мне страшно, ты ведь не будешь спать, нет?— Она, как ребенок, схватила его за руку.— Ты посмотришь, чтобы эта старуха не сделала ничего плохого?

— Посмотрю.

Она закрыла глаза, и он снова вернулся к старухе, которая размешивала что-то в котле деревянной ложкой.

— Давно здесь живете?— Он обнаружил, что повторяет телеграфный стиль старухи. Поспешил исправить:— Скажите, вы давно здесь живете?

Она кивнула и попробовала с деревянной ложки свое варево.

— Давно.

— Сколько?

Оставшуюся в ложке жидкость старуха выплеснула обратно в котел.

— Лед ушел. Я пришла.

Джеймс нахмурился:

— Вы хотите сказать, что родились после очень холодной зимы?

Широким жестом она обвела ложкой вокруг:

— Весь лед. В Корнуэльсе не стало льда. Я пришла.

Несколько минут Джеймс молчал, потом спросил:

— Вы хотите сказать, что родились в ледниковый период?

Старуха не отвечала. С постели послышался голое Индия:

— Джеймс, сколько она еще собирается возиться? Я умираю с голоду.

— Уже недолго.

Он подошел к ней и присел на краешек кровати.

— Ты знаешь, она говорит, что родилась в ледниковый период.

— Да?— Лидия зевнула.— А когда это было?

— Я точно не знаю, но по меньшей мере сто миллионов лет назад. Может быть, и больше.

— Глупости. Я же говорила, что она чокнутая.

— Разумеется, такое невозможно. Но она и в самом деле какая-то необычная. Она легко донесла тебя сюда, а ей ведь уже столько лет. Может быть, она и вправду отголосок ледника? Ее предки жили здесь миллионы лет, и их наблюдения передавались от поколения к поколению. В таком случае у нее самая настоящая расовая память. К тому же Корнуэльс был единственной частью Британских островов, не покрытой льдами; здесь до сих пор находят кости ископаемых гигантов.

— Это для меня слишком сложно.— Лидия снова зевнула.

— Интересно узнать правду,— Джеймс посмотрел на старуху.— Я бы не удивился, если бы узнал, что она не совсем человек. Очень странная. Наверное, когда-то таких, как она, было много в этих местах. Они жили в пещерах глубоко под землей. Может быть, эта огромная дверь ведет в их лабиринт.

— Ты снова.— Лидия нахмурилась.— Ты же взрослый человек. Она самая обыкновенная старушка, спятившая с ума от одиночества. Таких, как она, ты здесь найдешь миллион. Выжившая из ума старушонка; только и делает, что воняет до небес, не приведи господи!

Тем временем предмет их обсуждения заковылял к кровати, неся в руках дымящуюся миску остро пахнущей смеси. Старуха сунула ее Лидии с коротким наставлением: «Ешь».

Лидия неторопливо подхватила серебряную ложку, наполовину погрузившуюся в жидкость, и осторожно попробовала.

— Неплохо. Чуть переперчено, если это перец, но вполне сносно.

Старуха обернулась к Джеймсу: «Ешь».

Он сел на один из трехногих стульев и взял ложку, стараясь не смотреть в сторону странной хозяйки, которая вскоре отложила свою ложку и прихлебывала прямо из миски, пальцами проталкивая в рот куски мяса.

— Ваши тарелки и ложки,— Джеймс заметил, что разговаривает громко, как глухой,— они очень старые?

— Угу,— старуха использовала собственную шаль вместо салфетки.— Дом. Война.

— Вы хотите сказать, что во время прошлой войны разбомбило дом, и вы?..

Он остановился. Было бы невежливо заходить дальше в своих предположениях, однако старуха отрицательно затрясла головой.

— Короткий волос, длинный волос... Война.

— Господи Боже!— Джеймс оглянулся на Лидию.— Она говорит о гражданской войне. Семнадцатый век. Кирасиры Кромвеля. Железнодорожники и кавалеры.

— Чепуха,— Лидия уткнулась в свою тарелку.— Как вкусно, а что она еще говорит?

— По-моему, она знает, о чем говорит.— Он дружелюбно кивнул старухе:— Было очень вкусно. Мы вам очень признательны.

Старуха встала, подошла к посудному шкафу и вернулась к столу с каменной бутылкой и двумя оловянными кружками. В каждую она налила щедрую порцию густой янтарной жидкости.

— Пейте. Хорошо. Спать.

— А она не тратит много слов,— заметила Лидия.

— Тише, она может услышать.

— Она глухая, дорогой.— Лидия полулежала на кровати, укрытая двумя пальто; сытный ужин заметно поднял ее настроение.— И сумасшедшая к тому же.

Состроив гримаску, она передразнила:

— Гы — Джейн. Я — Тарзан.

Казалось, что старуха и в самом деле не слышит их или не понимает: она невозмутимо поднесла полную кружку Лидии и повторила свое краткое наставление: «Пей».

Джеймс отпил из своей кружки. Вкус жидкости напоминал выдержанное персиковое бренди; мягкая, ароматная струйка скользнула по горлу, взорвавшись восхитительной теплотой где-то внутри желудка.

— Осторожнее,— предупредил он,— эта штука лягается, как необъезженный жеребец.

— Пусть лягается,— Лидия уже осушила свою кружку.— Мы же никуда не собираемся идти сегодня вечером?

— В самом деле,— Джеймс почувствовал, как улетаются остатки его осторожности,— очень хорошая вещь.

Он повернулся к старухе, подбирая слова и выговаривая их, как если бы разговаривал со слабоумным иностранцем.

— Очень хорошо. Старое, да?— он постучал по своей кружке.— Это очень старое? Вы долго хранили его?

Старуха кивнула:

— Дедушка... старое, как дедушка.

— Ваш или мой?— он допил остатки жидкости и не возражал, когда старуха снова наполнила кружку.— Если они пили это в ледниковый период, им был не страшен никакой мороз.

Неожиданно он обнаружил, что с трудом ворочает языком.

— Ваш дедушка, или мой, или еще чей — они делали эту штуку из персиков, да?

— Нет,— ответила старуха.

— Нет?..— Джеймс почувствовал, как его голову по-

покачивает из стороны в сторону, но ничего не мог с этим поделать.— Тогда как вы это делаете?.. Из чего вы делаете?..

— Кровь,— ответила старуха.

Прежде чем отключиться, Джеймс повторил: «Кровь» — и на какое-то время провалился в кромешную темноту.

• • •

Первыми к жизни вернулись его глаза. Огонь в камине разгорелся; ярко пылало свежее бревно, голубоватый дым забирался в отверстие дымохода. Потом Джеймс начал различать окружавшие его звуки: бревно потрескивало, выстреливая серией сердитых щелчков; заунывная, лишенная мелодии песня слетала с высохших губ старухи, которая раздевала Лидию.

Джеймс полулежал в кресле-качалке, ноги свешивались на пол, а голова, отказывавшаяся повиноваться его приказам, без всякой тревоги или удивления отметила, что он не может пошевелиться. Он не мог ни двигаться, ни говорить, даже не мог моргать.

У Лидии было изумительное тело, он не переставал им восторгаться. Когда старуха взвалила это обнаженное тело себе на плечи и понесла его к убранному после ужина столу, художник в Джеймсе восхитился чистотой линий спины и янтарным отливом волос, волною ниспадавших до пола. Если бы только старая карга могла постоять спокойно!

Однако старуха не хотела стоять спокойно. Свалив Лидию на стол, она просеменила к шкафу и вернулась с мотком крепкой веревки. Ее заунывное пение поднялось на целую октаву; крошечные ступни пританцовывали, отбивали такт, когда она связывала ноги Лидии от икр до бедер. Затем старуха согнула ее руки в локтях и так же крепко перевязала их.

«Она лежит, как связанный цыпленок,— беззвучный смешок пробежал в голове Джеймса,— готовый отправиться в духовую печь».

Старуха отступила назад и казалась очень удовлетворенной результатами своих трудов; рассыпавшись дребезжащим смешком, она подхватила себя под бока и пустилась в радостный пляс по пещере.

— Хорошо, хорошо...

— А где же начинка?— Джеймс хотел сказать, что Лидию забыли выпотрошить и нафаршировать яблоками перед духовкой, как вдруг почувствовал беспричинное раздражение оттого, что тело отказывалось ему повиноваться.

Старуха, в сильном возбуждении, подбежала к дальней двери, которую Джеймс принял за башенные ворота, и энергично повернула в замочной скважине громадный ключ. Схватив железное кольцо, потянула. С пронзительным скрипом дверь растворилась. Порыв холодного воздуха заставил затрепетать пламя свечей; волосы Лидии зашевелились, словно змеи Горгоны. Из-за двери донесся шум падающей воды и какой-то странный резкий звук, похожий на шипение прохудившегося кузнечного меха.

Шаркая, старуха сделала несколько осторожных шагов вовнутрь и позвала:

— Данмор! Данмор!

Царапающий звук. Потом громкий задыхающийся кашель — отхаркивающие, отвратительные плевки, — серия взрывающихся тресков, сопровождаемых протяжными стонами.

— Ешь,— позвала старуха.

Скрежетание — может быть, это было дыхание?— стало громче, затем участилось; размеренное похрустывание камней, тяжелая поступь, и снова болезненный кашель.

— Ешь,— повторила старуха и быстро отступила назад в пещеру.

Из темноты медленно вышел тот, кто издавал эти звуки,— он заполнил собой весь дверной проем, и в тот же миг мозг Джеймса пронзило сознание грозящей ему и Лидии опасности.

В дверях стоял мужчина приблизительно двадцати футов ростом, около семи футов в плечах, с огромной, похожей на дыню головой и парой черных слезящихся глаз, каждый размером с блюдце. Густая седая шерсть покрывала его тело. Пучки волос, торчавшие из ушей и ноздрей, были рыжевато-белого цвета и на вид жесткие, как свиная щетина. Желтая, с пятнами крови слизь капала из раздувавшихся ноздрей гиганта, и вся заросшая густым волосом кожа складками обвисала с его могучего костяка. Старуха указала на перевязанную веревками Лидию, которая к

этому времени пришла в сознание и жалобно всхлипывала, и сказала:

— Ешь. Вкусно.

Полный, оупляющий ужас... Страх и ноющая боль в голове. Громовой голос приказывает Джеймсу собрать безвольное тело и спасти Лидию. Спасти Лидию! Но она сама виновата — всему причиной ее глупый эгоизм. Им надо было остаться в машине, на дороге в Лизард, и тогда этот... Зрелище было чудовищным. Гигант притягивал своей отвратительной наружностью; он был неотразим в собственном уродстве, и пальцы Джеймса сжались, желая удержать воображаемую кисть, уголь... Нет, сначала он должен спасти Лидию. Это сначала... а потом... потом... Его конечности снова обрели способность двигаться; мозг, казалось, стал больше, превратился в кипящую массу клокочущей ненависти; Джеймс только не знал — против кого или чего эта ненависть... Что-то оборвалось внутри, и боль исчезла. Поднявшись, он шагнул вперед, сильный и неустрашимый...

Гигант наклонился и протянул к столу безобразную волосатую руку, на которой отсутствовал большой палец. Подцепив ногтями веревку, потянул; узлы с треском лопнули, и Лидия пронзительно закричала; жуткий, душераздирающий крик.

Странно обновленный, Джеймс нагнулся — как трезво и холодно работал его мозг! — и вырвал длинный лоскут из забрызганного грязью, наполовину сгнившего половика. Сунул его в огонь. Лоскут вспыхнул оранжевым пламенем. Как факелом размахивая им над головой, Джеймс двинулся навстречу великану; тот отступил, больше удивленный, чем испуганный. Вокруг него в страхе кружила старуха.

— Нет, нет... Он последний. Больше никого нет. Все умерли. Не надо. Данмор последний.

Она налетела на Джеймса; движением руки он отшвырнул ее в сторону. Старуха упала на пол, оставив шаль в его руке, и на короткий миг он разглядел ее лысую, усеянную небольшими ямками голову... В следующее мгновение он ткнул пылающий лоскут в похожую на древесный ствол ногу гиганта.

Густая шерсть вспыхнула в одно мгновение; каскад крошечных огоньков устремился вверх, скрываясь в тумане голубого, дурно пахнущего дыма. Рев чудовища перешел в пронзительный визг, великан закружился по пещере, дико припрыгивая и тщетно пытаясь стряхнуть с себя пламя руками. Эти попытки только ухудшили дело. Теперь горели и потрескивали волосы на его руках. Пламя перекинулось на косматую грудь и с поразительной скоростью устремилось вверх, к бороде. Все это время маленькая фигурка с лысой головой, не останавливаясь, носилась вокруг пылающего колосса. Размахивая бесполезным одеялом, притоптывая и раскачиваясь, она подвигалась, как крошечная, убогая собачонка. Борода великана превратилась в оранжевый столб пламени, длинные волосы на его голове на секунду вспыхнули ослепительным факелом... Через мгновение остались лишь сизый дым, обуглившаяся кожа и с полтонны сотрясаемого болезненной судорогой мяса.

Старуха взвыла, как собака, и опустилась на пол. Джеймс, не мигая, пристально разглядывал ее голову. Череп был круглой формы и сплошь в мелких ямках, как будто кость местами ввалилась; из этих кратеров, как сорняки, торчали маленькие пучки белых волос. Вероятно, в такт кровяному давлению эта крошечная поросль покачивалась вверх и вниз, словно ласкаемая неосозаемым ветром.

Джеймс спокойно подошел к столу; нащупав карманный нож, разрезал оставшиеся на Лидии веревки. Она всхлипывала и сильно дрожала. Ставив ее со стола, Джеймс кивнул, указывая на кровать.

— Одевайся.

— Джеймс, я не могу идти.

— Не говори глупостей. Одевайся.

Данмор стонал, жалобно и глухо. И каждый раз старуха вскидывала голову и вторила ему. Вероятно, она неосторожно коснулась его обожженной ноги, а может быть, сам великан в приступе слепой ярости ударил первого, кто оказался поблизости; какова бы ни была причина, огромная нога неожиданно поднялась и обрушилась вниз с грохотом. На месте, где сидела старуха, осталось кровавое месиво; ее черное платье прорвали раздробленные, размозженные кости. Лидия пронзительно закричала:

— Джеймс! О господи, Джеймс! Забери меня отсюда.

Джеймс улыбнулся: странная, безрадостная гримаса. Затем холодно произнес:

— Молчи, глупая корова.

Данмор смотрел вниз на то, что осталось от старухи. Носком огромной, уродливой ноги он ткнул в плоское место; от чернеющей на полу массы отделилась голова и, подпрыгивая, покатилась по пещере. Джеймс поднял ее. В маленьких кратерах продолжали вздыматься и опадать пучки белых волос. Глубоко вздохнув, он небрежно отбросил голову в сторону.

Великан начал кашлять, издавая громовые, захлебывающиеся звуки. Из рта и ноздрей хлынула кровь; рубиновый поток залил его черную грудь, образовав большую лужу между неуклюже вывороченными ногами. Падение было медленным и напоминало падение могучего дуба, веками сопротивлявшегося штормам и бурям, а теперь срубленного топором пигмея. Великан привалился спиной к стене, его ноги заскользили по каменному полу. Наконец он замер в сидячем положении, его огромные глаза широко раскрылись и смотрели, казалось, с изумлением. Кровь перестала течь, и он затих.

— Умер?— спросила Лидия и нервно хихикнула.

— Умер,— кивнул Джеймс.— Он мертв.

Он медленно подошел к кровати и взял свое пальто; из кармана вынул блокнот для эскизов и снова вернулся к столу. Трехногий стул он поставил прямо между раскинутыми в стороны ногами Данмора. Сел, раскрыл блокнот; после минутного раздумья начал рисовать.

Лидия осторожно дотронулась до его плеча. Нетерпеливым жестом он сбросил ее руку. Она подбежала к входной двери и подергала ручку: дверь была заперта. Древний, окаменевший от старости дуб не поддавался, а ключ... должно быть, он лежал среди жутких останков старухи.

Она снова подбежала к молчаливо сидящей фигуре и заколотила сжатыми кулаками по безучастно склоненным плечам.

— Джеймс, нам надо идти. Пожалуйста, послушай!

Он поднял на нее безучастное, белое лицо; глаза были холодны, как болотный снег.

— Ты не можешь понять. Это,— он указал карандашом на залитый кровью труп,— это последний из них. Последний корнуэльский великан. Она так сказала. И если бы я не вмешался, он бы не умер. Белое мясо — это все, что ему нужно. Мягкое, теплое, белое мясо.

Зажимая рукой готовый вырваться наружу крик, Лидия отступила назад, к столу. Около маленькой кучки перемешанных с окровавленными кусками материи костей опустила на корточки, трясущимися руками ощупала старухино платье. Сначала робко, опасливо, затем — когда панический страх подавил все остальные чувства — в яростном истступлении рвала она грязные лохмотья, ворошила бесформенное месиво до тех пор, пока пальцы не сжали кусок грубо обработанного металла. Торжествуя вскрикнув, она вскочила с пола. Ключ был огромен; ржа нескольких столетий источила его, а его важная часть — та, что поворачивает замок, — оказалась сломана ногой великана. Лидия долго смотрела на бесполезный теперь ключ, затем отошла к кровати и села, тихо всхлипывая. Огонь в камине медленно умирал, и ледяной холод неотвратимо заползал в пещеру. Постепенно весь ужас происходящего стал очевиден ей: она была заперта в пещере вместе с сумасшедшим...

А Джеймс продолжал работать; его карандаш неутомимо скользил по бумаге. Оставалось совсем немного времени; скоро догорят свечи, и наступит мрак.

СОДЕРЖАНИЕ

Криминальный магазин Альфреда Хичкока:

ПОТОМКИ НОЯ. Ричард Матесон. <i>Перевод А. Бутузова</i>	5
ЛЮДИ БЕЗ КОСТЕЙ. Джеральд Керин. <i>Перевод А. Брюханова</i>	25
ЗАПАДНЯ. Дэмон Найт. <i>Перевод А. Брюханова</i>	35
ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОХОТУ. Джордж Хичкок. <i>Перевод А. Бутузова</i>	42
КЛЕТКА. Рей Рассел. <i>Перевод А. Бутузова</i>	52
СТРАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИСТЕРА БОНДА. Ньюджент Баркер. <i>Перевод А. Бутузова</i>	59
ЭКСПРЕСС НА ФЛАШИНГ. Малькольм Джеймсон. <i>Перевод А. Бутузова</i>	84
ОБРАТНОЕ ТЕЧЕНИЕ. Шейла Ходгсон. <i>Перевод А. Бутузова</i>	98

Подземные мифы Ховарда Лавкрафта:

УЖАС В МУЗЕЕ. Хазл Хилл. <i>Перевод А. Бутузова</i>	107
КРАДУЩИЙСЯ ХАОС. Х. Ф. Лавкрафт и Элизабет Беркли. <i>Перевод А. Бутузова</i>	136
ПОЖИРАТЕЛЬ ПРИЗРАКОВ. К. М. Эдди. <i>Перевод А. Бутузова</i>	143
ДНЕВНИК АЛОНСО ТАЙПЕРА. Уильям Ламли. <i>Перевод А. Бутузова</i>	153

ЧЕТЫРЕ УТРА. Соня Грин.	
Перевод А. Бутузова	177
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ПАЛАЧ. Адольфо де Кастро.	
Перевод А. Бутузова	182

Страшные случаи Герберта ван Тала:

НЕПРОЩЕННАЯ. Септиумс Дейл.	
Перевод <u>К. Чумакова</u>	205
ДАЙ МНЕ ТВОЮ ХОЛОДНУЮ РУКУ.	
Джон Кифауэр.	
Перевод Д. Грибанова	210
ВОЗВРАЩЕНИЕ К КАМЕННЫМ ЯЗЫКАМ.	
Уолтер Уинвард.	
Перевод А. Брюханова	225
МОЙ МАЛЬЧИК. Абрахам Редли.	
Перевод Д. Грибанова	238
ПОЛНОЧЬ ВОЛШЕБНИКА. Чарльз Бомонт.	
Перевод А. Бутузова	245
МЫ ВМЕСТЕ, МИЛЫЙ. Чарльз Шафхаузер.	
Перевод А. Бутузова	250
ВЕЛЬЗЕВУЛ. Роберт Блок.	
Перевод Д. Грибанова	259
ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА. Ричард Матесон.	
Перевод А. Бутузова	266
РАНДЕВУ. Джон Кристофер.	
Перевод А. Бутузова	275
СТАРАЯ ИСТОРИЯ. Роман Гари.	
Перевод В. Андропова	285

Призрачные гости Мэри Дэнби и Р. Четвинда-Хэйса:

НЕВИДИМКИ. Джон Бойтон Пристли.	
Перевод А. Бутузова	295
ГУБЫ. Генри С. Вайтхэд.	
Перевод Д. Грибанова	312
ПОМЕСТЬЕ СОРВОРТ. Рассел Кирк.	
Перевод <u>К. Чумакова</u>	322
ПОЖЕЛАЙ МНЕ УДАЧИ. Г. А. Мэнхуд.	
Перевод А. Брюханова	336
КОМНАТА В БАШНЕ. Э. Ф. Бенсон.	
Перевод А. Бутузова	344

НОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА НА ЖЕЛЕЗНОМ РИФЕ. А. Т. Квиллер-Кауч. <i>Перевод А. Бутузова</i>	356
ПРИЗРАЧНЫЙ ЖЕНИХ. Роберт Хагг. <i>Перевод А. Бутузова</i>	372
ПТИЦЫ. Дафна Дю Морьер. <i>Перевод А. Бутузова</i>	378
ПЕЩЕРА. Р. Четвинд-Хейес. <i>Перевод А. Бутузова</i>	404

В С Е Г Д А ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

фирма "ДЕКОМ" г. Нижний Новгород

ЭТО

- перспективное издательство
с надежной сбытовой сетью
- собственная типография и разнообразная печатная продукция
- профессиональные рекламные
услуги и многое другое

*Наш адрес: 60300, г.Нижний Новгород, а/я 320
тел: (831-2) 35-54-74, 31-43-18
факс: (831-2) 35-54-74, 35-64-80 /ДЕКОМ/*

серия

ГАЛЕРЕЯ

МИСТИКИ

Книга первая

“ЗЛОВЕЩИЕ МЕРТВЕЦЫ”

Рассказы из антологий А. Хичкока,
Х.Ф. Лавкрафта, Г. Ван Тала и Р. Четвинда—
Хэйеса. Живые мертвецы, призраки, оборотни.

Книга вторая

“КРОВАВАЯ ЛУНА”

Ж. Александер. “Кровавая луна”.

Угрюмый замок на побережье штата Новая Англия, куда Дженни попадает в надежде раскрыть тайну гибели своей сестры. Вампирная история.

Ж.Ш. ЛеФаню. “Комната в гостинице “Летучий дракон”.

Любовь к незнакомке сталкивает молодого англичанина, путешествующего по Франции с похитителями трупов. Чудесное спасение и превосходная тайна запертой комнаты.

Джин—Энн де Пре. “Третья женщина”.

Начало века, мрачное готическое поместье в Лондоне, где разворачиваются события. Случай помогает Джудит Рейли найти работу и романтическую любовь, развязка которой драматична.

Книга третья.

“НЕОГОТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ”

Маргарет Миллар. “Совсем как ангел”.

Необъяснимое исчезновение любящего мужа, его отсутствие в течение нескольких лет разрешаются катастрофой, когда в дело вмешивается старая монахиня из заброшенного лесного монастыря.

М.Р. Райнхарт. “Винтовая лестница”.

Коттедж, отпуск в деревне нарушает цепь загадочных убийств, причем все жертвы изуродованы ударами топора. Безумие одного человека и тайна запертой комнаты.

ЗЛОВЕЩИЕ МЕРТВЕЦЫ

Сборник мистических рассказов

Редактор А. Дмитриева
Художник М. Широков
Технический редактор Т. Стасевич
Корректор Г. Аванесова

Подписано в печать 04.09.92. Формат 84X108/32. Бумага книжно—журнальная, газетная. Гарнитура Таймс. Физ. п. л. 13,5.

Усл. п. л. 22,68. Уч. изд. л. 23,18. Тираж 150000 экз.

Заказ 3831. Цена договорная.

Издательство "Деком". Нижний Новгород, ул. М. Горького, 107
Издательство "ИМА—пресс", Москва, ул. Кожевническая, 13
Типография ГИПП "Нижполиграф", Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

